

ТЕКСТ

Ладислав Фукс



Мыши Наталии Моосгабр

Роман

Роман одного из самых ярких представителей чешской литературы XX века, написанный в жанре мистики, органически продолжает кафкианскую линию, возникшую на той же пражской почве. Сказочно-фантастическая форма позволяет автору создать обобщенный образ современного мира, развернутую метафору зла, которым было отмечено XX столетие, – диктатуры, войн, фашизма и коммунистического террора.

- [Ладислав ФУКС](#)

- [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [О КНИГАХ ЛАДИСЛАВА ФУКСА](#)
-

Ладислав ФУКС

МЫШИ НАТАЛИИ МООСГАБР

Когда дом готов, хозяин умирает

Зал в трактире «У фей» был нанят на весь день. За окном, широко распахнутым во двор, стояла лошадь в хомуте и с торбой овса под мордой. В зале сидели свадебные гости.

Они сидели за столом – на белой скатерти цветы, свечи, рюмки и блюдо с пирожками. Во главе стола под портретом вдовствующей княгини правительницы Августы и председателя Альбина Раппельшлунда сидел человек с большими натруженными руками, в черной паре и белой полотняной рубашке, он неуклюже поворачивался во все стороны, кивал, поддакивал, улыбался всем вокруг, даже лошади за окном – это был жених. Рядом с ним сидела маленькая полная блондинка, придурковатая и мордастая, на столе перед нею лежал лавровый венок, и она тоже вертелась, подпрыгивала, всячески выставлялась и закатывала глаза – это была невеста. Среди свадебных гостей сидели еще Рона, подружка блондинки, двадцатилетняя смешливая девушка, и два свидетеля, два странных, темных человека.

На стене вдоль свадебного стола висела свежая газета, пестревшая разными картинками и портретами председателя Альбина Раппельшлунда, ибо сегодня он был именинником; под газетой стояли несколько подсобных столиков.

В дальнем конце стола сидел молодой человек в темном клетчатом пиджаке и белой шелковой рубашке, мягкий, стыдливый, замкнутый, – это был Лотар Баар. Рядом с ним сидел другой молодой человек, тоже красиво одетый, но еще более замкнутый и стыдливый, – это был его однокашник Рольсберг. И еще там – в самом конце – сидела старая женщина. На ней были черно-золотой платок, черная кофта, длинная черная блестящая юбка и туфли без каблуков. На коленях лежала небольшая сумка. Это была Наталия Моосгабр.

– Дочка без конца говорит о вас, господин Баар, – сказала госпожа Моосгабр в дальнем конце стола Лотару Баару, пригубив вина, – с самого начала ее рюмка была полупустой, – без конца рассказывает, как в лавке продавала вам магнифон.

– Магнитофон, – кивнул молодой человек и растерянно поглядел на место во главе стола, где сидели жених и невеста.

– Да-да, – кивнула госпожа Моосгабр, – а вы, господин Баар, живете, верно, в каком-нибудь дворце?

– На частной квартире, – сказал молодой человек, растерянно глядя на место во главе стола, – у одного купца, тут, на вилле, вместе с другом Рольсбергом.

– У купца вы и столуетесь? – спросила госпожа Моосгабр и чуть наклонилась, заглядывая и Рольсбергу в лицо.

– У купца только завтракаем, – сказал Лотар Баар, – а в основном едим в студенческой столовке.

– И наверное, там вкусная еда, – кивнула госпожа Моосгабр, – наверное, и ветчина, и влашский салат, и даже вино с лимонадом. Я бы с радостью как-нибудь пригласила вас к нам, господа, но мы простые бедные люди. Не на вилле живем, а в развалюхе, к тому же там как раз каменщики галерею чинят... Мы все больше овсяную кашу едим, – госпожа Моосгабр поглядела во двор на лошадь, у которой под мордой висела торба овса, – ну и кукурузную тоже. Правда, господин Баар, иной раз я пеку, пеку, обожаю печь. Вот блюдо с пирожками, – госпожа Моосгабр незаметно кивнула на стол, – это я напекла. К дочкиной свадьбе, а то как же. Хотя пока их еще никто не отведал, но погодите, напоследок и до них дойдет черед. Скоро, – наклонившись вдруг к Лотару Баару, зашептала госпожа Моосгабр, – скоро подадут ужин. Будет настоящее пиршество, господин Баар. Заказали ветчину, влашский салат, – зашептала она, – а также вино с лимонадом. И мороженое, но его принесут уже под самый конец. Ах, – госпожа

Моосгабр улыбнулась, – обожаю печь! А вообще-то, господин Баар, хлеб да каша – вот пища наша.

Тем временем придурковатая, полная блондинка-невеста во главе стола смеялась, шутила со свидетелями, с Роной, и ее жених с большими нагруженными руками на скатерти поворачивался во все стороны, кивал, поддакивал, улыбался, а когда уже не к кому было поворачиваться – поворачивался к лошади за окном.

– Значит, каждый из вас остается при своей фамилии, – сказал жениху и невесте один из свидетелей, темный человек с черными волосами над низким лбом, и невеста, придурковатая полная блондинка, рассмеялась и закивала.

– Он как был, так и будет Лайбахом, – толкнула она локтем жениха, и жених кивнул, – и меня будут звать, как зовут. Скоро начнется угощение.

– Видите, господин Баар, – сказала госпожа Моосгабр Лотару Баару и Рольсбергу, – скоро начнется угощение. Подадут ветчину, салат, лимонад, это все у них там, за распивочной. А я вам вот что расскажу, господа, – шепнула она и снова чуть наклонилась, заглядывая и Рольсбергу в лицо, – когда я ходила в школу, уже шестьдесят лет тому, была у меня подружка Мария. Такая маленькая, слабая, согнутая, такая бедняжечка, но умная и хорошая, дети любили ее, она была из богатой семьи, отец был приказчик, золотые часы имел. Потом она вышла замуж, взяла имя мужа, но он вскоре умер, и она стала экономкой в одной богатой семье. И служила в этой семье на протяжении целых двух поколений, я ее пятьдесят лет не видала. Пятьдесят лет, – кивнула госпожа Моосгабр и поглядела поверх голов гостей на стену, где висел портрет вдовствующей княгини правительницы Августы и председателя Альбина Раппельшлунда, который сегодня был именинником, – пятьдесят лет. Знаете, господин Баар, я ведь тоже, как и моя подружка Мария, всегда хотела стать экономкой. Я умею и стол накрыть, чтобы вид у него был праздничный, вот... – указала она на белоснежно сервированный стол со свечами, цветами, вином и пирожками, – я бы тоже так смогла, я бы и сама стол им накрыла, да ведь тут в трактире загодя все заказывают.

– И жить, значит, тоже будете порознь, – воскликнул теперь у почетного места за столом другой свидетель, тоже темный человек с черными волосами над низким лбом, и блондинка-невеста опять дурашливо засмеялась и сказала:

– Он и дальше будет снимать квартиру у Клаудингерихи, а я буду жить там, где живу. А что, плохо ли, а... – Она опять толкнула локтем жениха, и жених кивнул и улыбнулся.

– Он хороший, работающий парень, – тихо сказала госпожа Моосгабр Лотару Баару, – образованный. Каменщик. Ни в спецшколе, ни в исправительном доме никогда не бывал, и нашей Набуле готов все отдать. Сказал, что будет давать ей весь заработок, а себе оставлять только на курево. Она будет жить у меня, а он по-прежнему на квартире у барышни Клаудингер, но это покуда не накопят на квартиру в Алжбетове. Я бы с радостью пригласила вас к нам домой, господа, – сказала госпожа Моосгабр снова, – да мы бедные люди, живем в развалюхе, каменщики как раз чинят там галерею, а инструмент хранят в проезде прямо перед моей дверью. Так вот, я вам хочу досказать насчет моей подружки Марии. Я бы тоже хотела стать экономкой, как и она. Мне всегда хотелось иметь... киоск. Знаете, такой киоск, где я продавала бы ветчину, салат, лимонад, да вот... – госпожа Моосгабр махнула рукой и поглядела на газету, висевшую на стене, – а впрочем, ни к чему вам сейчас об этом рассказывать. Лучше скажу, где я на самом деле работаю. На кладбище. За могилами ухаживаю. Поливаю. Ну и еще я связана с Охраной матери и ребенка. – Госпожа Моосгабр вдруг схватила сумочку с колен и вынула какую-то карточку со своим именем.

– Барышня говорила, что вы связаны с Охраной, – кивнул Лотар Баар и неуверенно поглядел на карточку, которую госпожа Моосгабр тут же снова спрятала, а потом как-то

горестно взглянул на блондинку во главе стола и сказал: – Впрочем, уже не барышня, а молодая дама. – С минуту он смотрел на портреты над головами свадебных гостей, на старую княгиню и председателя Альбина Раппельшлунда, который сегодня был именинником, потом сказал: – Стало быть, госпожа Моосгабр, у вас большой опыт работы с детьми.

– Большой опыт работы с детьми, – кивнула госпожа Моосгабр, поглядела на почетное место за столом и хотела что-то добавить, как вдруг завизжала Рона, подружка блондинки-невесты:

– Набуле, а где же Везр, раз его нету здесь? Где он, раз не пришел на сестрину свадьбу?

И блондинка-невеста, засмеявшись так, что даже лошадь за окном обернулась, кивнула в сторону госпожи Моосгабр.

– Пускай она скажет, где он... – кивнула она, – пускай скажет, где Везр, раз его нету здесь. Раз не пришел на сестрину свадьбу.

И госпожа Моосгабр в нижнем конце стола вздрогнула и вытаращила глаза.

– Да, сына Везра здесь нету, – выпалила она, – не пришел. Работает...

И гости во главе стола разразились смехом.

– Сына Везра здесь нету, – разразились гости смехом, – не пришел. Работает...

– Повеселиться хотят, – сказала госпожа Моосгабр, извиняясь перед Лотаром Бааром и Рольсбергом, – свадьба, ясное дело. – И добавила: – Стало быть, кроме Охраны – там денег не получаю – работаю еще и на кладбище. На Центральном, у площади Анны-Марии Блаженной. Ухаживаю за могилами. Поливаю. Но знаете ли, господа, – сказала она и снова чуть наклонилась, заглядывая и Рольсбергу в лицо, – на моем попечении еще кое-что. Наша привратница хранит у меня флаг. Собственно, два флага... один, как говорится, запасной. Два флага, но, знаете ли, господа... – госпожа Моосгабр поглядела на белую скатерть, – флаг черный. Черный, который вывешивают на доме, если кто умирает. Я вешаю его с помощью такого длинного шеста, что стоит в коридоре за шкафом. У меня небольшая пенсия за мужа, он был возчиком на пивоварне, а детей, невесту Набуле и Везра – его здесь нету, он работает, – родила я поздно, на пятом десятке...

В зал вошел официант, подошел к Набуле и что-то сказал. Набуле толкнула жениха и встала.

– Ужин собираются подавать, – тихо сказала госпожа Моосгабр Лотару Баару и Рольсбергу, – на ужин – ветчину, салат, все, что заказано, и лимонад тоже. А как съедят все, за мои пирожки примутся. Целый день пекла их, дело понятное, дочкина свадьба, положила туда ванили, миндаля, изюму, все пальчики оближут. Господин Баар, когда дети были маленькие, и Везр, которого нет здесь, и невеста Набуле, я управлялась, как могла. Я им даже колыбельную пела. Взгляните, господин Баар, – госпожа Моосгабр вдруг подняла голову, – официант уже подает. Взгляните, и вправду ветчина, салат, и сколько всего, и еще вино, лимонад, ах... – госпожа Моосгабр посмотрела на тарелки, которые официант ставил пока на подсобные столики под газетой на стене, – я ведь ветчину, салат пробовала всего раз в жизни, да и лимонад тоже. Знаете... – прошептала она, наклонившись к Лотару Баару, – на своей свадьбе. Уже пятьдесят лет тому.

– Точь-в-точь как в «Метрополе», – взвизгнула Рона при виде ветчины и салата, – точь-в-точь как в «Рице». Господи, а как же пирожки...

– Пирожки, – фыркнула Набуле, и ее лицо в эту минуту сделалось еще толще и глупее. – Ха, пирожки. Спроси ее, кто их пек, она тебе скажет. Спроси... – кивнула она к нижнему концу стола.

– Да, я пекла, – сказала госпожа Моосгабр в дальнем конце стола. – Дочь правду говорит. Целый день пекла, знаете, как-никак дочкина свадьба. Положила туда ванили, миндаля, изюму,

все пальчики оближут. Но есть их будем только напоследок, – вдруг улыбнулась она, – после ветчины и салата, чтобы заранее не слишком насытиться. Я обожаю печь, – улыбнулась она, – но, знаете ли, только время от времени. Вот как станет выходить замуж Роничка, – улыбнулась она снова, – ей тоже напеку.

– Она обожает печь, – взвизгнула Набуле, – слышите, как станет выходить замуж Роничка, ей тоже напечет. А ведь она еще и о детях заботится, и за могилами ухаживает, – взвизгнула она. – А еще и петь может.

Зал на минуту затих и снова разразился смехом.

– Петь? – смеялся один свидетель.

– Петь? – смеялся другой.

– Петь, – взвизгнула Набуле.

– Ну и пускай поет, – взвизгнула Рона, – пускай поет... – И все затихли на миг и уставились в дальний конец стола.

Госпожа Моосгабр сжала сумку на коленях и неуверенно, просительно проговорила:

– Да не умею я. Я пела им, когда они были маленькие. Колыбельную. Но если хотите повеселиться, я могу ее спеть. Ведь свадьба же у нас, надо повеселиться, а то как же?

Она улыбнулась, и все прыснули со смеху, а Набуле завертелась, встала и подскочила к столикам под газетой, где были тарелки с ветчиной и салатом. И пока она разносила эти тарелки с ветчиной и салатом и ставила их перед гостями, госпожа Моосгабр в нижнем конце стола приосанилась и запела:

Доброй ночи, ты спи сладко,
Ангел стережет кроватку...

Все смеялись, кричали, визжали, только жених сидел, кивал и улыбался, только Лотар Баар был смущен, замкнут, и еще более смущен и замкнут был его друг Рольсберг, а Набуле разносила мисочки с ветчиной и салатом и ставила их перед гостями. А госпожа Моосгабр, оглядывая гостей, пела:

Завтра утром
ты проснешься...

и так старалась, чтобы песня звучала как можно лучше, что даже не заметила, как Набуле подала всем тарелки с ветчиной и салатом, а перед ней и сухой корки не положила на стол. Лотар Баар и Рольсберг тотчас заметили это и в изумлении уставились на блондинку. Но она лишь расхохоталась и ни с того ни с сего оборвала пение матери.

– Хватит, – оборвала она пение, – повыла и хватит. Хватит, – оборвала она, – прекрати свое вытье. Приятного вам аппетита, – обратилась она к гостям и, снова повернувшись к матери, сказала: – Прекрати вытье и мотай отсюда.

Лотар Баар и Рольсберг опешили. Опешила и госпожа Моосгабр. Но прежде, чем Лотар Баар и Рольсберг успели опомниться, прежде, чем успела опомниться госпожа Моосгабр, Набуле, трясаясь от смеха, протянула руку к блюду с пирожками схватила один и запустила в потолок. Пирожок отскочил от потолка, точно мячик, упал на стол в цветы и свечи, и из него высыпался творог на скатерть, выскочила и изюминка, что была посерединке. А Набуле, еще сильнее содрогаясь от смеха, схватила блюдо, подскочила к окну и швырнула его вместе с пирожками в лошадь. А потом схватила вино и крикнула в дальний конец стола:

– А ну вали отсюда, Христа ради! Ступай поливать могилы! Ступай к детям. Проваливай

наконец!

Госпожа Моосгабр, которая до сих пор сидела, как каменная, и недвижно глядела на скатерть, только теперь потихоньку стала приходить в себя. Она затрясла сумкой и, поднявшись, медленно пошла к двери. Она шла, похожая на старое высохшее дерево. А весь зал истошно кричал.

– Она уже идет, – кричали они, – идет поливать могилы!

– Она уже идет, – кричали они, – идет к детям!

– И зайди, – смеялась Набуле, – ты ведь знаешь куда. К братцу. Он же работает.

– И скажите ему, госпожа Моосгабр, – смеялась Рона, – пускай придет. Что-то он там

больно замешкался.

Лотар Баар и Рольсберг опомнились, лишь когда госпожа Моосгабр вышла в дверь и исчезла в распивочной. Они поглядели на почетное место за столом, где все кричали и смеялись и смотрели в окно, как лошадь пожирает на дворе пирожки, а потом оба вскочили со стульев.

– Вы куда? – взвизгнула Набуле. – Еще не конец. Теперь только все и начнется!

Но Лотар Баар и Рольсберг уже выбежали из зала. Они кинулись в распивочную, из распивочной на улицу, но улица перед трактиром была пуста. Госпожи Моосгабр и след простыл.

Они добежали до ближнего угла, но и за углом следа ее не было. Они вернулись в распивочную, и трактирщик сказал им, что госпожа Моосгабр все-таки вышла на улицу. Они снова выбежали на улицу и снова там не увидели ни души. Лишь на противоположном тротуаре стояло старое сухое дерево.

Госпожа Моосгабр спряталась за дверью соседнего дома, и только после того, как Лотар Баар и его друг Рольсберг, ужасно расстроенные, удалились, она вышла из своего укрытия и поспешила домой.

Она бежала, минуя одну улицу за другой – в этот прекрасный сентябрьский день на государственных зданиях висели флаги, отмечали именины председателя Альбина Раппельшлунда, – и оказалась наконец на площади его имени. Там стояла статуя, увешанная букетами и всякими лентами, но люди, проходившие мимо, не глядели на нее, каждый предпочитал смотреть на голубей, кишмя кишевших на земле. На главном проспекте госпоже Моосгабр пришлось пройти мимо группки людей перед редакцией газеты «Расцвет». Людские сборища перед «Расцветом» бывали постоянно: здесь толковали о спорте и всевозможных трансплантациях, о разных морских водорослях и небесах, здесь обменивались марками. А сегодня здесь обсуждали и то, что на государственных зданиях – флаги, что статуя на площади увешана лентами, но окна квартир пусты и безлюдны... И в самом деле, окна квартир были пусты и безлюдны, ни в одном из них не стояло ни цветка, ни свечи, ни бокала вина, ни пирога, что всегда бывает на именины вдовствующей княгини правительницы Августы, и наверняка никто ни в одной квартире не жег ладана... Госпожа Моосгабр прошла мимо группки людей перед «Расцветом», потом миновала киоски из стекла и пластика, у которых люди ели различное мороженое, ветчину, салат, пили лимонад. Киоски она прошла, опустив голову, очень торопливо, и обрадовалась, когда наконец перебежала по белым полосам асфальтовый перекресток возле торгового дома «Подсолнечник». Пробежав три убогие улочки, она очутилась рядом с домом, в котором жила.

Это и впрямь был старый обветшалый трехэтажный дом с широким сквозным проездом во двор. В проезде громоздилась куча всякого строительного инструмента, кирпичи, тачка и бочка с известкой. Перед проездом стояла женщина лет пятидесяти в короткой летней юбке, а рядом – другая женщина с мальчиком-оборвышем лет двенадцати. У него был заплывший глаз, и он печально оглядывал улицу.

– Помилуйте, госпожа Моосгабр, – воскликнула женщина в короткой летней юбке, когда госпожа Моосгабр приблизилась к дому, – вы уже идете со свадьбы? Уже кончился ужин «У тибетских лам»?

– «У фей», – сказала госпожа Моосгабр, тряхнув своей небольшой черной сумкой. – «У фей». Пришлось уйти, плохо стало. Может, я переела. Сами знаете, на свадьбе по-другому никак не получается. Но в чем дело, госпожа Фабер? – Госпожа Моосгабр быстро повернулась к другой женщине и указала на мальчика. – Что с ним случилось?

– Идиот, – проговорила госпожа Фабер холодно, и на ее лице не дрогнул ни один мускул, – наглый, грубый и глупый, на месте не усидит. Полез на леса к каменщикам и чуть было не выколол глаз. Наглый, грубый и глупый – в наказание теперь пойдет к глазнику.

– А может, так обойдется, – сказала госпожа Моосгабр и, поглядела на мальчика, который стоял как овечка, – приготовлю вам, госпожа Фабер, отвар, остудите его и пару раз смочите в нем тряпочку.

– Ничего не стану мочить, – сказала госпожа Фабер холодно, и на ее лице не дрогнул ни один мускул, – пойдет к глазнику. Пускай хоть выжжет ему глаз.

– Господь с вами, госпожа Фабер, – засмеялась женщина в короткой летней юбке, – госпожа Моосгабр в этом деле собаку съела. Трудится на кладбище и в Охране, у нее и соответствующий документ есть. Госпожа Моосгабр, вы же знаете, что у вас документ есть, и вы тоже, госпожа Фабер, об этом знаете. Да и потом, – неожиданно сказала женщина, – сегодня праздник. Сегодня ни один глазник не принимает.

– Кое-кто принимает, – сказала госпожа Фабер и поглядела на карточку, которую тем

временем госпожа Моосгабр вынула из сумки, – мой ведь тоже сегодня на работе.

– Никуда не ходите, – сказала госпожа Моосгабр и спрятала карточку в сумку, – я вылечу ему глаз. Пускай придет вечером. И вы, госпожа привратница, – сказала она женщине в короткой летней юбке, – вы тоже приходите... – И госпожа Моосгабр, торопливо кивнув, вошла в проезд.

Вход в квартиру госпожи Моосгабр был прямо из проезда. Эта куча строительного инструмента, кирпичи, тачка и бочка с известкой стояли как раз у ее двери. За дверью был коридор с кладовкой и шкафом, из-за которого торчал какой-то длинный шест. Из коридора можно было пройти в кухню. В кухне было матовое окно, выходящее на лестничную клетку, и дверь в комнату. В комнате окно смотрело во двор, чуть дальше от того места, где кончалась домовая лестница. Темная, бедная квартира была, однако, опрятной. Госпожа Моосгабр вошла в кухню, опустила сумку на стул и поглядела на булку, что лежала на столе. Потом открыла буфет и вытащила старую, обтрепанную сумку, в которой было несколько сбереженных грошей. Расстегнув, заглянула в нее и снова сунула в буфет. Потом пошла в комнату. Под кроватью и под зеркалом лежало тряпье, оставленное утром дочкой Набуле, когда та торопилась на свадьбу. Госпожа Моосгабр вернулась в кухню и, осмотрев стол, стул и часы у печи, села на диван.

– Выходит, выгнала меня, – сказала она сама себе, – корки сухой не подала, а пирожки, что я напекла, выкинула лошади. Перед всеми и перед студентами. И Везр, – задрожала она, – того и гляди заявится.

Госпожа Моосгабр встала, поглядела на булку, что лежала на столе, и сумку со стула спрятала в буфет. Потом сняла черно-золотой платок, кофту, длинную черную блестящую юбку, надела домашнее платье и фартук. Растопила печь дровами из ящика, поставила на плиту кастрюлю с водой и горстью каких-то трав. Потом налила воды в ведро и пошла с ним в комнату мыть пол. Домыв его до зеркала, выпрямилась – немного перевести дух – и увидела в окно, как с лестницы сходит во двор маленький оборвыш Фабер. Она обтерла руки и пошла открывать.

Мальчик в кухне неуверенно огляделся, наверное, здесь никогда еще не был, посмотрел на диван и на булку, что лежала на столе, и приблизился к плите. Госпожа Моосгабр подбросила в печь еще несколько полешек.

– Твоя мама, стало быть, говорит, что ты наглый и глупый, – сказала она и намочила тряпочку в кастрюле на плите, – а раз говорит, значит, так оно и есть. Иначе бы не говорила. Зря бы не мучилась, если бы ты был хороший.

Госпожа Моосгабр, выжав тряпочку, подошла к мальчику, который стоял у плиты и, не шевелясь, глядел на булку.

– Отец, как придет с работы, удивится, – сказала госпожа Моосгабр и приложила тряпочку к глазу мальчика, – ты же ходишь за пивом к ужину. Ну-ка поддержи тряпочку, а я привяжу ее. – Госпожа Моосгабр подошла к шкафу, взяла большую полосатую тряпку и завязала мальчику глаз. – Если ты такой озорник, учишься ли ты вообще в школе? – спросила она, и мальчик наконец впервые промолвил слово.

– Учусь, – прошептал он, едва заметно подрагивая.

– А что учишь? – спросила госпожа Моосгабр. – Что-нибудь про деревья?

– Биографию председателя, – прошептал он, задрожав снова.

– И ты знаешь ее? – спросила госпожа Моосгабр и села на стул.

– Да, – прошептал мальчик, стоя с завязанным глазом у плиты как овечка и глядя на булку, – мы должны были выучить ее к празднику.

– Ну, если знаешь, скажи, – кивнула госпожа Моосгабр.

– Альбин Раппельшлунд родился, родился... – испуганно затараторил мальчик, придерживая одной рукой полосатую повязку, – родился... в четырнадцать лет поступил

учеником к кожевеннику, но ушел от него и поступил в военную школу, чтобы стать офицером, но ушел из нее и поступил учиться на официанта, учился тарелки носить, тарелки... но тоже ушел и поступил в протестантскую школу. Но из нее тоже ушел и поступил, поступил... – мальчик шептал, дрожал, не отрываясь смотрел на булку, – поступил в двадцать лет на службу к княгине Августе, которая тогда как раз взошла на престол. Он был произведен в камердинеры, потом в полковники и в министры, стал министром... и навел порядок. Пять раз участвовал в полете на Луну...

– Ну а дальше что? – сказала госпожа Моосгабр, когда мальчик, запнувшись, не смог продолжать. – Что дальше?

И мальчик, сдвинув немного повязку на глазу, зашептал:

– Потом он навел порядок, дал людям работу... основал музей... самый большой звездодром Альбина Раппельшлунда за городом в районе... в районе «Стадиона»... Потом, потом... – Мальчик испуганно поводит глазом, косясь в сторону булки на столе, но говорить не мог.

– Ну а что дальше? – сказала госпожа Моосгабр. – Что дальше...

– Дальше, – сказал наконец мальчик, – он уличил предателей, что хотели свергнуть княгиню Августу, отдал их под суд и стал председателем. С тех пор он правит как единственный и верховный вместе с правительницей княгиней Августой, которая между тем овдовела. Но люди говорят... – мальчик вдруг остановился и затрясся теперь всем телом, – люди говорят...

– Что же люди говорят? – спросила госпожа Моосгабр. – Ну что говорят...

– Говорят, – мальчик испуганно трясся и смотрел на булку, – что правит он один. Что княгиню заточили или давно умертвили.

– Так, – сказала госпожа Моосгабр и встала со стула, – я дам тебе кастрюлю. – Она сняла с плиты кастрюлю с отваром и дала ее мальчику. – Перед сном еще три раза намочи тряпочку и приложи – будешь как огурчик. И не озорничай, – сказала она, – твоя мама, конечно, права, когда говорит, что ты озорничаешь, без причины она бы не тревожилась. Лазаешь на леса к каменщикам, озорничаешь – ну что из тебя вырастет? Попадешь в спецшколу, потом в исправительный дом, станешь чернорабочим, поденщиком... знаешь, где ты можешь кончить? Знаешь где? – Госпожа Моосгабр кивнула: – За решеткой...

– Госпожа, – сказал вдруг мальчик просительно, словно чуть осмелел, одной рукой он держал полосатую повязку, другой – кастрюлю с отваром, – говорят, у вас... – И опять не смог продолжать.

– Что говорят? – спросила госпожа Моосгабр. – Что?..

– У вас, говорят, – мальчик осмелел еще больше и просительно поднял взгляд, – у вас, говорят, живые мыши.

– Живые мыши? – подняла взгляд госпожа Моосгабр. – Живые мыши? У меня мышеловки, – сказала она, – мышеловки, чтобы ловить мышей.

– А где они у вас? – сказал мальчик просительно и снова посмотрел на булку.

– Вот тут, – госпожа Моосгабр обвела рукой кухню, – здесь за плитой, за шкафом, за диваном, и в комнате тоже, и в кладовке, повсюду здесь... – обвела она рукой.

– Можно мне посмотреть на такую мышеловку? – спросил мальчик тихо. – Я еще ни разу не видел ее. Видел только клетку.

Госпожа Моосгабр подошла к дивану, нагнулась и вытащила три мышеловки.

– Но мышей в них нету, – сказано мальчик разочарованно, когда госпожа Моосгабр поставила их на диван, – они пустые. В клетках хотя бы львы.

– Они пустые, потому что вчера ни одна мышь не попалась, – сказала госпожа Моосгабр, –

может, нынче вечером попадетсЯ...

Мальчик на минуту поставил кастрюлю с отваром на стол и, придерживая одной рукой повязку, другой – опираясь на диван, стал разглядывать мышеловки. Казалось, что сейчас он действительно чуть осмелел.

– А как мышь туда входит? – поднял он взгляд на госпожу Моосгабр.

– Не входит, а влезает, вот в эту дверцу, – указала госпожа Моосгабр, – дверца за ней захлопывается – и готово. Мышка в ловушке.

– А что вы с ними делаете, когда они в ловушке, вы их убиваете? – Мальчик опять задрожал.

– Нет, не убиваю, они сами умирают, – сказала госпожа Моосгабр. – От яда. Видишь сало на дощечке, – указала она, – мышка съедает его, немножко побегаёт за этими решеточками и падает, как только начинает действовать яд.

– А где этот яд? – спросил мальчик и, придерживая рукой повязку, продолжал разглядывать мышеловку.

– Яд на этом салыце, – сказала госпожа Моосгабр, – ты же видишь там белый порошок.

– А вы это сало покупаете? – спросил мальчик и снова поглядел на булку. – Сало у мясника покупаете?

– Сало у мясника покупаю, – кивнула госпожа Моосгабр, – но без яда. Яд здесь насыпаю. Куски сала у меня на тарелке в кладовке.

Мальчик открыл в изумлении рот и растерянно посмотрел на госпожу Моосгабр. Словно не верил своим ушам. А потом вдруг спросил:

– А почему вы травите мышей?

– Почему? – сказала госпожа Моосгабр. – Потому что они приносят вред.

Мальчик опять притих; придерживая повязку, он смотрел на булку на столе, а потом снова робко сказал:

– Но вред приносят многие. Многие приносят вред, но их же не убивают. Почему убивают именно мышей? Потому, – испуганно добавил он, – что они не разговаривают?

Госпожа Моосгабр поглядела на мышеловки и кивнула.

– Если бы я не травила их, – сказала она, – их бы здесь вмиг развелось целое полчище, и нам всем тогда конец. Они смелые и наглые, сжирают все подряд – картошку, кукурузу, хлеб, сожрали бы и эту булку на столе... И мебель бы сгрызли, и перины бы прогрызли, и этот диван. Их приходится травить, иначе бы они извели нас.

– Ну, я пойду, – прошептал мальчик и, положив мышеловку на диван, взял со стола кастрюлю и еще раз посмотрел на булку. Госпожа Моосгабр проводила его до двери, что выходила в проезд, и опять сказала:

– Значит, еще три раза намочишь эту тряпочку, а завтра бодро-весело побежишь в школу. И не озорничай, маму не тревожь, небось сам знаешь, чем это может кончиться.

Когда госпожа Моосгабр вернулась в кухню, часы у печи только что пробили – эти часы отбивали и четверть, и половину, и три четверти. Госпожа Моосгабр быстро вошла в комнату, чтобы домыть там пол еще до того, как совсем стемнеет. «На вид парнишка не кажется таким уж шкодливым, – подумала она, моя пол у столика, – но, пожалуй, он просто притворяется. Залез на леса, разбил себе глаз, если мать говорит, что озорничает, значит, так оно и есть. Я и по себе это знаю». Когда госпожа Моосгабр кончила уборку, был уже вечер. Она отжала тряпки, повесила их на ведро, а ведро оставила в комнате. Потом пошла на кухню, вымыла руки и села за стол. Поглядела на булку на столе, на мышеловки на диване и хотела было подняться, чтобы снова поставить их под диван, как вдруг в испуге оцепенела. В дверь кто-то постучал. Потом женский голос спросил: «Можно войти?» – и госпожа Моосгабр вздохнула с облегчением: это

была привратница.

На привратнице сейчас была длинная блузка и, хотя был уже вечер, все та же короткая летняя юбка.

– А вот и я, – сказала она в коридоре и, войдя в кухню, весело уселась на диван возле мышеловок. – Вы испекли булку, госпожа Моосгабр, – кивнула она на стол.

– Угощайтесь, – сказала госпожа Моосгабр и пошла подложить дров в печь, – сварю вам немного кофе. Шесть часов, я как раз домыла пол в комнате.

– Вы мыли пол в комнате, – покачала привратница головой, – гляжу, на вас фартук. Ваша Набуле замуж выходит, а вы в фартуке и пол в комнате моете. Хоть бы на свадьбе отдохнули, и то бы лучше было. Ну расскажите, госпожа Моосгабр, расскажите, как вам на свадьбе-то было. Говорите, много всякой всячины подали и вы малость переели? Что же хорошенького подали? Спагетти?

– Вино, – сказала госпожа Моосгабр и закрыла дверцы печи, – ветчину, влашский салат, лимонад и под конец пирожки. Ну а стол...

– Скатертью застланный, само собой, – кивнула привратница и одернула блузку, – накрытый, украшенный...

– Накрытый, украшенный... – кивнула госпожа Моосгабр, – белая скатерть, цветы, свечи, бокалы с вином, пирожки...

– И еще ладан, – засмеялась привратница, – точно как в окнах на именинах княгини. А скажите, госпожа Моосгабр, Везра там не было? Думаете, не отпустили его?

– Нет, конечно, – сказала госпожа Моосгабр и подошла к буфету за кофе, – из тюрьмы на свадьбу не отпускают. Но скоро он явится. Три месяца как нету его. Я испугалась, когда вы постучали, думала – он. Испугалась, что он идет.

– Надо бы крысолова позвать, – сказала привратница, глядя на мышеловки возле себя на диване, – кошкам с ними не сладить, тут со двора да из проезда мыши прямым ходом к вам.

– Крысолова не дожидаться, – махнула рукой госпожа Моосгабр и направилась с кофе к плите, – такой конторы в городе, пожалуй, и не существует. Крысоловы были разве что в моей юности, а сейчас все перевелись. Сейчас каждый сам должен справляться. А ведь не ровен час и на леса, что тут у нас понастроили, заберутся. К Фаберам и то влезут.

– Он приходил за отваром? – засмеялась привратница и одернула блузку.

– Приходил, – кивнула госпожа Моосгабр у плиты и заварила кофе. – Мышеловки, что на диване, показала ему. Он никогда мышеловок не видел, только льва в клетке. Хотел и на мышь посмотреть, но, как назло, вчера ни одна не попала, я только объяснила ему, как она влезает туда и сало ест. Кстати, вредным он мне не показался, – госпожа Моосгабр быстро покачала головой, – но дело не во мне. Мать всегда лучше знает, и если говорит, значит, так и есть: мучится она с ним. Должно быть, послушный, только когда за пивом идет.

– Когда за пивом идет, всегда немного отхлебывает, – засмеялась привратница, – ведь домой должен только полжбана принести. Но мне, госпожа Моосгабр, иной раз кажется... – привратница внезапно запнулась и одернула блузку, – иной раз мне кажется, что, может, он пиво по дороге потому отхлебывает, что его не кормят досыта. Что он пиво с голодухи пьет. – Привратница на минуту умолкла и поглядела на булку на столе. Потом опять сказала: – Что пиво по дороге потому и пьет, что голоден. А заметили вы, в чем он ходит? Голову дам на отсечение, что на зиму у него даже пальто нет. Он ходит у Фаберихи почти как нищий. И нынче с этим глазом, – привратница тряхнула головой, – нынче с этим глазом мне тоже что-то не понравилось. Тащит его к глазнику и еще говорит ему: пускай хоть выжжет тебе глаз. Ведь бедняга из-за этого до смерти перепугался, трясся весь, я едва уговорила ее ни к какому глазнику не ходить. Ну а насчет питья... – привратница потрясла головой, – с этим всяко может

быть. Не обязательно, что пьет с голодухи. Фабер, отец, – человек хороший, однако выпивает.

– Выпивает, – вздохнула госпожа Моосгабр и поставила привратнице на стол кофе, – мальчик, может, пошел в него. Но если это с детства, то во стократ ужасней. Вырастет из него чернорабочий, поденщик, как он кончит... – Госпожа Моосгабр сокрушенно покачала головой, взяла мышеловки с дивана и опустилась на колени возле привратницы. – Поставлю их на место, – сказала она и засунула их под диван, – глядишь, ночью что и попадетсЯ. – Потом госпожа Моосгабр села на стул напротив привратницы и сказала: – Надо еще ведро вылить, оно рядом, в комнате, но можно и подождать. Лучше я вам кое-что расскажу. Так вот знайте, госпожа Кральц, почему я пришла так скоро со свадьбы. Так вот знайте – ни на каком ужине я не была. Выгнали меня.

– Иисусе Христе, – испугавшись, привратница даже подскочила на диване, – как так выгнали?

– Выгнали, – кивнула госпожа Моосгабр, – я пела колыбельную, а Набуле разносила тарелки с ветчиной и салатом. Всем дала, только меня обошла, а потом схватила пирожки, что я напекла ей на свадьбу, и выбросила во двор, а меня выгнала. Чтобы я шла поливать могилы и о детях заботиться. А я еще на эту свадьбу надела свое единственное праздничное платье.

Привратница с минуту сидела как громом пораженная, а потом наконец сказала:

– А что жених Лайбах, неужто не вмешался? Неужто не стукнул по столу, не закричал?

– Не стукнул, не закричал, – покачала головой госпожа Моосгабр, – он приличный парень, наверное, особенно и не может кричать. Но это что! Были там еще два студента, которых Набуле в лавке обслуживала, так это и вовсе срам! Хуже не придумаешь! Я готова была сквозь землю провалиться. У них на глазах она меня выгнала, куска не дала, а вина – разве что на доньшко капнула.

– Но скажите, пожалуйста, госпожа Моосгабр, – проговорила привратница, едва придя в себя, – скажите, пожалуйста, может, они пьяные были?

– Да еще не успели напиться, – покачала головой госпожа Моосгабр, и тут наступило короткое молчание.

– Ужас какой! – сказала привратница после короткого молчания. – В самом деле ужас. Значит, пирожки, что вы напекли ей на свадьбу, она выбросила во двор...

– Лошади, – кивнула госпожа Моосгабр, – лошади... – Вдруг она неожиданно встала, подошла к буфету и открыла нижние дверцы. – Пейте кофе, – сказала она и вытащила из буфета три новые мышеловки. – Пейте кофе, – сказала она и медленно пошла с мышеловками к двери.

– Куда вы с ними идете, госпожа Моосгабр? – спросила привратница.

– Во двор, – сказала госпожа Моосгабр, – во двор. Поставлю их во дворе под лесами. Чтобы мыши не забрались к Фаберам. Скоро полседьмого, – госпожа Моосгабр посмотрела на часы у печи, – поставлю их во дворе, пока еще не совсем стемнело, а потом вынесу ведро из комнаты. Возьмите булку к кофе и садитесь, я мигом. – И госпожа Моосгабр с мышеловками вышла из кухни в коридор, а оттуда в подворотню.

На дворе уже стемнело, стоял сентябрь, половина седьмого вечера, однако двор еще не погрузился в полную темноту. Темнота была прошита огнями из окон верхних этажей, а потому что-то было видно. При этой необычной полутьме во дворе было тепло – стоял сентябрьский вечер, – и повсюду на этажах в галереях царило полное спокойствие. Госпожа Моосгабр обогнула лестницу в конце проезда, где стояла урна, и вошла в этот тихий полутемный двор под самые леса. Она уж было хотела нагнуться и поставить там мышеловки, как услышала высоко над собой короткий слабый свист. Она подняла голову и еще успела увидеть в вышине несколько зеленых и красных огней, которые тотчас исчезли, словно утонули в небе. Госпожа Моосгабр кивнула и снова нагнулась, как вдруг услышала над собой тихий треск. Сверху во двор

упала какая-то рейка. Потом снова раздался тихий треск, и во двор упала дощечка. В эту минуту часы проббили полседьмого, те часы, что были в кухне у печи, – их бой донесся из окна комнаты. Во дворе и на этажах в галереях все еще царило полное спокойствие, и госпожа Моосгабр с мышеловками вышла из-под лесов, под которыми до сих пор стояла, и направилась во двор. Она подняла голову и поглядела на леса, достигавшие второго и третьего этажа галерей, и, хотя там по-прежнему царило полное спокойствие, ей вдруг показалось, что там, наверху, на лесах, что-то движется. Что там, наверху, на лесах, среди всех этих жердей, реек и досок что-то движется, громко и часто дышит, вздыхает и в упор глядит на нее, на госпожу Моосгабр, стоящую внизу во дворе. Госпожа Моосгабр вдруг странно передернулась. «Если это кошка, – передернулась она, – то хорошо. Пусть там сидит, пусть подстерегает. Это кошка, она сидит там в засаде». И госпожа Моосгабр с мышеловками вдруг на удивление быстро вернулась к лесам. Обогнула лестницу и побежала домой.

Привратница по-прежнему сидела за столом, пила кофе, но теперь ела и булку. Когда госпожа Моосгабр показалась в дверях, она подняла голову.

– В чем дело, госпожа Моосгабр, – спросила она, – случилось что... вы не поставили во дворе мышеловки?

– Не поставила, – опомнилась наконец госпожа Моосгабр, но какая-то странная тревога не покидала ее, – во дворе уже ничего не видно, темно. Поставлю их завтра. Что это, госпожа Кральц... – госпожа Моосгабр в тревоге подошла к столу, – что это...

– Я слышала, как что-то упало, – сказала привратница и проглотила кусок. – Будто дерево упало. Не упало ли что с лесов?

– Какая-то рейка, – сказала госпожа Моосгабр, поставила на стол мышеловки и села на стул, – какая-то рейка и дощечка. Наверху на лесах, похоже, кошка сидит. Как-то пугливо дышала там и смотрела на меня. Но хорошо, что она там сидит и подстерегает. И еще, – добавила госпожа Моосгабр, – какой-то звездолет летел.

– Звездолет, – кивнула привратница, – это на Луну. Вечером их отсюда стартуют три. – Привратница перестала есть булку и лишь потягивала кофе.

Госпожа Моосгабр беспокойно смотрела на мышеловки и временами косилась на часы у печи.

– Фаберу до дома далеко добираться, – сказала привратница, – работает до шести, вы же знаете, он и сегодня в праздник работает. Пока до дома дойдет, будет семь.

– Он автобусом ездит? – спросила госпожа Моосгабр и беспокойно посмотрела на часы.

– Троллейбусом, – сказала привратница.

– Я троллем еще никогда не ездила, – госпожа Моосгабр повернула голову к дверям комнаты, – а подземкой ездила один раз. На свою свадьбу, пятьдесят лет тому. Ехали мы отсюда, из Блауэнталя, на площадь Анны-Марии Блаженной, стало быть, до станции «Ратуша». Или же до станции «Кладбище». На площади за ратушей в то время был трактир, а сейчас на его месте – нынешние многоэтажки.

– Послушайте, госпожа Моосгабр, – внезапно сказала привратница и поднялась со стула, – послушайте, кое-что мне вдруг пришло в голову. – И когда госпожа Моосгабр тревожно подняла глаза, привратница спросила: – Знаете ли вы, госпожа Моосгабр, некую Мари Каприкорну?

– Мари Капри... – удивленно посмотрела на гостью госпожа Моосгабр, а та повторила:

– Мари Каприкорну.

– Таковую не знаю, – покачала головой госпожа Моосгабр, – нет, не знаю. А кто она, госпожа привратница, эта самая Мари Капри...

– Понятия не имею, госпожа Моосгабр, – сказала привратница и снова села, – я ее совершенно не знаю.

– Тогда откуда вы о ней знаете? – спросила госпожа Моосгабр.

– Да разве я знаю! – засмеялась привратница. – Я просто слыхала о ней. Слыхала, что есть некая Мари Каприкорна, а больше ничего о ней не знаю. Но если что-нибудь узнаю, – сказала она быстро, – обязательно вам скажу. Тотчас скажу, раз это вам интересно, как узнаю, так враз и скажу.

На минуту воцарилась тишина, привратница потягивала кофе, госпожа Моосгабр поглаживала ладонью мышеловки и посматривала на часы у печи. Потом сказала:

– Но все равно Мари Капри из головы у меня не выходит. Это что, какая-нибудь особенная личность, или...

– Мари Каприкорна, – сказала привратница, – я, право, не знаю. Я же вам сказала, что ничего не знаю о ней. И выкиньте ее из головы, госпожа Моосгабр, на свете столько людей, и, если о каждом будете думать, голова у вас лопнет.

И вдруг привратница высказала мысль, которой сама удивилась. Она сказала:

– Я вообще считаю, что обо всех, кто живет на свете, незачем думать. Человеку достаточно думать о тех, кого он знает. Я иной раз думаю о нашей княгине тальской, а иной раз немного и о моем старике. О моем старике, что сбежал от меня.

Стрелки на часах у печи приближались к без четверти семь. Госпожа Моосгабр неожиданно встала.

– Куда ж это вы опять? – спросила привратница. – Мышеловки все-таки поставить?

– Только ведро из комнаты вынести, – сказала госпожа Моосгабр, – вы сидите и угощайтесь, что же вы булку не едите? Я мигом обратно.

Госпожа Моосгабр вошла в комнату, прикрыла за собой дверь. Из ведра вынула мокрую тряпку, потом подошла к окну и выглянула во двор. И в ту минуту, когда выглянула во двор, ей показалось, что там она что-то видит.

Словно там, на дворе в темноте, прошитой огнями верхних этажей, чуть в стороне от окна и лесов, лежит какая-то тень. На дворе в темноте, прошитой огнями верхних этажей, лежала какая-то тень, словно упала с неба. «Похоже, – сказала себе госпожа Моосгабр, – будто сюда с неба упала какая-то торба, что вешают на лошадиную морду». Госпожа Моосгабр стояла с мокрой тряпкой в руке у окна и пялила глаза на тень, пялила минуту, две, три, сколько – не знает никто, не знает, пожалуй, даже привратница, как и не знает никто, о чем госпожа Моосгабр в те минуты думала. Потом в кухне часы пробили без четверти семь, и госпожа Моосгабр опустила тряпку на пол. Упала она с таким грохотом, словно упало дерево.

Когда госпожа Моосгабр переступила порог кухни, у привратницы рот был набит булкой и ее взор обращен куда-то к дивану.

– Вы ничего не слышали? – спросила госпожа Моосгабр с порога. – Не слышали, нет?

Привратница как раз заглатывала кусок и потому лишь молча покачала головой.

– В самом деле, – сказала госпожа Моосгабр как-то странно, необычно, – будто бы что-то грохнуло. Будто бы что-то грохнуло на дворе, под лесами, как раз когда часы били три четверти.

– Может, это звездолет летел с Луны, – засмеялась привратница и отерла рот ладонью, – один приземляется здесь как раз в это время.

Было около семи, когда в проезде раздались шаги.

– Слышите? – наострила привратница слух. – Это Фабер. С работы возвращается и, должно быть, пьяный. И вправду это он.

Это и вправду был он.

Собираясь поставить ногу на первую ступеньку лестницы, он оглядел тихий потемневший двор, прошитый огнями верхних этажей, и вдруг его нетвердый шаг замер... Потом он обогнул лестницу и прошел во двор. И там застыл в оцепенении.

На дворе, в темноте, прошитой огнями верхних этажей, лежал маленький мальчик Фабер, лежал ничком на брусчатке, а из-под лба у него торчала какая-то полосатая тряпочка. Он лежал тихо и недвижно, как комочек беды, как торбочка нищего, как жалкий клубочек, лежал в той же позе, что и четверть часа назад, а то еще дольше, только теперь лужа под его лицом уже растеклась и блестела как темное полуночное озеро. И повсюду царил покой.

– Слышите, – вдруг крикнула привратница в кухне, – слышите его во дворе?

И у госпожи Моосгабр вдруг защемило сердце.

Когда в восемь вечера отъехал со двора катафалк, инспектор открыл дверь полицейской машины, все еще стоявшей во дворе, и сказал господину Фаберу:

– Господин Фабер, поедemте. Вам придется дать показания у нас в участке, простая формальность, вы тотчас вернетесь домой. Это жбан из-под пива, Дан, – обернулся он к молодому человеку в униформе, который стоял у машины и держал жбан, – отдай его хозяйке. Возьмите его, госпожа Фабер, он нам больше не понадобится.

– Возьми жбан, Алжбета, – сказал господин Фабер и сел в машину к инспектору, – возьми его и не торчи все время здесь во дворе. Иди домой, Алжбета, я скоро вернусь.

– Госпожа Фабер пока пойдет ко мне, – сдавленным голосом сказала госпожа Моосгабр, – зачем ей быть одной. Я приготавливаю чай.

– Ступайте, – сказал инспектор из машины и открыл заднюю дверь молодому человеку в униформе, который по-прежнему стоял у машины, но жбана у него уже не было; инспектор поглядел на брусчатку дворика, блестящую в свете рефлекторов, и сказал привратнице: – А вы, мадам, немного здесь уберите.

Мотор засипел, по двору промелькнули зажженные фары, и полицейская машина въехала в проезд. Дворик снова погрузился в темноту. Там осталось лишь несколько взволнованных квартирантов, госпожа Фабер с пустым пивным жбаном и Штайнхёгеры со второго этажа; кровь на брусчатке вновь заблестела лишь в отраженном свете верхних окон. Штайнхёгеры взяли госпожу Фабер со жбаном под руки и медленно повели ее вслед за госпожой Моосгабр к проезду. Привратница тем временем доплелась до ведра с водой, ополоснула с брусчатки кровь и пошла мыть руки. Потом отправилась за госпожой Фабер и Штайнхёгерами к госпоже Моосгабр.

– Как же это случилось, – сказала она, ужасно бледная и взволнованная, когда вошла в кухню. – И вправду ли бедняжка полез на край доски и потерял равновесие? И вправду ли он полез туда нынче вечером, когда шел за пивом? Инспектор сказал, что он свалился, да-да, свалился, мы с госпожой Моосгабр в какой-то момент и вправду слышали грохот.

Госпожа Моосгабр стояла у печи спиной к столу и кипятила чай. Госпожа Фабер сидела на стуле, прямая и холодная, ни один мускул не дрожал на ее лице, и на коленях держала жбан, который полиция нашла наверху на галерее. Господин Штайнхёгер и его жена сидели подавленные на диване, и привратница, ужасно бледная и взволнованная, подседа к ним. Потом она сказала:

– Свалился, какой ужас! А вы еще, госпожа Моосгабр, сказали ему, когда он пришел к вам с глазом, что будет вечером как огурчик. Что бодро-весело побежит завтра в школу.

– Как огурчик, да, бодро-весело... – прошептала госпожа Моосгабр у печи и, повернувшись, принесла на стол чашки с чаем. Потом подошла к буфету, поглядела на госпожу Фабер и сдавленным, тихим голосом сказала: – Видите ли, мадам, – сдавленным, тихим голосом сказала она и оперлась рукой на буфет, – я в Бога не верю. Когда я была маленькая и ходила в школу, один приказчик, не то посыльный, я уж не помню, сказал мне, чтобы я не молилась. Что это впустую, никакого Бога все равно нет. Чтобы я лучше копала свеклу, она хоть прокормит меня, и уж если во что-то верить, то верить в судьбу. Потому что я могу видеть ее, а молиться ей не должна. Она бывает либо такой, либо сякой. И если я во что-то верю сейчас, так только в судьбу. Это была судьба, госпожа Фабер, так что не убивайтесь зря, – сказала госпожа Моосгабр госпоже Фабер, которая по-прежнему сидела прямая и холодная, ни один мускул не дрожал на ее лице, и на коленях держала жбан. А госпожа Моосгабр, по-прежнему опираясь рукой на

буфет, продолжала: – Моя судьба была гораздо хуже. Сколько с детьми я намучилась, сколько настрадалась с ними, что я только для их блага не делала. Я им и колыбельную пела, госпожа привратница знает ее, ну а видите, что получилось. Попали дети в спецшколу, потом в исправительный дом, сейчас Везр в третий раз за решеткой, и я дрожмя дрожу, что он вот-вот оттуда вернется. А Набуле? Набуле сегодня на своей свадьбе выбросила из окна пирожки, что я напекла ей, а потом и меня выгнала, ни поесть, ни попить не дала, ни корки сухой, ни капли лимонада, а я надела на свадьбу мое единственное праздничное платье. Да и чего только не было, – вздохнула госпожа Моосгабр, – о том и говорить не хочу, госпожа Фабер. Госпожа привратница все знает.

– Знаю, – сказала привратница, бледность немного сошла с ее лица, – и что деньги у вас украли, украли все ваши сбережения.

– Деньги все украли, – сказала госпожа Моосгабр, по-прежнему опираясь рукой на буфет и глядя на госпожу Фабер, – несколько грошей. Везр украл у меня все, что я кладу вот сюда в буфет, это единственные мои сбережения. Однажды я их от него спрятала в печь да потом затопила. Я и в кладовку вместе с мышинным ядом их прятала. А сейчас, когда он в тюрьме, кладу в буфет. Но разве только в кражах дело, – вздохнула госпожа Моосгабр, – Везр якшается с каменотесами, что гранят могильные памятники, наверное, в той мастерской у главных ворот, может, он с ними и на людей нападает, говорят же, ночью мимо кладбища опасно ходить, не так со стороны главных ворот на площади, как со стороны Филипова, где кончается парк. А уж Набуле – знай себе гуляет и шастает по ночам, ах, лучше бы этих детей... и вовсе у меня не было.

Госпожа Моосгабр умолкла на минуту, и в кухне воцарилась тишина. Госпожа Фабер по-прежнему сидела прямая и холодная, ни один мускул не дрожал на ее лице, и на коленях держала жбан. Привратница сжимала под горлом блузку и опять была бледная. А Штайнхёгеры сидели рядом с ней на диване совсем подавленные. Потом госпожа Моосгабр тряхнула головой и продолжала:

– Но ведь я хотела этих детей, вот в чем дело. Родились они поздно, было мне далеко за сорок... думала, на старости лет будет опора. Что Везр солдатом станет или, может, камердинером, что однажды все же облегчит мне... знаете... – Госпожа Моосгабр вдруг сказала тихо: – Я же с малолетства мечтала быть экономкой или иметь киоск, торговать... а вот видите...

– Но вы хотя бы в Охране, – сказала привратница, – и документ такой имеете. О других заботитесь.

– О других забочусь, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на буфет, – о других забочусь, а о своих – уже нет. О своих не могу. Никогда не могла. Еще в школе Везр избивал своих одноклассников, шляется и воровал, Набуле – из того же теста, оба были наглые и глупые, Везр с малолетства даже пить начал... – Госпожа Моосгабр на минуту умолкла и посмотрела на госпожу Фабер, которая по-прежнему сидела прямая и холодная, ни один мускул не дрожал на ее лице, и на коленях держала жбан. – Вы, госпожа Фабер, изводитесь, убиваетесь, но кто знает, что в жизни стало бы с ним. Пошел бы, может, в Охрану, в Охрану к госпоже Кнорринг, попал бы, может, в спецшколу, в исправительный дом, сделался бы черноработчим, поденщиком, как Везр, не приведи Господи, может, угодил бы и за решетку. Может, он вам бы все нервы истрепал, замучил бы вас вконец. Ах, – госпожа Моосгабр потрясла головой и посмотрела на госпожу Фабер, на лице которой ни один мускул не дрогнул, – так что не убивайтесь. И пейте чай.

– Надо бы подать в суд на каменщиков, – сказал господин Штайнхёгер на диване, – не обезопасили на ночь галерею. Ушли вчера и бросили все, как было. Знали, что сегодня праздник

и работать не будут, но ни о чем не подумали.

– Каменщики не виноваты, – сказала привратница, – за это отвечает фирма. И за этот инструмент, что за дверью госпожи Моосгабр и в проезде. Не гори там ночью свет, любой мог бы об эти кирпичи и тачку разбиться. А бочка с известкой, представляете, если госпожа Моосгабр упадет в нее... на фирму надо в суд подать, – сказала привратница.

– А кто на нее должен подать? – испуганно спросила госпожа Штайнхёгер. – Фаберы?

– Бесполезно, – сказала госпожа Моосгабр и, отойдя от буфета, тоже села на стул, – если бы об эти кирпичи кто-то разбился или я упала бы в бочку, они сказали бы, что надо быть повнимательнее. Скажут, что и мальчику незачем было лезть на леса. Не лез бы, а прошел бы по галерее, где положено, не свалился бы. Такая фирма еще вам докажет, что мальчик пил по дороге пиво из жбана и что у него закружилась голова. Пейте чай, берите булку.

Штайнхёгеры кивнули и опустили головы, а привратница, сжав под горлом блузку, молчала. Потом все стали пить чай.

Когда часы у печи пробили девять, в проезде раздались шаги и госпожа Моосгабр замерла на минуту. Но по-видимому, это был господин Фабер, возвратившийся из полицейского участка. Госпожа Фабер, по-прежнему прямая и холодная, со жбаном на коленях, без единого слова встала, потом встали и остальные.

– Вывесим черный флаг, госпожа Моосгабр, – вздохнула привратница, – он у вас в шкафу в коридоре и шест тоже у вас.

И госпожа Моосгабр кивнула.

– Он у меня, – кивнула госпожа Моосгабр, – и еще тот, запасной. Тотчас вывешу его на ночь. Хорошо, что, госпожа Фабер немного отдохнула и чуть успокоилась. Не убивайтесь, – повторила она и пошла открывать дверь.

– Послушайте, госпожа Моосгабр, – сказала привратница, оставшись в кухне наедине с госпожой Моосгабр, – послушайте, я должна вам сказать кое-что. Как-то это странно. Инспектор сказал «свалился, да-да, свалился», но сказал это так странно, будто говорил «не свалился». Будто хотел сказать что-то другое. Мне почудилось, он хотел сказать, как бы что-то вроде... словом, не знаю. – И привратница тряхнула головой, сжав под горлом блузку, а потом неожиданно сказала: – Ну ладно. Мне что-то примстилось, может, я и ошиблась.

Когда удалилась и привратница, госпожа Моосгабр привела в порядок стол, вылила ведро, стоявшее в комнате, и вышла в коридор. Там она вынула из шкафа аккуратно сложенный черный флаг на древке, из-за шкафа вытащила шест. Шест был очень длинный, до самого потолка, и госпожа Моосгабр, выходя с ним из двери в проезд, поневоле чуть наклонила его... В проезде она обогнула кирпичи, тачку и бочку и вышла на улицу.

Шагах в десяти от домовых ворот горела уличный газовый фонарь. Он был слишком слабым для того, чтобы достаточно освещать пространство перед убогим домом, но все-таки полной темноты там не было. Туда падал свет из верхних окон, ясным было небо в зареве неоновых огней из других, более богатых районов города, и еще, возможно, свет исходил от ракет, что запускались где-то на звездодроме и во дворце по случаю именин Альбина Раппельшлунда. Госпожа Моосгабр с шестом и флагом в руке чуть огляделась в этой слабо освещенной улице, и вдруг ей показалось, будто на углу она видит какие-то тени. Вроде бы там появились две человеческие тени, и у госпожи Моосгабр опять на миг защемило сердце. Она поспешно насадила древко флага на конец шеста и, подняв, вставила его в скобу, которая торчала над домовыми воротами под окном второго этажа. Флаг развернулся и повис. Госпожа Моосгабр снова посмотрела на угол улицы, но там уже никого не было. Угол улицы опустел. Госпожа Моосгабр с шестом быстро свернула в проезд и прошла в свою квартиру. Она тщательно заперла дверь, а шест опять водворила за шкаф в коридоре. Потом направилась в кухню и некоторое

время стояла там как потерянная.

«Утром собиралась на свадьбу, – сказала она себе, – а вечером пошла вешать черный флаг. Что же, собственно, сегодня случилось, – спросила она себя, – что я должна обо всем этом думать? И к тому же сегодня был вроде какой-то праздник...»

Госпожа Моосгабр посмотрела на буфет, и в ее возбужденной голове мелькнула мысль, что пора бы лечь спать.

Справа от могилы поставили гроб, а за ним на холмик земли положили цветы. Господин Фабер устался в яму у своих ног, госпожа Фабер, прямая и холодная, смотрела куда-то вперед на бесконечные ряды памятников. Рядом с Фаберами стоял церковный служка, а за ним несколько человек, среди них – Штайнхёгеры, привратница Кральц и госпожа Моосгабр с большой черной сумкой. Среди провожающих почетное место занимала высокая стройная женщина с тонким надменным лицом и какими-то нотами в руке. Это была госпожа Кнорринг из Охраны матери и ребенка.

Но люди стояли не только за Фаберами и жалким церковным служкой. С правой стороны могилы, где находился гроб и за ним – холмик глины с букетом цветов, тянулся узкий проход, и там стояли трое. Стоял там старьёй господин в котелке и расстегнутом фраке, под которым была жилетка, а на ней висела золотая цепочка с часами. Рядом стояла пожилая пухленькая женщина в голубом летнем чепце, из-под которого буйно выбивались черные локоны. Это была госпожа Айхенкранц, хозяйка лавочки, что помещалась между кладбищем и парком. Возле нее вертелся паренек в бело-голубой полосатой майке. Госпожа Айхенкранц временами бросала взгляд на госпожу Кнорринг из Охраны и поминутно дергала паренька за локоть.

– Веди себя пристойно, – шептала она, дергая паренька за локоть, – люди смотрят на нас.

Но маленький полосатый Айхенкранц на унимался: заведя руку назад, он теребил букет цветов на холмике глины и потихоньку, словно прячась, отступал за спину матери.

– Ты на похоронах, здесь госпожа Кнорринг из Охраны, – шипела госпожа Айхенкранц на паренька, – не вертись и не прячься за мою спину...

Но мальчик не обращал внимания на слова матери. Он все время вертелся, теребил букет за своей спиной и все дальше прятался за мать.

– Хоронят твоего товарища, – толкнула госпожа Айхенкранц мальчика, – озорничал по-глупому, и видишь, чем кончил. Скоро бедняга будет в могиле!

Тем временем церковный служка завершил молитву, и ненадолго воцарилась тишина. Господин Фабер продолжал пялиться в яму у своих ног, а госпожа Фабер, прямая и холодная, смотрела перед собой на бесконечные ряды памятников. Потом могильщики взяли за веревки и стали опускать гроб. Маленький Айхенкранц, спрятавшись за матерью, перестал наконец теребить букет и беспокойно заерзал. В эту минуту заерзал и старьёй господин в котелке, расстегнутом фраке и с цепью на жилетке, стоявший возле госпожи Айхенкранц с другой стороны. Когда гроб грохнулся на дно могилы, мальчик за матерью пожал плечами и, сунув руку в карман, взошел на холмик земли. И, прежде чем госпожа Айхенкранц успела оглянуться и схватить его за руку, его бело-голубая полосатая майка мелькнула за холмиком и исчезла среди дальних могил, словно слилась с ними. Госпоже Айхенкранц и старому господину в котелке теперь пришлось сойти с места, где они стояли, так как могильщики начали бросать в яму землю, лежавшую под цветами позади них. Вдруг старьёй господин в котелке крикнул.

– Помогите, – крикнул он, – помогите! Люди, помогите! Меня... – Он хватался за карман и жилетку, на которой висела золотая цепочка с часами. – Меня обокрали. Меня обокрали.

– Помилуйте, вы у могилы, – сказал кто-то за Фаберами, и один из могильщиков заметил:

– Ведите себя прилично.

– Да это же неправда, – чуть погодя сказала госпожа Айхенкранц – румяная пухлощекая, в голубом чепце и локонах – госпоже Кнорринг, когда похороны уже завершились и госпожа Айхенкранц, госпожа Кнорринг, еще несколько дам и старьёй господин в котелке стояли неподалеку от могилы под каштаном на дороге, – как так? Часы ведь у вас. – Госпожа

Айхенкранц повернулась к старому господину и указала на его жилетку под фраком: – Они висят, как и висели.

– Да не часы, – заскулил старый господин, – а портмоне. Отсюда, из фалды.

– О, мсье, – сказала госпожа Айхенкранц уже довольно резко, – кто знает, где вы потеряли деньги. Может, их у вас и вовсе не было.

– Что вы, были, – скулил старый господин, – я не хожу на кладбище без денег. Я и на троллейбусе не смог бы проехать. Целых два гроша там было.

– Госпожа Айхенкранц, – сказала в свою очередь госпожа Кнорринг, высокая, стройная женщина с тонким надменным лицом и нотами в руке, – вся суть в том, что жалобы на вашего сына в Охране множатся. В школе пропадают вещи, и все подозревают его. Не слушается, прогуливает уроки, шляется.

– Я не в силах за ним уследить, – громко застонала госпожа Айхенкранц, с неизменным румянцем на пухлых щеках, – у меня лавка. Не могу же я ходить за ним по пятам, не могу уследить за каждым его шагом. Откуда мне знать, где он шляется? Но чтоб воровал – уж это позвольте. Я всегда была приличная, честная, в кого бы ему быть другим? Это только по наследству передается.

– А духовое ружье, мадам, – покачала головой госпожа Кнорринг и прижала ноты к груди, – что неделю назад отобрал у него полицейский? Стрелял птиц здесь на кладбище. По зябликам и синицам. Стрелять по любой живой мишени запрещено.

– Но стрелял он не по зябликам и не по синицам, – возразила госпожа Айхенкранц, – не по козам и не по белкам, а уж по белкам – и говорить нечего, он их так любит. Он любит всех зверушек и птиц. Собрался было зимой стрелять по воронам, они же вред наносят. Но все равно ни в одну не попал, посмотрите, сколько их на этом кладбище... – Госпожа Айхенкранц указала на бесконечные ряды памятников и деревьев вокруг, где как раз в эту минуту не было ни единой вороны. – Ни одной вороны мальчик не подстрелил. Да он и не попал бы. Ни одной вороны не тронул.

– Госпожа Айхенкранц, – сказала госпожа Кнорринг и переложила ноты из одной руки в другую, – вы о нем мало заботитесь. Говорите, что не можете уследить за ним, что у вас, дескать, лавка. Что не можете ходить за ним по пятам, не можете уследить за каждым его шагом. Вы о нем плохо заботитесь, и в таком случае Охрана может забрать его у вас.

– Помилуйте, Бога ради, – вскричала госпожа Айхенкранц и схватилась за черные локоны под чепцом, – как это я о нем мало забочусь? Забочусь о нем, как могу. Я ведь глаз с него не спускаю. Я ведь о каждом его шаге знаю. И ест он вдосталь, и спит хорошо, ни в чем не знает нужды. Дети ювелиров и то не живут так, как он.

– Госпожа Моосгабр, – сказала госпожа Кнорринг, чуть повернувшись к госпоже Моосгабр, стоявшей сзади с большой черной набитой сумкой возле привратницы, – госпожа Моосгабр. Двенадцатилетний сын присутствующей здесь госпожи Айхенкранц прогуливает уроки, шляется и подстреливает птиц. Вам здесь на кладбище известно об этом. Известно об этом лучше, чем господам Смиршу и Ландлу, знаете, кого я имею в виду, ах да... – госпожа Кнорринг вдруг осеклась, – впрочем, вы их еще не знаете, они в Охране новенькие. Короче, госпожа Моосгабр, займитесь этим и приходите в Охрану оповестить меня. А сейчас мне пора на репетицию хора. – И госпожа Кнорринг, переложив ноты из одной руки в другую, пошла прочь – никто и опаматоваться не успел.

С минуту на кладбищенской дорожке под каштаном стояла тишина.

Потом госпожа Айхенкранц с неизменно румяными щеками под черными локонами и голубым чепцом повернулась к госпоже Моосгабр и сказала чуть не плача:

– Я порядочная вдова, забочусь о мальчике, как могу. Забочусь так, что с ног валюсь, ну

есть ли у кого право забрать его у меня? Вы служите в Охране?

– Я Наталия Моосгабр, я там не служу, а просто оказываю помощь, – сказала госпожа Моосгабр, – у меня и такой документ есть.

– У госпожи Моосгабр и такой документ есть, – вмешалась в разговор привратница, – двадцать лет, как она этим занимается. И этому бедняге Фаберу, – она указала на могилу мальчика поодаль, которую уже засыпали, – этому бедняге она глаз сохранила. Не будь ее, бедняжка глаз потерял бы.

– У меня и такой документ есть, – повторила госпожа Моосгабр и вынула из сумки карточку, – вот, мадам, видите? Удостоверение. На нем печать и даже подпись госпожи Кнорринг.

Госпожа Айхенкранц взглянула на удостоверение и невольно попятилась.

– Но я же забочусь о сыне, – повторила она, теперь уже довольно резко, и схватилась за чепец на локонах, – я порядочная вдова, имею лавку. И иду сейчас искать мальчика.

– А как же я? – засипел старый господин в котелке, расстегнутом фраке и с золотой цепочкой на жилетке, который все еще стоял там, переступая с ноги на ногу. – А как же я? Вы, мадам, – сказал он госпоже Моосгабр, – собираетесь расследовать это дело?

– Собираюсь расследовать, – кивнула госпожа Моосгабр.

– Госпожа Моосгабр собирается расследовать, – вмешалась в разговор привратница, – у нее большой опыт, она оказывает помощь в Охране уже двадцать лет.

– Всемилостивый Боже, – вскричала госпожа Айхенкранц опять довольно резко, – мадам, он же ничего не взял у этого господина. Он этого господина даже не знает. Он ни разу в жизни не видел его, и я тоже.

– Но какое это имеет значение, не правда ли? – проскулил старый господин и, снова обратившись к госпоже Моосгабр, сказал: – Итак, мадам, вы расследуете это дело.

– Но не так все просто, – сказала госпожа Моосгабр и затрясла большой черной набитой сумкой. – Прежде всего я должна повидать этого мальчика. Прежде всего я должна расспросить его о том о сем. Прежде всего я должна выяснить. Ступайте домой, – сказала она старому господину в котелке, – через три дня в два часа пополудни приходите к госпоже Кнорринг в Охрану. Она вам сообщит, что мне удалось выяснить. А сейчас я пойду, мадам, с вами, – сказала она госпоже Айхенкранц, – с вами, а мальчика вы постарайтесь найти. Но прежде вы пойдете со мной.

– Боже всемогущий, – вскричала госпожа Айхенкранц и вытаращила глаза, – не в полицию же? Я порядочная вдова, никаких дел у меня с полицией не было, о сыне я забочусь.

– Не в полицию, нет, – госпожа Моосгабр затрясла большой черной набитой сумкой, – не в полицию, а вон туда, чуть дальше, к могиле. Там у меня могила, и уж коли я здесь, я должна поглядеть на нее. А как погляжу, сразу же начнем искать мальчика.

– Великий Боже, – вскричала на этот раз привратница и окинула взором бесконечные могилы, – жаль, что не могу с вами, я бы помогла вам. Разве вы его, мадам... – обратилась она к госпоже Айхенкранц, – найдете?

Многие уже ушли с похорон маленького Фабера, могилу засыпали, теперь на ней лежал букет цветов. Откуда-то издали донеслись звуки валторны, трубы и возвышенное пение.

– Еще похороны, – сказала госпожа Моосгабр привратнице и затрясла большой черной набитой сумкой, а потом повернулась к госпоже Айхенкранц и сказала: – Пойдемте же.

– А я как же? – заскулил старый господин в котелке, продолжая стоять под каштаном как столб.

Они пошли дорогой под каштанами, и госпожа Айхенкранц с неизменным румянцем на пухлых щеках сказала:

– Как он может утверждать, что мальчик обокрал его? Как он только позволяет себе такое? Мадам, я хорошо знаю мальчика, я вдова, мне пятьдесят. Он ни полушки не взял бы.

– Не дай Бог вам ошибиться, мадам, – сказала госпожа Моосгабр, – я знаю одну мать, что так же вот ошибалась. Она так же думала, что с детьми все в порядке, а потом они оказались в спецшколе и в исправительном доме.

– Но мой мальчик совсем не плохой, – сказала госпожа Айхенкранц, – кормлю его как положено, у меня же лавка. И ни в каких синиц и белок он не стрелял, он любит их, даже в ворон здесь, на кладбище, не стрелял. Он просто так играл, будто стреляет, но никогда ни в одну не попал, ни одной никогда не тронул. Он и цветов ни за что бы не взял.

– Стрелять ни во что нельзя, – кивнула госпожа Моосгабр, – ни в какую живую мишень стрелять нельзя. Я, мадам, знаю мать, у которой сын уже в третий раз из тюрьмы возвращается, да и с дочкой дела не лучше.

– Я забочусь о нем, как могу, – сказала госпожа Айхенкранц, – я всегда знаю, где он и что делает. О каждом его шаге знаю. Домой приходит, как только стемнеет. И чтобы где шляться – так ничего подобного. Он и свечи бы не украл.

– Охрана может его взять у вас, – сказала госпожа Моосгабр, – надо слушаться и нельзя уроки прогуливать. Я знаю одну мать, которая пела детям колыбельную, а посмотрели бы вы на нее сейчас. Дочка замуж выходила и пирожки, что мать на свадьбу ей напекла, выбросила в окно лошади.

– Может, черствые были, – сказала госпожа Айхенкранц.

– Что вы, – госпожа Моосгабр затрясла большой черной набитой сумкой, – совсем свежие. Она пекла их целый день и положила туда масла, ванили и изюму. И творогу.

– Мой мальчик не выбросил бы, – сказала госпожа Айхенкранц. – В крайнем случае дал бы лошади сахару. С какой стати Охране забирать его у меня? Он и лампы негасимой не взял бы...

– Лампы негасимой... – покачала головой госпожа Моосгабр, – знаете, что с ним случится? Спецшкола, исправительный дом, чернорабочий, поденщик, под конец, может, и тюрьма... Я, мадам, знаю мать, у которой дочь замуж выходила, так эта дочь еще до ужина выгнала мать из трактира и даже сухой корки ей не дала. А на столе были ветчина и салат. И вино с лимонадом. А мать на эту свадьбу надела свое единственное праздничное платье.

Они какое-то время шли молча, госпожа Моосгабр в старой длинной черной юбке, старом темном платке и кофте, с большой черной набитой сумкой, госпожа Айхенкранц – румяная, пухлощекая, в голубом чепце, из-под которого выглядывали черные локоны. Был прекрасный сентябрьский день, солнце сверкало в кронах деревьев и отражалось в надгробьях и цветах. Они шли по большой длинной дороге, окаймленной зелеными каштанами, но это была не главная дорога. Потом они подошли к перекрестку, за которым был участок больших красивых склепов.

– Сейчас свернем туда, – сказала госпожа Моосгабр и затрясла сумкой, – там у меня могила. Пока я буду исполнять свои обязанности, вы должны найти мальчика.

– Конечно, найду. – сказала госпожа Айхенкранц, – почему бы мне его не найти? Я о каждом его шаге знаю. Он здесь на кладбище.

Они подошли к большому мраморному склепу с фигурой ангела, с фонарем для негасимой лампы и плитой, обнесенной оградкой. В оградке – полным-полно зеленой травы.

– Вот мы и пришли, – сказала госпожа Моосгабр, – здесь вам придется меня подождать. Сперва сделаю самое необходимое, а уж потом исполню свой долг по отношению к детям.

Госпожа Айхенкранц остановилась перед склепом и посмотрела на эпитафию. Большими золотыми буквами было написано:

СЕМЬЯ ШКОЛЬНОГО СОВЕТНИКА
БАРОНА ДЕ ШУБАУЭРА

А под этим стояло:

Школьный советник
Иоахим барон де Шубауэр
род. 1854, ум. 1914

И далее целый ряд имен и дат: Матурин, Анна, Леопольд, Розалия.

– Это ваша могила, мадам? – глухо спросила госпожа Айхенкранц.

– Да, моя могила, – кивнула госпожа Моосгабр и, нагнувшись, открыла большую черную набитую сумку, – никого из рода уже нет в живых, и, кроме меня, никто за ней не ухаживает. Поэтому подождите меня здесь. – Госпожа Моосгабр достала из сумки лейку, метелку и садовые ножницы. – Потом пойдем искать мальчика, госпожа, госпожа... – запнулась она.

– Айхенкранц, – быстро сказала госпожа Айхенкранц, – Клотильда Айхенкранц. Моя лавка между кладбищем и парком. У Филипова.

Госпожа Моосгабр вытащила из сумки еще бутылку с водой и перелила воду в лейку. Потом взяла метелку, обмахнула часть мраморной плиты и вокруг фонаря для негасимой лампы. Ножницами немного подстригла траву в оградке. Потом протянула руку к лейке.

– Обычно не ношу воду из дому, – сказала она, не оглядываясь, госпожа Айхенкранц стояла за ней, смотрела и не издавала ни звука, – беру ее здесь из бочки. Но сегодня принесла из дому, потому что была на похоронах и не хотела идти к бочке. Никого из рода уже нет в живых, и, кроме меня, никто не ухаживает за могилой, – повторила она.

– Мадам, – сказала госпожа Айхенкранц, на этот раз мягко и довольно робко, – вы баронесса?

– Я не баронесса, – сказала госпожа Моосгабр. – Я Наталия Моосгабр и сотрудничаю в Охране. Здесь, на кладбище, у меня несколько могил, за которыми я ухаживаю. Забочусь о них.

– Однако, – удивилась госпожа Айхенкранц, и лицо ее прояснилось, – какие-то деньги вы же получаете за это?

– Получаю, – кивнула госпожа Моосгабр и вынула из сумки еще тряпочку, – в месяц за все свои могилы получаю два гроша. У меня небольшая пенсия за мужа. Он был возчиком на пивоварне.

– Пойдите, мадам, – госпожа Айхенкранц стремительно кинулась к могиле, – я вам немного помогу. Эта тряпочка для надгробья? Я вам его оботру.

– Что ж, оботрите, – сказала госпожа Моосгабр, – но осторожнее с ангелом. У него крыло повреждено.

Госпожа Айхенкранц стала обтирать ангела и надгробье, госпожа Моосгабр – обметать другую часть плиты, и они скоро управились.

– Как тут у вас трава прекрасно растет, – сказала госпожа Айхенкранц, – просто загляденье. Вы по весне ее сеете?

– По весне ее сею, – сказала госпожа Моосгабр и спрятала в сумку весь свой инвентарь, – и еще землю взрыхляю. У меня дома есть тяпка, я люблю чистые, ухоженные могилы. А теперь пойдемте вот по этой дороге, что ведет к пятой часовне, – госпожа Моосгабр выпрямилась и кивнула на дорогу, – будем искать мальчика. Но сначала покажу вам еще несколько моих могил на этом участке.

– Так мы и их уберем? – быстро спросила госпожа Айхенкранц, но госпожа Моосгабр

покачала головой:

– Они уже со вчера убраны – сегодня хочу только проверить. Покажу их вам, и начнем искать мальчика.

Они покинули могилу барона де Шубауэра и медленно пошли по направлению к пятой часовне. Участок больших красивых надгробий кончился, и снова показались маленькие бедные могилки.

– Вот взгляните, – госпожа Моосгабр минутой позже остановилась и указала на одно округлое надгробье, – видите эту могилу? Это была счастливая мать. Восемьдесят лет жила, – указала она на надпись, – исключительно удачного сына имела. Он был строитель.

Госпожа Айхенкранц остановилась и прочла золотую надпись на памятнике:

ВИНЦЕНЗА КАНЦЕР

– Он был строитель, она была счастлива, – затрясла госпожа Моосгабр сумкой, и госпожа Айхенкранц прочла второе имя под первым:

СТРОИТЕЛЬ ВИНЦЕНЗ КАНЦЕР

– Ну, а сейчас вам покажу совершенно другое, – сказала госпожа Моосгабр и пошла дальше, – свернем-ка на эту дорогу.

Они свернули на довольно узкую дорогу и какое-то время шли молча. Мимо нескольких могил прошли по траве. Потом госпожа Моосгабр остановилась и указала на островерхий маленький памятник под зеленой березой.

– Вот взгляните, – сказала она.

Госпожа Айхенкранц подошла к могиле и прочла:

ТЕРЕЗИЯ БЕКЕНМОШТ

– А кто она, эта госпожа Бекенмошт?

– Это была несчастная мать, – сказала госпожа Моосгабр и смела рукой с могильного холмика до времени опавшие листья, – неудачные у нее были дети. Чернорабочие и поденщики. Думала, что вырастут из них достойные люди и на старости лет будут ей подмогой. На старости лет она повесилась. – И, глядя на густые кусты чуть поодаль, закрывавшие ряд соседних могил, она сказала: – Один Бекенмошт, по-моему, еще жив – он каменотес. Гравировал надписи на памятниках здесь в мастерской на площади у главных ворот, мой сын Везр, думается, знаком с ним. Он вообще водит знакомство с каменотесами. Ну, пойдете, мадам.

Миновав несколько могил, они вышли по траве на маленькую дорожку, а потом свернули на большую.

– А куда мы, собственно, идем? – спросила госпожа Айхенкранц и схватилась за чепец на локонах. – Кладбище ведь такое большое.

– Вы же знаете, куда мы пойдём, – ответила госпожа Моосгабр, – вы же знаете место, где мальчик прячется.

– Он не прячется, – сказала госпожа Айхенкранц, – он бежит. То туда, то сюда. Мог выбежать с кладбища на улицу, и, значит, на кладбище его уже нет. Но пойдете хотя бы в эту сторону, там, может, мы его и найдем, – указала она в сторону пятой часовни.

– Тогда лучше этим путем, – указала госпожа Моосгабр, – там у склепа Лохов водопровод.

Они шли мимо шестнадцатого участка по большой дороге, которая вдали переходила в

аллею, встречали людей, одетых по-летнему, а также всяких бабушек – стоял ведь прекрасный сентябрьский день, и госпожа Айхенкранц сказала:

– Могилы должны быть чистыми и ухоженными. Это визитная карточка семьи. Ваши могилы, мадам, словно вылизанные, любо-дорого смотреть на них. – И, чуть погодя, добавила: – Да и неудивительно, что они такие, раз вы за ними так ухаживаете, даже землю взрыхляете по весне. Конечно, захотели бы вы, так заказов имели бы сколько душе угодно. Вы так хорошо это делаете, что и за могилой Неизвестного солдата смогли бы ухаживать. – И под конец добавила: – Возчики на пивоварнях были уважаемые люди. Без них пиво и не дошло бы до покупателей. Это я, мадам, и сама знаю как нельзя лучше.

Они подошли к небольшому перекрестку, и госпожа Моосгабр сказала:

– Нам надо лучше смотреть. Я думала, мы ищем его.

– А разве не ищем? – сказала госпожа Айхенкранц. – Пойдите... – И она подбежала к одному памятнику за перекрестком, заглянула за него и сказала: – Здесь нету. Где же он может быть?

– Надо лучше искать, – сказала госпожа Моосгабр и затрясла большой черной набитой сумкой, – лучше, чтобы мне отчитаться перед госпожой Кнорринг. За той могилой его тоже, наверное, нет... – Она указала на одно острроверхое надгробье. Госпожа Айхенкранц подбежала к надгробью, заглянула за него и покачала головой.

– И тут нету, – сказала она, – но стойте. Я знаю, что делать. Я спрошу.

У одной могилы на лавочке сидела старушка с кружевами на шее, и госпожа Айхенкранц подошла к ней.

– Вы не видали, мадам, – сказала она, – мальчика в полосатой майке?

У старушки с кружевами на шее на носу были очки, она щурясь пялилась в какой-то молитвенник и в ответ лишь слабо покачала головой.

– Она тоже его не видела, – сказала госпожа Айхенкранц, – он где-нибудь на улице.

Наконец они пришли к водопроводу у склепа Лохов. Это была труба с краном над огромной бочкой, и люди набирали здесь воду для поливки могил. Возле водопровода под большим каштаном стояла огромная мусорная корзина. Там были сухие цветы, бумага и арбузные корки.

– Арбузов нынче хоть отбавляй, – сказала госпожа Айхенкранц, – урожайный год был. Надо посмотреть дома, не испортились ли.

– Знаете, мадам, – сказала госпожа Моосгабр и подошла к водопроводу, – мне пить хочется. Попью воды. Налью немного в бутылку, – сказала она и открыла большую черную сумку.

– Вы пьете здешнюю воду? – сильно удивилась госпожа Айхенкранц.

– По нужде, – сказала госпожа Моосгабр, – а что особенного? Она течет из городского водопровода. Это такая же вода, что и в Алжбетове, где строят новые дома.

– А знаете что, мадам, – вдруг проговорила госпожа Айхенкранц, – я вам вот что скажу. Не вынимайте свою бутылку, а пойдите лучше ко мне. Там и напьетесь. Это отсюда в двух шагах, между кладбищем и парком, по крайней мере, увидите мою лавку. По крайней мере, увидите, как я живу. И вообще, может, мальчик как раз там и будет.

– А где ваша лавка? – спросила госпожа Моосгабр.

– Между кладбищем и парком, у Филипова, – снова сказала госпожа Айхенкранц, – неподалеку отсюда. Там и напьетесь.

– А что вы, мадам, продаете? – спросила госпожа Моосгабр. – Арбузы?

– Нет, не арбузы, – покачала головой госпожа Айхенкранц, – всякие товары для кладбища. Цветы, свечи, масло, негасимые лампы. – И потом сказала: – У меня, собственно, две лавки в одной. При этой кладбищенской – еще маленькая распивочная.

– Распивочная? – удивилась госпожа Моосгабр. – И вы продаете пиво в разлив?

– Нет, пиво в разлив не продаю, – покачала головой госпожа Айхенкранц, – продаю в бутылках.

– И лимонад тоже?

– Конечно. А как же! – кивнула госпожа Айхенкранц. – Лимонад, пиво. И кой-какую закуску.

– Но не ветчину же и салат?

– Нет, это нет, – покачала головой госпожа Айхенкранц, – этим торгуют в киоске. У меня не киоск. У меня лавочка, хотя и со стойкой на улице. Но кроме цветов, свечей и лампад есть еще другие вещи, вот увидите. По крайней мере, увидите, как я забочусь о мальчике. Пойдемте вот так к Филипову... – указала она.

Они дошли до конца кладбища, где были стена и большие решетчатые ворота, за ними – парк. У стены, в нескольких шагах от последнего ряда могил задней стороной стояло какое-то одноэтажное строение, полузакрытое кустарником.

– Вот мы и пришли, – сказала госпожа Айхенкранц и схватилась за чепец на локонах, – здесь у меня квартира и лавка. Фасад глядит на парк, из парка и вход. Но есть дверь и сюда, на кладбище, задняя дверь, видите? – Она указала, и госпожа Моосгабр увидела, что у строения есть дверка и на кладбище, полужаросшая кустарником.

– И вам не страшно здесь? – спросила госпожа Моосгабр.

– Знаете ли, мадам, привычка, – засмеялась госпожа Айхенкранц, – я уже долгие годы среди этих могил и потому к некоторой ночной кутерьме привыкла. А эта задняя дверка, – указала она на кустарник, – заколочена, давно заржавела, и ее не открыть. А если бы и можно было, все равно ее бы никто не отпер – ключей нет. Тут и дух святой не пройдет.

– А не боитесь ли вы здесь другого? – сказала госпожа Моосгабр. – То есть опасности с другой стороны. Со стороны парка. Говорят, негоже ходить ночью мимо кладбища со стороны парка, от Филипова... Здесь случаются и грабители.

– Конечно, мадам, – кивнула госпожа Айхенкранц, – вечерами здесь бродят разные люди, дело известное, парк, но откуда мне знать, кто грабитель, а кто нет? Во всяком случае, меня еще никто не ограбил.

– А сейчас ваша лавка закрыта? – спросила госпожа Моосгабр, и госпожа Айхенкранц кивнула.

– Я пошла на похороны и закрыла. Сегодня уже не открою. Пойдемте же.

С кладбища они вышли в решетчатые ворота и оказались в парке. В конце парка у кладбищенской стены. Из-под высоких деревьев, окаймленных густыми кустами, сюда вело несколько троп. У большого платана они свернули за угол стены и оказались перед лавкой и жилищем госпожи Айхенкранц. Над широким окном, закрытым шторой, была вывеска:

ВДОВА КЛОТИЛЬДА АЙХЕНКРАНЦ

Кладбищенские товары

Рядом на листе жести красками была нарисована бутылка, а под ней – надпись:

ПИВО, ЛИМОНАД!

Госпожа Айхенкранц вынула ключ и открыла дверь возле зашторенного окна.

– Мальчика, наверное, нет, если заперто, – сказала госпожа Моосгабр в дверях, и госпожа Айхенкранц кивнула.

– Наверное, нет, – сказала она, – не иначе как где-нибудь на улице, сорванец. Ну, пойдемте

дальше.

Госпожа Моосгабр оказалась в кухне, из которой вели двери в комнату и лавку. Дверь в лавку была открыта. Везде стоял странный сладковатый аромат.

– Вот моя кухня, а перед вами – лавка, – сказала госпожа Айхенкранц. – В лавке, – она указала на лавку, – много разного. Загляните туда.

Госпожа Моосгабр заглянула в лавку, и у нее просто дыхание сперло. Какая была там уйма поблекших искусственных цветов, свечек и масляных светильников! На столе лежала гора самых разнообразных надгробных фонарей. На вешалках висели связки ветхих цветных лент со множеством золотых и серебряных надписей.

– И вы все это продаете? – удивилась госпожа Моосгабр.

– Все это продаю, – кивнула госпожа Айхенкранц и схватилась за чепец на черных локонах, – дешево продаю. У меня покупают люди, которые идут на кладбище отсюда, через парк от Филипова. Но знают меня и те, что ходят через главный вход, в ворота с площади Анны-Марии Блаженной, от вокзала или от Блауэнталя. Но это что! Я продаю кое-что и другое, взгляните. – И госпожа Айхенкранц подошла к занавеске и отогнула ее. За занавеской была куча тростей и зонтов, и еще была там полка, где лежало несметное количество пестрейших платков, перчаток и шляп.

– Это вы тоже продаете? – удивилась госпожа Моосгабр.

– Это тоже, – кивнула госпожа Айхенкранц, – и тоже дешево, это, как говорится, товар из вторых рук. Но некоторые вещи еще вполне хороши, почти новые, если и надевались раза два и то много. Вот, к примеру, эти зонтики или эта шляпа. Егерская. Здесь и котелки, вот, взгляните. А какие красивые перчатки! Замшевые – на осень, шерстяные – на зиму, а есть и перчатки разрозненные, поштучные, либо левая, либо правая, такие берут для мойки. Я это все продаю. Проверю-ка, не испортился ли арбуз, – сказала госпожа Айхенкранц и заглянула под стеклянный колпак у печи, – нет, все в порядке, но вы же пить хотите, – сказала она быстро, – присаживайтесь в кухне и положите сумку. Сию минуту вас напою.

– Вы говорите, что у вас и лимонад есть. – Госпожа Моосгабр прошла опять в кухню, села и поставила сумку к ноге.

– Представляете, мадам, – наклонилась госпожа Айхенкранц в лавке под прилавок, – представляете, у меня ни одной бутылки не осталось! Одни пустые, – она указала под прилавок, – но какая разница, я дам вам кое-что получше. Пива.

И она принесла в кухню на стол бутылку пива и стакан.

– Однако ж, мадам, – вдруг сказала госпожа Моосгабр, сидя на стуле с сумкой у ноги, – на это я не рассчитывала. У меня с собой всего десять геллеров.

– Бог с вами, мадам, – засмеялась госпожа Айхенкранц и сняла чепец, под которым была целая копна иссиня-черных локонов, – вы же гостья. И такая редкая гостья, я рада, что могу вас угостить. Угощу вас шоколадно-вафельным тортом... – Госпожа Айхенкранц сбегала в лавку, сунула там руку под какой-то стеклянный колпак и подала на стол шоколадно-вафельный торт. Потом откупила пиво и налила в стакан. – Вот, пожалуйста, ешьте и пейте.

– Мило у вас, – сказала госпожа Моосгабр, когда напилась и поблагодарила, – я только сейчас заметила, что это окно выходит прямо в парк. У меня окно в кухне из матового стекла и выходит на лестничную клетку. Вы и спите здесь?

– Здесь, на кушетке, – кивнула госпожа Айхенкранц, – но вы еще не видели комнату. Она рядом... – И госпожа Айхенкранц, быстро открыв другую дверь, показала комнату. – Взгляните, – сказала она.

Госпожа Моосгабр встала и заглянула в комнату. Там были шкаф, стол, стул и еще одна кушетка. На стене висели картинки.

– Прекрасно, – кивнула госпожа Моосгабр, – а здешнее окно выходит на кустарник.

– На кустарник, на кладбище, – засмеялась госпожа Айхенкранц, – это окно рядом с той задней заржавелой дверью, от которой нет ключей. Этого окна со стороны кладбища вы и не видели, оно заросло кустарником. Но зимой, когда кусты высыхают, из него можно смотреть на могилы.

Госпожа Моосгабр кивнула и вернулась посидеть в кухне.

– Прекрасно, – повторяла она, – прекрасно. И какой тут везде аромат. Я почувствовала его, как только вошла. Не то марципаном пахнет, не то ладаном. Или вы, может...

– О, мадам, – вскинулась госпожа Айхенкранц, – о, мадам, что вы имеете в виду? Если я и не окуривала квартиру по случаю именин Раппельшлунда, то это ничего не значит, кто это делает! Вот на именины княгини – дело другое, я, конечно, всегда здесь окуриваю и ставлю на окна цветы, свечи, пироги, и вино ставлю, и на это окно, что смотрит в парк, и на то, что в комнате, это уж точно. Но на Раппельшлунда – и не подумаю. Здесь пахнет сухими цветами.

– Здесь вы и готовите? – спросила госпожа Моосгабр, посмотрев на плиту.

– Да, здесь и готовлю, – кивнула госпожа Айхенкранц, – жаль, как раз сейчас нет ничего приготовленного. Была б воронья похлебочка, тогда бы вы, мадам, отведали ее, это такое лакомство. Но для этого нужна молодая ворона, старая не годится. Невкуснее даже, чем из цыпленка. Вы уже ели похлебочку из ворон?

– Еще нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – я ела однажды собаку. Но это было давно. Вы куда ходите за хлебом? – спросила она.

– К Элизабет Вердун, – сказала госпожа Айхенкранц, – на привокзальную площадь.

– Это пекарня? – спросила госпожа Моосгабр, но госпожа Айхенкранц покачала головой:

– Это маленькая лавочка, они берут хлеб у Мооса.

– Я хожу в кооперацию, – сказала госпожа Моосгабр, – хлеб там хороший и дешевый. Всегда раз в три дня, к трем часам. Завтра как раз и пойду.

– В кооперации пекут хорошо, – кивнула госпожа Айхенкранц, – я бы тоже туда ходила, но здесь близ кладбища и парка нет ни одной кооперации. Вы живете на «Стадионе»?

– В Блауэнтале, – сказала госпожа Моосгабр, – возле перекрестка, неподалеку от торгового дома «Подсолнечник». Но только в старом районе Блауэнтале, не в новом, если вы там бывали. Дочь недавно вышла замуж и вскоре переедет в Алжбетов, копит деньги на квартиру.

– В Алжбетове замечательно, там ей определенно понравится, – кивнула госпожа Айхенкранц, – а за кого ваша уважаемая дочь вышла замуж? За художника или за кого-нибудь из Охраны?

– За каменщика, – сказала госпожа Моосгабр, – за каменщика по имени Лайбах. Это образованный, работающий парень. Пока живет у барышни Клаудингер на частной квартире. А мальчика нет как нет, – сказала госпожа Моосгабр и отпила немного пива.

– Нет как нет, – вздохнула госпожа Айхенкранц, – где он только может быть! О Боже, сколько мучений, – сказала вдруг госпожа Айхенкранц и, опустив голову в ладони, села против госпожи Моосгабр, – сколько мучений, никто о них понятия не имеет. А теперь еще Охрана грозит, что отберет у меня мальчика. Я забочусь о нем, как могу, за каждым его шагом слежу и очень переживаю, что у него нелады в школе.

– Вот видите, – сказала госпожа Моосгабр и поглядела на ее пухлое лицо и черные локоны, – что-что, а это мне знакомо. И у моих детей были нелады в школе. Набуле с малолетства дралась, а Везр был грубый, до крови бил одноклассников, тоже не жалел кулаков. Во втором классе его послали в Охрану, так, собственно, я и познакомилась с госпожой Кнорринг. Представьте теперь, как давно я знаю ее, если Везру сейчас двадцать пять, а тогда госпожа Кнорринг только начала там работать. Везра определили в спецшколу, а после и

Набуле попала туда.

– Это исправительный дом? – спросила госпожа Айхенкранц.

– Нет, не исправительный дом, – сказала госпожа Моосгабр, – это просто школа для трудных детей, там особая дисциплина и надзор. В исправительный дом он попал уже позже, когда вышел из этой спецшколы, – сказала госпожа Моосгабр.

– А потом что с ним случилось? – спросила госпожа Айхенкранц.

– А потом, – сказала госпожа Моосгабр, – сошелся с каменотесами, может, даже из той гранильной мастерской, что на площади, и уже дважды был за решеткой. Сейчас он там в третий раз, но срок ему уже вышел, и боюсь, он того и гляди домой явится. Домой явится – этак заскочит на минуту. А Набуле на свадьбе выбросила лошади пирожки, что я напекла ей, а потом и меня выгнала. Еще до ужина выгнала, корки сухой не дала. А я им колыбельную пела, когда были маленькие. И на эту свадьбу надела свое единственное праздничное платье. Не то, что сегодня, когда я в этой старой юбке да кофте.

– О, мадам, – сказала удивленно госпожа Айхенкранц, – так это ваши дети, о которых вы рассказывали на кладбище? – И госпожа Моосгабр кивнула.

– Да, мои собственные дети, – кивнула госпожа Моосгабр, – о них я вам и рассказывала. – И потом сказала: – Сколько я натерпелась – никому не пожелаю. Знали бы вы! Часто про себя думаю: лучше было бы их совсем не иметь. Но я хотела детей, то-то и оно. Судьба.

– Ужасно! – сказала госпожа Айхенкранц чуть погодя. – Ужасно! – И потом, снова опустив голову в ладони, сидела молча. – Значит, вы и сами прекрасно знаете, – сказала она минутой позже, подняв с ладоней голову, – какое это мучение. Но что я могу еще делать, я же вконец извелась. Наверное, как та госпожа, та... ее могилу под березой вы мне указали.

– Бекенмошт, – кивнула госпожа Моосгабр, – верю вам. И вы еще не ведаете, что вас впереди ожидает. Посмотрите на Фаберов, вы их, наверное, знаете, раз пришли на похороны... – И когда госпожа Айхенкранц кивнула, госпожа Моосгабр продолжала: – Наверное, что-то похожее. Во всяком случае, мадам жаловалась, что он злой и наглый, она была в полном отчаянии. Бедняга, кажется, еще и пил. А ваш не пьет?

– Ах, – махнула госпожа Айхенкранц, – тоже пьет. Возьмет бутылку пива, – она указала рукой в сторону лавки, – и всю выдует. Разве я могу уследить за ним? Разве могу уследить за каждым его шагом? Конечно, водкой я не торгую. Хотела, но мне не разрешили.

– Вот видите, – кивнула госпожа Моосгабр, – Везр тоже пил. С восьми лет. А пиво – и того раньше, с восьми лет водку пил. А приходит ваш домой поздно?

– Поздно, – кивнула госпожа Айхенкранц, – когда кладбище закрывают, он попадает домой с другой стороны. Входит в ту заднюю дверку, что вы видели в кустарнике, он ее легко открывает. У него есть ключ. Но на кладбище, после того, как его закрывают, он никогда особенно не задерживается, самое большее, может, часок, а зимой и того меньше, когда рано темнеет, он боится там оставаться. Но зато в парке ему хоть бы хны. Бродит по парку до самых сумерек. Приходит уже в сумерки или совсем затемно.

– Вот видите, – кивнула госпожа Моосгабр, – и Везр то же самое. Шлялся после семи. Ходил к реке под мост и приходил совсем затемно. Мадам, а он у вас немного... не приворовывает?

– А как же, – вздохнула госпожа Айхенкранц и прошлась ладонью по черным локонам, – наверное, и такое случается. Точно, конечно, трудно сказать, точно, конечно, не скажу, разве я могу за ним уследить, может, оно и случается... – госпожа Айхенкранц посмотрела в сторону лавки, на старые искусственные цветы, свечи, фонари и ленты – в дверь кухни все было хорошо видно, – откуда мне знать, где он все время мотается, куда ходит, мне что же, только и ходить за ним по пятам и не спускать с него глаз?

– Вот видите, мадам, – кивнула госпожа Моосгабр и отпила еще немного пива, – и Везр тоже воровал. С малолетства. Воровал все, что под руку попадало, и деньги воровал. У меня тоже, мои единственные сбережения. Так что все один к одному. А что ждет вас впереди, когда он вырастет, вы даже не представляете. Лишь бы вам из-за него не сойти с ума или руки на себя не наложить. Знаете, я в Бога не верю. Когда была маленькая, я молилась, но один приказчик, не то посыльный, отсоветовал мне, и с тех пор я не молюсь. Верю в судьбу. Все это судьба: и что я вообще имела этих детей и что на свою беду хотела их иметь, теперь судьба карает меня. Но я, мадам, знаю многих...

Внезапно госпожа Айхенкранц вскочила со стула и торопливо сказала:

– Вы знаете многих, мадам, вот мне и пришла в голову одна мысль. Скажите, пожалуйста, – она провела ладонью по черным локонам, – раз вы знаете многих, то, может, и некую Мари Каприкорну случайно знаете?

– Мари Капри? – удивленно проговорила госпожа Моосгабр. – Боже, это имя я уже слышала! Госпожа привратница Кральц называла его, но кто это, собственно? Кто эта Мари Капри?

– Я не знаю ее, – сказала госпожа Айхенкранц, – я не знаю. Я тоже о ней только слышала. Слышала о ней здесь на кладбище.

– Так она умерла? – спросила госпожа Моосгабр и посмотрела в сторону комнаты, окно которой выходило на кладбище.

– Нет, не умерла, – покачала головой госпожа Айхенкранц, – просто я слышала о ней на кладбище. Но если вам интересно, я сообщу вам, когда что-нибудь узнаю о ней. На кладбище чего только не услышишь. Однажды я здесь даже услышала о новом магазине, где торгуют маслом. Мадам, пейте, пожалуйста, и возьмите торт.

Госпожа Моосгабр отпила еще пива и опустила взгляд на ногу, где стояла ее большая черная набитая сумка.

– Мило у вас, – покивала она головой, – когда я была маленькая, я хотела иметь такую же лавочку. Знаете, я всегда хотела иметь киоск и продавать пиво, салат, ветчину, лимонад... я и гроши на это копила, на такую лавочку или киоск, но потом... – госпожа Моосгабр вздохнула, – потом ничего не вышло из этого. Киоска, – сказала она медленно и грустно, – у меня не было. С малолетства я хотела быть экономкой. Как одна моя школьная подружка, она была ею. Вышла замуж, муж вскоре умер, и она стала экономкой в одной семье. Ну я пойду потихоньку...

– А что вы сделаете для того старика с золотой цепочкой, мадам? – сказала госпожа Айхенкранц. – Вы пригласили его через три дня в Охрану. Мальчик ничего не взял у него, а гроши – тем более. Он и не мог даже. Ничего из его фалды он не вытащил у могилы.

– Наверное, старик их где-нибудь потерял, – со вздохом сказала госпожа Моосгабр, – однако мальчика мы не нашли...

– Но мы ведь искали, – сказала госпожа Айхенкранц, – все время после обеда искали. О Боже, какой ужас, если бы Охрана взяла его у меня, просто не знаю, что бы я делала.

Госпожа Моосгабр вдруг несколько смешалась и неуверенно посмотрела на госпожу Айхенкранц. Потом неуверенно сказала:

– Но, мадам, почему вы так боитесь, что Охрана заберет его у вас? Вам стало бы легче, раз он такой непутевый. Во всяком случае, вам было бы спокойно.

– Спокойно, – вздохнула госпожа Айхенкранц, – возможно, спокойно. Возможно... Но, знаете, мадам, как в этих исправительных домах... вы лучше других знаете, что говорят... страшно там. Руки сдавливают тисками, ноги забивают в колодки, стегают ремнями, некоторые даже зрение там теряют... – Госпожа Айхенкранц удрученно посмотрела на госпожу Моосгабр, но госпожа Моосгабр молчала, уставившись в стол. Тогда госпожа Айхенкранц, наклонившись к

ней, сказала? – И потом, мадам, мне без него никак нельзя. Он в лавке мне помогает. Как бы я вообще торговала, не будь его у меня? Правда, мадам, что тут поделаешь, если он помогает мне на жизнь зарабатывать...

– Ну ладно, – кивнула госпожа Моосгабр, встала, взяла сумку и неожиданно оглядела пол, – тогда не беспокойтесь. Вы тоже приходите в Охрану, приходите через день после обеда, может, все и уладится. Вы говорите, – госпожа Моосгабр снова оглядела пол и еще раз запустила глаза в лавку, которую видно было в дверь, – вы говорите, мальчик вечером шляется в парке?

– В парке, у фонтана, у статуи поэта, – кивнула госпожа Айхенкранц и, посмотрев на стол, сказала: – Но, госпожа, вы вафельный торт не съели. Возьмите его с собой. Дайте-ка... – Госпожа Айхенкранц взяла торт и положила его в сумку госпожи Моосгабр. – Не выпьете ли еще?

– Нет, достаточно, и спасибо за угощение, – сказала госпожа Моосгабр и снова оглядела пол, – в парке у фонтана, у статуи поэта, говорите? – И когда госпожа Айхенкранц кивнула, госпожа Моосгабр направилась к двери. Но у двери еще раз огляделась и вдруг спросила: – Мадам, а мышей у вас нету?

– Как же, – засмеялась госпожа Айхенкранц, – конечно, и тут, и там есть. Еще бы, с одной стороны парк, с другой – кладбище, нет-нет да и забежит иная. Но к тортам им не подобраться, – сказала она быстро, – они у меня под стеклом.

– Неплохо бы вам поставить мышеловку, – кивнула госпожа Моосгабр и уже за дверью лавочки добавила: – Чтобы не развелись. Чтобы не развелись под вашей крышей... это настоящее бедствие. Значит, через день после обеда в Охране.

И госпожа Моосгабр, попрощавшись, ушла.

На другой день после обеда госпожа Моосгабр возвращалась из кооперации с покупками. В небольшой черной сумке она несла хлеб, немного сахара и полкило крупы. Подходя к своему обветшалому дому, она встретила каменщиков, которые шли с работы. Они шли в заляпанных известкой блузах – стоял солнечный сентябрьский день, – пели и на госпожу Моосгабр почти не обратили внимания. «Кончили бы наконец, – подумала госпожа Моосгабр, – а то еще и вправду все разобьемся. Флаг я сняла... – посмотрела она на фасад обветшалого дома, – но прежде чем спрячу, выстираю его. А вечером...»

А вечером госпожа Моосгабр собиралась идти в парк, к фонтану. К фонтану, к статуе поэта, где слонялся маленький Айхенкранц. «Вечером пойду в парк к фонтану, – говорила она себе, подходя к дому, – найду там мальчика. Вчера мы его не нашли, но завтра я должна пойти доложить госпоже Кнорринг. Придет туда и обобранный у могилы старик, и несчастная мадам Айхен. Вечером пойду в парк и найду мальчика». И вот с мыслями о госпоже Айхенкранц. о вечерней прогулке по парку и о завтрашней встрече с госпожой Кнорринг госпожа Моосгабр подошла к своему дому.

Отворяя в проезде возле груды кирпичей, тачки и бочки с известкой дверь, она подумала, что в квартире кто-то есть. А войдя в коридор, и вовсе страшно испугалась. Из кухни доносился какой-то гнусный голос, и, прежде чем она успела бросить сумку на пол и, возможно, ненадолго выбежать из квартиры, дверь из кухни открылась и на пороге появился Везр.

– Целую руку, – сказал он.

– Целую руку, – сказал он чуть погодя.

– Целую руку, – сказал он в третий раз и повернулся спиной.

Держа небольшую черную сумку, она последовала за ним на кухню, словно в забытьи. Хоть и ждала, что он придет к ней в дом, и готовилась к этому, но теперь, когда он на самом деле явился, она последовала за ним, словно в забытьи. Ей казалось, что за то время, пока он сидел в тюрьме, он стал еще сильнее и грубее. У него были широкое лицо, низкий лоб и холодные светлые глаза. Такие холодные и светлые, что тот, на кого он смотрел, преисполнялся ужасом. Госпожа Моосгабр коснулась лба, и вдруг ей привиделось, что она сидит на диване у черного флага, который собиралась стирать, а небольшая черная сумка с покупками стоит у ее ног. А этот ужасный Везр сидит за столом, напротив него Набуле и еще один человек. Сначала она приняла его за одного из свидетелей на свадьбе. У него были короткие растрепанные волосы, низкий темный лоб и опущенные уголки губ. Он был похож на облезлого черного пса.

– Она думает, что видит сон, но какая разница, – сказал Везр, и голос его был наглый, как голос самого страшного могильщика. – От этого есть одно средство, но я не стану его применять, а то она еще сомлеет, – сказал он и поднес ей кулак к переносице.

– Она думает, что видит сон, – взвизгнула мордастая Набуле и придурковато засмеялась, закружилась и запрыгала, – но это все наяву. Если бы она задержалась, – взвизгнула Набуле, – на столе уже ничего бы не было.

– Было бы, – сказал Везр и закурил сигарету, руки у него были еще больше, чем у жениха Лайбаха, сигарета в них совсем спряталась. – Было бы, потому как сегодня я и ей хочу кое-что отвалить. В честь моего прихода. Чтобы не держала нас за сквалыг. – Он быстро протянул руку к столу и стал там что-то считать. И в эту минуту госпожа Моосгабр, сидя на диване, заметила, что на столе лежит куча денег и считает Везр не что-нибудь, а банкноты; в эту минуту она также заметила, что на Набуле летний плащ, которого она на ней еще ни разу не видела, кричаще-зеленый с темным воротником, и что он, Везр, одет в черный костюм и белую рубаху с

галстуком – этого костюма она тоже ни разу не видела, и еще заметила, что на буфете висит зонтик с красивой блестящей ручкой. Ей вдруг показалось, что у нее кружится голова, но тут Везр снова заговорил.

– Это твои, – он отсчитал деньги и пододвинул их к Набуле, – это твои... – и он отсчитал деньги и пододвинул их к чужому человеку – черному псу, который все время молчал и лишь изредка бросал взгляды на госпожу Моосгабр, – а это, дамы и господа, мои. А вот это, – он указал на остаток, – дадим ей. В честь моего прихода. Чтоб не держала нас за сквалыг.

Госпожа Моосгабр увидела на столе четыре кучки денег, и голова у нее закружилась. Ей вдруг показалось, что она и вправду крепко спит.

– Она думает, что спит, – взвизгнула Набуле и как-то странно посмотрела на свою кучку денег.

– Спит, – сказал Везр, и его голос был наглым, как голос могильщика, – и от этого есть средство, но я не стану его применять, – сказал он и хватил себя ладонью промеж глаз, – им теперь все равно не пользуются, малость сильной воли – и полный порядок. – Он стряхнул пепел и кивнул головой в сторону Набуле. – Чего пялишься? – сказал он.

– Что это, – взвизгнула она, подбросив деньги над столом, – у тебя нет покрупнее? Если приду с ними в салон, скажут, что я побиралась на паперти.

– Два гроша на паперти тебе никто не даст, – сказал Везр и стряхнул пепел, – на паперти дают четвертак, в постели – двадцать геллеров. Может, какой богатый студентик даст больше... – засмеялся он. – Ну, хватай быстро. – И Набуле закружилась, запрыгала и схватила деньги.

– На эти высветлю волосы в салоне красоты, – закружилась она и подняла глаза, – эти на вечернее платье. Эти на украшения и на кушетку, из этой рухляди, – двинула она головой в сторону дивана, – пружины лезут. А на эти куплю картину. Ту трехглазую женщину с лебедем. – И она с придурковатым мордастым смехом сгребла деньги и сунула их в карман.

Госпожа Моосгабр смотрела на них с дивана, голова у нее кружилась, она едва дышала. На столе теперь лежали три кучки денег, и на буфете висел зонтик с красивой блестящей ручкой. Госпоже Моосгабр вдруг захотелось пить. Третий человек, что сидел молча и лишь изредка кидал на нее взгляды, этот черный пес, напоминал ей теперь какого-то знакомого Везра, одного из каменотесов. Госпожа Моосгабр невольно схватилась за черный измятый флаг, лежавший рядом.

– Это на мотоцикл, – сказал Везр и хлопнул по банкноте, – чтоб освежиться на нем после черной тяжелой работы, а на эти съезжу отдохнуть к морю. На кашалоте. – И он сгреб деньги и сунул их в карман. На столе остались две кучки, а на буфете зонтик с блестящей ручкой. Госпожа Моосгабр с дивана смотрела на все, голова у нее кружилась, ее мучила жажда. Вдруг она перевела взгляд на матовое окно, что выходило на лестничную клетку, и снова на минуту впала в забытие. На окне висели два неосвежеванных зайца. Висели за связанные задние ноги головами вниз.

Тут часы у печи пробили половину пятого, и госпожа Моосгабр на диване словно очнулась.

– Святой Боже, – очнулась она на диване, – святой Боже, вы делите здесь гроши. Вы здесь делите настоящее состояние. За это можно купить на «Стадионе» виллу. И разве ты не знаешь, – повернулась она к Набуле, – что Лайбах хочет купить квартиру в Алжбетове? Ты же дашь на квартиру, раз у тебя столько денег.

Они посмотрели на нее, Везр – своими холодными светлыми глазами, человек – черный пес хлестнул по ней взглядом, а Набуле заговорила. Завизжала.

– На квартиру, – завизжала она, – на квартиру, будто Лайбах не зарабатывает? Будто он не копит? Я же не какая-нибудь бродячая арфистка, чтобы носить тряпье по вечерам. А кушетка и картина, – завизжала она, – разве этого мало?

– Не ори, – сказал Везр, и его голос был грубым, как голос могильщика, – не ори. Небось не с Лайбахом разговариваешь. – И он, стряхнув пепел, повернулся к чужому человеку с короткими черными волосами, низким темным лбом и вислыми уголками губ, к черному псу. И чужой человек – черный пес, улыбнулся и проговорил:

– Мадам, – улыбнулся он, и его голос был мягкий, нежный, как бархат, – мадам, не хотите же вы, чтобы Набуле и одевала господина Лайбаха? Чтобы и еду ему подносила? Чтобы оплачивала его парикмахера? Каждый должен, мадам, зарабатывать свое... – улыбнулся он еще мягче, нежнее и также сгреб свои деньги и сунул их в карман. На столе осталась последняя кучка денег, на буфете зонтик, а на окне зайцы. И госпоже Моосгабр на диване опять показалось, что она грезит или что ей снится сон, она продолжала смотреть на все, голова у нее кружилась, ей хотелось пить, и тут вдруг Везр поглядел на нее холодными светлыми глазами и сказал:

– Ты действительно чудно выглядишь. Словно ты спишь или у тебя жар. Смотри, сколько здесь денег. Смотри сколько... – И он запустил руку в деньги, которые остались на столе, стряхнул пепел и сказал: – Сколько их, а ты всем треплешь, что я краду твои сбережения. Твои два гроша. Тут их у тебя двадцать. На эти деньги, – засмеялся он и стряхнул пепел, – ты и киоск можешь купить.

Госпожа Моосгабр чувствовала, что опрокинула у своих ног сумку, что у нее пересохло в горле и запеклись губы. У нее, наверное, был жар. Но тут опять заговорил чужой человек – черный пес.

– Двадцать грошей, мадам, – сказал он бархатным голосом и тихо улыбнулся, – двадцать грошей вы, должно быть, в жизни не имели. На них могли бы киоск себе купить и еще всякого товару. На них и на Луну могли бы слетать, и еще на мороженое бы осталось. Вы могли бы купаться в лаве в кратере Борман и еще поесть жареных миног. А вы треплете всем, что Везр крадет у вас гроши. Ах, мадам, – улыбнулся он, и его вислые уголки губ блаженно приподнялись, – как вы ошибаетесь.

Мордастая Набуле закрыла ладонями придурковатый рот, и Везр сухо сказал:

– Она хранила деньги в буфете, потом в плите, потом в кладовке вместе с мышинным ядом. Теперь они у нее в комнате в примерном столике. Где чепец, очки и печатка. Верно, туда их сунула, когда ждала моего возвращения. Из тюрьмы, как она всем треплет... – Чужой человек – черный пес удивленно улыбнулся, а Везр продолжал: – Да, из тюрьмы. Из тюрьги. Из кутузки. А давайте еще поговорим об этом окне. Что скажешь об этих двух зайцах? – Он повернулся к дивану и указал на матовое окно. – Что скажешь о них? Для одного человека – это жратва на целую неделю.

– Да, мадам, – мягко сказал чужой человек – черный пес, глядя на госпожу Моосгабр, – они совсем свежие, из них еще течет кровь. Ваш сын только что подстрелил их в лесу. Видели б вы, как они кувыркнулись, точно акробаты.

Госпожа Моосгабр смотрела на все с дивана, голова у нее кружилась, губы пересохли. Она глядела на оставшиеся на столе деньги, на зонтик на буфете и на зайцев на окне и вдруг, словно во второй раз, очнулась. Кивнула на зайцев и сказала:

– Я вам сварю их. Сварю, а кусок жарю на масле. Или на перце, – сказала она и потянулась к ноге, чтобы поставить опрокинутую сумку. – Надо бы взять сметаны. В этой сумке у меня только крупа.

– И мне вы тоже дали бы кусок? – спросил чужой человек – черный пес и тихо, мягко посмотрел на нее.

– Конечно, – сказала госпожа Моосгабр растерянно, – если вы... друг моих детей, то они вас наверное пригласят.

– Мадам, – снова заговорил чужой человек – черный пес и тихо улыбнулся, – а не сварили бы вы кофе?

– Сварю, – кивнула госпожа Моосгабр и, встав с дивана, подошла к буфету, но тут вдруг Набуле разразилась смехом.

– Кофе напьемся сегодня от пуза, – разразилась она смехом и закружилась в своем кричаще-зеленом плаще с черным воротником: – Ведь мы идем в «Риц».

В кухне наступила тишина. Госпожа Моосгабр нерешительно стояла у буфета, смотрела на Набуле, смотрела на Везра, смотрела на чужого человека – черного пса, а потом посмотрела на стол. Тут вдруг Везр, стряхнув пепел, взглянул на сестру.

– И то правда, – взглянул он на сестру, – ведь мы идем в «Риц». Может, ты встретишь там и того студента, как бишь его... Баар... может, будет там и тот, второй. Не вари кофе, – повернулся он к матери, – а зайцев свари хоть на водорослях. Что это за черная тряпка? – указал он на диван.

– Флаг, – сказала госпожа Моосгабр, – он висел на доме. Умер Фабер. – И потом добавила: – Я хочу его выстирать и пойти в парк к фонтану.

Везр погасил сигарету и посмотрел на мать. Потом перевел взгляд на мордастую Набуле, ладонью прикрывавшую рот, посмотрел на чужого человека – черного пса и откинулся на спинку стула. Откинулся на спинку стула, положил руку на стол, как это делают чиновники, и сказал:

– Значит, она хочет выстирать флаг и пойти в парк. Выстирать флаг и пойти в парк к фонтану. А что я вернулся, как она говорит, из кутузки... – засмеялся он, как могильщик, – ей хоть бы хны. Что я там вот этой рукой налопатил, – он потряс своим огромным кулаком и засмеялся, как могильщик, – ей плевать. Что сейчас идем отпраздновать это и хотим, чтоб она тоже пошла с нами, ей до фени. Она будет стирать флаг, а потом пойдет в парк к фонтану.

Госпожа Моосгабр как вкопанная стояла у буфета и не верила своим ушам. Если раньше ей казалось, что все это во сне, теперь же она решила, что, скорее всего, помутилась в рассудке. Она не могла и слова вымолвить.

– Ну что стоишь и пялишься? – сказал Везр.

– Ну что стоишь и пялишься? – повторил он чуть погодя.

– Ну ты чего! – вскричал он в третий раз...

– Господи, – прошептала госпожа Моосгабр и оперлась о буфет. – Господи, откуда мне знать, что вы идете праздновать. Что хотите и меня пригласить. Возможно ли это?

– Все возможно, – сказал Везр сухо, глядя на мать своими холодными светлыми глазами, – для того, кто имеет дело с тюрьмой, нет невозможного.

– Мадам, – снова улыбнулся человек – черный пес, и голос его был нежный, мягкий, как бархат, – для того, кто имеет дело с тюрьмой, и вправду нет ничего невозможного. Мы идем праздновать и хотим пригласить вас. Но вы и вправду считаете, что Везр пришел из тюрьмы? Мадам, – улыбнулся он, – лишь бы вы не говорили еще, что эти деньги, зайцы и зонтик краденые. Что все это мы где-то награбили. Вы ведь, мадам, даже не знаете, кто такой Везр.

– Я бы пошла, – выговорила наконец госпожа Моосгабр, все еще опираясь о буфет, – флаг я бы завтра выстирала, и в парк к фонтану...

– Ну вот, – Везр резко оборвал мать и уставил холодные светлые глаза на ее ноги, – ступай прихорошись. Через минуту мы едем. Но прихорошись как положено, Бог весть, кто в «Рице» будет. – И он посмотрел на Набуле, на черного пса и на оставшиеся на столе деньги.

Госпожа Моосгабр оторвалась от буфета и, точно в тумане, пошла в комнату.

– Подумать только, – сказала она в дверях. – Бог весть, кто в «Рице» будет. Может, и те молодые люди со свадьбы, те самые студенты... господин Баар и тот другой. Так, что ли?

И Везр кивнул.

Спустя минуту госпожа Моосгабр появилась в кухне в длинной черной блестящей юбке, блузке и туфлях без каблуков. В том своем старом праздничном наряде, в котором была на свадьбе. В руке у нее был черно-золотой платок.

– Вот и я, – сказала она, и голова у нее закружилась.

– Вот и она, – прыснула Набуле и затряслась от смеха.

Везр с минуту смотрел на мать, снова откинувшись на спинку стула и слегка похлопывая рукой по столу. Потом сухо сказал:

– Студенты там будут, и Бог весть, кто еще, в этом платке ты не можешь идти. У тебя в нем вид, как у служащей из похоронного бюро. У тебя нет чего-нибудь светлого?

И пока придурковатая, мордастая Набуле тряслась и смеялась, а чужой человек – черный пес лишь молча метал взгляды на черно-золотой платок, госпожа Моосгабр проговорила:

– Да, я знаю, что надеть. Знаю. У привратницы есть светлый платок, она даст мне его. Я сбегая к ней и мигом вернусь.

– Ну давай беги, – сказал Везр, по-прежнему откинувшись на спинку стула и похлопывая рукою по столу. – Сбегай и тотчас приходи. На такси все равно поедем. И вот еще что. Уж коль идешь к привратнице, скажи ей... что тебе надо и малость... прихорошиться. – И он стукнул по столу, встал и засмеялся, как могильщик.

Госпожа Моосгабр кинула черно-золотой платок и выбежала из кухни. Пробежала проезд, коридор и ворвалась к привратнице.

– Святой Боже, госпожа Моосгабр, – вскричала привратница, она была в халате и как раз пришивала пуговицу, – что случилось? Здесь Везр, знаете...

– Здесь, – вскричала госпожа Моосгабр, – он здесь, и представьте, своим ушам не верю. Я просто сама не своя. Вот уж не ждала, не гадала...

– А что случилось? – вскричала привратница. – Он что, состарился в тюрьме?

– Не состарился, даже сильнее стал, но вроде как изменился, – сказала госпожа Моосгабр, – пригласил меня на праздник. На праздник по случаю своего возвращения. Там и Набуле, и еще один чужой человек, похоже, каменотес. Пригласил в какой-то «Ри», в «Ри»... не знаю, где это, но, представьте, там будут, кажется, и те два молодых человека, господин Баар и тот другой, те самые студенты со свадьбы – в тот раз, когда Набуле меня выгнала, мне так стыдно было перед ними. А теперь я с ними встречу. Но мой черно-золотой платок не по душе Везру, говорит, что я в нем, как служащая из похоронного бюро, велит надеть что-нибудь светлое. Госпожа Кральц, у вас есть такой шелковый...

И тут привратница, бросив шитье, подбежала к шкафу.

– Боже милостивый, – вскричала она, – вот дела, силы небесные перевернутся. Набуле со свадьбы вас выгнала, а Везр пришел из тюрьмы и зовет вас на праздник. Но мне всегда казалось... – привратница выгатила какой-то платок из шкафа, – мне всегда казалось, что Везр лучше, чем она, как-то не хотелось говорить вам об этом, но теперь скажу. Если было бы наоборот, если бы не Везр, а Набуле вернулась, она бы не пригласила вас, она стерва. Вот он, возьмите. – привратница подала госпоже Моосгабр красивый белый платок. – Но послушайте, госпожа Моосгабр, – быстро сказала привратница и застегнула халат, – куда вы, собственно, идете? В «Ри», в «Ри»... что это? Боже милостивый, – выкрикнула она вдруг, – уж не «Риц» ли это?

– «Риц», – кивнула госпожа Моосгабр. – «Риц», он так это и назвал. А что это, скажите, пожалуйста, этот «Риц»? Какой-нибудь студенческий трактир?

– Ха, студенческий трактир! – воскликнула привратница, чуть не падая от смеха. – Это гостиница. Да это, – всплеснула она руками, – лучшая гостиница в городе. На «Стадионе».

Когда приезжает какая-нибудь правительственная делегация к Раппельшлунду, она останавливается именно там. Раппельшлунд устраивает там и банкеты в честь гостей, когда не делает этого в княжеском дворце. Там первоклассный ресторан, и ходят туда одни сливки. Профессора, инженеры и крупные торговцы. Офицеры, советники и камердинеры. Да и богатые студенты там днюют и ночуют, там на серебре едят.

– Боже всемогущий, – сказала госпожа Моосгабр и села на стул, – на серебре едят? Однако не думаете же вы, что ветчину, влашский салат, лимонад... – А привратница засмеялась и махнула рукой.

– Оставьте, пожалуйста, – засмеялась она и махнула рукой, – фазанов и устриц. Омаров и миног. Ну-ка накиньте этот платок, хоть посмотрю, к лицу ли он вам. – Госпожа Моосгабр быстро накинула платок и сказала:

– Но я хочу, госпожа привратница, еще кое-что вам сказать. Представьте себе, что Везр положил для меня на стол кое-какие деньги, сколько их и что на них купить можно, я и сказать сейчас не скажу, дал еще двух зайцев, они на окне, чтобы я сварила их на фукусах. А на буфете зонтик с красивой ручкой, но он, похоже, не для меня, во всяком случае, он пока о зонтике не заикался. Ну и еще он вот что сказал: раз я иду в такой ресторан и там будет Бог весть кто, мне надо немного прихорошиться. Имел в виду, верно, подкраситься, – госпожа Моосгабр засмеялась, – только я в жизни ничего такого не делала, ни когда молодая была, ни когда замуж выходила. А вы как думаете? Раз там будут студенты и Бог весть еще кто... Везр сказал, что вы в таких вещах толк знаете.

– Раз он так сказал, значит, так и есть, – выпалила привратница, – значит, так и делайте, как он велит. «Риц» посещают важные дамы. Принесу вам помаду. – И привратница быстро куда-то сбегала, принесла помаду и у окна нарисовала госпоже Моосгабр губы. А потом, сказав вдруг «обождите», принесла черный карандаш и нарисовала госпоже Моосгабр брови. А потом, сказав еще раз «обождите», принесла румяна и нарисовала госпоже Моосгабр щеки. А под конец – покрыла их еще белой пудрой.

– Боже милостивый, – сказала госпожа Моосгабр перед зеркалом, не веря своим глазам, у нее захватило дыхание, голова закружилась, – и вправду, невысказанное дело. Но представляете, госпожа Кральц, как назло, дел у меня сегодня невпроворот. Я хотела выстирать флаг и под вечер пойти в парк к фонтану.

– Помилуйте, стирать флаг и идти к фонтану, – прыснула привратница, и щеки у нее ярко пылали. – Ну возможно ли это, раз вы должны идти в «Риц». Это же полная бессмыслица. А знаете, что еще, – вскричала привратница, и щеки у нее ярко пылали, – я вам еще кое-что надену на шею. На эту блузку. Бусы. Смотрите пока в зеркало, я мигом приду. – И привратница опять куда-то сбегала и тотчас принесла бусы. Это была нитка больших красных, зеленых и желтых шаров.

– Бамбуковые, – засмеялась привратница, – у меня к ним были и серьги, но я их потеряла. На бале-маскараде. Ну-ка, покажитесь, госпожа Моосгабр, я вам буры надену. – И привратница надела госпоже Моосгабр на шею нитку бус, а потом отскочила, чтобы взглянуть со стороны.

– Святой Боже, – выдохнула госпожа Моосгабр, и голова у нее опять перед зеркалом закружилась, захватило дыхание, – а я собиралась идти сегодня к фонтану, где шляется сын госпожи Айхен. Мне ведь завтра нужно быть в Охране с рапортом, туда придет и тот старикан, обобранный у могилы.

– Старикан, обобранный у могилы, – прыснула привратница, – прошу вас, госпожа Моосгабр, не думайте вы сейчас о такой ерунде. Ну не глупо ли идти в парк вместо того, чтобы идти в «Риц», такая возможность больше вам не представится. И студенты, говорите, там будут, Везр оплатит вам за эту злополучную свадьбу, вы же, наверное, понимаете это и хотите... – Но

поскольку госпожа Моосгабр только вздохнула и кивнула, привратница добавила: – А госпоже Кнорринг просто скажите, что пока ничего не успели выяснить, да и что за церемонии, все равно вам за это ни гроша не платят. Однако, госпожа Моосгабр, – привратница вдруг затрясла головой, – смотрю я на вас, и мне кажется, что это далеко не все. В «Рице» вы должны выглядеть по высшему классу, особенно если там будут студенты. Этот светлый платок, пожалуй, не очень вам идет, как-то по-деревенски получается. На голове у вас должна быть шляпа, а не платок. Если наденете шляпу, я зачешу вам волосы за уши, и уши будут видны.

– А это зачем? – с ужасом вырвалось у госпожи Моосгабр.

– А затем, – засмеялась привратница, – что вдену вам в уши серьги. – И потом сказала: – Есть у меня такие стеклянные подвески. А на руках, госпожа Моосгабр, должны быть белые перчатки, они у меня тоже есть. В «Рице» вы должны быть гораздо лучше, красивей, чем на этой злополучной свадьбе, хотя бы ради студентов.

И привратница зачесала госпоже Моосгабр волосы, принесла серьги – красные подвески на длинных блестящих проволочках, вдела их в уши, потом принесла белые кружевные перчатки и натянула ей на руки. А потом сбегала в комнату и принесла шляпу.

– Откуда она у вас? – изумилась госпожа Моосгабр. – Откуда она? Я никогда вас в ней не видала, уж не из Парагвая ли она? Ведь вы сами ее не носите.

– Сама не ношу, – засмеялась привратница, – перчатки у меня еще со свадьбы, мой купил их мне к алтарю, а шляпа – привозная, из Парагвая, надевала я ее на бал-маскарад. С бусами и теми серьгами, что я потеряла. Наденьте ее.

Госпожа Моосгабр надела шляпу, и в третий раз у нее захватило дыхание и закружилась голова – она не верила своим глазам. Шляпа была черная с широкими полями, лиловым бантом и длинным хвостом. Хвост был из длинных зеленых и красных перьев, таких мягких, что они дрожали сами по себе, а уж тем более – при малейшем движении головы.

– Госпожа Моосгабр, – взорвалась привратница смехом, – в это и вправду невозможно поверить. Ни Везр вас не узнает. Ни студенты вас не узнают. Вы похожи на артистку или на купчиху с Канарских островов. Весь «Риц» глаза сломает, как вас увидит. – И она, еще сильнее сжав халат у горла, снова засмеялась. – Госпожа Моосгабр, – смеялась она, – вы похожи на жену камердинера или генерала. Или же – на жену министра. Знаете что? Раз вам все так к лицу, оставьте пока у себя эти бусы, подвески, перчатки и шляпу тоже оставьте. И возьмите себе помаду, румяна, и пудру, и карандаш для бровей, у меня всего этого вдосталь.

И пока изумленная госпожа Моосгабр собирала румяна и пудру, голова у нее кружилась и захватывало дыхание, а привратница смеялась и говорила:

– Зайцев... вам их на неделю хватит, деньги пригодятся Бог знает на что, но сейчас вы идете в «Риц». Омары, устрицы и миноги. Хитоны – это моллюски, к ним подают водоросли. А знаете, что такое медуза? А что такое осьминог, знаете? А что такое салат из черепахи?

– Я поеду на такси, – уходя сказала госпожа Моосгабр, – сроду так не ездила. На мою свадьбу мы ехали подземкой. А шляпы у меня и на свадьбе не было, вспоминаю только, что когда-то на голове у меня был какой-то кружок. А госпоже Кнорринг скажу то, что я успела выяснить: госпожа Айхен – порядочная вдова и Охрана должна пока оставить ей сына.

Госпожа Моосгабр в шляпе с длинными разноцветными перьями, с красно-белыми напудренными щеками, с покрашенными губами и бровями, с ниткой бамбуковых шаров, с подвесками на проволочках, держа в белых перчатках румяна и пудру, вбежала в кухню, словно в транс. Она приготовилась к общему изумлению. К изумлению, которое они, возможно, скроют, а возможно, и выразят. Особенно Набуле: в своем кричаще-зеленом плаще с черным воротником она, возможно, завизжит, схватится за живот и начнет извиваться и крутиться. Везр, возможно, сожмет кулаки, и его широкая грудь, возможно, затрясется, а чужой человек –

черный пес, возможно, поднимет уголки губ и будет смеяться легко, но долго. Все это вполне может случиться. Но разве это имеет значение? Важно лишь то, что ей, госпоже Моосгабр, ее сын Везр впервые в жизни что-то дал и куда-то пригласил, важно и то, что ее, возможно, увидят студенты... Но когда госпожа Моосгабр вбежала в кухню, там не было ни души. Дверь в комнату была настежь – может, они там? Может, ждут, пока она вернется? Госпожа Моосгабр вбежала в комнату, но увидела, что и там их нет. И в комнате не было ни души. Она быстро вернулась в кухню, машинально положила на стол румяна и пудру и только сейчас заметила, что со стола исчезли деньги, с буфета – зонтик, а с матового окна – зайцы. И вещей этих не было, и квартира была пуста.

А потом госпожа Моосгабр заметила на столе бумагу.

Она взяла ее белой перчаткой и прочла:

«Мы идем, а ты найми себе лошадь».

И под этими словами стояло:

«Деньги и зайцев мы должны дать Клаудингерихе, и зонтик тоже, она едет с нами в „Риц“.

Мадам, вы, говорят, большая специалистка по могилам, детям и мышам. Могил и детей у меня нет, зато мышей в квартире с избытком. Если вы мне поможете от них избавиться, я дам вам грош. Но вам придется принести свои мышеловки. Вы ведь даже не знаете, кто такой Везр и что он делает».

Когда госпожа Моосгабр в конце концов пришла в себя, на дворе было еще светло. Она протянула руку к шее – нащупала бамбуковые шары, взялась за уши – нащупала подвески, протянула руку к голове – нащупала шляпу. Потом пошла в комнату. Открыла столик, вынула страшный чепец с бантом, очки и какую-то печатку. Потом вытащила старую потертую сумку. В ней были два гроша, пятак и двадцать геллеров. Она положила сумку назад в столик, на нее – очки, страшный чепец с бантом, печатку и выглянула в окно. На дворе был полумрак, особенно под лесами, но в окнах на этажах и галереях свет еще не горел – повсюду было полное спокойствие. С минуту госпожа Моосгабр смотрела во двор... смотрела с минуту и как бы проникалась этой тишиной... потом побежала в кухню. Поглядела на черный флаг, лежавший на диване как призрак, потом – на часы. «Пойду-ка в парк к фонтану, – сказала она себе, – а завтра – в Охрану». И вдруг торопливо схватила с дивана сумку, где были ключи, и выбежала из квартиры.

В шляпе с длинными зелеными и красными перьями, с красно-белыми напудренными щеками, с накрашенными губами и бровями, с ниткой бамбуковых бус, с подвесками на проволочках в ушах и в белых перчатках... в длинной блестящей черной юбке, блузке и туфлях без каблуков она обогнула в проезде тачку, кирпичи, бочку с известкой... и выбежала из дому. Она прошла по трем убогим улочкам, не повстречав никого, и очутилась на перекрестке возле торгового дома «Подсолнечник». Перешла его по белым полосам на асфальте, оглядела широкий проспект – где-то посреди него, на здании редакции «Расцвета» горела, хотя было еще светло, неоновая лампа, – вдоль проспекта устремила взгляд к площади Альбина Раппельшлунда: там, как раз напротив проспекта, стояла статуя председателя, и даже издали было видно, что она все еще украшена лентами после его недавнего праздника... Туда госпожа Моосгабр не пошла. Она побежала к уличным киоскам из стекла и пластика. На многих уже светились неоны, и люди возле них пили лимонад, ели мороженое, ведь был сентябрь месяц, тепло, деревья еще зеленели, и в положенных местах еще цвели цветы. Госпожа Моосгабр прошла мимо людей у киосков особенно быстро, зная, что многие обращают на нее внимание. Что многие обращают на нее внимание, она знала, уже когда миновала три убогие улицы и очутилась на перекрестке возле торгового дома «Подсолнечник», там, где она, собственно, была сейчас... и подумала: «Я похожа на артистку или на жену камердинера, что ж, пойду дальше». И она устремилась дальше – перья на шляпе трепетали, бусы на шее позвякивали, подвески в ушах тряслись, а к щекам под белой пудрой приливали кровь. Наконец она подошла к Филипову, к этому буйству зелени и деревьев. Наконец она пришла в парк. А потом оказалась на площадке перед фонтаном и скульптурой поэта.

Вода била из четырех клювов каменных птиц, преломляясь в вышине и дугой падая вниз, – это был фонтан. На кубе, опираясь о столб, стоял мужчина, в одной руке он держал книгу, в другой розу – это был поэт. На краю площадки была клумба белых цветов. И госпожа Моосгабр замедлила шаг.

Госпожа Моосгабр замедлила шаг, теперь казалось, что она просто прогуливается... и если на перекрестках и улицах она никого не замечала, то сейчас явственно увидела матерей и воспитательниц, которые все еще сидели на лавочках, смотрели на фонтан, на поэта, и главное – следили за детишками, игравшими у них на глазах... да, они сидели и смотрели в этот предвечерний час, когда уже стало смеркаться, ведь был сентябрь месяц, тепло, цвели цветы, и зеленели деревья... и все-таки многие потихоньку вставали и собирались домой. Госпожа Моосгабр видела перед собой фонтан и поэта, но она не знала его, да и вряд ли вообще читала

стихи, хотя один стишок она помнила, помнила невесть откуда, может, еще со школы, и сейчас, когда она смотрела на поэта, этот стишок снова пришел ей на память. «Старушка слепая из церкви бредет, – пришел ей на память стишок, – клюкою дорожку никак не найдет. Клюкою дорожку торить нелегко, упала старушка – не подымет никто». Она отвела взгляд от фонтана и от поэта и снова увидела в сумерках матерей, и воспитательниц на лавочках, и тех, кто уже потихоньку вставал и собирался домой, снова увидела в сумерках детишек и кивнула. «Из них наверняка вырастут хорошие люди, – сказала она себе, глядя на них в сумерках, – их оберегают, и, возможно, они станут студентами, полковниками, купцами». Но теперь она заметила, что многие матери, воспитательницы и дети смотрят на нее. Они смотрели на нее такими же глазами, какими раньше смотрели люди на улицах, и она знала почему. Они смотрели на ее шляпу, серьги, бусы, смотрели на ее красно-белые щеки, на белые перчатки, может, и на ее длинную черную юбку... и она подумала: «Я похожа на артистку или на жену камердинера. Или на купчиху с Попугайских островов...» – однако теперь госпоже Моосгабр стало казаться, будто некоторые матери и воспитательницы даже кивают ей, слегка кланяются, улыбаются, госпожа Моосгабр не была уверена, так ли это, но, может, оно было именно так, она ведь похожа на артистку или на купчиху с Попугайских островов. Она медленно прохаживалась, смотрела, выглядывала, искала, искала повсюду вокруг, в ближних деревьях, на газонах, в кустах и уж было решила с этой площадки, где был фонтан и скульптура поэта, перейти на широкую дорогу и побродить по ней взад-вперед или пойти к кладбищенской стене – к лавочке Клотильды Айхенкранц, когда вдруг остановилась как вкопанная.

У клумбы белых цветов, у самого ее края, появился мальчик в бело-голубой полосатой майке.

Он появился там, точно упал с неба или вышел из этих белых цветов – будь это на кладбище, могло бы показаться, что он встал из огромного леса могил. Он стоял лицом к цветам, стало быть, спиной к дороге, и явно смотрел на белые цветы. А потом внезапно прыгнул на край клумбы и – никто и глазом не успел моргнуть – сорвал один белый цветок, а потом – никто и глазом не успел моргнуть – отпрыгнул назад и засунул цветок за майку. Он опять постоял у клумбы, но теперь уже стоял спиной к ней, а значит, лицом к дороге. Выпятив грудь с цветком, он оглядывал лавочки, воспитательниц, матерей и детишек, озирался вокруг и, казалось, хотел, чтобы на него обратили внимание. А потом вдруг подпрыгнул, обежал фонтан и вышел на большую дорогу. Госпожа Моосгабр припустилась за ним.

Маленький Айхенкранц поминутно отходил на обочину дороги, то замедлял, то снова ускорял шаг, останавливался и разглядывал деревья, кусты или людей на лавочках, что потихоньку собирались домой. На одной тропе, где рос кипарис, он постоял у лавочки, на которой какая-то старушка в длинной черной блестящей юбке, кофте и туфлях без каблучков свертывала на коленях бумагу, а крошки, что оставались в бумаге, аккуратно сыпала припозднившимся птицам. Мальчик в нескольких шагах от нее молча смотрел, как она сыплет крошки птицам, и она вдруг, не переставая сыпать крошки, посмотрела на него, на его белый цветок за полосатой майкой. А мальчик выпятил грудь и повернулся так, чтобы старушка как можно лучше разглядела этот цветок. Потом он вдруг прыгнул, раскинул руки и побежал, изображая полет птицы. Госпожа Моосгабр уже снова никого не замечала вокруг. Не замечала, смотрят ли люди на нее – она ведь похожа на артистку или на купчиху с Попугайских островов, – все свое внимание она сосредоточила на мальчике. Она неустанно шла за ним, отходила на обочину дороги, то замедляла, то снова ускоряла шаг, останавливалась и ни на минуту не спускала с него глаз. Подойдя к перекрестку, он снова остановился и поглядел на человека, сидевшего на лавочке – к ней был прислонен зонтик. Но человек не обращал особого внимания ни на него, ни на его цветок, он смотрел куда-то в сторону, мимо мальчика, туда, где

стояла госпожа Моосгабр. Мальчик, покачав головой, пошел дальше и остановился только у лавочки совершенно свободной – в эту минуту над окрестными кустами взлетели какие-то черные птицы, черные каркающие птицы, и мальчик, задрал голову, смотрел на них, пока они не скрылись из виду. А потом вдруг госпожа Моосгабр потеряла его. Это было совсем необъяснимо, но это было так. Это случилось за огромным платаном с расщепленным стволом. Мальчик зашел за этот расщепленный ствол и как сквозь землю провалился – госпожа Моосгабр и оглянуться не успела. «Вот так незадача, – мелькнуло у нее в голове, – вот так незадача, я должна найти его во что бы то ни стало...» Ускорив шаг, она сразу же оказалась у большого газона, но мальчика и след простыл. Она окинула взглядом боковые дорожки, но мальчик как сквозь землю провалился. Она вернулась к лавочке, где летали черные каркающие птицы, вернулась даже к перекрестку, где сидел человек с прислоненным к лавочке зонтиком, – ни следа. Будь это на кладбище, могло бы показаться, что мальчик слился с бесконечными рядами могил. Госпожа Моосгабр все еще продолжала выглядывать и искать, как вдруг возле нее появился какой-то не слишком старый мужчина в шляпе, он поклонился и сказал: «Не ищет ли дама очки? Не ищет ли она случайно кружева?» Она довольно резко повернулась к нему, но вспугнула лишь несколько птиц, и все. Однако сумерки стали сгущаться, и у госпожи Моосгабр все больше темнел взор. Она вдруг услышала за собой какой-то шелест, словно бы низко над землей пролетала птица, и, обернувшись, увидела, как в нескольких шагах от нее, раскинув руки, через дорогу перелетел мальчик в бело-голубой полосатой майке с белым цветком на груди. Потом он пробежал немного по газону и снова оказался на дороге. Госпожа Моосгабр вздохнула с облегчением. Ускорив шаг, она вскоре догнала его. Минутой позже, когда смерклось еще больше и у госпожи Моосгабр еще больше потемнел взор, мальчик вбежал на узкую тропу вдоль обвитых вьюном деревьев, а с нее выбежал на другую, еще более узкую дорожку, окаймленную густым кустарником. И там, на этой тропочке, перед одним кустом остановился.

Он остановился – руки в карманах – и на что-то смотрел. На то, что было явно под кустом. На то, что было явно на земле. На то, чего не было видно издали. Госпожа Моосгабр медленно стала приближаться к нему. Она видела, как в сумерках исчезает дорога и, кроме мальчика, на ней нет ни одной живой души. Но когда она оказалась на расстоянии шести шагов от мальчика, она заметила, что там под кустом, куда он смотрел, там, на земле, было все же еще одно живое существо. Там на задних лапках ходила белочка и разглядывала мальчика, а мальчик – ее. В эту минуту мальчик поднял голову, осмотрелся и... в эту минуту впервые увидел госпожу Моосгабр. Он увидел, что в шести шагах от него стоит какая-то старушка в шляпе с длинными разноцветными перьями, в длинной блестящей черной юбке и кофте. Он увидел, что щеки у нее белые, губы красные, брови черные. Увидел, что в ушах у нее стеклышки на проволоке, на шее красные, зеленые и желтые бамбуковые шары, а на руках белые перчатки. Мальчик увидел, что старушка смотрит на него, смотрит, смотрит и, пожалуй, слегка улыбается. Он глядел на нее, открыв рот, словно глазам своим не верил, а потом, как бы показывая, что не делает ничего дурного, выпятил грудь, прижал рукой белый цветок и снова повернулся к белочке. Он протянул к ней руку и начал звать ее так громко, чтобы и на расстоянии шести шагов было слышно. Звать ее, как подзывают кур.

В эту минуту с какой-то костельной башни за парком донесся бой часов. Пробило то ли шесть, то ли семь, часы били гулко, и госпожа Моосгабр с белым лицом и взором совсем потемневшим – были уже густые сумерки – приблизилась к мальчику. И в эту минуту, когда мальчик потрянул головой и снова, но теперь с еще большим изумлением, уставился на ее щеки, шляпу и бусы, в эту минуту что-то мелькнуло в голове госпожи Моосгабр. Может, что-то мелькнуло в ее голове на долю секунды раньше, чем забили башенные часы, может, чуть позже,

когда они уже пробили и мальчик, не сводя с нее изумленных глаз, стал медленно отступать к кустам, – это нельзя установить, как нельзя установить и то, что именно мелькнуло в голове госпожи Моосгабр. Она приблизилась еще на шаг к мальчику, а он еще дальше отступил к кустам. Госпожа Моосгабр приблизилась еще и подняла руки. Руки в длинных белых перчатках, сверкнувших в сумерках... и в эту минуту белка под кустом взвизгнула, и госпожа Моосгабр словно внезапно очнулась. Она сказала:

– Значит, ты Айхенкранц.

Мальчик все смотрел на нее, открыв рот, и, казалось, потерял дар речи. Он еще на шаг отступил к кустарнику.

– Погляди на куст, – указала госпожа Моосгабр белой перчаткой за его спину, – а ну как тебя самого тут сейчас поймают? А ну как тебя самого тут сейчас убьют? А ну как тебя самого сунут под куст? Поздно уже, а ты все шляешься. Пойдем теперь со мной, я тебя домой отведу.

Только теперь мальчик чуть пришел в себя и заговорил:

– Мы здесь неподалеку живем.

– Неподалеку, – кивнула госпожа Моосгабр, – ты со мной должен идти. Чтобы я видела, что ты действительно идешь домой.

И госпожа Моосгабр кивнула, повернулась и медленно пошла. И мальчик, как ни странно, двинулся с места, повернулся и медленно пошел следом. Шел он, может, еще медленнее, чем госпожа Моосгабр, то ли в шаге, то ли в полушаге от нее, и не отрываясь глядел на нее, но уже не так изумленно. По маленькой тропе они направились к большой дороге.

– Ты смотрел на белку, – сказала госпожа Моосгабр, – это была какая-то припозднившаяся белка, которая еще не спит. Белки ложатся спать с курами. Ты же не хотел ее убить?

– Убить? – удивился мальчик. – Убить? Этого никто не делает. Белок кормят. Я с ней разговаривал.

– А как же тогда синицы, зяблики? – сказала госпожа Моосгабр. – Ты их подстреливаешь?

– Зачем мне их подстреливать, – сказал мальчик, – они не вредные.

– А как же вороны, – сказала госпожа Моосгабр, – ворон слишком много?

– Ворон много, – сказал мальчик, – и они вредные.

– У тебя ружье отобрали, не так ли?

– Духовое ружье, – сказал мальчик, – настоящие ружья и бывают только у солдат.

– Но ты же знаешь, что ни во что живое стрелять нельзя. И в ворон ты не должен стрелять, – сказала госпожа Моосгабр.

– А я в них и не стреляю, – сказал мальчик. – Да и не попал бы.

Они вышли на тропу вдоль обвитых вьюном деревьев и оказались на большой дороге близ газона.

– И пить ты не должен, – сказала госпожа Моосгабр, – ты для этого еще мал.

– Но пить надо, – сказал мальчик, – иначе человек умрет. Ему и есть надо.

– Но не водку же пить, – сказала госпожа Моосгабр.

– А я ее и не пью, – покачал головой мальчик, – может, иной раз только пиво. Пиво пью, – сказал он, – когда очень хочу пить. А в основном пью воду.

– И на кладбище нельзя ничего брать, – сказала госпожа Моосгабр, – хотя я в Бога не верю, верю в судьбу, но брать свечки, ленты, цветы и негасимые лампы – это грех, разве можно это делать?

– Делают, – кивнул мальчик, – но я нет. Разве что иногда беру сухие букеты. Их все равно бросают в корзину. Я помогаю здешним служителям.

Они дошли до огромного платана с расщепленным стволом, и госпожа Моосгабр ненадолго остановилась.

– Здесь, – указала она белой перчаткой на расщепленный платан, – здесь минуту назад я потеряла тебя из виду, ты будто сквозь землю провалился. Не успела я еще обойти дерево и осмотреться, а ты уже исчез как птица.

– Не как птица, – мальчик слегка улыбнулся, – как крот. Я влез в это дупло, – указал он на расщеп в стволе.

– В это дупло, – госпожа Моосгабр удивленно заглянула в расщеп, – ну теперь понятно. Пойдем дальше.

Они подошли к лавочке на перекрестке, где минуту назад сидел человек с зонтиком, там его уже не было. Они вышли на тропу с кипарисом, где сидела старушка в длинной черной блестящей юбке и кормила птиц, ее тоже там уже не было. Потом они подошли к фонтану со скульптурой поэта. Стоя на кубе, он опирался о столб, в одной руке держал книгу, в другой – розу. Из клювов каменных птиц кверху била вода и дугой падала вниз. Чуть поодаль была клумба белых цветов. Все уже потонуло в сумерках, здесь светили газовые лампы. А лавочки вокруг были уже пусты, матери и воспитательницы с детьми разошлись. Лишь несколько человек все еще ходили здесь, прохаживались взад-вперед, и госпоже Моосгабр опять показалось, что на нее смотрят, и она опять знала почему.

– Этот цветок, – кивнула она на полосатую грудь мальчика и на клумбу белых цветов, – ты взял здесь.

– Здесь, – кивнул мальчик и выпятил грудь, – это разрешается.

– Но в школе ты не слушаешься, озорничаешь, – сказала госпожа Моосгабр.

– Нет, не озорничаю, – возразил мальчик.

– Ничего не учишь, – сказала госпожа Моосгабр.

– Учю, – возразил мальчик.

– Ну тогда скажи, что ты учишь, – тряхнула головой госпожа Моосгабр, и перья на ее шляпе очень долго трепетали, – скажи, что ты учишь.

– Сейчас мы учили о председателе Раппельшлунде, – сказал мальчик, – недавно были у него именины.

– Так скажи, что ты знаешь, – кивнула госпожа Моосгабр, они прошли фонтан и свернули на дорогу к кладбищу.

– Альбин Раппельшлунд поступил в кожевню, – начал мальчик, – потом в военную школу, а потом учился на официанта. Научился аж по десять тарелок носить на руках. В двадцать лет поступил на службу к вдовствующей княгине правительнице Августе, стал камердинером, потом полковником... я вон там живу, – указал мальчик на другую дорогу.

– В конце парка, – кивнула госпожа Моосгабр, – у кладбища. Ну пошли. А потом что...

– Потом он стал министром, – продолжал мальчик, – навел порядок и пять раз летал на Луну. Когда возвращался назад, кровь у него ни разу не становилась тяжелой, как железо. Он основал музей и звездодром и обнаружил предателей, что хотели свергнуть вдовствующую княгиню правительницу. Но говорят, – мальчик чуть запнулся, но затем все-таки продолжал, – говорят, что уже тогда княгиню заточили и она не правила. Она, может, уже тогда была мертвая. Но она... – Мальчик снова запнулся и заулыбался. – Вы медицинская сестра или из полиции? – поднял он глаза.

– Я не медицинская сестра и не из полиции, – покачала головой госпожа Моосгабр, и затрепетали перья у нее на шляпе, и загремел на шее бамбук. – Ну а что было дальше? Ты не досказал. Этому, наверное, вас в школе не учат.

– Не учат, – кивнул мальчик, – этого нельзя говорить.

– А чего нельзя говорить? – спросила госпожа Моосгабр.

– Что вдовствующая княгиня, может, жива, – засмеялся мальчик, – но никто не знает, где

она. Где-то среди людей. Если бы о ней кто-то знал и не сказал, Раппельшлунд застрелил бы его. Велел бы его пытаться, пока он не сказал бы, где княгиня, и перестрелял бы всю семью. А может, он и сам о ней знает. А может, держит ее в заточении в княжеском дворце в городе.

Они приближались к стене, которая отделяла кладбище от парка, к стене, к тому небольшому пространству, где уже издали виднелись густые кусты и высокие деревья. У стены возле решетчатых кладбищенских ворот был большой платан и горела лампа, а возле платана и лампы стояло низкое строение. Это было жилище и лавка Клотильды Айхенкранц.

– Я почти дома, – сказал мальчик.

– Ты почти дома, – кивнула госпожа Моосгабр, – а есть ли у тебя сестры и братья?

– Что вы! – покачал головой мальчик и выпятил грудь. – Что вы! Я один.

– А папа? – спросила госпожа Моосгабр.

– Он умер и похоронен здесь, на Центральном кладбище.

– А мама? – спросила госпожа Моосгабр.

– Ну что вы! – покачал головой мальчик. – Она еще жива. Вон та лавка принадлежит ей.

– И она продает свечи, ленты, цветы, негасимые лампы, так ведь? – кивнула головой госпожа Моосгабр, и перья на ее шляпе затрепетали. – И еще шляпы, перчатки, зонтики. Ты ей в лавке помогаешь? – И мальчик поднял глаза и снова выпятил грудь с белым цветком. – Ну так я тебе вот что скажу, – кивнула госпожа Моосгабр, и затрепетали перья на шляпе, и загремели бусы на шее, – я расскажу тебе стишок, который вспомнила. Который знаю еще со школы. Чтобы ты лучше учился, не прогуливал уроки и не шлялся. – И госпожа Моосгабр прочла стишок: – «Старушка слепая из церкви бредет, клюкою дорожку никак не найдет. Клюкою дорожку торить нелегко, упала старушка – не подымет никто». Ну а теперь беги, – сказала госпожа Моосгабр, когда они подошли к тому месту, где росли густые кусты и деревья и откуда было рукой подать до кладбищенской стены, жилища и лавки госпожи Айхенкранц, – ступай, я хочу видеть, что ты и вправду идешь домой. И не озорничай, – добавила она, – не таскай вещи, не стреляй и не пей, не мучай маму, знаешь ведь, куда угодить можешь. В спецшколу, в исправительный дом и Бог весть еще куда. И знаешь, кем ты можешь стать, если будешь озорничать, – чернорабочим, поденщиком. Я постою немного и посмотрю, как ты войдешь в дверь.

Мальчик в последний раз поглядел на госпожу Моосгабр, на ее белое лицо, серьги, шляпу, бусы, на ее руки в белых перчатках, удивленно и растерянно улыбнулся и пошел к двери строения. Он оглянулся еще три раза. Госпожа Моосгабр стояла у кустов под деревом и смотрела ему вслед. Смотрела и на дверь строения, на зашторенное окно, на вывеску над ним и на цветную жестяную табличку с нарисованной бутылкой. Мальчик дошел, взялся за дверь, и, прежде чем госпожа Моосгабр успела глазом моргнуть, бело-голубая полосатая майка исчезла из виду. Госпожа Моосгабр еще минутку постояла у кустов под деревом, глядя на дверь, на строение, на зашторенное окно и на вывеску над ним... потом внезапно отпрянула за куст.

Дверь строения распахнулась, и в ней появилась госпожа Айхенкранц.

– Госпожа Моосгабр, госпожа Моосгабр... – услышала госпожа Моосгабр за кустом и увидела, как госпожа Айхенкранц бросилась в парк. – Госпожа Моосгабр, это вы?! – кричала госпожа Айхенкранц. – Госпожа Моосгабр, если это вы, то стойте! Госпожа Моосгабр, стойте!

Но в парке было уже темно, газовые лампы не могли просветить густые кусты под деревьями и обнаружить стоящую там женщину, и потому госпожа Айхенкранц, не увидев никого, вошла в дом.

Когда она закрыла за собой дверь, госпожа Моосгабр за кустом ощупала шляпу, серьги и бусы, и тут вдруг у нее слегка заболела нога.

Она возвращалась парком, но коротким путем – у нее слегка болела нога. Она вышла из парка и на тротуаре под лампой увидела полицейского в черной каске с серебряной окантовкой и бахромой на плечах. Заложив руки за спину, он смотрел в небо, где в эту минуту исчезли красные и зеленые огни звездолета. Когда звездолет исчез, полицейский опустил голову и медленно направился к госпоже Моосгабр. Госпожа Моосгабр быстро перешла улицу и на другом тротуаре замедлила шаг – у нее слегка болела нога. Она перешла перекресток у торгового дома «Подсолнечник», на котором светили неоны, посмотрела на ближайšie киоски, у которых люди ели и пили, и ей вдруг показалось, что за ней кто-то следует. То же ощущение было у нее, когда она с перекрестка окинула взглядом большой проспект, где была редакция «Расцвета», а вдали – площадь Альбина Раппельшлунда с его украшенной лентами статуей. Но она оглянулась, только когда входила в первую из трех убогих улочек близ своего дома – позади нее никого не было. Лишь чуть поодаль шли два подростка и пялились на нее так же, как и все остальные. Наконец она пришла домой.

Госпожа Моосгабр прежде всего зажгла в кухне свет, потом сняла шляпу, перчатки, бусы и подвески и все убрала куда-то в угол. На столе лежали помада, крем, пудра и карандаш привратницы – это она тоже убрала куда-то в угол. Нога у нее продолжала болеть, и она посмотрела, не погасла ли еще печь. «Сделаю себе уксусную ванну, – решила она, – и на ночь забинтую ногу». Она налила воды в умывальник, вымыла рот, щеки, брови, вытерлась и надела ночную рубаху. Потом расчесала старые седые волосы и, вынув из буфета бечевки, подвязала концы прядей. Из комнаты принесла простыню, одеяло и подушку и все положила на диван. Поставила на плиту кастрюлю воды, а из кладовки достала уксус. Потом собралась было еще посмотреть мышеловки под диваном, буфетом и за печью, а также в коридоре и комнате, и, если мышь попалась, принести из кладовки новые куски сала, когда вдруг начали бить часы у печи и в наружную дверь кто-то постучал. «Привратница, – сказала она себе, – думает, что я пришла из „Рица“ и хочет спросить, как там было. Ну и удивится же она, когда узнает, что я была не там, а в парке». Она вышла из кухни в коридор в ночной рубахе, с подвязанными волосами, и со вздохом открыла дверь. Но это была не привратница. Это были двое неизвестных мужчин.

– Госпожа Наталия Моосгабр, – сказал один из них.

– Полиция, – сказал другой и показал документ.

Госпожа Моосгабр вытаращила глаза и невольно попятилась.

– Не знала я, – сказала она, когда они вошли в кухню, – что вы придете, я уже в ночном. Вы, должно быть, пришли из-за мальчика Фабера, но господа полицейские здесь уже были. Упал он еще до семи, вон те часы как раз били, вчера похоронили его.

Полицейские сели на стулья у стола и стали разглядывать кухню. Стали и на нее, на госпожу Моосгабр, смотреть. На ее ночную рубаху и на старые седые расчесанные волосы, подвязанные бечевками, и заулыбались.

– Мы пришли не из-за мальчика Фабера, – сказал один полицейский.

– Так, верно, вы пришли, – сказала госпожа Моосгабр, – из-за этого маленького Айхена, заподозренного в том, что он крадет на кладбище вещи и стреляет в ворон. Я ведь как раз сейчас отвела его из парка домой. А ну как кто-нибудь вечером убил бы его по дороге и сунул в кустарник.

– Мы пришли вовсе не из-за какого-то Айхена, – сказали полицейские, продолжая оглядываться вокруг и улыбаться.

– Значит, вы пришли из-за Везра, – вздохнула госпожа Моосгабр и пошла к дивану, – я так и думала.

– Это ваш сын... – сказал один полицейский.

– Это мой сын, – кивнула госпожа Моосгабр, – три месяца был в тюрьме, теперь воротился. Но к счастью, не живет здесь. Я и не знаю, где он живет, сюда только иной раз заглядывает. Впрочем, и Набуле долго тут не задерживается, сейчас она вышла замуж.

– А за что ваш сын попал в тюрьму? – спросил один полицейский, и оба на минуту перестали улыбаться и разглядывать кухню.

– За что, я даже не знаю, – покачала головой госпожа Моосгабр и села на диван, – наверняка за что-то плохое. Должно быть, кого-то обидел, ведь сызмала дрался. Был в спецшколе, потом в исправительном доме, – тряхнула она головой, сидя на диване, – и получился из него поденщик, чернорабочий.

– А что он хотел от вас, когда пришел, госпожа Моосгабр? – спросил полицейский.

– Просто так пришел, – сказала госпожа Моосгабр и схватилась за ногу, – пришла с ним и Набуле и еще какой-то чужой человек, должно быть, один из свидетелей на свадьбе. Каменотес.

– Госпожа Моосгабр, – сказал полицейский, – ваш сын, он что-нибудь принес к вам?

Госпожа Моосгабр неуверенно огляделась и коснулась рукой своих старых седых волос.

– Принес, – сказала она, чуть помедлив, и снова осмотрелась, – принес зонтик и зайцев. Они висели за ноги вон на том окне... – Она указала на матовое окно.

– А принес еще что-нибудь? – спросил полицейский.

– Еще гроши, – кивнула госпожа Моосгабр, чуть помедлив.

Полицейские посмотрели на буфет, на печь, на часы и кивнули. Потом один сказал:

– Он хотел вам дать что-то из этих вещей? – И госпожа Моосгабр утвердительно кивнула.

– Хотел, – кивнула она, – этих зайцев и денег. Сказал, что на такие деньги можно и киоск купить, я же всегда хотела иметь киоск и торговать в нем и еще хотела быть экономкой. А тот чужой, тот каменотес, сказал, что на эти гроши я могла бы даже слетать на Луну и купаться там в лаве, и еще осталось бы у меня на мороженое.

– А вы, госпожа Моосгабр, точно знаете, что ваш сын вернулся из тюрьмы? – спросил полицейский.

– Из тюрьмы, – ответила госпожа Моосгабр, – точно знаю. Был там три месяца, уже в третий раз там. Ему двадцать пять, я поздно детей родила.

– Но мы пришли не из-за вашего сына, – сказали тут полицейские и стали улыбаться, разглядывать кухню и, конечно, смотреть на нее, на госпожу Моосгабр, сидевшую на диване, – мы пришли совсем по другому поводу. Мы пришли, сказать вам откровенно, только посмотреть, как вы живете.

– Как я живу? – удивилась госпожа Моосгабр. – Как живу? Как я живу?!

И полицейские кивнули и сказали:

– Да, как вы живете.

– Ну, значит, живу я здесь, – удивленно обвела рукой вокруг себя госпожа Моосгабр, – вон то матовое окно выходит на лестничную клетку, впереди передняя и кладовка. В передней шкаф, там у меня два черных флага, а в углу шест. А вон там комната, пойдете посмотрим.

Госпожа Моосгабр встала с дивана, встали и полицейские.

– Значит, это комната, – указала госпожа Моосгабр в дверях, – взгляните... Вот видите, у меня тут столик, большое зеркало, две кровати. Окно выходит во двор, где теперь леса. Дети спали здесь, Везр и Набуле, но теперь, как я сказала, спят здесь редко. Везр вообще никогда. Набуле хотя и живет здесь, но не спит, ее муж Лайбах живет на частной квартире у барышни Клаудингер, копит на квартиру в Алжбетове. Когда они были маленькие, я пела им

колыбельную.

Полицейские кивнули, вернулись в кухню к столу и сказали:

– Госпожа Моосгабр, судя по тому, как вы здесь живете – дверь прямо из проезда, а окно комнаты выходит во двор, – у вас водятся мыши, не правда ли...

– Вот именно, мыши, – кивнула госпожа Моосгабр и оперлась о буфет, – они шастают сюда прямиком. Госпожа привратница говорит, что хорошо бы пригласить крысолова, кошке тут не управиться. Но я думаю, что такой конторы нет в городе.

– Думаю, есть, – кивнул один полицейский неуверенно, – думаю, крысолов есть в конторе по очистке улиц.

– А я думаю, нет, – возразил другой, – госпожа Моосгабр права. У вас есть кошка? – спросил он.

– Кошки у меня нет, – сказала госпожа Моосгабр, – но вообще в доме есть. Я заряжаю мышеловки. Вот... – госпожа Моосгабр открыла буфет и вынула три пустые мышеловки, – вот... Остальные под буфетом, под диваном и вон там за печкой. И в комнате, и в передней. В кладовке у меня на тарелке сало, я посыпаю его ядом, белым порошком «Марокан». Он у меня тоже там.

Полицейские осматривали мышеловки, пробовали открыть и закрыть дверцы, потрогали пальцем даже дощечки за решеточками, потом кивнули.

– Хорошие мышеловки, – кивнули они, – мышь попадает в ловушку и умирает от яда. И вы потом выбрасываете ее...

– Потом выбрасываю ее... – кивнула госпожа Моосгабр и коснулась ноги, – в урну с золой. Она за тем матовым окном...

Полицейские кивнули и снова посмотрели на госпожу Моосгабр. Оглядели ее с ног до головы, ее ночную рубаху, старые расчесанные седые волосы, подвязанные бечевками, и заулыбались уже совсем в открытую.

– Ну так, значит, – сказали они и встали со стульев, – значит, все в порядке. Что ж, мадам, не сердитесь, что мы пришли так поздно, вы уже хотели лечь спать. Доброй ночи.

Госпожа Моосгабр проводила полицейских до двери в проезд, там полицейские мельком взглянули на кирпичи, тачку и бочку с известкой и ушли.

Госпожа Моосгабр снова закрыла дверь, осмотрела в кухне заряженные мышеловки, в них не было ни одной мыши, и снова поставила их на прежнее место, а потом приготовила себе ножную ванну. Воду из кастрюли вылила в ведро, добавила уксуса и окунула туда ногу. «Довольно странно, – сказала она себе, держа ногу в уксусной ванне, – пришли посмотреть, как я живу, и что, собственно, дальше? Собственно, ничего, повертелись здесь и поминай как звали. Какой был в этом толк?» Она вынула ногу из ведра, обернула ее тряпкой, погасила свет и легла на диван. С минуту смотрела на темный потолок, и в ее голове проносились разные мысли и образы, потом закрыла глаза.

Двумя днями позже двое в штатском привели госпожу Моосгабр на второй этаж одного серого дома с зарешеченными окнами и посадили ее в надлежащей канцелярии на скамье перед письменным столом. На письменном столе стоял телефон, а над столом висели портреты председателя Альбина Раппельшлунда и вдовствующей княгини правительницы Августы. Справа от письменного стола был столик с пишущей машинкой, слева – серое зарешеченное окно. За спиной госпожи Моосгабр была дверь в зал ожидания, а перед ней, позади письменного стола, – другая дверь. Эта передняя дверь была открыта и вела в следующую канцелярию.

– Мы все знаем, – говорил кто-то за открытой дверью в той канцелярии, – преступник найден. Но вы до сих пор не знаете, дорогой глупый Кефр, одного. Что это – женщина.

– Знаю, – сказал довольно раздраженно другой голос, вероятно этот самый Кефр, – знаю даже, что полиция арестовала ее сегодня утром в полвосьмого в метро на станции «Центральное кладбище». Это преступница.

– Для вас всегда все проще простого, дорогой глупый Кефр, – сказал первый голос, – преступница ли она, пока трудно об этом судить, еще ведь ничего не доказано. Лишь по чистой случайности в данном деле это правда, но в иных – это может быть и ошибкой. Сперва все должно быть детально расследовано и взвешено. Нельзя делать поспешные заключения, возможно, просто из ненависти. Люди бывают невероятно злы.

Госпожа Моосгабр на скамье перед столом улавливала голоса и напряженно вслушивалась. Но как бы напряженно она ни вслушивалась, она все же заметила, что в дверь за ее спиной вошли в канцелярию двое в штатском.

– Так вы, значит, Наталия Моосгабр, – сказал один из них, и госпоже Моосгабр показалось, что этот вопрос он задал слишком громко. Прежде чем она успела опомниться, один из штатских сел за пишущую машинку справа, вложил в нее лист бумаги и строго сказал:

– Сколько вам лет и где вы проживаете?

Госпожа Моосгабр уже немного опаматовалась и отрубилась:

– Достаточно. А живу в одной развалюхе.

– В старой части Блауэнталя? – спросил второй штатский, который тем временем отошел влево к зарешеченному окну.

– Там, – сказала госпожа Моосгабр.

В этот момент снова до нее донесся голос из передней открытой двери.

– Я же не говорю, что люди Бог знает как добры, – сказал голос, вероятно этот самый Кефр, – я, напротив, за устранение вредителей. Далеко бы мы зашли, если бы позволили вредителям ходить среди нас, честных граждан, куда бы это годилось. За короткое время у княгини появилась бы целая рота приемников.

– Ну-ну, – засмеялся второй голос, – «среди честных граждан», не будьте таким неразумным. По вашему мнению, дорогой глупый Кефр, честный гражданин тот, кто любит правителя. А тот, кто не заодно с ним, честным, по вашему мнению, уже не является? Он уже преступник, по-вашему? Скажу вам, однако, нечто другое, дорогой глупый Кефр, этого вы явно не знаете. Вообразите себе, что когда полицейский схватил эту женщину на станции в метро сегодня в полвосьмого утра, то в первую минуту он испугался.

Госпожа Моосгабр уже снова напряженно вслушивалась. При этом невольно чуть нагнулась и коснулась ноги.

– Любопытно, госпожа Моосгабр, – сказал штатский за машинкой. – Вы, значит, говорите, что ваш сын вернулся из тюрьмы...

– Да, из тюрьмы, – кивнула госпожа Моосгабр, – но это дело, по-моему, уже выяснено. Вчера у меня по этому поводу была полиция.

– А вы уверены, что он вернулся из тюрьмы? – спросил штатский и ударил по клавише пишущей машинки.

– Из тюрьмы, – кивнула госпожа Моосгабр, – об этом меня вчера тоже спрашивали.

– Хорошо, – кивнул штатский, – и у вас разболелась нога перед домом?

– Не перед домом, – сказала госпожа Моосгабр сухо, – вчера вечером, когда я возвращалась из парка. Дома я опустила ее, когда ушла полиция, в ведро с уксусом.

– Значит, компресс? – спросил штатский, но госпожа Моосгабр лишь подняла голову. Из передней двери снова донесся голос.

– Почему полицейский испугался, когда ее брал, почему? – донесся раздраженный голос. – Вам, наверно, кажется, господин Ротт, что полиция трусит?

– Видно, мой дорогой глупый Кефр, – ответил второй голос, вероятно, господин Ротт, – что вы действительно мало в чем разбираетесь и мало знаете. Что на Марсе есть вода и лесная поросль – это вы, конечно, знаете, а вот в какое время мы живем – этого вы не знаете? Вы что, позавчера прилетели сюда с Луны? Но и там вам полагалось бы это знать. Полицейский испугался, потому что оказался в затруднительном положении. Представьте себе, и полиция может оказаться нынче в затруднительном положении. Вы глупый, многое до вас не доходит, а еще хотите устранять вредителей? Вы ведь даже не знаете, кто такие вредители, путаете их с честными гражданами, а хотите их устранять? На вашем месте я бы лучше пошел мостить дворы. Да что там, – продолжал голос небрежно, – все равно вскоре все это выяснилось. То, что полицейский испугался, было, конечно, промашкой. По чистой случайности она действительно оказалась преступницей. И знаете что еще...

– Прикрой эту дверь, Ротт нам мешает, – крикнул штатский за машинкой другому штатскому, стоявшему у оконных решеток, – дома терпеть не могу такие разговоры, а тем более в учреждении. – И он сам встал со стула и закрыл дверь. – Так, госпожа Моосгабр, – сказал он голосом, который уже не показался госпоже Моосгабр таким строгим, – удивительно, что мы с вами, собственно, еще не знакомы. Вы не знакомы ни со мной, ни с моим коллегой, – кивнул он к оконным решеткам. – Мое имя, госпожа Моосгабр, – Смирш, а это господин Ландл. Мы оба давно играем на валторне.

Госпожа Моосгабр на скамье кивнула и подала руку.

– Наталия Моосгабр, – сказала она. – Госпожа Кнорринг мне уже рассказывала о вас на кладбище. А что этот господин Ротт, – сказала она, глядя на переднюю прикрытую дверь, – о чем, собственно, он говорит с господином Кефром? О какой-то женщине на станции «Кладбище»... – И госпожа Моосгабр хотела еще что-то сказать, но не сказала.

Внезапно открылась дверь за ее спиной, дверь из зала ожидания, и вошла госпожа Кнорринг. В туфлях на высоких каблуках, лицо тонкое, надменное, гордо вскинутая голова. В руке были ноты. Господин Смирш у машинки стремительно встал, господин Ландл у оконных решеток поклонился, а госпожа Моосгабр, повернувшись на скамье, поздоровалась.

Госпожа Кнорринг, кивнув, села за письменный стол напротив госпожи Моосгабр и положила ноты перед собой.

– Все время что-то происходит, – сказала она, – в полвосьмого утра арестовали в метро на станции «Кладбище» женщину, заподозренную в том, что она руководила бандой расхитителей посылок. Но самое худшее, что полицейский, когда ее брал, в первую минуту испугался. Сегодня полиция действительно в затруднительном положении, и ситуация, как мне кажется, постоянно ухудшается. А вы эти разговоры, господин Смирш... – госпожа Кнорринг обратила взгляд к пишущей машинке, – терпеть не можете, не так ли? Апропо, – посмотрела она перед

собой на скамью, – вы, госпожа Моосгабр, что-нибудь выяснили?

– Многое, – сказала госпожа Моосгабр, – вчера я с ним говорила в парке. Нашла его вечером у фонтана, он сорвал там цветок и сунул его за полосатую майку. Я шла за ним, словно вечерняя звезда, смеркалось, и я видела, как он смотрел на припозднившихся птиц, на ворон, на человека с зонтиком. У одного дерева он на минуту скрылся с глаз. Будто сквозь землю провалился – как и тогда на кладбище, среди памятников.

– Будто сквозь землю провалился? – подняв глаза, спросил господин Смирш за машинкой.

– Провалился, но я и это выяснила. Он спрятался в дупло дерева, и я его нашла. Пролетел мимо меня по дороге, как птица. Потом свернул на новые тропы и там, на одной из них, разговаривал с белкой. Он ничего ей не сделал, сказал, что не хотел убивать ее, напротив, он кормит белок. Я потом отвела его домой и по дороге все выяснила.

– И как, собственно, обстоит дело? – спросила госпожа Кнорринг теперь довольно задумчиво. – Он действительно ворует на кладбище и стреляет в птиц?

– Он говорит, – покачала головой госпожа Моосгабр, – что берет на кладбище только старые цветы, которые выбрасывают в корзину, и так, собственно, помогает служителям. Говорит, что вороны наносят вред, но что в них он все равно не попал бы. Братьев и сестер у него нет, отец умер и похоронен на кладбище. А мать жива...

– Это я знаю, – кивнула госпожа Кнорринг, – что еще?

– Что еще, – кивнула госпожа Моосгабр, – у него есть где спать, госпожа Айхен готовит ему, и он помогает ей в лавке. А не помогал бы ей, она не смогла бы торговать, он нужен ей, чтобы зарабатывать на жизнь. Она угостила меня пивом и шоколадно-вафельным тортом, это было позавчера, мальчик на похоронах грошей не брал, должно быть, этот господин сам их где-нибудь выронил, у госпожи Айхен в доме на кладбище водятся мыши. Но под стеклянный колпак к тортам и арбузам они не подбираются. И вчера, когда я отводила этого мальчика домой, я прочитала ему стишок, который знаю еще со школы.

– «Доброй ночи, ты спи сладко, ангел стережет кроватку...»? – спросила госпожа Кнорринг, высоко вскинув голову.

– Нет, не колыбельную, – покачала головой госпожа Моосгабр, – тот, что про старушку слепую.

– Хороший стишок, – сказал господин Смирш у пишущей машинки, и господин Ландл у оконных решеток кивнул.

– Хороший стишок, – кивнул он.

– Мне кажется, – сказала госпожа Кнорринг и посмотрела в ноты, которые были перед ней на столе, – что он переложен на музыку. Но я не уверена. Апропо, госпожа Моосгабр, – госпожа Кнорринг опять довольно задумчиво, вопросительно посмотрела на скамью перед собой, – что вы в целом думаете?

– В целом я думаю, – покачала головой госпожа Моосгабр, – что он мог бы плохо кончить и что мать вгонит в гроб. Он и вправду слишком озорничает, раз госпожа Айхен жалуется на него, значит, так оно и есть. Но может, стоит еще попробовать договориться. Госпоже Айхен он очень нужен в лавке.

На минуту в канцелярии воцарилась тишина. Господин Смирш и господин Ландл поочередно смотрели то на госпожу Моосгабр, то на госпожу Кнорринг, а госпожа Кнорринг за письменным столом задумчиво, вопросительно смотрела на госпожу Моосгабр.

– Хорошо, – сказала она довольно странным неуверенным голосом, – госпожа Моосгабр, и последний вопрос. Когда вы вчера отводили мальчика из парка домой, вы вошли с ним в квартиру и говорили с госпожой Айхенкранц?

– Нет, не вошла, не говорила, – покачала головой госпожа Моосгабр, – я ждала в кустах,

пока мальчик войдет в квартиру, а потом ушла. Нога разболелась.

Тут на столе у госпожи Кнорринг зазвонил телефон; поговорив, госпожа Кнорринг обратилась к пишущей машинке и оконным решеткам:

– Господа, мне на минуту надо подняться на третий этаж, меня ждут. По поводу этого случая в метро на станции «Центральное кладбище». Подождите здесь и через минуту вызовите госпожу Айхенкранц. Она в зале ожидания и своим несчастьем совсем уничтожена. – И госпожа Кнорринг встала, посмотрела на ноты на своем письменном столе и вышла в переднюю прикрытую дверь.

– Господин Смирш, – сказала тут госпожа Моосгабр со скамьи, – вы прикрыли эту дверь, и госпожа Кнорринг тоже. Не могли бы вы снова ее приоткрыть, эти господа еще говорят там?

Господин Смирш засмеялся и сказал:

– О, госпожа Моосгабр, они как раз говорят об этом случае в метро на станции «Центральное кладбище», ради этого мадам и поднялась наверх. Если вас это интересует, мадам вам потом обо всем расскажет. Но я в самом деле терпеть не могу разные политические разговоры с намеками, которые ведет господин Ротт, это не принято среди людей, тем более в учреждении. Господина Ротта за это могут в конце концов сместить с должности. Апропо, – повернулся он к господину Ландлу у оконных решеток, – госпожа Айхенкранц своим несчастьем совсем уничтожена. Разве случилось какое-нибудь несчастье? Ведь, кажется, ничего не случилось. Из-за одного мальчика мир не перевернется. Давайте пригласим ее.

Госпожа Айхенкранц вошла в канцелярию из зала ожидания в ту дверь, что была за спиной госпожи Моосгабр. Вошла в черном платье, в черном чепце, из-под которого выбивались черные локоны, от румянца на ее пухлых щеках не осталось и следа, она была бледна, как смерть. Увидев на скамье спину госпожи Моосгабр, она вскрикнула.

– Только спокойно, мадам, – сказал господин Смирш за машинкой, – разве что-нибудь случилось?

– Только спокойно, – сказал господин Ландо у оконных решеток, – ведь ничего не случилось.

Но госпожа Айхенкранц в черном платье и чепце была бледна, как смерть, беспокойна, казалось, близка к обмороку.

– Скажите, мадам, – сказал господин Смирш за письменной машинкой, – почему, собственно, вы испугались госпожи Моосгабр? Вы же ее знаете, позавчера вы шли с ней по кладбищу и пригласили ее к себе. Ведь госпожа Моосгабр была у вас, вы угостили ее шоколадно-вафельным тортом и пивом. А теперь вы испугались ее, будто совесть у вас нечиста. Что это значит, госпожа Айхенкранц?

Наконец госпожа Айхенкранц в черном платье и чепце немного пришла в себя.

– Я не испугалась, – сказала она торопливо и быстро, – я не испугалась. Я совсем не испугалась. Я же знакома с госпожой Моосгабр, почему совесть у меня может быть нечиста? Ничего плохого госпоже Моосгабр я не сделала. Ни она мне. Напротив, госпожа Моосгабр обещала похлопотать за меня в Охране.

– Ну вот видите, – сказал господин Смирш. – Почему же вы так беспокоитесь и так побледнели? Сядьте, пожалуйста.

Госпожа Айхенкранц села, но все-таки по-прежнему оставалась ужасно беспокойной и бледной. Она неуверенно смотрела на господина Смирша за машинкой, на господина Ландла у оконных решеток, но в основном на госпожу Моосгабр на скамье. Потом вдруг господин Смирш сказал:

– Однако мне кажется, что мадам придется еще увидеть мальчика.

– Боже милостивый! – вскричала госпожа Айхенкранц и заломила руки над черным

чепцом.

– Да, – кивнул господин Смирш, – грустно, но ничего не поделаешь. Впрочем, мадам вынесет все. Она видела даже разложившиеся трупы, а таковым мальчик пока еще не является. – И господин Смирш встал из-за машинки, подошел к двери зала ожидания и открыл ее. Он позвал слугу, что-то сказал ему, и в канцелярию тут же вошел маленький Айхенкранц.

Он вошел в бело-голубой полосатой майке с цветком на груди и улыбкой на губах. Оглядевшись, приблизился к стулу матери.

– Я в самом деле не знаю, что с вами, госпожа Айхенкранц, – сказал господин Смирш, подсев снова к пишущей машинке, – что, собственно, случилось? Или в самом деле что-то случилось? Конечно, и то правда... – он посмотрел на мальчика у стула, – что вид у него вполне невинный. Он выглядит как маленький полосатый ангел, вот-вот раскинет крылья. Но это обманчиво.

Сидя на стуле, в своем черном платье и чепце, госпожа Айхенкранц вдруг чуточку успокоилась. Чуточку успокоилась, но все-таки была еще беспокойна и бледна. Она сказала:

– Господин советник, я делаю, что могу. Госпожа Моосгабр знает, что это так, госпожа... – она повернулась к скамье, и госпожа Моосгабр кивнула, – он не ворует, ни свечки не взял. Ни палки. И ни в кого не стрелял. Правда... – Госпожа Айхенкранц, обратившись вдруг к сыну, взволнованно сказала: – Правда, что ты вчера то же самое говорил этой госпоже, когда она вела тебя из парка домой, это же так, правда?

– Это к делу не относится, – сказал господин Смирш за машинкой, – не повторяйте того, что к делу уже не относится.

– Спасибо, – сказала госпожа Айхенкранц, сейчас она была чуть спокойнее, но все-таки еще достаточно беспокойна и бледна. – Спасибо, господин советник. Но он ничего не взял и у того старикана у могилы, ведь старикан явно ненормальный. Разве вообще можно взять у кого-то что-то из кармана возле могилы? Вот так прямо из фалды, когда он стоит там, повернувшись в профиль? Госпожа Моосгабр лучше знает, что ничего взять нельзя, правда, госпожа... – И хотя госпожа Моосгабр кивнула, госпожа Айхенкранц вдруг опять обратилась к сыну и взволнованно сказала: – Правда, что ты вчера вечером то же самое говорил этой госпоже, когда она вела тебя из парка домой, это же так, правда?

– Это тоже к делу не относится, – сказал господин Смирш за машинкой, – и откуда госпоже Моосгабр знать, что так воровать не с руки, она же не карманница. И Клевенхюттер уже был здесь, дело решенное.

– Господин советник, – вскричала госпожа Айхенкранц, сейчас она была более спокойна, но все еще очень бледна, и голос у нее дрожал, – господин советник, спасибо и на этом. Но дома у него есть все, что только не пожелает, даже свой ящик. А вчера вечером он сам сказал госпоже Моосгабр, когда она вела его из парка домой... ты же говорил этой госпоже, правда... – быстро и настойчиво она опять обратилась к сыну, – госпожа Моосгабр все знает, она сама вчера вечером все осмотрела и выяснила, мы целый день искали мальчика, правда... – И госпожа Моосгабр на скамье кивнула в третий раз.

– Однако, мадам, – сказал господин Смирш за машинкой, – не о том идет речь. Речь идет о совершенно другом.

– Иисусе Христе, – вскричала госпожа Айхенкранц и снова забеспокоилась и побледнела, как смерть, – Господи Боже, я это предчувствовала. Я это предчувствовала. А о чем, ради Христа, речь?

– О том, – сказал господин Смирш, – что я никакой не советник, а пенсионер, и здесь, в Охране, только оказываю помощь.

Госпожа Айхенкранц вытаращила глаза, и бледность вдруг сошла с ее лица. Она опять

стала поспокойней. Взглянула на госпожу Моосгабр на скамье, и госпожа Моосгабр кивнула.

– Да, – кивнула госпожа Моосгабр, – господин Смирш – пенсионер и играл на валторне. Он до сих пор играет, а этот второй господин... – госпожа Моосгабр указала на господина Ландла у оконных решеток, – это господин Ландл, он тоже пенсионер и тоже играл на валторне и до сих пор играет. У меня перед домом снова разболелась нога, и господа помогли мне дойти. До этого мы не были знакомы.

– На валторне, или же на лесном роге, – сказал господин Смирш, – как и мой коллега Ландл. При этом мы сотрудничаем здесь в Охране. А сейчас готовимся к исполнению великого «Реквиема», – сказал он вдруг, бросив взгляд поверх письменного стола на портреты председателя Альбина Раппельшлунда и вдовствующей княгини правительницы Августы, – будем играть в больших оркестрах, приходится много репетировать, управляет нами мсье Скароне из Боснии. И... – он снова обратился к госпоже Айхенкранц, – так что не называйте меня «советником». Вы уже поспокойнее? Вы уже не так бледны? Вы уже не так боитесь госпожи Моосгабр? В самом деле, странно, что вы были так беспокойны и бледны и так боялись, теперь уже немного лучше. А что же ты, – господин Смирш вдруг повернулся к мальчику, – ты пока не сказал нам ни слова.

– Господин, – сказала госпожа Айхенкранц, к удивлению опять весьма беспокойно и сильно побледнев, – сегодня ночью он потерял голос. Он чуточку простудился вчера вечером в парке, когда госпожа Моосгабр вела его, и потому не может сегодня много говорить.

– Помилуйте, ведь еще сентябрь, тепло, – сказал господин Смирш, – откуда ж ему простудиться! Деревья зеленые, и еще цветут цветы. У него у самого белый цветок на майке, хотя и довольно увядший. Где ты его взял?

– Нашел, – улыбнулся мальчик.

– Нашел его на тротуаре где-то в парке, господин советник, – быстро сказала госпожа Айхенкранц, – кто-то, наверное, вчера его там обронил, и он теперь его носит. Носит его со вчерашнего вечера, с тех пор, как госпожа Моосгабр встретила его и привела из парка домой. Сам бы он ни за что не сорвал цветок.

Тут открылась передняя дверь и вошла госпожа Кнорринг. Она кивнула госпоже Айхенкранц, поспешно вставшей со стула, села за письменный стол и уставилась в ноты перед собой.

– Этот случай в метро на станции «Центральное кладбище» весьма необычный. Арестованная сегодня в полвосьмого утра на перроне действительно подозревается в том, что возглавляла шайку расхитителей посылок. То, что полицейский испугался, когда брал ее, было, конечно, промашкой. У полиции нынче действительно трудное положение, и чем дальше, тем оно станет труднее. Ситуация из рук вон скверная, и неизвестно, что будет... – Она посмотрела на господина Смирша за машинкой. – Господин Смирш не любит слушать об этих вещах. Но тут нечто другое... – Госпожа Кнорринг посмотрела перед собой на госпожу Моосгабр на скамье. – Мне кажется, госпожа Моосгабр, что та женщина, которую сегодня утром арестовали в метро, очень похожа на вас.

– Господи, – удивленно тряхнула головой госпожа Моосгабр, – но ведь это не я, госпожа Кнорринг. Я ведь никогда не возглавляла шайку расхитителей посылок. А сегодня утром я даже не была на станции «Кладбище». В самом деле, это не я, – сказала она снова, но теперь уже довольно шуточно.

– Конечно, это не вы, – засмеялась госпожа Кнорринг, – да и как бы это могло быть, если эта женщина арестована, а вы сидите здесь. Я просто говорю, что она похожа на вас. Но у нас впереди другие важные дела. Вот... – госпожа Кнорринг указала на ноты перед собой и перевела взгляд на господина Смирша за машинкой и на господина Ландла у оконных решеток, – это

очень трудная партия. Валторны здесь звучат под пение хора, а хор поет под звучание валторн. Это исключительно трудно и удается лишь при максимальном усилии. Апропо, госпожа Айхенкранц.

Госпожа Айхенкранц все еще стояла и была смертельно бледна, беспокойна, почти как в ту минуту, когда только вошла сюда. Одной рукой она держала мальчика за локоть и смотрела на госпожу Кнорринг, как на привидение.

– Госпожа Кнорринг, – сказала она взволнованно, – я несчастна. Я несчастна, и госпожа Моосгабр несомненно, подтвердит это. Госпожа Моосгабр вчера вечером привела мальчика из парка домой.

– Госпожа Айхенкранц в самом деле несчастна, – кивнула госпожа Моосгабр.

– Так сядьте же, мадам, – кивнула госпожа Кнорринг, – о мальчике мы все уже знаем. Госпожа Моосгабр подала рапорт, и я сейчас сделаю вывод. – И госпожа Кнорринг вскинула голову, подняла глаза к потолку, словно желая – при всей невозможности – лицезреть над собой портреты Альбина Раппельшлунда и вдовствующей княгини правительницы Августы, и сказала: – Мы еще раз попробуем. Пока мы его оставим дома, раз он вам помогает зарабатывать на жизнь. Вот так, – она посмотрела на мальчика, все время стоявшего возле матери, – попробуем еще раз, но это в последний. Если будешь по-прежнему озорничать, прогуливать школу и бродяжничать, если будешь брать чужие вещи и стрелять птиц, отправишься в спецшколу – пощады не жди. Госпожа Моосгабр ходит на кладбище и будет проверять. Апропо, госпожа Моосгабр, скажите по этому поводу свое слово.

– Если будешь озорничать, – повернувшись к мальчику, госпожа Моосгабр кивнула, – отправишься в спецшколу, в исправительный дом и станешь чернорабочим, поденщиком. И уж совсем вгонишь мать в гроб, слышишь, она же говорит, что она несчастна. У нее такая распрекрасная лавка, другой бы на твоём месте был счастлив, а ты изведешь ее. Он и впрямь изведет вас, госпожа...

– Изведет, – быстро кивнула госпожа Айхенкранц, снова стала спокойнее, и ее пухлые щеки казались уже не такими бледными, однако и теперь, хотя все кончилось удачно, она была, как ни странно, еще бледна и беспокойна... – изведет. Не смей больше ни шляться, ни воровать, – сказала она мальчику, – в кого тебе быть таким, я же порядочная вдова, ты должен был бы в меня пойти. И того духового ружья, что у тебя отобрали, ты тоже больше не коснешься. Госпожа Моосгабр будет проверять, а ты знаешь, что это значит. Госпожа Моосгабр строгая и спуска тебе не даст. Чтобы только ты не попал в спецшколу и меня не замучил. Госпожа Кнорринг, большое вам спасибо за ваше мудрое решение. Я премного, премного благодарна и госпоже Моосгабр, что она так горячо взялась за это дело, я знала, что она большая специалистка и все на свете знает. И лечит. И ты теперь тоже, – сказала она мальчику, – поблагодари как следует этих дам. Сперва госпожу Кнорринг. Встань на колени и скажи: «Милостивая госпожа, я очень благодарен вам, что вы еще раз со мной попробуете. Что я могу остаться дома и помогать в лавке».

Мальчик, улыбаясь, медлил, но потом опустился на колени перед письменным столом и повторил то, что велела мать. Отбарабанив, он быстро вскочил на ноги.

– Так, а теперь поблагодари госпожу Моосгабр, – кивнула госпожа Айхенкранц. – Скажи: «Госпожа Моосгабр, спасибо вам, что вы за меня похлопотали, а также за то, что вчера вечером привели меня из парка домой». Так. – И госпожа Айхенкранц вдруг сделалась почти совсем спокойной, и ее пухлые щеки стали чуть покрываться румянцем. Но тут случилось невообразимое: мальчик на колени не опустился.

Он неожиданно выпятил грудь с белым сухим цветком, улыбнулся и покачал головой.

– Эта госпожа, – улыбнулся он и покачал головой, – домой меня не приводила. Та госпожа

была совсем другая.

Госпожа Айхенкранц, смертельно побледнев, стала падать со стула. Госпожа Кнорринг и господа Смирш и Ландл, остолбенев, смотрели на госпожу Айхенкранц во все глаза. А госпожа Моосгабр посмотрела на маленького Айхенкранца, и на лице ее, как ни странно, не дрогнул ни один мускул. Наконец госпожа Кнорринг взяла слово:

– Как это не та госпожа, которая вчера вечером привела тебя из парка домой? Это именно она и есть.

Но мальчик улыбался и качал головой.

– О небо, – очнулась теперь и госпожа Айхенкранц, – это же именно та госпожа, Боже милостивый, это же госпожа Моосгабр, которая нашла тебя в парке и привела к дому.

Но мальчик опять улыбнулся и покачал головой.

– Ах Боже, – воскликнула госпожа Айхенкранц уже смертельно бледная и заломила руки над своим черным чепцом, – я предчувствовала это несчастье. Я предчувствовала. Он, бедняга, болен... – запричитала она, – вчера вечером, когда госпожа Моосгабр вела его домой, он простудился и ночью потерял дар речи...

– Но он же говорит, – вмешался господин Смирш.

– Но у него жар! – воскликнула госпожа Айхенкранц и, посмотрев на госпожу Моосгабр на скамье, сомкнула руки и выпалила: – Госпожа Моосгабр, прошу вас, вы же такая специалистка, спасите меня, несчастную, еще раз. Скажите, что это вы привели его домой. Ведь это были вы. Скажите это здесь госпоже Кнорринг и господам советникам, он ведь не знает, что говорит, у него жар. Я же тебе все утро втолковывала... – госпожа Айхенкранц взволнованно обратилась к сыну: – Все утро, и вчера вечером втолковывала, что тебе говорить здесь, в Охране, а ты возьми да...

– Это была я, – сказала госпожа Моосгабр.

– Ну вот видишь, видишь, – прикрикнула госпожа Айхенкранц на сыночка, – видишь, что это именно та госпожа, а ты несешь всякую чушь, потому что в жару. Ты простудился и потерял дар речи.

– Не потерял, – мальчик неожиданно снова покачал головой, – и не простудился. Это была другая женщина.

– Пойдите, – вдруг сказала госпожа Кнорринг за письменным столом, с головой высоко поднятой и лицом очень надменным. – Пойдите. Спокойно, сейчас мы проверим. Послушай, – она повернулась к мальчику, – когда эта госпожа вела тебя вчера вечером через парк домой, она читала тебе какой-нибудь стишок? – И мальчик, выпятив грудь, улыбнулся и кивнул. – Госпожа Моосгабр, – сказала госпожа Кнорринг, – прочтите стишок о старушке слепой. Вы прочтите его, а ты послушай.

И госпожа Моосгабр, кивнув, чуть повернулась к мальчику и прочла стишок о старушке слепой:

– «Старушка слепая из церкви бредет, клюкою дорожку никак не найдет. Клюкою дорожку торить нелегко, упала старушка – не подымет никто».

– Прекрасное стихотворение! – воскликнула госпожа Айхенкранц.

– Прекрасное, – сказала госпожа Кнорринг, – так. Говорила тебе дама, что вела тебя домой, этот стишок?..

И мальчик кивнул.

– Так, – кивнула госпожа Кнорринг, – этим доказано все. Все доказано, и поставим на этом точку. И чтобы нам закрыть дело, как я уже сказала, попробуем еще раз. Но если ты не будешь слушаться, отправишься в исправительный дом.

И госпожа Клотильда Айхенкранц вскочила со стула, ее смертельно бледные пухлые щеки

сразу же и надолго зарумянились, глаза засияли, в черном платье и чепце она вдруг стала похожа на веселую вдову.

– Как мне только отблагодарить вас, госпожа Кнорринг! – выпалила она весело.

– Не надо нас благодарить, – сказала госпожа Кнорринг за столом, – по крайней мере, видите, что наша Охрана – человечна, никого не обижает и не терроризирует, как подчас люди думают. Мы здесь никого не осуждаем просто так, как, пожалуй, делают в других местах. Мы сначала все выясняем, взвешиваем, у нас всегда побеждает правда. Не знаю, – она поглядела на господ Смирша и Ландла, а потом в ноты, – не знаю, успеем ли мы в срок выучить такую сложную партию. Валторн будет тридцать, а хор – человек сто. Это будет самый великий «Реквием», который когда-либо у нас исполнялся. Не знаю пока, когда будет премьера. Так, госпожа Айхенкранц, вы теперь можете идти, а ты постарайся быть примерным мальчиком.

Когда госпожа Айхенкранц с сыном, горячо поблагодарив и сердечно откланявшись, ушла, госпожа Кнорринг помолчала немного, а потом оглядела канцелярию.

– И в самом деле, происходит нечто особенное, – сказала она, устремив взгляд куда-то в пустоту, – у меня всякие странные предчувствия. Вы, господин Смирш, все эти политические разговоры... – она скосила взгляд к пишущей машинке, – терпеть не можете. Ни дома, ни тем более в учреждении. Но что поделаешь, хоть вы и терпеть их не можете, но от них никуда не денешься. Если бы я точно не знала, что вчера вечером в парке действительно была госпожа Моосгабр, я бы несомненно думала, что этот полосатый мальчик говорил правду. Но у него явно был жар, поскольку вчера вечером в парке действительно была госпожа Моосгабр, она ведь подала нам рапорт. Жаль, госпожа Моосгабр... – госпожа Кнорринг посмотрела на скамью перед собой, – жаль, что вы не дошли с мальчиком до самой квартиры, что остались в кустарнике. Так бы вы избавили госпожу Айхенкранц от излишнего страха. Но к счастью, все и так ясно.

Госпожа Кнорринг умолкла, а господин Смирш за письменной машинкой сказал:

– Я, мадам, не выношу, когда о политике говорит господин Ротт. Господин Ротт ведет слишком двусмысленные разговоры, а это не принято среди людей. Такие разговоры вызывают ненужное раздражение. Мы до сих пор не знаем, хотя и ведутся со спутников исследования, изменчивы ли кольца Сатурна и как они возникли. Мы до сих пор не знаем, является ли Плутон бывшей луной Нептуна или нет. А здесь мы болтаем о таких вещах.

– Не уверена, не известно ли все это уже давно, – в свою очередь сказала госпожа Кнорринг довольно строго, – мне же кажется, что все это уже известно. Но мне не ясен смысл того, что вы называете «слишком двусмысленными разговорами». Мне кажется, что все эти разговоры имеют один-единственный и определенный смысл, то есть мудрый смысл. И почему их не принято вести среди людей? Тогда где же принято их вести? На Нептуне? Или, по-вашему, в нашей стране живут звери? К тому же не думаю, – госпожа Кнорринг тряхнула головой, – что такие разговоры могут вызывать ненужное раздражение. Почему они могут раздражать? Потому что направлены против правителя? Но разве правитель всегда бывает хорошим? Вы, господин Смирш, видите изъян там, где я вижу достоинство, и благодарю Бога за это.

– Мадам, – несколько смущенно произнес господин Смирш за пишущей машинкой и положил палец на клавишу, – здесь госпожа Моосгабр хотела лишь знать, что, собственно, господин Ротт за прикрытой дверью говорил о случае в метро. Я сказал, что вы несомненно сами ей расскажете, если это ее интересует.

– Расскажу, госпожа Моосгабр, – кивнула госпожа Кнорринг, – сообщу вам об этом, причем незамедлительно. То есть я хочу, чтобы именно вы взглянули на этот случай своими глазами. Так вот: в течение долгого времени на почте в метро на станции «Центральное кладбище» исчезали посылки. Это могло быть под силу разве что целой шайке, которой знакома работа

почты на перроне. Вчера найден главарь шайки – женщина. Она была арестована на перроне сегодня в полвосьмого утра. Фамилия ее Клаудингер.

– Клаудингер! – вырвалось у госпожи Моосгабр на скамье.

– Но это не та Клаудингер, у которой живет ваш зять, – покачала головой госпожа Кнорринг, – это лишь совпадение фамилий. Та Клаудингер, как я вам уже сказала, по чистой случайности очень похожа на вас. Ей лет семьдесят.

– А что я должна выяснить, госпожа Кнорринг? – спросила госпожа Моосгабр с интересом. – Это тоже касается Охраны?

– Это касается Охраны, – кивнула госпожа Кнорринг, – касается постольку, поскольку есть подозрение, что в шайку расхитителей входил один мальчик по имени Линпек. Линпеку, – госпожа Кнорринг подняла голову, – примерно тринадцать, это сын госпожи Линпек, которая получает алименты от своего первого мужа и держит киоск в метро на перроне станции «Центральное кладбище». После школы мальчик возит по тому же перрону тележку и продает всякую всячину.

– Киоск, – удивленно проговорила госпожа Моосгабр, – она держит киоск в подземке на станции «Кладбище»? А что в нем продается?

– Что обычно продается на вокзале, – сказала госпожа Кнорринг, – разные пирожные, напитки, возможно, сигареты. Может, открытки и марки. Но нас интересует прежде всего ее сын, что возит по перрону тележку. Он продает разные вещи, которые покупают на перронах с тележек. Вы могли бы сходить туда и поговорить с госпожой Линпек и ее мальчиком? – Госпожа Моосгабр быстро кивнула, а госпожа Кнорринг продолжала: – Спросите их этак окольным путем, что они думают о расхищении посылок, и посмотрите, какой у них при этом делается вид. Выясните, как относится госпожа Линпек к мальчику и что это за мальчик. Судя по сведениям, какими мы располагаем в Охране, и по тому, что я только что слышала наверху, в нем есть зачатки преступника. Меня устроит, если вы подадите нам рапорт в течение недели. Полиция все равно раньше не закончит расследование по делу арестованной, ибо эта женщина глухая.

Госпожа Кнорринг посмотрела на письменный стол, посмотрела в ноты, и госпожа Моосгабр поняла, что аудиенция окончена. Сидя на скамье, она медленно коснулась ноги и потом так же медленно встала. Господин Смирш за пишущей машинкой и господин Ландл у зарешеченного окна молчали, и, казалось, они также считали, что аудиенция окончена. Но госпожа Кнорринг внезапно оторвала взгляд от нот, посмотрела на госпожу Моосгабр и сказала:

– Я знаю, вы не получаете за службу в Охране ни гроша. Но у меня есть возможность хоть как-то возместить вам это. У меня для вас, госпожа Моосгабр, вскоре, видимо, будет одна работа, за которую вы сможете получать жалованье. Я еще не знаю определенно, но это вполне реально. Речь идет о присмотре за мальчиком на несколько часов в неделю в одной богатой семье, на вилле. Хозяин – вдовец, часто не бывает дома, а его экономка не в состоянии углядеть за мальчиком. Нужно следить, чтобы мальчик после школы не шлялся и не озорничал, больше ничего. Он превосходный ученик, кажется, лучший во всей школе. Хромает у него только дисциплина. Хозяин вам за это щедро платил бы.

– Я, пожалуй, приму это предложение, – сказала госпожа Моосгабр, – я справилась бы с мальчиком, при этом успевала бы и на кладбище.

– Я вам дам знать, – кивнула госпожа Кнорринг, – а теперь сходите, пожалуйста, на перрон к госпоже Линпек.

И госпожа Моосгабр наконец действительно смогла откланяться.

Уже за дверью зала ожидания она услышала, как госпожа Кнорринг сказала:

– Итак, господа, посмотрите в ноты.

А когда госпожа Моосгабр выходила из зала ожидания в коридор, ей почудилось, что из канцелярии доносится пение.

Когда они прошли главные кладбищенские ворота и оказались на площади Анны-Марии Блаженной, башенные часы пробили половину третьего пополудни. Солнце отражалось на западной стороне стеклянной крыши вокзала «Центральное кладбище», который стоял в конце площади. Это было огромное высокое здание – узловая станция подземной дороги и одновременно уличного транспорта: автобусов и троллейбусов. Госпожа Моосгабр в длинной черной юбке, кофте, платке и туфлях без каблуков остановилась на окраине площади, посмотрела на огромное высокое здание вокзала и затрясла большой черной сумкой, словно хотела приободрить себя, но на самом деле она остановилась, посмотрела на здание вокзала и затрясла сумкой для того, чтобы указать привратнице на отдаленные современные дома.

– Там, – указала она, – был трактир, где у меня была свадьба. Трактир «У золотой кареты», но теперь от него и следа не осталось. Теперь на его месте многоэтажка. Ну а за этим вокзалом – рагуша, где нас поженили. А там, у тех киосков, – госпожа Моосгабр указала на киоски из стекла и пластика, расположенные близ отдаленных современных домов, – там сейчас ни одной живой души.

– Госпожа Моосгабр, – выпалила привратница, на ней была летняя цветастая блузка, короткая юбка, и ее щеки ярко пылали, – какое у вас отличное зрение, в такую даль видите, что там ни души. А я уже дожидаться не могу. Госпожа Моосгабр, – выпалила она, и ее щеки ярко пылали, – я ведь еще ни разу не видела, как вы работаете. Представляете, за эти двадцать лет, что вы в Охране, я ни разу не видела, как вы работаете. До сих пор мне обидно, что тогда, после похорон Фабера, я торопилась домой, а вы на кладбище гонялись за Айхенкранцем. Но сегодня я увижу вас в деле. Нам пора идти.

Они устремились к огромному высокому зданию вокзала – на его стеклянной крыше отражалось солнце, а возле него стояла статуя Анны-Марии Блаженной, – и госпожа Моосгабр затрясла большой черной сумкой и сказала:

– Как я вам уже говорила, госпожа привратница, когда госпожа Айхен увидела меня, она испугалась и не могла успокоиться чуть ли не до самого конца. А потом поблагодарила меня, что все так удачно вышло. Ну, а мальчик... – госпожа Моосгабр покачала головой, – мальчик не испугался. Он ни за что не мог поверить, что это была я. Сказал, что та женщина, которая его вела, была совершенно другая.

– Совершенно другая, – засмеялась привратница и ускорила шаг, – еще бы. Естественно, как бы он узнал вас, когда в том парке вы похожи были на артистку или на купчиху с Канарских островов. Если бы не я сама вас подкрашивала, я бы тоже не узнала вас. Но эти вещи вы пока можете оставить у себя, – сказала привратница, по-прежнему ускоряя шаг, – вы положили их в шкаф?

– Да, в шкаф, – кивнула госпожа Моосгабр, – шляпу я повесила, чтобы перья не сломались, бусы и подвески положила в шкатулку, а перчатки в пакет. Румяна, пудру и карандаш спрятала в буфет, чтобы мыши не разгрызли.

– Мыши их не разгрызут, – засмеялась привратница, – вот была бы потеха, если бы какая-нибудь влезла в румяна и пудру, представьте себе покрашенную мышь. Ее никто бы и не узнал. Думали бы, что это кошечка. – И привратница снова ускорила шаг и добавила: – Но, госпожа Моосгабр, как вы умеете владеть собой. Когда вы шли по улице, люди смотрели на вас, оглядывали с ног до головы, еще бы, вы похожи были на артистку, а вы на всех, говорите, ноль внимания.

– Ноль внимания, говорю, – кивнула госпожа Моосгабр, – смотрели и матери, и

воспитательницы у фонтана, и полицейский, когда я вышла из парка, и люди оглядывались мне вслед, а я ноль внимания. Я понимала, почему они смотрят мне вслед, ведь я уже старая. Если бы я вышла так пятьдесят лет назад, когда в трактире «У золотой кареты» была моя свадьба, дело другое. Но я вам вот что еще хочу сказать, – кивнула госпожа Моосгабр и затрясла большой черной сумкой, – госпожа Кнорринг сожалеет, что я не довела мальчика до самого дома, что я осталась в кустах. Мне надо было довести его до самой квартиры. Но мне не хотелось, раз я была похожа на артистку или на богатую купчиху. И знаете почему? Мне пришлось бы рассказать госпоже Айхен о «Рице».

Они подходили к статуе Анны-Марии Блаженной, стоявшей в тени огромного стеклянного вокзала, госпожа Моосгабр замедлила шаг, и привратница поневоле тоже. Какой-то старый экскурсовод как раз рассказывал там группе иностранцев о статуе.

– Анна-Мария Блаженная, – рассказывал он шепелявым голосом и поминутно хватался за жилетку, где висела золотая цепочка, – была матерью нынешней вдовствующей княгини правительницы Августы, она умерла шестьдесят лет назад в возрасте ста лет. Молва уверяет, что она ходила в народ, в адальбертской часовне пела на хорах, и утверждают даже, что она тайно продавала свечки в церквах. Нынешняя вдовствующая правительница Августа, – рассказывал старенький экскурсовод шепелявым голосом и хватался за цепочку, – унаследовала это, говорят, от нее. Так считается, но это неправда. Вдовствующая княгиня Августа на людях не показывается. Она пребывает в княжеском дворце и правит.

– А почему эту статую поставили именно здесь, возле этого огромного высокого вокзала, – оживленно спросил один иностранец в желтом котелке, – почему не поставили ее чуть в стороне или посреди площади? Возле этого огромного высокого вокзала статуя совершенно теряется.

– Статуя здесь стояла еще до того, как построили высокий вокзал, – сказал старенький экскурсовод шепелявым голосом, – это было именно так, а не наоборот. Вокзал построен по приказу председателя Альбина Раппельшлунда...

В эту минуту госпожа Моосгабр окончательно остановилась и устремила взгляд мимо статуи и иностранцев на площади к тем отдаленным киоскам и современным домам, где когда-то стоял ее свадебный трактир.

– Трактир назывался «У золотой кареты», – снова сказала она привратнице, но привратница в эту минуту смотрела на иностранцев возле статуи, в особенности на того в желтом котелке, и слушала экскурсовода.

– А скажите, пожалуйста, – снова оживленно спросил иностранец в желтом котелке, – это правда, что ваша вдовствующая княгиня правительница Августа на самом деле не правит? Что она в заточении или ее где-то тайно прячут?

– Это неправда, – покачал головой экскурсовод и испуганно огляделся по сторонам, – вдовствующая княгиня правительница пребывает в княжеском дворце в другом конце города и правит.

– А скажите, пожалуйста, – опять спросил иностранец в котелке, – значит, это неправда, что вашей княгини правительницы на самом деле давно нет в живых?

– Это тоже неправда, – экскурсовод снова испуганно огляделся по сторонам и схватился за цепочку на жилете, – это тоже только тайком говорится. Так говорили, еще когда я был совсем маленький. Еще когда я был возчиком на пивоварне.

– У тех киосков, – сказала госпожа Моосгабр, уставившись вдаль, – пока нет ни одной живой души. Все еще послеобеденное время.

– Послеобеденное время, – оторвала привратница взгляд от иностранца. – Бог мой, госпожа Моосгабр, вот-вот будет три. Надо идти. Госпожа Моосгабр, пойдемте. – И они снова

устремились вперед.

– Мне надо вам кое-что сообщить, – сказала госпожа Моосгабр, продолжая идти, – госпожа Кнорринг вчера также сказала, что у нее всякие странные предчувствия.

– А какие? – спросила привратница и ускорила шаг. – Что на нас набросятся чудовища с Марса? Или, может, – засмеялась она, – что наступит конец света?

– Не конец света, – покачала головой госпожа Моосгабр, – наверное, что-то другое. Я не поняла, а спрашивать не хотелось.

– У каждого бывают всякие предчувствия, – засмеялась привратница и снова ускорила шаг, они уже приближались к вокзалу, – у меня они тоже были, еще до того, как мой умотал. Наверное, госпожа Кнорринг имела в виду предчувствия политические, скорее всего. Но, скажите, пожалуйста, госпожа Моосгабр, – улыбнулась привратница, и ее щеки ярко пылали, – скажите мне, пожалуйста, как вы, собственно, подступитесь к госпоже Линпек? Просто так подойдете к ее киоску и скажете что-то?

– Прежде чем подойду, мне надо знать, она ли это, – сказала госпожа Моосгабр, – чтобы не завести разговор с кем-то другим. Я должна знать, что это она и что это ее киоск. Потом покажу ей документ и представлюсь. Потом спрошу о чем-нибудь вскользь, а сумку поставлю на пол.

– А почему только вскользь, – быстро сказала привратница, – это потому, что вы выясняете?

– Потому, что выясняю, – кивнула госпожа Моосгабр, – и еще потому, что на этот раз госпожа Кнорринг дала мне указание. Спросите их вскользь, сказала она, что они думают о расхищении посылок. И вообще, какое к этому отношение.

– Какое к этому отношение, – засмеялась привратница и еще больше ускорила шаг, – я просто дождаться не могу. А скажите, пожалуйста, госпожа Моосгабр, госпожа Кнорринг, значит, вам всегда заранее дает поручение?

– Дает поручение, – кивнула госпожа Моосгабр, – она всегда это делает, когда я должна выяснять. Но про этот случай я услышала на полчаса раньше. Когда я осталась в канцелярии с господами Смиршем и Ландлом, об этом как раз говорил господин Ротт с господином Кефром за соседней дверью, которую господин Смирш потом прикрыл. Но госпожа Кнорринг все равно об этом мне сама рассказала, а как же иначе, если она дает поручение.

Наконец госпожа Моосгабр и привратница оказались у огромного высокого вокзала и вошли в его зал.

Зал был стеклянный, в одной части стояли автобусы, троллейбусы, в другой было множество лавочек с табаком, фруктами, мылом, и везде много надписей и цветных реклам. С западной стороны сюда проникало солнце, но оно было ярко-желтого цвета, потому что огромная стеклянная крыша зала была окрашена в желтый. Странное дело: здесь было довольно пусто.

– Здесь довольно пусто, – сказала привратница, – потому что время послеобеденное. Здесь красиво, правда?

– Красиво, – госпожа Моосгабр потрясла большой черной сумкой и стала оглядывать лавочки с самым разным товаром, а также надписи и рекламы, – тут, собственно, как на рынке. Только тут не продают ни масла, ни птицы. Была я тут всего раз-другой, вы же знаете, подземкой я ездила всего два раза в жизни, именно в тот день, когда у меня была свадьба, сюда в ратушу, а потом в трактир и обратно. Но в то время стеклянного вокзала еще не было. В то время тут была такая низенькая часовенка. Как же мы с вами спустимся под землю...

– Вон там, госпожа Моосгабр, – быстро указала привратница и придала шагу, – вон по той лестнице, где надпись «К метро». Пойдемте туда поскорее, госпожа Моосгабр. Я уж дождаться не могу.

Они заспешили по большому залу к лестнице в подzemелье, точно опаздывали на поезд, привратница все время ускоряла шаг, госпожа Моосгабр трясла большой черной сумкой и все время, не замедляя шага, оглядывалась. И привратница сказала:

– А скажите, пожалуйста, госпожа Моосгабр, когда вы приступите к делу, то спросите у госпожи Линпек об этой Клаудингер, что возглавляла шайку? Хорошо бы она оказалась той Клаудингер, у которой живет ваш зять.

– Нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – это доказано. Та все же молодая барышня, а эта арестованная – глухая, и ей семьдесят. Госпожа Кнорринг тоже сказала, что это всего лишь совпадение имен.

– А скажите, пожалуйста, госпожа Моосгабр, – сказала привратница, и ее щеки ярко пылали, – а на виллу к тому богачу вы пойдете? – И когда госпожа Моосгабр кивнула, привратница добавила: – Было бы глупо с вашей стороны не пойти, если вам за это будут платить, а все остальное вы делаете задаром. Несколько часов в день у вас всегда найдется. А кто такой этот богач? – спросила она.

– Не знаю, – покачала головой госпожа Моосгабр, – этого госпожа Кнорринг мне пока не сказала. Знаю только, что у него есть экономка, которая не успевает присматривать за мальчиком.

– Экономка, – выпалила привратница, – он и вправду, значит, богач. Экономки бывают только у богачей, и как же не быть ему богачом, если у него вилла. А этот мальчик – что-то вроде Айхенкранца?

– Нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – скорей, наоборот. Очень хорошо учится, только после школы озорничает и шляется. Ему нужен присмотр.

Они дошли до лестницы в подzemелье и с небольшим потоком людей стали спускаться. Привратница в летней цветастой блузке и короткой юбке то и знай подпрыгивала на ступенях, а госпожа Моосгабр, глядя под ноги, одной рукой придерживала длинную черную юбку. Спустившись под землю, они очутились в огромном проходе, неожиданно разветвлявшемся надвое.

– Здесь он разветвляется, – засмеялась привратница. – Как же быть? Теперь вот этим путем. Посмотрите, госпожа Моосгабр, нам вот сюда, – звала она, кивая на стрелку с надписью «Станция Центральное кладбище», – второй проход ведет в другую сторону. Тот ведет к станции «Ратуша». Туда, где вас когда-то поженили. – И они пошли по указанию стрелки с группкой людей, которая теперь, после того, как проход раздвоился, стала еще меньше, чем на лестнице, и вскоре очутились на подземном мосту, зависшем над колеей. С моста надо было спускаться еще глубже – на правый или на левый перрон. С моста эти перроны были видны только своей передней частью, и потому госпожа Моосгабр не знала, на какой из них им сойти.

– Не знаю, – остановилась она, – то ли на правом, то ли на левом перроне киоск госпожи Линпек? Госпожа Кнорринг мне этого не сказала. Это, кстати, тоже необходимо выяснить.

– Необходимо выяснить, – выпалила привратница, – я сейчас спрошу.

Как раз проходил какой-то молодой человек, и привратница обратилась к нему.

– Господин, – спросила она, – где перрон, на котором киоск?

– На обоих есть киоск, – сказал юноша и посмотрел под мост, где как раз гремел поезд, – на правом и на левом. – И он уж было хотел продолжить свой путь, но еще раз посмотрел на привратницу, захопал глазами и сказал: – Киоск есть и на правом, и на левом, но они разные.

– Они разные, – засмеялась привратница, – тогда попробуем пойти сперва вправо. Если, госпожа Моосгабр, его там не будет, то тогда снова поднимемся на мост и попробуем пойти влево.

И они сошли с моста на правый перрон. Огромный перрон был полупустой, полупустым

был и здешний подземный ресторан с большими стеклами. За столиками сидели лишь несколько человек, они читали газеты, попивали, оглядывали полупустой перрон и колею, на которой с регулярными интервалами останавливались и снова отправлялись в путь серые и зеленые поезда. Группки людей из раздвоенного прохода еще больше поредели, разойдясь по мосту вправо и влево, а здесь, на большом перроне, они и вовсе почти рассеялись. Оно и понятно. К тому же было три часа, а в это время в метро всегда мало народу. Те, что работают ежедневно по шесть часов, уже дома, а те, что работают по восемь, десять, двенадцать часов в день, в дорогу домой еще не отправились. Госпожа Моосгабр и привратница обошли огражденный билетный автомат и устремились вперед, где вдали, в отражении неоновых огней и прочих ламп, сверкал киоск. Как и наземные киоски, он был из стекла и пластика, а внутри увешан товарами. В киоске кто-то сидел, но кто – на таком расстоянии не было видно.

– Пожалуй, это она, – сказала привратница, все больше ускоряя шаг, – надо подойти еще ближе, дождаться просто не могу. Госпожа Моосгабр, – привратница, припустив еще быстрее, стукнула себя по лбу, что делала весьма редко, – не взять ли мне у вас сумку? Пожалуй, если я понесу, будет лучше, у вас руки будут свободны, когда станете представляться.

– Да нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – сумка у меня должна быть. Я ведь должна вынуть из нее документ, без него не представишься. Потом поставлю ее к ноге, чтобы видна была.

– Хорошо, – кивнула привратница, – но не следует ли мне идти в двух шагах от вас, будто я к вам не имею отношения? Чтобы она не испугалась, что мы идем вдвоем.

– Она не испугается, – сказала госпожа Моосгабр, – пойдете со мной. Я сразу же представляюсь, а потом представлю и вас, как нашу привратницу.

– Хорошо, – воскликнула привратница восторженно, – тогда я иду с вами. Но мне кажется... – Привратница теперь устремила взгляд ко все приближавшемуся киоску и замедлила шаг. – Но мне кажется, что этот киоск не госпожи Линпек. Там сидит какой-то старикан!

– В самом деле, – сказала госпожа Моосгабр и тоже замедлила шаг, она тоже теперь увидела, что в киоске сидит пожилой человек, – значит, у госпожи Линпек киоск на другом перроне. Ничего не попишешь! Да и на этом перроне, как посмотрю, нет никакой почты, это наверняка с левой стороны.

И, повернувшись, они снова прошли мимо полупустого ресторана и потом по лестнице поднялись на мост, зависший над колеей. Под мостом гремел поезд, и госпожа Моосгабр сказала:

– Уж и не помню, хорошо ли в нем ехать. С моей свадьбы прошла целая вечность. Думаю, в те времена столько поездов и не ходило. – И они спустились на левый перрон.

Левый перрон был гораздо больше правого и даже красивее, потому что к этому перрону на станции «Центральное кладбище» подходили не серые и зеленые поезда, а зеленые, красные и желтые, и доходили они до районов, куда с правого перрона попасть было нельзя. Поскольку сюда вел подземный переход и со станции «Ратуша», то и здешний ресторан был гораздо больше и красивее, чем на другой стороне. За большими стеклянными витринами горели хрустальные люстры, на одной колонне висел огромный портрет председателя Раппельшлунда и вдовствующей княгини правительницы Августы, но многие столики все равно пустовали. И здесь сидели всего лишь несколько человек, читали газеты, попивали и озирали полупустой перрон. Госпожа Моосгабр и привратница устремились мимо ресторана вперед, где вдали белел и сверкал в лампах и неонах киоск.

– Наверняка здесь, – сказала привратница, – в другом месте и быть не может, раз это именно станция «Кладбище». А вон там почта, взгляните. Вон светится надпись: «Почта, метро Центральное кладбище». Именно отсюда и воровали посылки.

В самом деле, они подходили к почте, а когда дошли, увидели там еще одну надпись: «Прием и отправка посылок», а под ней стрелку, указывавшую куда-то в сторону зеленого лифта. Киоск приближался, привратница ускоряла шаг, и ее щеки ярко пылали. Киоск изнутри был уставлен деликатесами, бутылками пива, лимонада, а также коробками сигарет, но перед окном стоял молодой человек в оранжевом свитере и разговаривал с тем, кто сидел за окошком. Когда он чуть склонил голову, госпожа Моосгабр и привратница увидели за окошком женщину.

– Она, – сказала госпожа Моосгабр, – мы пришли. Но чуть подождите, госпожа привратница, не бегите так... – однако привратница еще больше ускорила шаг, и ее щеки ярко пылали, – надо подождать, пока покупатель уйдет. Давайте покамест немного пройдемся.

И они, замедлив шаг, стали прогуливаться.

– Любопытно, как вы представитесь, – засмеялась привратница, глядя на молодого человека в свитере перед киоском, – как вы будете выяснять и чем все дело кончится. Что она скажет о мальчишке и что скажет об этих посылках.

– Если сама не скажет, мне придется затронуть этот вопрос, – сказала госпожа Моосгабр и потрясла большой черной сумкой, – удивительно, что «Отправка посылок» отдельно от почты, в самом конце туннеля, у лифта. Когда я в прошлый раз ехала под землей на свадьбу, сюда в ратушу и к трактиру «У золотой кареты», все было иначе. Почты здесь решительно не было.

– Может, тогда еще посылки не отправляли подземной дорогой, – кивнула привратница, – может, их еще развозили почтари на лошадиных упряжках. Послушайте, госпожа Моосгабр, – выпалила привратница одним духом, – вы говорите, что у этого мальчишка должны быть преступные наклонности? Преступные наклонности, надо же, какой ужас! Вы их также коснетесь?

– Их, пожалуй, нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – разве что так, между прочим. Я должна определить, что следует выяснить в первую очередь. Чтобы выяснять, надо уметь определять.

Привратница засмеялась и посмотрела на колею. К перрону подходили поезда – зеленые, красные, желтые. Поскольку теперь они прогуливались, ожидая, когда наконец юноша в оранжевом свитере отойдет от киоска, госпожа Моосгабр какое-то время провожала поезда взглядом, а потом сказала:

– Люди в вагонах сидят или стоят. Припоминаю, когда в прошлый раз мы ехали на свадьбу, то сидели. Билеты мы купили вон там, за ограждением. Но это только когда мы ехали отсюда. Когда мы ехали сюда, мы покупали их в Блаэнтале.

Наконец юноша у киоска начал прощаться – это было видно по его жестам. Госпожа Моосгабр и привратница чуть поодаль приостановились.

– Он уже уходит, уже уходит, – выпалила привратница, и ее щеки ярко пылали, – наш час приближается. Но взгляните, – вдруг выкрикнула привратница, – посмотрите, силы небесные! Или у меня галлюцинация? – Юноша так сильно кивал головой, что теперь они уже хорошо видели женщину за окошком, и у привратницы глаза на лоб полезли.

– У меня галлюцинация, – выкрикнула привратница снова, – ведь она в окошке смеется. Ведь она смеется, госпожа Моосгабр, ведь она совсем не страдает.

У женщины за окошком были ярко накрашенные губы, на голове завивка с темной заколкой, и она действительно смеялась.

– Это может быть маска, – госпожа Моосгабр затрясла черной сумкой, – я тоже иногда смеюсь.

Юноша почти распрощался – он уже занес ногу, чтобы наконец удалиться, и привратница, успев еще раз оглядеть перрон, сказала:

– Что-то, госпожа Моосгабр, нигде не видно этого мальчишка. Но ведь он тут и вправду возит

тележку только под вечер. Смотрите, молодой человек уже отошел.

И привратница еще раз обернулась вслед уходившему юноше – ее щеки ярко пылали – и сказала:

– Думается, госпожа Моосгабр, я сегодня увижу то, что еще никогда не видала. В самом деле, я еще никогда не видала того, что через минуту увижу.

* * *

Они подошли к киоску в тот момент, когда к перрону подлетел зеленый поезд. Госпожа Моосгабр вынула из сумки документ и проговорила:

– Скажите, пожалуйста, – проговорила она, – вы госпожа Линпек?

Женщина с завивкой и заколкой продолжала за окошком смеяться. Она посмотрела подкрашенными глазами на госпожу Моосгабр и продолжала смеяться.

– Что вам угодно? – не переставая смеялась она. – Пряник?

– Я Наталия Моосгабр, – сказала госпожа Моосгабр и протянула документ, – Моосгабр из Охраны. Взгляните.

Госпожа Линпек сразу замерла, выкатила глаза, и вдруг госпожа Моосгабр и привратница сунулись к ней головами. А дело в том, что голова самой госпожи Линпек ни с того ни с сего опустилась за окошком на прилавок.

– О небо, – охнула госпожа Линпек, не поднимая головы с прилавка, – о небо, что опять происходит? Что это значит? Неужто снова является призрак? Нет, – она подняла голову с прилавка и подкрашенными глазами, полными ужаса и отчаяния, выглянула в окошко на перрон, – нет. Я сегодня вечером брошусь под поезд. Здесь, под этот поезд... – Она дернула головой в сторону колеи, по которой как раз подходил красный поезд. – Вы наверняка пришли из-за гиены, которая тут воровала, а из-за чего же еще вы могли прийти? Но мой мальчик не имеет с этим ничего общего, ни из одной посылки он не взял ни столечко. – Госпожа Линпек за окошком показала ноготь, и госпожа Моосгабр заметила, что он длинный и накрашенный. – Разве мы воруем? Никто из нас никогда ничего не воровал, разве что мой первый муж – алименты. А знаете что, мадам, – госпожа Линпек за окошком дернула головой так, что пышная завивка аж подскочила, – я об этом слышать больше не хочу. Я не хочу об этом ни с кем разговаривать. У меня здесь лавка, я должна торговать. Взгляните... – махнула она рукой из окошка на полупустой перрон и строго смерила взглядом госпожу Моосгабр, – взгляните, много ли тут людей! Брошусь под поезд, и крышка. – И госпожа Линпек решительно повернулась к колее, по которой как раз отходил красный поезд.

Привратница стояла позади госпожи Моосгабр и только глаза таращила.

– Мадам, – выпалила она, и ее щеки ярко пылали, – с чего это вы взяли, госпожа Моосгабр пришла вовсе не за тем, чтобы вы бросались под поезд. Госпожа Моосгабр – большая специалистка, у нее богатая практика. Ей было дано поручение, и теперь она приступает к делу.

Госпожа Линпек отвернулась от колеи и строго посмотрела на привратницу.

– А вы что, мадам?! – закричала она. – Вам-то что здесь надо? Вы свидетельница? Кидаетесь на меня вдвоем, как на овечку? Как на овечку на этой коробочке сыра... – И она ткнула рукой куда-то за стекло. – Вы пришли меня зарезать?

– Совсем не как на овечку, совсем не зарезать, – наконец сказала госпожа Моосгабр и затрясла черной сумкой, – это привратница госпожа Кральц из нашего дома, ей нечего было делать, вот она и пошла со мной. Она знает, что я в Охране уже двадцать лет.

– Госпожа Моосгабр в Охране уже двадцать лет, мадам, – выпалила привратница, по-прежнему тараща глаза, – я привратница в доме, как и представила меня госпожа Моосгабр. Я никакая не свидетельница. Видите, госпожа Моосгабр, – привратница укоризненно покачала головой, – видите, я все-таки должна была идти в двух шагах от вас, мадам, кажется, не на

шутку нас испугалась...

– Нет, не испугалась, – покачала головой госпожа Моосгабр, – с какой стати мадам должна нас пугаться? Нет никакой необходимости.

В эту минуту к киоску подошел какой-то не очень старый, но совсем плешивый человек и попросил лимонаду. Внезапно, словно по мановению волшебной палочки, лицо госпожи Линпек за окошком прояснилось, глаза засветились, и на ее красных губах появилась улыбка.

– Лимонаду, – улыбнулась она за окошком, протянула куда-то руку и откупорила открывалкой бутылку. Потом налила лимонаду в стаканчик, что был под прилавком, а плешивый человек дал пятак, взял стаканчик, чуть отошел и стал пить. Госпожа Моосгабр скользнула по нему взглядом, увидела, как он держит стаканчик и пьет, но потом, быстро отвернувшись, снова посмотрела на госпожу Линпек.

– Да, мадам, – сказала теперь госпожа Линпек – лицо ее внезапно застыло, и голос, внезапно изменившись, стал спокойным и на удивление глубоким, словно она говорила из омута, – сейчас три, и потому у меня мало клиентов. Если бы вы с этой мадам, – она указала на привратницу, – посетили меня через полчаса, вы б изумились. Одни поедут с работы, другие, те, что работают ночью, – на работу, и перрон станет как муравейник. В такие часы у меня просто голова идет кругом. Лимонад, пиво, сладости, открытки, правая рука не знает, что делает левая, как в ракете. И еще вы бы видели, сколько народу в этом привокзальном ресторане!

– А скажите, пожалуйста, мадам, почему люди туда ходят? – спросила привратница, и щеки ее запылали снова. – В нем ждут поезда? Ведь поезда ходят каждую минуту, – сказала она, глядя на колею, по которой как раз подходил желтый поезд, – здесь никому не приходится ждать поезда.

– Здесь люди выходят или пересаживаются, – сказала госпожа Линпек с лицом застывшим и голосом по-прежнему спокойным и глубоким, словно она говорила из омута, – а потом, ничего не поделаешь, пропускают несколько поездов и идут посидеть в ресторан. Многие предпочитают посидеть здесь, чем где-то наверху, на поверхности. В здешнем ресторане хрустальные люстры, и если вы пройдете подальше, то увидите там и зеркала в два раза больше, чем где-либо в другом месте. Люди любят там назначать свидания или развлекаться хотя бы тем, что смотрят на перрон и на поезда. Открытки здесь у меня пользуются большим спросом, потому что люди при этом любят писать, закажут себе «Нескафе» или пиво и пишат. Приходят сюда люди и с похорон, чтобы выпить.

В это время лысый мужчина в стороне от них допил, выбросил стаканчик в корзину, что стояла у киоска, и ушел. Госпожа Моосгабр посмотрела ему вслед, потом на корзину, полную использованных стаканчиков, и опять перевела взгляд на госпожу Линпек. Но госпожа Линпек снова была неузнаваема.

– Я этого не переживу, – трясла она головой в окошке, и ее голос звучал несчастно, отчаянно, но теперь стал высоким, как голос дрозда, – легко говорить, она пришла не для того, чтобы вы бросались под поезд, нет, не бросайтесь. Не бросайтесь, – голова госпожи Линпек опустилась в ладони, – о небо, почему все время являются эти призраки? Я разве на сцене, я же в киоске и честно торгую, как обыкновенная продавщица. А всё эта гиена, – госпожа Линпек быстро подняла голову с ладоней и строго поглядела перед собой, – а всё эта старая Клаудингериха, мальчик из посылки ни одной нитки не взял. Никто из нас, кроме моего мужа, не воровал. А Охрана, – госпожа Линпек строго посмотрела на госпожу Моосгабр, – Охрана по сей день не помогла мне, чтобы он платил алименты. А знаете, как все дорого и во сколько мне мальчик обходится? Ведь у него на зиму даже пальто нет, – госпожа Линпек внезапно вздохнула, и холод в ее подкрашенных глазах сменился какой-то печалью, – из старого вырос, нового нет, где его взять, ежели он не ворует. И он все время вынужден ходить в этом зеленом

свитерке, мадам... – госпожа Линпек посмотрела теперь на привратницу, которая стояла возле госпожи Моосгабр и уже с минуту не произносила ни слова, – еще и шапку придется купить, разве он может ходить в мороз без шапки, ну скажите вы, вторая мадам, вы сами скажите, ведь он замерз бы. А на Рождество и лыжи купить. Только об этом никто знать не хочет, люди такие странные, вместо этого одни лишь призраки, как на сцене, и сегодня вечером... – госпожа Линпек коснулась глаз, – я брошусь под поезд.

В эту минуту госпожа Моосгабр заметила, что из подкрашенных глаз госпожи Линпек стекают две слезы. Заметила это и привратница и в удивлении открыла рот.

– Мадам, – затрясла сумкой госпожа Моосгабр, – я, правда, не пришла для того, чтобы вы бросались под поезд, вам же госпожа Кральц уже сказала об этом. Но я все же лучше знаю, как трудно с детьми. Дорогая мадам, – госпожа Моосгабр затрясла сумкой, – я знаю мать, у которой сын был три раза в тюрьме, а дочка, того и гляди, туда угодит. Я знаю мать, которая пела детям колыбельную, а вы бы сегодня на нее посмотрели. Дочка свадьбу справляла, а ей ни куска не дала. А там были ветчина, салат, вино, лимонад, почитай, такой же хороший, как и у вас. И мать к этой свадьбе напекла ей еще пирожков, но дочка выбросила их в окно лошади. А потом и мать выгнала.

– Скажите, пожалуйста, – госпожа Линпек внезапно дернула головой, и ее несчастное, отчаянное лицо чуть ожило, слезы высохли под глазами, – а откуда она ее выгнала? Из дому?

– Не из дому, – покачала госпожа Моосгабр головой, – прямо из того трактира, где свадьбу справляли. У всех гостей на виду.

– У всех гостей на виду, – быстро вмешалась привратница, и ее щеки ярко пылали, – и у двух студентов тоже, а уж это для матери было невыносимым позором. Знали бы вы, мадам, что это значит. Госпожа Моосгабр это очень хорошо знает. Она в Охране двадцать лет и одному мальчику недавно глаз сохранила.

– Вороний? Эту черную ягоду? – спросила госпожа Линпек привратницу, но потом быстро отвернулась.

Появился покупатель. Это была женщина в цветастом платье.

– Мне лимонаду, пожалуйста, – сказала женщина и дала пятак.

Госпожа Моосгабр и привратница чуть отошли, и у госпожи Линпек за окошком внезапно опять просветлело лицо, на ее красных губах появилась улыбка.

– Лимонаду, – улыбнулась она за окошком, протянула куда-то руку, открывалкой откупорила бутылку, налила лимонаду в стаканчик. Женщина в цветастом платье взяла его, отошла в сторону и стала пить. Госпожа Моосгабр скользнула по ней взглядом, увидела, как она пьет, а потом опять обернулась к госпоже Линпек. К перрону как раз подходил красный поезд.

– Видите, поезда все время подходят, – сказала госпожа Линпек, и ее лицо опять немного застыло, и голос опять стал спокойный и глубокий, как омут, – все время подходят. Но клиентов пока мало, точно в пустыне Сахаре. Однако скоро начнется час пик, и клиенты повалят толпой, как в театр «Тетрабиблос». И тогда моя правая рука не будет знать, что делает левая, хуже, чем в ракете.

– Они быстро ходят, – кивнула госпожа Моосгабр, глядя на красный поезд, который снова тронулся, – люди, что стоят в нем, обязательно за поручни держатся. В туннелях и на поворотах так и кидает из стороны в сторону. Это я еще помню. Но в тот раз, помню, мы сидели.

– Чтобы вы поняли, – быстро сказала привратница госпоже Линпек, – госпожа Моосгабр ехала подземкой, когда выходила замуж. Свадьба была в трактире «У золотой кареты» за площадью, сейчас там стоят многоэтажки, и от трактира следа не осталось, правда, госпожа Моосгабр? А бракосочетание было в ратуше.

– В ратуше, – кивнула госпожа Моосгабр, – здесь, за вокзалом. Это было давно. Вокзала тут

еще не было, была только такая часовенка.

– Почему в ратуше? – спросила госпожа Линпек, ее лицо снова немного ожило, и голос был спокойный, хотя и не глубокий, а высокий, как голос дрозда, – а не в церкви?

– Нет, не в церкви, – покачала головой госпожа Моосгабр, – я в Бога не верю.

– Госпожа Моосгабр в Бога не верит, – засмеялась привратница, – госпожа Моосгабр верит в судьбу.

Цветастая женщина в стороне от них допила, бросила стаканчик в корзину и ушла. А госпожа Линпек чуть высунула голову из окошка и спросила:

– И той матери на свадьбе не дали даже выпить? И выгнали ее прямо из трактира? А дочка?

– Из трактира, а дочка, – кивнула госпожа Моосгабр и с минуту глядела вслед цветастой женщине, – даже губы смочить ей не дала. И это еще не все. Когда ее сын пришел из тюрьмы, он с сестрой и еще одним каменотесом делил в ее квартире краденое. Деньги, зонтик и двух зайцев, они еще остыть не успели. А когда он был маленький, то избивал в кровь в школе одноклассников, и дочка дралась с мальчишками. Потом оба отправились в спецшколу.

– В спецшколу, – оцепенела госпожа Линпек, – это исправительный дом?

– Это не исправительный дом, – покачала головой госпожа Моосгабр, – в исправительный дом они попали, когда уже вышли из спецшколы.

– Да разве только это, – вмешалась тут привратница, щеки ее по-прежнему ярко пылали, – госпожа Моосгабр, вы не сказали даме, что было дальше. Эти дети, мадам, – привратница посмотрела на госпожу Линпек, – эти дети позвали мать, когда Везр пришел из тюрьмы, в «Риц».

– В «Риц»? – заморгала госпожа Линпек подкрашенным глазом в сторону привратницы. – Неужто, мадам, прямо туда?

– Прямо туда, – кивнула быстро привратница, – в «Риц». Но когда мать оделась наилучшим образом и накрасилась – я сама ее красила и пудрила, значит, знаю, она выглядела чисто жена камердинера или купчиха с Канарских островов, – так дети над ней посмеялись и никуда не взяли. Отправляйся, мол, на кладбище и о мышах думай, написали ей, или что-то в этом роде. А видели бы вы, какая на ней была красивая шляпа с цветастыми перьями, и подвески на таких длинных проволочках, и разноцветные бусы-шары, точь-в-точь как эти поезда, что тут все время ходят, зеленые, красные, желтые... и перчатки.

– И она еще надела, – кивнула госпожа Моосгабр и затрясла сумкой, – свое лучшее праздничное платье, а ей не дали даже зайцев.

– Просто ужасно, – сказала госпожа Линпек задумчиво, подняла руку с красными маникюренными ногтями к голове и поправила в волосах заколку, – просто ужасно. Это похоже на китайскую драму. – А потом ее взгляд на мгновение скользнул по перрону, и голос у нее опять задрожал. – А мне разве лучше? – Голос у нее опять задрожал, и в черных глазах опять промелькнул ужас. – Муж не платит алиментов, Охрана не взыскивает их с него, а мне надо купить мальчику зимнее пальто, чтобы не ходил он все время в зеленом свитере, и еще шапку и лыжи. Ведь он и сам должен, бедняга, – госпожа Линпек посмотрела на привратницу, – зарабатывать, разве бы я одна вытянула, если муж – вор и не платит алиментов. Вы же знаете, он тоже бедный мальчик, продает с тележки, а знаете, сколько он зарабатывает? – Голос у госпожи Линпек снова сорвался, и голова опять опустилась в ладони. А когда она, не отнимая ладоней, снова заговорила, казалось, что она плачет. – Зарабатывает, – захлебывалась она, не отнимая ладоней, – на соль. Если грош в месяц, и то – много.

– Это мало, – кивнула привратница, – вы, госпожа Моосгабр, за могилы получаете больше, правда.

– Два гроша, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на бутылки с лимонадом,

подвешенные под стеклом.

– Вот видите, – подняла госпожа Линпек голову с ладоней и сказала голосом, полным укоризны и скорби, – вот видите. И еще, говорят, что мне не так уж и плохо? А еще школа постоянно мне угрожает, это, по-вашему, пустяки? Я просто диву даюсь, что еще не помешалась в рассудке, – голос госпожи Линпек снова сорвался, и в глазах появился ужас, – что еще сижу в этой лавке и что давно не под колесами.

– А почему школа, скажите, пожалуйста, – затрясла сумкой госпожа Моосгабр, – почему школа так насаждает на вас? Потому что он озорничает?

– Потому что озорничает, – вздохнула госпожа Линпек, и из ее глаз и голоса исчезла укоризна, осталась лишь скорбь, – у одного мальчика он отобрал медовик и избил его. Учительница прислала записку. А мой первый муж не платит мне алиментов, потому что я, дескать, позволяю мальчику распускаться. Ну позволяю ему распускаться, но разве я виновата в этом, если целый день здесь торгую? А теперь еще кому не лень сваливают на него почту, и как же не сваливать, дескать, ах так, раз он озорничает и мать позволяет ему распускаться, значит, и почта на его совести. Но не на его, мадам, как раз то, что на него сваливают, вовсе не на его совести. Видели вы когда-нибудь, мадам, пьесу о «Филиппе Трехглазом», а вы, вторая мадам, тоже не видели? – И когда госпожа Моосгабр и привратница покачали головами, госпожа Линпек сказала: – Это точь-в-точь как в той пьесе. На Эрвина тоже все свалили, потому что однажды он унес окно и отлупил стекольщика. Но во всем виновата гиена, – сказала госпожа Линпек вдруг голосом жестким, и ее глаза тоже ожесточились, – сегодня утром ее уже арестовал полицейский, как раз здесь перед рестораном, я видела это отсюда, как из партера.

– И они воровали посылки? – спросила как бы мимоходом госпожа Моосгабр, глядя на перрон, куда как раз подходил красный поезд.

– Они распаковывали посылки и воровали из них вещи, – кивнула госпожа Линпек, и ее голос теперь был снова спокойный и глубокий, как омут, – иногда забирали и всю посылку. Но всякий раз еще до того, как она доходила сюда по тому заднему лифту, – госпожа Линпек махнула рукой за спину. – Они брали только те посылки, что тут загружались, а не те, что выгружались, это было б сложнее, те находятся под контролем почтмейстера. И охотнее брали небольшие посылки, в больших обычно ничего путного не бывает. В основном воровали текстиль, пальто, свитера, шапки, драгоценности, у гиены, конечно, был сообщник, кто-нибудь с почты, без почты ей бы не справиться, пусть это и были посылки, что здесь загружались. Их отправляют в метро рано утром, в полдень и в двенадцать ночи, когда совсем мало народу, все должно совершаться мгновенно. Пока люди выходят и входят – всего минута, за которую моторист должен доставить посылки почтальону в первый вагон, поэтому загружают их вон там в конце перрона у лифта, где стоит автокар. Но видно, здесь замешан и кто-то из посторонних, о ком полиция еще не знает, видно, это какие-нибудь перекупщики, их, может, и сама глухая гиена не знает. Я бы не дала голову на отсечение, – сказала госпожа Линпек, и ее голос снова стал твердым, а взгляд – жестоким, – я бы не дала голову на отсечение, что у того старикана из киоска на правом перроне рыльце не в пуху.

Тут снова появились покупатели, молодой мужчина и женщина, оба в очках и поношенной бежевой одежде; мужчина, лоя ртом воздух, поднял два пальца, сложил ладонь трубочкой и поднес ее ко рту, слегка запрокинув голову. И лицо госпожи Линпек за окошком снова быстро просветлело, и на губах появилась улыбка. Она взяла бутылку лимонада, подняла, и мужчина кивнул. Она открыла две бутылки, налила в стаканчики, сгребла два пятака, мужчина и женщина взяли стаканчики, отошли в сторону и стали пить.

– Глухонемые, – сказала госпожа Линпек и пригладила на виске пышную завивку, – не говорят и не слышат. А я... – у госпожи Линпек вдруг снова сорвался голос и сделался

несчастливым, отчаянным, и в подкрашенных глазах снова появился ужас, – а я и вправду кинусь под поезд. Как бы мог мальчик впутаться в эти дела с посылками, гиена ведь глухая? Как бы он мог с ней столкнуться? Брошусь вечером на рельсы, когда сюда будет подходить поезд, и пускай разорвет меня на куски. Пусть даже не соберут меня и не похоронят, – голова госпожи Линпек снова опустилась в ладони, и в голосе стояли слезы, – все лучше, чем нести этот крест...

– У каждого, мадам, в жизни свой крест, – затрясла сумкой госпожа Моосгабр, – без этого, наверное, и не бывает. Знали бы вы, сколько мне выпало вынести, вы бы ушам своим не поверили.

– Да, – кивнула быстро привратница, – вы бы ушам своим не поверили. Госпоже Моосгабр в жизни гораздо хуже, а под поезд она не бросилась. Сами же видите, что не бросилась, раз она стоит тут. – И привратница указала на стоявшую рядом госпожу Моосгабр.

– Стою, – кивнула госпожа Моосгабр, – и сын пришел из тюрьмы, и дочь выкинула мои пирожки лошади, а меня со свадьбы выгнала, и в моем доме делят краденое...

– И кроме того, там еще какой-то каменотес, – вмещалась привратница, – а когда дети были маленькие, госпожа Моосгабр пела им колыбельную. И в «Риц» дети позвали ее, а когда она оделась и выглядела, как жена камердинера, посмеялись над ней и оставили дома. И даже зайцев не дали.

– Но как же так. – Госпожа Линпек подняла вдруг голову с ладоней, и ее подкрашенные глаза расширились от удивления. – Как так? Выходит, это были ваши дети, о которых вы мне рассказывали?

И госпожа Моосгабр с привратницей кивнули.

– Мои собственные дети, – сказала госпожа Моосгабр, – Везру двадцать пять, а Набуле – двадцать.

– О небо! – воскликнула теперь госпожа Линпек и высунула голову из окошка. – Как же, мадам, так поздно? Вы что же, мадам, не могли раньше, или господин супруг...

– Могла... – покачала головой госпожа Моосгабр, – но не хотела. Боялась. Не хотела иметь неудачных детей. А потом все-таки захотела. Очень захотела, чтобы на старости лет было на кого опереться, и потому их родила. Это была моя судьба.

– Но, мадам, – сказала госпожа Линпек быстро, все еще высовывая голову из окошка, – а что господин супруг? Он тоже бросил вас и не платил алиментов?

– Я вдова, – сказала госпожа Моосгабр, – муж был возчиком на пивоварне.

Мужчина и женщина в очках и поношенной бежевой одежде в стороне от них допили, зашевелили перед глазами пальцами и бросили стаканчики в корзину. Госпожа Моосгабр поглядела им вслед, потом на стаканчики в корзине и сказала:

– Когда я была молодая, я тоже хотела иметь такой киоск, как у вас, и торговать в нем. Продавать... – сказала она и посмотрела на перрон, к которому подходил зеленый поезд, – продавать салаты, ветчину, может, и немного вина, и мороженое, а главное, лимонад.

– Когда госпожа Моосгабр была молодой, – вмещалась привратница, – она еще хотела быть экономкой, правда, госпожа Моосгабр?

– Экономкой тоже, – кивнула госпожа Моосгабр, – одна моя школьная подруга была экономкой. Звали ее Мария, она была такая маленькая, слабая, согнутая, такая бедняжка, но дети любили ее. Потом она вышла замуж и взяла фамилию мужа, муж ее вскоре умер, но она оставалась экономкой в одной семье. Я не видела ее уже пятьдесят лет. Да вот ни киоска у меня нет, ни экономкой я не стала. Уже двадцать лет сотрудничаю в Охране и ухаживаю за могилами.

– А теперь госпожа Моосгабр будет приглядывать в семье, правда, – сказала привратница, – госпожа Моосгабр будет приглядывать в семье одного богача. У него вилла и экономка. Но

экономка не управляется с мальчиком. Госпожа Моосгабр будет там воспитательницей.

– Пятьдесят лет назад, – кивнула госпожа Моосгабр и оглядела перрон, – когда мы шли на мою свадьбу в ратушу и к трактиру «У золотой кареты», тут и вправду было все по-другому. И вашего красивого киоска, мадам, тут еще не было, думаю, что тогда торговцы ходили с бубликами. А нынче у меня неудачные дети. Ах, мадам, извините, пожалуйста, выходит, муж не хочет вам платить али... – сказала вдруг госпожа Моосгабр и покачала головой, – это очень плохо, надо что-то с этим придумать. Но скажите мне прежде еще вот о чем, скажите... – И у госпожи Линпек в эту минуту снова прояснилось лицо, засветились глаза, и она сказала:

– Вы же, мадам, знаете, что вам я скажу все, что вы захотите, только спросите, спросите. Видите ли, вторая дама, меня надо только спросить... – кивнула она привратнице, и привратница, быстро поддакнув, сказала:

– Конечно, госпожа Моосгабр, спрашивайте эту даму.

– Как ваш мальчик озорничает? – спросила госпожа Моосгабр, – может, он еще и шляется?

– Шляется, – засмеялась госпожа Линпек и схватилась пальцами с крашеными ногтями за заколку в волосах, – тут скорее другое. Но погодите, я покажу ему, как только он сегодня явится из своего укрытия, не думайте, госпожа, что я его не школю, как утверждает мой муж. Здесь, конечно, школить я его не могу, разве я могу гоняться за ним по перрону, нотабене, когда он еще толкает перед собой тележку или прячется от меня в туалете или на почте. Одни неприятности. И работы у меня по горло, вот подождите, начнется час пик, увидите, правая рука не будет знать, что делает левая, хуже, чем на космическом корабле. Но дома всыплю ему за это.

– А что он вам сделал? – спросила быстро привратница. – Разбил кувшин?

– Лифт, – сказала госпожа Линпек с большой готовностью, но снова так, словно говорила из колодца, – вчера, мадам, когда он вернулся домой, он носился на лифте вверх-вниз и вконец его угробил. Вконец угробил, так что теперь лифт не ходит. Даже разбил в нем одно стекло, и мне, наверное, придется за стекло заплатить.

– Вы живете в доме с лифтом? – удивилась госпожа Моосгабр, и госпожа Линпек кивнула.

– Я живу на шестом этаже, – сказала она с довольно равнодушной улыбкой, – а как же без лифта, куда бы это годилось. У меня три комнаты.

– Мадам, – сказала госпожа Моосгабр и затрясла сумкой, – а как он еще озорничает? Как-нибудь по-другому озорничает?

– И по-другому тоже, – сказала госпожа Линпек снова с большой готовностью, но голос уже не звучал, как из омота, а снова был высокий, как голос дрозда, – он странный. Представьте, он иногда разговаривает сам с собой, словно говорит с другим. Я бы сказала, совершенно так же, как когда учат роль дома, если, конечно, вы можете это представить. А ночью ему часто снится, что он летает по воздуху, что он возносится или ездит на лифте, это он обожает. Но что он обожает больше всего... – У госпожи Линпек на щеках и губах появилась какая-то горестная улыбка. – Больше всего он обожает огонь.

Госпожа Моосгабр смотрела на госпожу Линпек и молчала, а привратница стояла рядом, смотрела, приоткрыв рот, слушала и не издавала ни звука.

– Огонь? – выпалила она наконец.

– Огонь, – улыбнулась госпожа Линпек привратнице, – огонь. Он обожает просто глядеть на него. Но больше всего любит его разводить. В малолетстве ему запрещено было до спичек даже дотрагиваться, ведь он и диван мог бы поджечь. Или пойти в погреб и подпалить там дрова. Летом он устраивает костерки на лугу. Однажды был в театре «Тетрабиблос» на «Еретиках» по контрамарке, в первом ряду балкона, ему очень понравилось. Дома я потом водой все заливала.

В этот момент к киоску снова подошел покупатель, некий важный господин с девочкой.

– Пива и лимонаду, пожалуйста, – сказал он и положил на стойку два пятака.

Госпожа Моосгабр и привратница опять чуть отошли в сторону, а у госпожи Линпек за окошком снова прояснилось лицо, на губах появилась улыбка. Она протянула руку куда-то, откупорила открывалкой пиво и лимонад, налила их в стаканчики. Господин с девочкой отошли и стали пить, и госпожа Моосгабр задержала на них взгляд. Смотрела, как они пьют, потом с привратницей опять подошла к окошку и сказала:

– Но мальчика здесь нет, так ведь? Он возит тележку позднее?

– Позднее, – кивнула госпожа Линпек, – в час пик вечером. Но сегодня придет еще позже, завтра тоже. Сегодня и завтра после обеда он пойдет в приют святого Иосифа.

– В приют святого Иосифа? – удивилась привратница. – А что он там делает? На плотника учится?

Но госпожа Линпек покачала головой.

– В приют святого Иосифа его взяли на два дня в неделю, – сказала она, и ее голос был по-прежнему любезный и высокий, – на четверг и пятницу. Он там обедает и остается аж до пяти. Я плачу только за еду, стоит это пятак, а содержит этот приют для бедных детей епископский совет, некоторые дети бесплатно получают обед, суп и булочку или пирог. Все это он обожает, он ведь страшный лакомка. Обожает сладости, весь в отца. Тот тоже съел бы все, что под руку подвернется, лишь бы это сладкое было, а вот чтоб алименты платить – дудки. Знаете, дамы... – госпожа Линпек теперь засмеялась, потому что госпожа Моосгабр и привратница невольно обвели взглядом киоск, который изнутри был увешан сплошными деликатесами, – знаете, уж коль он такой лакомка, то и у меня из киоска он тоже что угодно таскает: шоколад, орешки, сладости, – к счастью, еще я за этим строго слежу, а медовиками вообще не торгую. Ох и беда, если бы я ими торговала, он их просто обожает.

– А что он продает с тележки? – затрясла большой черной сумкой госпожа Моосгабр и посмотрела на перрон, куда как раз подходил желтый поезд.

– Ну что продает, – улыбнулась госпожа Линпек и посмотрела на поезд, – то, что люди на бегу покупают, когда делают пересадку или ждут на перроне знакомых, или наспех что-то хотят проглотить, когда нет времени посидеть в ресторане. Шоколад, апельсины, бананы, шоколадные вафли, сигареты, конечно.

– А влашский салат и ветчину? – спросила госпожа Моосгабр. – Или, может, мороженое?

– Ни влашского салата, ни ветчины, – покачала головой госпожа Линпек, – это едят только у стойки. Мороженое сюда приносит половой Лупл. Но я скоро буду торговать сандвичами.

– А лимонад? – спросила госпожа Моосгабр.

– Лимонад продает.

– Но, мадам, – посмеялась теперь привратница над госпожой Линпек, – я никак в ум не возьму, как это вы добиваетесь, что мальчик не съедает с тележки всякие сладости, раз уж он такой лакомка. Вы следите, чтобы он ничего не взял у вас из киоска, но с тележки он мог бы взять все, вы же не можете за ним уследить, если он возит тележку по перрону взад-вперед – от лифта аж туда за ресторан, к мосту, – а на ней, как вы говорите, у него шоколад и шоколадные вафли. Продавай я с тележки, – привратница засмеялась, – я бы все съела.

– Так-то оно так, – кивнула госпожа Линпек одобрительно и охотно, – но тут опять же есть разница. На тележке как бы его товар, за него он должен отчитываться. Если он оттуда возьмет что-нибудь, он же будет в убытке, на соль и то не заработает. Когда свое – это совсем другое.

Важный господин с девочкой допили в сторонке, положили стаканчики в корзину и пошли прочь. Госпожа Моосгабр посмотрела на корзину, стаканчиков в ней было через край, потом – вслед господину с девочкой, а потом ее взгляд снова остановился на лимонаде за стеклом

киоска. В эту минуту к перрону стал подходить красный поезд, и госпожа Линпек за окошком вдруг снова вздохнула.

– Все это ужасно, – вздохнула она, и в ее подкрашенных глазах снова появился ужас, – вы, мадам, под поезд не бросились. А я не знаю, не знаю, – покачала она головой, и ее голос был несчастный, отчаянный, – я правда не знаю. Что думаете вы, вторая дама... – обратилась она к привратнице, – думаете, есть надежда? Думаете, я могла бы выбить из него алименты? Люди ведь должны понять, что мальчику нужно зимнее пальто – не ходить же ему зимой в зеленом свитере, – и шапка, и лыжи! Что вы скажете?

– Госпожа Моосгабр – большая специалистка, – сказала привратница быстро, – у нее большой опыт. Она ведь и лечит. Одному мальчику глаз сохранила, как я уже сказала, а за ту женщину, которая держит лавку между кладбищем и парком, похлопотала в Охране, чтобы сына у нее не забрали. А ведь, мадам, ее сын стрелял по воронам, шлялся и воровал.

– Да что вы говорите! – ужаснулась госпожа Линпек и слегка вытаращила на привратницу глаза. – Неужто правда? Верю вам, верю, мадам, что госпожа – большая специалистка, – сказала она одобрительно и убежденно, – я сразу поняла это, как только она подошла к стойке, незачем мне было и документ показывать, и что вы никакая не свидетельница – поняла. Для свидетельницы вы слишком деликатная, и на вас красивая цветная блузка, свидетельницы обычно бывают бедные. Думаете, мадам, госпожа специалистка могла бы похлопотать... – спросила она.

И привратница засмеялась, поглядела на госпожу Моосгабр и сказала:

– Конечно, госпожа Моосгабр похлопочет. Конечно, похлопочет. Госпожа Моосгабр знает Охрану вдоль и поперек, госпожа Моосгабр знает там всех и вся, а теперь и вовсе будет работать в семье богача, на вилле, где есть даже экономка.

– О, послушайте, мадам... – вскричала вдруг госпожа Линпек как-то очень оживленно... но в эту минуту к киоску подошла бледная женщина в черном костюме, и у госпожи Линпек засияло лицо, и на ее красных губах появилась улыбка: женщина хотела лимонаду. Госпожа Линпек протянула руку куда-то, откупорила открывалкой бутылку, налила в стаканчик и подгрестила пятак. Женщина взяла стаканчик и отошла. – Послушайте, мадам... – воскликнула госпожа Линпек так же оживленно, – если вы, мадам, знаете столько людей, как здесь говорит вторая дама, и я этому верю, мне вдруг пришла на ум одна мысль. Если вы знаете столько людей, то, может, вы случайно знаете и некую Мари Каприкорну?

Госпожа Моосгабр и привратница переглянулись.

– Мари Капри, – сказала госпожа Моосгабр, – Мари Капри? Вы ее тоже знаете, госпожа Линпек?

– Я не знаю ее, – покачала головой госпожа Линпек так, что пышная завивка аж подскочила, – я о ней только слышала. Она была экономкой в одной семье. Это правда, госпожа?

– Я не знаю, – сказала госпожа Моосгабр удивленно, – я о ней вообще ничего не знаю.

– Но вы же сказали, что знаете ее, – удивилась госпожа Линпек.

– Я не говорила, – покачала головой госпожа Моосгабр, – знаю только, что она есть. Мне об этом сказали госпожа привратница Кральц и госпожа Айхен с кладбища. Но госпожа привратница и госпожа Айхен обещали, что, если что-нибудь узнают о ней, обязательно мне скажут, правда, госпожа привратница?

И привратница с пылающими щеками чуть ли не выкрикнула:

– Если я что-нибудь узнаю, – выкрикнула она, – тотчас скажу госпоже Моосгабр, мы живем совсем рядом, через проезд. А хотите, мадам, – сказала она быстро госпоже Линпек, – чтобы я вам тоже сказала, если что-нибудь узнаю? – И у госпожи Линпек снова прояснилось лицо,

засияли глаза и на губах появилась улыбка.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны, – улыбнулась она привратнице, – вы меня найдете здесь ежедневно. Здесь, в этом киоске. Вот взгляните... – госпожа Линпек высунулась и посмотрела на бледную женщину в черном костюме, которая, допив в сторонке, как раз вкладывала стаканчик в корзину, – взгляните. Эта уставшая, бледная госпожа наверняка идет с кладбища. С похорон.

– Она пила довольно медленно, – кивнула госпожа Моосгабр и затрясла головой, к перрону подходил желтый поезд, – она пила лимонад, что у вас за стеклом в коричневой бутылке?

– Да, этот, – кивнула госпожа Линпек охотно, – он лучший. Во всяком случае, Броук так говорит, тот, у которого новый оранжевый свитер. Ах, мадам... – госпожа Линпек вдруг выкрикнула и дернула головой так, что ее пышная завивка аж подскочила, – да что ж это я, несчастная! – выкрикнула она. – Сижу здесь, говорю точно суфлер в будке, но спросить, что вы хотели бы выпить, мне и в голову не пришло. Что вы хотели бы выпить, дамы?! – выкрикнула она. – Довольно жарко, сентябрь, в парке еще цветут цветы. Пойдите, я налью вам.

– Но у меня с собой и пятака нет, – сказала госпожа Моосгабр сухо, – я не рассчитывала на это.

– Но я ведь ничего с вас не возьму, – засмеялась теперь госпожа Линпек почти во весь голос и сжала ладонями виски, – стойте, я налью вам чего-нибудь хорошего. – И госпожа Моосгабр и привратница стали глазеть, как рука госпожи Линпек потянулась за стеклом к бутылке прекрасного лимонада, но, внезапно изменив направление, взялась за пиво. – Лучше пиво, правда, – сказала она, – это лучше, в нем, по крайней мере, градусы. Вот это «шерри». Броук говорит, что «шерри» – самое лучшее пиво, а у него новый оранжевый свитер. – И госпожа Линпек откупорила открывалкой две запотевшие бутылки и вылила их в два стакана.

– Что ж, спасибо, – сказала госпожа Моосгабр и чуть отпила.

– Что ж, спасибо, – сказала привратница и тоже отпила, потом добавила: – Хорошее пиво, господин Броук прав. И такое холодное, у вас, мадам, наверное, холодильник. Силы небесные! – привратница со стаканом в руке оглядела перрон. – Силы небесные, мне кажется, что народу начинает прибывать. Что его все больше и больше. Послеобеденное время кончается, госпожа.

– Кончается, – кивнула госпожа Линпек с любезной улыбкой, – скоро начнут возвращаться с работы, покупать что-нибудь на завтрак, встречаться друг с другом. Через минуту здесь будет как в театре на премьере «Мостов между крышами медных башен», и моя правая не будет знать, что делает левая, точь-в-точь как в этом экспрессе, что полетит на Марс. А вечером придет мальчик, примерно в шесть. Из приюта он уходит в пять.

– Этот приют в Блауэнтале? – спросила госпожа Моосгабр.

– Приют святого Иосифа в Линде, – покачала головой госпожа Линпек. – В Блауэнтале приют святой Катерины, там девочки.

– Раз я буду говорить об али... я бы хотела повидать мальчика, – сказала госпожа Моосгабр и выпила еще пива. – Как он выглядит? Вид у него здоровый?

– Здоровый, – сказала госпожа Линпек и ладонями поправила заколку на завитой голове, – здоровый, ему тринадцать, он блондин. Но ужасный лакомка и больше всего любит медовик. Он блондин и всегда носит зеленый свитер. Но когда с тележкой, надевает белый пиджачок, как ученик официанта, тут так положено. А на зиму ему позарез нужно пальто – не ходить же ему в этом свитерке, – и шапка, и лыжи тоже.

– Ну хорошо, – кивнула госпожа Моосгабр и поставила стаканчик на стойку, – значит, в Охране я похлопочу об этом. Извещу и госпожу Кнорринг. А вы, мадам, под поезд пока не бросайтесь, поберегите себя. Я в Бога не верю, я верю в судьбу, но это был бы грех.

– Это был бы грех, – выпалила привратница, и ее щеки ярко пылали, – грех, за который вас

покарало бы небо. Такая красивая, молодая, бодрая – и под колеса, ужас, посмотрите, как там скрежещет. – Привратница указала рукой на перрон, к которому как раз подходил зеленый поезд, а потом быстро схватила пиво и допила.

– О небо, – воскликнула госпожа Линпек, и ее лицо так и сияло, – до смерти вам этого не забуду. О Боже, ради всего святого, – выпалила она из окошка, – подождите, так не годится. Я дам вам одну вещь, вы, может, ее еще и не видели, это новинка.

И госпожа Линпек быстро сунула руку куда-то за стекло и подала госпоже Моосгабр и привратнице по красной коробочке, на крышке которой была нарисована овца.

– Новый овечий сыр, – сказала госпожа Линпек, – с хлебом бесподобен. И вот еще что, из кооперативной пекарни. – И госпожа Линпек подала два шоколадно-вафельных торта.

Госпожа Моосгабр и привратница взяли овечий сыр, шоколадно-вафельные торты, поблагодарили, потом госпожа Моосгабр посмотрела на свой стаканчик на стойке и сказала:

– Не могла бы я взять домой этот стакан, из которого пила?

– Да ради Бога, возьмите, – улыбнулась госпожа Линпек, – он еще может вполне послужить.

И госпожа Моосгабр спрятала стаканчик в большую черную сумку и потом, в последнюю минуту – к перрону как раз подходил желтый поезд – огляделась и сказала:

– Еще хочу вам сказать что-то очень важное. Мыши, госпожа Линпек, мыши у вас тут есть?

– А как же, мыши, – засмеялась госпожа Линпек, – конечно, они и тут есть. В метро водятся мыши. Их, правда, морят, и сюда, на перрон, на почту или в ресторан, они не приходят. Если и бывают, то в туннелях. Во всяком случае, – госпожа Линпек засмеялась ярко накрашенными губами и подняла куда-то вверх черные подкрашенные глаза, – если бы они и пришли, я, конечно, совладаю бы с собой. Я, конечно, взяла бы себя в руки. Ведь я, дамы, бывала в «Тетраблосе». Я ведь актриса.

– Как же я, госпожа Моосгабр, изумилась, – сказала привратница, когда они, простившись с госпожой Линпек, отошли на несколько шагов, – я изумилась, как вы представились, как действовали, выясняли и определяли. Преступных наклонностей вы даже не коснулись. Вы, госпожа Моосгабр, могли быть и министром. И ко всему нам эта госпожа Линпек дала пиво, овечий сыр и шоколадно-вафельный торт, это все вы, вы заслужили, а на меня все это будто с неба свалилось. А как вы ходили вокруг да около, знаете, что я имею в виду, вокруг да около этих посылок, но мадам заговорила об этом сама, правда... – теперь они уже миновали ресторан с люстрами и зеркалами и направлялись к мосту над колеей, – и еще эта Мари Каприкорна, вот это был шок, надо обязательно выяснить, кто она, раз каждый спрашивает о ней, о Боже, только бы мне узнать о ней что-нибудь, как узнаю, вмиг сюда прилечу, а она, значит, артистка. А Броук* – что-то и на имя не похоже, госпожа Моосгабр, вроде как кличка, наверное, это был тот молодой человек в оранжевом свитере, помните, когда мы прогуливались. И знаете, что еще, госпожа Моосгабр? Госпожа Линпек мне немного напомнила госпожу Айхенкранц. Не могу сказать чем, но чуточку – чем-то. Правда, одну вещь вы не сделали, госпожа Моосгабр, хотя, может, это и не нужно было. На вокзале вы сказали, что сумку поставите на пол, к ноге.

*Brouk – жук (чешск.).

Они взошли на мост, под которым гремели и гудели поезда, к правому перрону подходили зеленые и серые, к левому – зеленые, красные и желтые, и привратница на мосту остановилась, поглядела вниз и засмеялась.

– И вправду, – засмеялась она, – цвета у этих поездов здесь на станции – зеленый, красный и желтый – те же, что и цвета бус, которые я вам дала. Ну что ж, пойдете.

И они с моста вошли в проход и вскоре дошли до того места, где оба прохода соединялись – народу явно прибывало, послеобеденное время кончилось, – а потом по лестнице поднялись наверх: привратница в летней цветастой блузке и короткой юбке то и знай подпрыгивала, госпожа Моосгабр придерживала свою длинную черную юбку. Они прошли в стеклянный привокзальный зал с многими лавчонками, надписями и рекламами – здесь уже была уйма народу, – потом вышли на площадь Анны-Марии Блаженной. Стоял прекрасный сентябрьский ранний вечер.

Часы у печи били первый час пополудни, когда раздался стук в дверь. Собственно, это был даже не стук, а буханье кулаками, и тут же следом послышался скрежет ключа в замочной скважине.

– Набуле, – вздохнула госпожа Моосгабр и положила на диван мышеловки. – Набуле. Господи Боже, – ужаснулась она, – Везр!

Кухонная дверь распахнулась, и появился Везр. За ним Набуле и еще один человек. Короткие черные растрепанные волосы, низкий темный лоб и вислые уголки губ, сомнений не было: чужой человек – черный пес. У госпожи Моосгабр потемнело в глазах.

– Целую руку, – услышала она голос Везра.

– Готовит, – услышала она смех Набуле.

– Не столовка ли у нее тут? – услышала она голос Везра.

– А не работает ли она с мышеловками? – услышала она Набуле.

И тут вдруг госпожа Моосгабр осознала, что она стоит у печи, на которой кастрюля и миски, увидела на диване мышеловки, которые за минуту до этого были у нее в руке, увидела на буфете кулек «Марокана», который за минуту до этого принесла из кладовки. И увидела, что на Набуле опять новое летнее пальто, светлое с кричаще-красными застежками, на Везре новый плащ серого цвета, а третий человек – черный пес, что пришел с ними, в пиджаке, а под ним – красивый белый свитер с высоким, под горло, воротником. И еще госпожа Моосгабр увидела, что у них в руках полно всяких белых свертков и держат они кучу газет, связанных толстой веревкой.

– Ишь, таращит глаза, – сказал Везр, и голос его был грубый и обдавал холодом, как низвергающаяся с гор снежная лавина, – против этого есть одно средство. Завязать глаза платком. – И Везр бросил на стол свертки и связку газет.

– Она, должно быть, думает, что мы с почты, – придурковато засмеялась мордастая Набуле, расстегнула красные застежки на пальто и села на стул, – думает, должно быть, что сейчас Рождество и это ей подарок.

– Должно быть, думает, – сказал Везр и тоже сел, как был, в пальто, – что будем раздавать подарки. И сегодня она не ошибается. Сегодня ей и вправду кое-что перепадет. Но что именно, – сказал он, и голос его гудел, как низвергающаяся с гор лавина, – я еще не знаю. Зависит от того, что будет в этих посылках.

Госпожа Моосгабр стояла у печи и смотрела на белые посылки на столе, как замороженная. Она видела, что все сидят за столом, что Везр ножом разрезает веревку на одной посылке и развертывает ее.

– Это мне всегда напоминает ярмарочные конвертики со счастьем, – засмеялся он, – что в ней будет? Золото, гроши, вата илимышь? – Потом он запустил руку в посылку и захрустел целлофаном. – Рубашка, – вскричал он, и его голос гудел, как снежная лавина, – белая, шелковая рубашка. – В самом деле, это были три белые шелковые рубашки.

– Они, конечно, не для зека, – взвизгнула Набуле и запрыгала, – зеки белых шелковых рубах не носят.

– Ты права, – кивнул Везр, – зеки носят полосатые майки. Это чтоб подмазать какого охранника, ясно. Но они маловаты, – он поглядел на воротник, – они не про нас. Да и какому-нибудь богатому студенту не подошли бы, тем более ей... – он кивнул головой в сторону плиты, – мужские рубашки она же не носит – небось не ряженая. Оставим их в целлофане, потом загоним, давай заверни... – сказал он чужому человеку – черному псу и взял другую

посылку. Но прежде чем перерезать веревку, посмотрел на адрес. – Адрес сперва тут был другой, – сказал он. – Б. Клаудингер, Боровицин, Цветочная улица. Кто-то зачеркнул его и написал новый, наш. Тот, кто посылает ей это, даже не знает, что дама сменила местожительство. – И он перерезал веревку, Набуле прыснула со смеху, улыбнулся теперь и чужой человек – черный пес и стрельнул глазами в сторону плиты.

В посылке были старая кепка, старые маленькие башмаки, кушак от штанов, книжка в синей школьной обертке. И потом какой-то конверт.

– Это от ребенка, – взвизгнула Набуле, увидев почерк на конверте, – прочти, что он пишет этой Клаудингерихе.

И Везр разорвал конверт и прочел:

– «Дорогая тетечка, я чувствую себя хорошо и посылаю тебе вещи, которые мне уже не нужны. Булку я получил, дал Индре, он получил посылку от отчима и дал мне. Жвачки я тоже получил, они были в чулке. Я приеду на государственный праздник и потом на Рождество, потому что в другое время нам запрещено. Мы встаем в шесть, а в десять уже должны спать. Ходим сгружать уголь. Ноги в колодки мне еще не забивали, а Индре – да. Грозился, что когда-нибудь убьет того, кто ему это сделал. Он уже много раз получал розгой по ладони, а я только два раза, но тоже убил бы того. В воскресенье дают нам на завтрак чай. Пошли мне карманный нож, а также пистоны для пистолета, и еще кусок гребня. Больше не знаю, что еще писать, и поэтому кончаю. Напиши мне поскорее. С приветом, Али».

– Вот бедняга, – прыснула Набуле и схватилась за красную застежку на пальто, – ведь он пишет из исправительного дома.

– Из исправительного – тетечке, – кивнул Везр, – и даже не знает, что тетечка тоже в кутузке. Пистоны, дорогуша, для пистолета она тебе уже не пошлет. Взгляни-ка... – крикнул он матери у плиты, – взгляни-ка на это барахло, может, тебе что и пригодится. Кепка, кушак, башмаки, это не про тебя, кушак и кепку ты не носишь, не ряженая небось. Если эта книжка... – Везр открыл книжку и полистал ее. – Это хрестоматия для спецшкол, – сказал он сухо, и его светлые холодные глаза в эту минуту были, как камень, – тут стихотворение о нашем председателе Альбине Раппельшлунде. А вот тут что-то еще об этой старой бессмертной курве... Хочешь чего-нибудь из этого?

Госпожа Моосгабр у плиты ничего не могла взять в толк. Только паялила глаза и с трудом переводила дыхание.

– Ну так хочешь чего-нибудь из этого барахла или нет?! – вскричал Везр, и его голос загремел, как низвергающаяся с гор лавина.

– Но ведь это Клаудингер, – наконец у госпожи Моосгабр хватило сил произнести слово, – Клаудингер, у которой живет Лайбах. Или это та Клаудингер, которая возглавляла шайку расхитителей посылок на почте в метро, на станции «Кладбище».

И Везр и Набуле разразились смехом. И черный пес улыбнулся.

– Мадам, – проговорил он наконец, и его голос был нежный, мягкий, как бархат. – Ну может ли это быть Клаудингер, у которой живет Лайбах? У той же нет племянника в исправительном доме, у нее вообще нет племянника. И живет она не в Боровицине, это в другом конце города, а здесь, в Блауэнтале. И потом все же, – черный пес мягко улыбнулся, – лайбаховскую Клаудингер не забрали. Она на свободе, и у нее проживает муж Набуле. И может ли это быть Клаудингер, которая возглавляла шайку в метро? Ей семьдесят, и у нее тоже нет племянника тринадцати лет. Вы что же, мадам, думаете, что существуют только две osoby с таким именем?

– Заверни, – сказал Везр и бросил письмо в посылку. – Эту заверни. Откроем вот эту. – И он протянул руку к маленькому белоснежному свертку.

Госпожа Моосгабр уже совсем привалилась к плите, к тому ее краю, который был холодным, хотя печь топилась. Она опять пялила глаза и с трудом переводила дыхание. Она видела, как Везр открыл третью посылку, и в его большой руке что-то блеснуло.

– Бог мой, – прыснула Набуле и вырвала что-то из его ладони. – Бальные бусы. А ювелир, – она схватила визитную карточку, – из торгового дома «Подсолнечник». А это что, ну-ка поддержи... – И Набуле вытащила из посылки красивый бело-золотой платок.

– Не про тебя, ты ж понимаешь, – Везр посмотрел на сестру и забрал у нее платок, – это для пожилой, так что для нее. И это тоже не предназначено для зека, – засмеялся он, разглядывая украшение и платок. – Зеки носят майки и куртки, а не бусы и бело-золотые платки. Это тоже послали зеку для подкупа, для жены какого-нибудь охранника. Смотри сюда, – крикнул он в сторону плиты.

Госпожа Моосгабр у плиты все еще пялила глаза, с трудом переводила дыхание, а теперь у нее и голова закружилась. Она смотрела на переливчатые бусы и бело-золотой платок, у нее кружилась голова, и вдруг захотелось пить.

– Ну поди, посмотри, – крикнул Везр снова и поглядел на Набуле и на чужого человека – черного пса, – оцени по достоинству. Это шелк, а бусы – бижутерия.

Госпожа Моосгабр, не сводя глаз с бус и платка, сделала несколько шагов к столу. У нее кружилась голова, ее мучила жажда. Набуле зажала ладонью придурковатые мордастые губы, чужой человек – черный пес тихо метнул глазом на госпожу Моосгабр, а Везр сунул руку в карман и закурил сигарету.

– Ну скажи, хочешь или нет? – спросил он и выпустил дым. – Но сперва скажи, что это и какова ему цена.

Госпожа Моосгабр сделала еще шаг-другой к столу, голова у нее кружилась, она с трудом переводила дыхание, ее мучила жажда. Она дотронулась до бус и платка, потом еще раз поглядела на Везра, Набуле и черного пса.

– Так скажи, черт возьми, что это, – вскричал Везр голосом, который гудел, как низвергающаяся с гор лавина, и стряхнул сигарету, – мы у глухонемых, что ли?

В эту минуту часы у печи отбили половину второго, и госпожа Моосгабр немного пришла в себя.

– Атлас вышитый, – выдавила она из себя.

– И дорогой? – спросил Везр и снова посмотрел на Набуле. – Грош стоит?

– Больше, – кивнула госпожа Моосгабр и снова дотронулась до бус и платка.

– Ну, а ты это хочешь?! – вскричал Везр и вперил в госпожу Моосгабр свои холодные светлые глаза.

Госпожа Моосгабр неуверенно посмотрела на Везра, Набуле и черного пса, так и метавшего на нее взгляды, а потом вдруг ее глаза уставились на угол буфета и на ручку матового кухонного окна...

Но в эту минуту Набуле прыснула со смеха, а Везр сказал:

– Ладно. Ты молчишь, как рыба, и, значит, ты права. Это не надевают ни на кладбище, ни в Охрану. Это надевают разве что в отель «Риц», а туда ты не ходишь. Для тебя куда лучше юркнуть к привратнице и там спрятаться. Для тебя куда лучше выстирать флаг и сходить в парк. И потому, значит, – он засмеялся грубо, холодно, точно с гор низвергалась снежная лавина, – ни шиша ты не получишь.

Госпожа Моосгабр отошла на шаг к плите, в глазах мелькнули матовое окно, угол буфета, диван, а потом она всмотрелась в мышеловки, которые лежали на нем. В эту минуту она как бы совсем очнулась.

– Куда лучше юркнуть к привратнице и там спрятаться! – вскричала она. – Куда лучше

выстирать флаг и сходить в парк! Уехали, бросили меня, посмеялись надо мной. В той записке так и было написано. А где вы это взяли? – крикнула она и указала рукой на посылки. – Где вы эти посылки взяли? Вы их украли.

Они поглядели на нее непонимающе, вопросительно. Везр своими холодными светлыми глазами, человек – черный пес метнул на нее темный взгляд, а Набуле засмеялась. Завизжала.

– Да, украли, – закричала госпожа Моосгабр и еще ближе подошла к плите, – украли так же, как деньги и вещи в прошлый раз. Деньги и вещи, которые вы здесь делили. Только посылки вы украли на почте.

– Госпожа, – сказал теперь чужой человек – черный пес, и его голос был нежный, мягкий, как бархат, – на какой почте? Все это ваши выдумки. И еще говорите с такой уверенностью, будто вы из полиции. Или, может, вы на картах гадаете?

– На картах я не гадаю, – вскричала госпожа Моосгабр, – но это краденое. На почте в метро на станции «Кладбище».

– В метро на станции «Кладбище», – сказал Везр и стряхнул пепел.

– Да, в метро, – вскричала госпожа Моосгабр, она стояла уже у плиты, – на почте в метро, а вы перекупщики. Но полиция напала на ваш след. Гиену взяли, вы сами знаете, а теперь и вас возьмут. И арестуют еще и других, я все знаю.

– Подумайте только, – сказал Везр, глядя на Набуле и черного пса, который снова молчал и лишь мягко смотрел на госпожу Моосгабр, – а как ты узнала об этом? Откуда узнала, что это из метро со станции «Кладбище», и кто такая гиена? Насколько мне известно, это зверь в зоопарке. В зоо сидит в клетке, как лев. Кто это, ты можешь поделиться с нами?

– Госпожа, – улыбнулся снова чужой человек – черный пес ласково, мягко, и его вислые углы губ поднялись вверх, – что это за гиена, и кто такие другие, и почему из метро со станции «Кладбище»? Там почта, откуда люди отправляют посылки по разным адресам. Но неужели вы не видите, что все посылки отправлены по одному и тому же адресу? Неужели вы не видите, что на всех посылках один и тот же адрес – государственная тюрьма? Самая большая тюрьма в нашей стране?

Госпожа Моосгабр у плиты на мгновение потеряла дар речи и неуверенно посмотрела на стол.

– Значит, из тюрьмы, – сказала она, – но они все равно с почты. И вы очень скоро сядете в тюрьму, так и знайте. И ты первый, – сказала она Везру, – ты еще и прийти из нее не успел, как снова засядешь.

– Видишь, что она желает тебе, – прыснула Набуле и толкнула брата.

– Мадам, – снова нежно отозвался чужой человек – черный пес, – вы все время говорите какие-то странные вещи. Еще в прошлый раз я вам сказал, что вы не знаете, кто такой Везр и что он делает. Вы все время утверждаете, что он был в тюрьме, а теперь и вовсе каркаете, что он туда вернется, – тихо улыбнулся он, глядя на госпожу Моосгабр, – но при этом даже не знаете, кто такой Везр. Знали бы вы, кто такой Везр, – тихо улыбнулся он, глядя на госпожу Моосгабр, – вы гордились бы им. А что касается посылок, вижу, что вы способны пойти в полицию и донести об этом, не правда ли? На меня вы также бы донесли? – Человек – черный пес улыбнулся, и его вислые уголки губ блаженно поднялись. – Но вы же меня даже не знаете.

– Она бы всех нас заложила, если б могла, – крикнула Набуле и затряслась, – всех. Но она, – кричала Набуле, схватившись за красную застежку на пальто, – прежде она еще хорошо подумает! – А потом сразу же засмеялась придурковатым мордастым смехом и завизжала: – Она знает, как бы ей досталось за это, она знает, что от этого не было бы ей проку!

– Не ори, – Везр вдруг погасил сигарету об стол, – нет времени, у нас еще газеты и колодец. Вот смотри, – сказал он и уставил свои холодные светлые глаза на мать, – значит, так: ты этих

вещей не коснешься и хорошенько спрячешь. Спрячешь все под диван, на котором у тебя мышеловки, а я потом за этим приду.

– Мы тут, мадам, – улыбнулся чужой человек – черный пес, – хорошенько спрячем вещи под диван, только чтоб они не отсырели и чтоб их мыши не сгрызли. Обложите их вашими мышеловками, – улыбнулся он и указал на диван, – у вас их навалом. А Везр за вещами придет.

– О Боже, – крикнула госпожа Моосгабр и снова подошла от печи к столу, – ничего я не спрячу! Это краденое, а вы даете мне прятать. Теперь я знаю, что вы перекупщики, нечего мне все это сюда таскать.

– Ах, скажите пожалуйста, – улыбнулся Везр и встал, – нечего мне все это таскать. Будто это уже и не наш дом. Да она нас просто гонит из дому. Но это, верно, потому, что еще ничего не знает об этой кипе газет... – и он указал на пачку газет, обвязанную толстой веревкой, – потому что еще ничего не знает о колодце. Я уже начинаю сомневаться, – загоготал он, и его голос теперь снова загудел, как низвергающаяся с гор лавина, – я начинаю сомневаться, стоит ли эти газеты ей здесь оставлять, если она нас гонит из дому. Стоит ли ей вообще говорить о колодце.

– Я бы насчет колодца помалкивала в тряпочку, – сказала Набуле и схватилась за красную застежку на пальто, – еще разрешет этой своей свиристелке, и шиш из этого выйдет. Ни к чему ей.

– Мадам, – отозвался опять чужой человек – черный пес, – вы здесь строите всякие козни, лишь бы только не сохранить посылки, утверждаете, что они краденые и что мы перекупщики, а при этом Везр хочет вам сказать о колодце и оставить вам эту кипу газет. Да, хороша благодарность, – сказал он мягко, нежно, – хороша благодарность за его старания. Послушайте, мадам, скажите нам сперва вот что. А ну как это еще не все посылки? А ну как будут еще и другие? А ну как это только начало, – он тихо улыбнулся, глядя на госпожу Моосгабр, – вы же сами говорите, что могут прийти еще и другие посылки с почты на станции «Кладбище», вы же говорите, что в них может быть золото и серебро. А золото и серебро, – тихо улыбнулся он, глядя на госпожу Моосгабр, – вам все-таки придется спрятать, чтобы никто не нашел, и молчать. Если вы и об этом скажете, – он тихо улыбнулся, – вы нас с головой выдадите, а знаете, чем это для вас может кончиться?

Везр зажег новую сигарету, взял посылки и сунул их под диван. Чужой человек – черный пес встал со стула и помог ему. Набуле тоже встала, посмотрела на мышеловки на диване и засмеялась.

– Ну что ж, – сказал Везр, – все уложено, точно в камере хранения аэропорта. В сухом и теплом месте. – А потом он стряхнул пепел, подошел к матери и сказал: – Так, а теперь кое-что тебе расскажу. Чтоб ты знала: тебе тоже немало достанется, хоть ты и не заслужила этого. Итак, газеты. Вот эта пачка газет, – он повернулся к столу и схватил пачку за веревку, – тебе для заработка, причем сразу в руки. Дневной выпуск «Расцвета». Сейчас около двух... – он посмотрел на часы у печи, – самое время выйти с газетами и продать. Тут двести штук, за сто проданных получишь двадцать геллеров, двести штук продашь за четверть часа. Дневной выпуск люди друг у друга из рук вырывают, потому что в нем есть то, о чем вечером и утром не пишут. А как все продашь, возьмешь вырученные деньги и с этой карточкой... – Везр сунул руку в серое пальто и вынул карточку с адресом и телефонным номером «Расцвета», – с этой карточкой пойдешь в редакцию, отдашь им вырученные деньги, и они заплатят тебе сорок геллеров. Сорок геллеров на руки всего за четверть часа, это тебе не два гроша в месяц за твои могилы. Сделаешь бизнес, какой мало кому подворачивается. А еще дам совет, куда тебе с газетами встать и что выкрикивать, чтобы за четверть часа все они разошлись. Чтобы у тебя из рук их вырывали. Пойдешь на перекресток к «Подсолнечнику» на угол близ киосков, откуда

тянется проспект на площадь нашего председателя Альбина Раппельшлунда, на этом проспекте и редакция. А выкрикивать будешь какой-нибудь заголовок с первой страницы... – Везр указал на первый экземпляр газеты, что лежал сверху, – читать ты умеешь или как? Выкрикивай хотя бы этот заголовок о старой бессмертной курве. И не забудь карточку. – Он бросил карточку «Расцвета» на стол к посылке.

Госпожа Моосгабр стояла теперь уже достаточно близко к столу и смотрела на кипу газет. Голова у нее опять кружилась, и она опять испытывала непонятную жажду. Потом вдруг услышала голос за своей спиной от печи.

– Что хорошенького вы варите, мадам? – спросил чужой человек – черный пес у плиты, заглядывая в кастрюлю и миски. – Обед варите, а нам даже ложки не дадите? А ведь мы не часто к вам заходим.

Госпожа Моосгабр хотела что-то сказать, но в этот момент завизжала Набуле.

– А как же колодец, – завизжала она и закружилась, – ты ей еще про колодец скажи. Это для нее будет полный отпад, если вообще она не рехнется. Сегодня лучше скажи ей половину, а остальное в другой раз, – завизжала она и закружилась, – по крайней мере, станет нас уважать и, когда опять придем, – будет ждать нас с обедом.

– Колодец, – засмеялся Везр и стряхнул пепел с сигареты на пол, – стало быть, колодец. Знаешь, о чем речь?

Госпожа Моосгабр смотрела на чужого человека – черного пса, который пялился на картофельный суп и кукурузную кашу на плите, но тут вдруг она обернулась и поглядела на Везра.

– Какой колодец? – спросила она.

– Колодец, – сказал Везр и прошелся по кухне, – здесь поблизости в одном дворе есть колодец, и ты о нем не знаешь. Живешь здесь лет пятьдесят, а о колодце поблизости даже не знаешь. Да и откуда тебе знать, если о нем не знает никто. Но и тот, кто о нем знает, – стряхнул он пепел и вдруг посмотрел на буфет, где стоял пакетик «Марокана», – кто о нем знает, не знает главного. Что в этом колодце – клад.

Госпожа Моосгабр тряхнула головой, посмотрела на Везра, Набуле и на чужого человека – черного пса, который уже отошел от плиты и тихо глядел на нее, и сказала:

– Это, должно быть, вранье. Должно быть, обман.

– Вот видите, – вскричал Везр, – это тоже вранье и обман.

– Я знала, что она глупая, – прыснула Набуле и схватилась за красную застежку.

– Мадам, – сказал чужой человек – черный пес нежно и мягко и снова сел на стул, – как вы можете так говорить? Вы сегодня уже утверждали то, что было явно неправдой: и что посылки украдены в метро на станции «Кладбище» и что мы перекупщики. А теперь твердите, что колодец – вранье и обман. И еще говорите, что вы не из полиции и не гадаете на картах. А может, вы по звездам гадаете? Как у вас язык поворачивается? И еще изволите утверждать, – черный пес тихо улыбнулся, – что Везр был в тюрьме и снова туда вернется...

– Так что это за колодец? – спросила госпожа Моосгабр, глядя на кипу газет на столе.

– Что это за колодец, – повторил Везр и подошел к буфету, к пакету «Марокана», – я сказал. Колодец близко отсюда, и в нем – клад. О кладе никто не знает, знают только о самом колодце. А ты вообще не знаешь о нем, хотя живешь здесь пятьдесят лет. Этот клад может стать и твоим, если ты нам поможешь. Там золото, серебро и целый мешок грошей.

– Ей не нужны деньги, – Набуле придурковато засмеялась, – она же богачка. У нее и так есть гроши, – придурковато засмеялась она, – в гримерном столике в комнате, где она марафет наводит. Зачем тебе было говорить ей о колодце, – засмеялась она, – голову даю на отсечение, что она обо всем раструбит своей свиристелке.

– Но больше я ей ничего не скажу, – сказал Везр и бросил сигарету на пол, – увидим, как она будет вести себя, когда мы придем в следующий раз. Как будет беречь посылки, которые отказывалась взять. Не отсыреют ли они здесь под диваном, не сгрызут ли их мыши. Накормит ли она нас обедом в следующий раз... – сказал он и поглядел на плиту.

Тем временем госпожа Моосгабр продолжала таращить глаза на кипу газет на столе, на карточку с адресом редакции и наконец сказала:

– Если хотите, я и сейчас накормлю вас обедом. Но у меня только картофельный суп и кукурузная каша. С готовкой я не мудрую, покупаю себе только хлеб. А уголь зимой пригодится.

– А мне бы вы тоже дали поесть? – спросил чужой человек – черный пес.

– Также дала бы, – кивнула госпожа Моосгабр.

– Отлично, – сказал человек – черный пес, теперь и он смотрел на пакет «Марокана», – отлично. А что, мадам, у вас в этом пакете, сахар? Вы песком подслащиваете?

– Это не сахар, – сказала госпожа Моосгабр, – это «Марокан», мышиный яд. Посыпаю им куски сала в мышеловках, – указала она на диван.

– «Марокан», – улыбнулся черный пес, – мышиный яд. Посыпаете куски сала. Мадам, – улыбнулся он, – вы меня вроде забыли. Разве вы не помните, что я вам предложил в последний раз, и к тому же в письменной форме. Пообещал вам грош, если избавите меня от мышей. Но вы это письмо, должно быть, порвали и даже не соизволили ответить.

– Но ведь я не знаю вашего имени, – сказала госпожа Моосгабр.

– Но вы же знаете, что я каменотес, – улыбнулся черный пес, – если вы так хорошо умеете это делать, приходите к нам в мастерскую. Она у главных кладбищенских ворот. Там вроде есть еще один каменотес по имени Бекенмошт.

– Ну пошли, – сказал Везр и еще погляделся в кухне, кинул взгляд на диван, на котором лежали мышеловки, на буфет, где стоял яд «Марокан», на плиту, на которой были кастрюля с супом и миска кукурузы, – пошли. Так, стало быть, возьми газеты и топай, да побыстрей, уже два. Топай на перекресток к «Подсолнечнику» и кричи хоть про эту курву, – ткнул он в один из заголовков газеты, что была сверху, – а потом с выручкой и этой карточкой мигом в редакцию. Получишь сорок геллеров на руки. Ну и еще кое-что, – сказал он, – вот гляди. Видишь веревку на газетах. Как продашь их, веревку возьми себе и дома спрячь. Жаль бросать, хорошая, крепкая, и центнер удержит. Ну мы пошли...

Набуле закружилась, затряслась и засмеялась, застегнула красные застёжки на светлом пальто, и все трое вышли из кухни в коридор.

– Есть ли у нее еще шест и черные флаги? – прыснула Набуле в коридоре, и госпожа Моосгабр, которая шла за ней, сказала:

– Шест, как видишь, еще есть, вон он там в углу. А флаги, выстиранные, в шкафу, где им и положено быть.

А потом Везр открыл дверь, и они вышли в проезд.

– Так, мадам, будьте здоровы, – сказал черный пес, обходя бочку с известкой, и чуть сморщил низкий лоб под черными волосами, – ступайте с газетами, спрячьте веревку и думайте о колодце. А также о мышах, за которых предлагаю грош. Тьфу ты, эта бочка с известкой вечно торчит тут...

Вскоре их шаги стали не слышны на улице, будто шаги духов.

* * *

Госпожа Моосгабр посмотрела на перевязанную толстой веревкой пачку газет на столе, потом дотронулась до них, словно не верила своим глазам. Она не верила своим глазам, хотя эта пачка действительно лежала здесь на столе и ко всему еще была так безупречно сложена, словно сошла с машины, а название «Расцвет» так и сияло черной типографской краской. Госпожа

Моосгабр никогда не покупала газет и редко читала их – разве что иногда кто-нибудь из соседей, привратница или Штайнхёгеры, давали ей их для растопки, и на этом дело кончалось. А уж выйти на улицу и продавать газеты – такое госпоже Моосгабр и вовсе не снилось. Да и могла ли она поверить, что тут ей оставили двести экземпляров, за которые она получит, если, конечно, продаст, целых сорок геллеров! Она посмотрела на заголовки на первой странице под веревкой и мало-помалу стала их – через веревку – читать. Сверху был заголовок: «Министр полиции Скарцола был принят председателем Альбином Раппельшлундом. Не угрожают ли нашему дорогому отечеству разногласия?» А под этим заголовком были два других: «У кратера Эйнштейн заканчивается строительство современной тюрьмы для 500 депортированных убийц. Они приговорены к пожизненному заключению в скафандрах». И рядом: «Новые сведения о репетициях „Реквиема“. Его разучивают тысяча музыкантов и тысяча певцов. Дата премьеры пока неизвестна». Под этими статьями была еще одна, но прочесть ее всю было нельзя, так как газета была сложена пополам. Заголовок звучал так: «Народ хочет видеть княгиню».

Госпоже Моосгабр припомнилось, что вроде это та статья, на которую указал Везр, когда советовал ей, какой заголовок выкрикивать, чтобы люди рвали газету из рук, и она тряхнула головой. Статья о том, что тысяча музыкантов и певцов что-то разучивают, была, верно, и о госпоже Кнорринг, и о господах Смирше и Ландле из Охраны. «Это про то, что они играют на валторнах и поют, – подумала она. – Современная тюрьма на пятьсот убийц у какого-то кратера... – госпожа Моосгабр лишь тряхнула головой. – Это на Луне, и это, наверное, новое достижение», – подумала она. Первую статью о министре полиции, о приеме у председателя и о разногласиях в стране она просмотрела лишь мельком.

Госпожа Моосгабр взглянула на часы, было четверть третьего. Она вспомнила, что когда идет в это время по улице – хотя бы в кооперацию за хлебом, – то действительно видит продавцов, выкрикивающих последний выпуск «Расцвета», вспомнила и то, что у этих продавцов действительно в два счета раскупают газеты. И госпожа Моосгабр решилась.

Она быстро надела старый платок, кофту и туфли без каблучков, в длинную черную юбку положила ключи и карточку с адресом «Расцвета», окинула беглым взглядом пакет на буфете, схватила пачку газет за веревку – и пошла.

Было по-прежнему хорошо, стоял прекрасный сентябрьский день, светило солнце, было тепло. Госпожа Моосгабр пробежала с пачкой газет тремя убогими улицами и там в конце их, близ перекрестка у торгового дома «Подсолнечник», где начиналась новая часть Блауэнталя, на минутку остановилась. Пачка газет была довольно тяжелой, светило солнце, было тепло, на минутку она положила пачку на землю. И тут мелькнула в голове мысль о том, о чем она почти забыла: колодец! «Где-то здесь поблизости есть колодец, и никто не знает, что в нем клад. Об этом нельзя говорить, – сказала она себе, – но привратнице я, пожалуй, могла бы намекнуть. Спросить, что она об этом думает. Уж не обман ли это, как с тем „Ри...“?» Она подняла газеты с земли и продолжила путь. На зеленый свет перешла перекресток по белым полосам на асфальте и дошла до угла главного проспекта, среди которого была редакция «Расцвета», а в дальнем конце проглядывалась площадь Альбина Раппельшлунда с его статуей. Госпожа Моосгабр посмотрела на киоски из стекла и пластика, у которых стояли люди, пили лимонад и, наверное, ели мороженое – конечно, людей было мало, был послеобеденный час, – и остановилась. Положила пачку газет на землю возле стены и стала развязывать веревку.

«А вот продам ли? – спрашивала она себя. – Что ж, придется выкрикивать. Я еще никогда газет не продавала, как скажу привратнице, она аж глаза вытаращит. Надо было ей сразу сказать, она бы со мной пошла». Пока госпожа Моосгабр развязывала веревку – она и вправду была толстая, что твой лошадиный кнут, и газеты были ею несколько раз перевязаны, – люди прохаживались за ее спиной, но никто не обращал на нее особого внимания. И все же некоторые

обратили внимание, что какая-то старушка в старом платке, блузке, длинной черной юбке и туфлях без каблуков развязывает на земле у стены газеты. Когда временами госпожа Моосгабр поднимала голову и осматривалась, она замечала таких людей, и ей казалось, что они, проходя мимо, нарочно замедляют шаг. Вдруг ей померещилось, что неподалеку от угла, где она стоит и развязывает веревку, в каком-то проезде или проходе прячутся какие-то люди, которые тайно следят за ней. Она внимательно посмотрела в ту сторону, потом на киоски, но никого не увидела. Только у киосков стояли несколько человек, пили лимонад и, наверное, ели мороженое. Она снова нагнулась, чтобы развязать последний узел, и в ту минуту подумала, что, возможно, многие за ее спиной уже ждут не дождутся, когда она начнет выкрикивать и продавать. «Удивительно даже, – подумала она, – я всегда хотела продавать салат, ветчину, лимонад, иметь киоск. Киоска у меня нет, и все-таки я буду продавать. Как скажу привратнице, она аж глаза вытаращит». Наконец она развязала пачку газет, скрутила толстую веревку и положила в карман юбки – она едва там уместилась, – потом взяла несколько газет, остальные оставила лежать у стены за спиной, выпрямилась и в первый раз открыла рот.

– «Расцвет», дневной выпуск, – кричала она, совершенно не узнавая своего голоса – так странно он звучал здесь на улице, на углу перекрестка и главного проспекта. Госпожа Моосгабр еще ни разу в жизни вот так на улице, по доброй воле, ничего не выкрикивала... – «Расцвет», дневной выпуск, – кричала она, – новая тюрьма на Луне, министр полиции, раскол, народ хочет видеть княгиню... – И люди стали останавливаться.

Первым подскочил какой-то плешивый человек и сунул госпоже Моосгабр монету. Госпожа Моосгабр поняла, что это полгроша, и тут же подумала, что у нее нет денег, чтобы давать сдачу с более крупных монет.

– Господин, у меня нет сдачи, – сказала она, и плешивый человек, опустив руку, без слов отошел. Но тут же подошли другие. Госпожа Моосгабр давала им газеты, а они совали ей в ладонь четвертаки. Один дал пятак, и госпожа Моосгабр вернула ему три четвертака. А когда покупать уже перестали, она закричала снова: – «Расцвет», дневной выпуск, народ хочет видеть княгиню, министр полиции, на Луне – тюрьма...

И вот уже к ней подвалили следующие, и госпоже Моосгабр вскоре пришлось нагнуться за другой пачкой, и четвертаки сыпались ей в ладонь, и она думала: «Вот я и продаю, продаю, пусть не салат, не ветчину, не лимонад, и у меня нет киоска, но я продаю. Газеты». И было ей как-то очень приятно. И то, что произошло, произошло, пожалуй, в эту самую минуту, но можно ли в такую страшную минуту измерить время, а это и вправду было страшно...

Вдруг кто-то на тротуаре, в нескольких шагах от госпожи Моосгабр, крикнул. Крикнул ей, госпоже Моосгабр, – она стояла у стены, за ее спиной лежала пачка газет, и про себя говорила: «Вот я и продаю...», крикнул ей, госпоже Моосгабр, крикнул также в толпу, которая текла мимо, крикнул и в воздух, как кричат на улицах некоторых более счастливых стран, объявляя тревогу.

Госпожа Моосгабр увидела, что вдруг перед ней стали останавливаться люди, но останавливаться не так, как до сих пор, когда покупали газеты, она увидела, что эти газеты, этот «Расцвет», который она продает, многие уже держат в руке... и тут вдруг услышала новые выкрики, шум и грохот, и у нее перед глазами замелькали поднятые кулаки. Она не понимала, что происходит. А не уснула ли она на этом углу, не снится ли это ей, не рухнул ли где поблизости дом? Она сжала в руке несколько номеров, словно это была соломинка, за которую хватается утопающий, но тут вдруг перед ней вырос какой-то незнакомый мужчина и страшным голосом заорал.

– Вы что продаете, дуреха, – заорал он, – вы что из нас идиотов делаете? Это же «Расцвет» недельной давности.

Госпожа Моосгабр попятилась, не в силах произнести ни слова.

– Мадам, бегите. – прошипел кто-то, – Бога ради, бегите, не то вас побьют.

– Мадам, быстро, быстро отсюда, – прошипел кто-то другой, – бегите отсюда, не то вас измолотят.

– Мошенница, – крикнул кто-то третий, – воровка!

А потом в толпе кто-то заорал:

– Где тут камень?

Но госпожа Моосгабр ничего уже не слыхала. Она лишь чувствовала, как чьи-то руки вытягивают ее из людского кольца, смыкавшегося вокруг нее все плотнее, увидела поднятые кулаки, а за толпой голов какие-то лица, которые ужасающе смеялись, ей казалось, будто это были те, что прятались в каком-то ближнем проходе и, может, откуда-то знают ее... а потом она уже и не понимала, что с ней происходит. Кто-то бросил ей на голову пачку газет, которая лежала у нее за спиной, но слегка промахнулся. Она уже мчалась прочь с теми несколькими экземплярами, которые остались в руке, мчалась к перекрестку, а кто-то вслед кричал: «Быстрее, быстрее бегите!», а кто-то другой вопил: «Патруль, патруль!», а еще кто-то: «Отдайте деньги, что вы выманили у нас, бросьте их на землю...» Но она уже мчалась через перекресток по белым полосам на асфальте, мчалась на красный свет наперерез потоку машин, мчалась мимо торгового дома «Подсолнечник», и ее туфли без каблучков сваливались с ног, и длинная черная юбка путалась под ногами, и путалось под ногами еще что-то, о чем она не имела понятия, она увидела полицейского в черной, окованной серебром каске и с бахромой на плечах, она бежала, бежала и вдруг...

Вдруг, когда силы ее были на исходе, в ней все утихло. Это было в минуту, когда она вбежала в первую из трех убогих улиц близ своего дома и когда уже действительно не могла бежать дальше. Когда кровь в голове и груди стучала так отчаянно, что, казалось, этим стуком повергнет ее наземь. Она даже не понимала, почему так внезапно позади нее все смолкло, пожалуй, это было какое-то чудо дивное, или, может, это произошло потому, что большой перекресток она пробежала на красный свет и поток машин преградил преследователям дорогу. Бог весть. Но действительно, когда она остановилась в первой из трех убогих улиц, потная, изможденная, со стучавшей в голове и груди кровью, за ней не было ни одной живой души. Она увидела, что навстречу идут какие-то совсем безучастные к ней люди, которые даже не знали, не предполагали, что случилось, они шли откуда-то с противоположной стороны, а за ними – чуть дальше – другие: в перепачканных известкой блузах, они свистели и визжали, это были, наверное, каменщики, что возвращались с работы... Госпожа Моосгабр вскоре снова продолжила путь и в конце концов добежала до дома. Она вбежала в проезд, обежала кирпичи, тачку и бочку с известкой, открыла дверь и прошмыгнула в квартиру. В кухне она опустилась на диван, словно старое высохшее подрубленное дерево. И разве что смогла еще разжать руку, из которой на пол к ее ногам выпало несколько номеров «Расцвета». Там же на полу лежал и конец толстой веревки, ее другой конец был в кармане.

Никто не знает, что произошло потом в квартире госпожи Моосгабр. А установить, что происходило в ее голове, и вовсе невозможно. Может, она смотрела на какие-то номера «Расцвета» у своих ног, а в голове проносились выкрикиваемые на углу названия, может, она смотрела на толстую веревку, лежавшую у ног, а в голове проносились образы, которые нельзя описать. Возможно, по временам она смотрела на буфет и видела то, что там стояло, – пакет с порошком, белым, как сахар, пакет с мышинным ядом «Марокан»... Никто не знает, что в эти минуты происходило в квартире госпожи Моосгабр, как не знает и того, что происходило в ее голове. Точно лишь одно: когда часы у печи пробили три, госпожа Моосгабр очнулась.

Госпожа Моосгабр внезапно встала с дивана и бросилась в комнату. Подошла к столику. Открыла его, вынула несколько тряпок, старую печатку, старую обтертую сумку, в которой было два гроша, пятак и двадцать геллеров... потом еще пошарила рукой. Вытащила страшный чепец с бантом и очки, оставшиеся после покойного мужа, возчика на пивоварне. Потом пошарила снова и вынула коробочку. В ней были красные, зеленые и желтые бусы из бамбука, подвески на проволоках и пакетик с перчатками. И наконец вынула пудру, помаду и карандаш для бровей. А потом все пошло, должно быть, в довольно быстром темпе. Госпожа Моосгабр посмотрела на себя в зеркало, возможно, на миг у нее сжалось сердце. Возможно, она удивилась, что на ней нет шляпы с длинными дрожащими перьями, а всего лишь чепец с бантом, что на носу очки и что она выглядит не как артистка или жена камердинера, а скорей всего, как богатая вдова из общества «Спасение» или из баптистской общины. А может, она вообще не смотрела на себя в зеркало или посмотрела на себя мельком, как человек, которому некогда, а может, так и не посмотревшись в зеркало, вернулась в кухню. Она пошарила по буфету, где стоял пакетик с порошковым сахаром-ядом «Марокан», возможно, взяла пакет, возможно, лишь отодвинула его или придвинула – этого никто не знает.

Но одно точно: она схватила черную сумку – не ту, с которой ходила на кладбище, а другую, поменьше, – нащупала в юбке горсть четвертаков, вырученных за продажу газет, и какую-то карточку... и вышла из квартиры. Она никого не встретила ни в проезде, ни перед домом, как не встретила никого и в трех убогих улочках. Было четыре часа дня.

В страшном чепце с бантом, завязанным на шее, в больших круглых очках в черной оправе, с покрашенными и напудренными щеками, с покрашенными губами и бровями, с ниткой цветных бамбуковых бус, с подвесками на проволоках и в белых перчатках с кружевом... в своей длинной черной юбке, но не в той блестящей, праздничной, а в старой, в блузке и туфлях без каблуков... она оказалась на перекрестке у торгового дома «Подсолнечник». Перебежав перекресток по белым полосам на асфальте, подошла к углу главного проспекта, посреди которого была редакция «Расцвета», а в дальнем конце проглядывалась площадь Альбина Раппельшлунда... К тому углу, где еще совсем недавно она выкрикивала злополучные газетные заголовки и где сейчас от всего этого ужаса и разбросанных газет не осталось и следа – то ли растащили их на растопку, то ли их убрал подметальщик. Но недалеко от угла стояли люди – мужчины, женщины и школьники – и о чем-то разговаривали. Госпожа Моосгабр прошла быстро, ей показалось, что они говорят о каком-то близком празднике... нет, она не вслушивалась. Она поправила очки и устремилась к киоскам из стекла и пластика, где несколько человек ели и пили, а потом заспешила по большой улице, которая тоже сюда выходила. По ней она шла и шла, пока наконец не свернула за угол и не оказалась перед приютом святого Иосифа.

Приют святого Иосифа располагался в спокойной боковой улочке в старом, но заботливо

ухоженном доме. В нише фасада, на высоте второго этажа, стояла статуя радетеля Господня в коричневой францисканской рясе. На первом этаже в окнах были решетки, но не из-за воспитанников, обретавшихся в приюте, а из-за воров вне его стен. В приюте два раза в неделю епископский совет оказывал помощь бедным детям.

На противоположном тротуаре этой спокойной боковой улочки был ряд деревьев, и эти деревья на противоположном тротуаре, в отличие от некоторых в парке или на кладбище, заметно пожелтели. Хотя и было по-прежнему тепло, приятно, но уже перевалило на вторую половину сентября, и эти деревья, наверное, были из тех, что увядают раньше. Там-сям с них опадала листва, один такой лист упал и на лошадь, запряженную в телегу и стоявшую там под деревьями, вероятно, в ожидании возчика. На этой стороне улицы, но не прямо против приюта, а на углу, была скобяная лавка, над ней – часы.

Госпожа Наталия Моосгабр в длинной темной юбке, кофте и туфлях без каблуков... в чепце с бантом, завязанным на шее, в больших круглых очках в черной оправе, с красно-белыми напудренными щеками, покрашенными губами и бровями, с ниткой разноцветных бус, с подвесками в ушах и с небольшой черной сумкой, зажатой в белой перчатке ходила по тротуару взад и вперед, от лошади с телегой – к углу со скобяной лавкой, и снова назад. Ходила уже довольно долго, время от времени дерево и на нее роняло листья, но этого она не замечала. Она не спускала глаз с приюта. Когда кто-то выходил оттуда, она ускоряла шаг, но тотчас снова его замедляла – люди были незнакомыми. Не обращала она особого внимания и на тех, кто проходил по тротуару под деревьями, она знала, что на нее смотрят, и знала почему. Сегодня она выглядела не как артистка и, пожалуй, не как жена камердинера или полковника, а, скорее, как богатая вдова из общества «Спасение» или из баптистской общины... Она не спускала глаз с приюта. Когда стрелки на часах над скобяной лавкой стали приближаться к пяти, она остановилась у телеги и, не спуская глаз с приюта, покосилась на лошадь. В потертом хомуте и с торбой овса на шее, лошадь, понутив голову, спокойно глядела на мостовую. На облучке лежал кнут с зелеными и красными узелками. Когда часы над скобяной лавкой показывали уже без пяти пять, на тротуаре возле лошади, за спиной госпожи Моосгабр, раздались шаги. Госпожа Моосгабр оглянулась и увидела, что к телеге подходит пожилой дюжий мужик в зеленой рубахе и высоких резиновых сапогах. Он поглядел сперва на лошадь, потом на нее, госпожу Моосгабр, и тут же замер с открытым ртом.

– Я жду одного воспитанника из приюта, – сказала госпожа Моосгабр и потрясла небольшой сумкой.

Дюжий мужик, прищурившись, заглянул ей в глаза за большими круглыми очками и чуть дернул головой.

– Мой муж тоже был возчиком, – сказала госпожа Моосгабр, по-прежнему не спуская глаз с приюта, – возчиком на пивоварне. Но он уже умер. В войну.

Возчик, сплюнув, вдруг влез на облучок, схватил кнут, вожжи и крикнул «но-о-о». И именно в эту минуту дверь приюта на другой стороне улицы открылась, и из нее повалили воспитанники. Госпожа Моосгабр спряталась за дерево и напрягла зрение. Выходили они по двое или кучками, а случалось, и поодиночке, и у госпожи Моосгабр создалось впечатление, будто это прихожане выходят из церкви или служащие из банка. Но наконец ей выпала удача. В стайке ровесников она вдруг узрела блондинчика в зеленом свитерке.

Он постоял со стайкой ровесников у ворот, а потом все, и стайка, и он, направились через улицу к скобяной лавке на углу. Госпожа Моосгабр вышла из-за дерева и, не торопясь, двинулась вслед. К скобяной лавке на углу. На углу у скобяной лавки блондинчик в зеленом свитерке со стайкой вновь остановился, а потом все свернули за угол. Свернули на большую улицу, и госпожа Моосгабр прибавила шагу. За углом на большой улице она догнала их, а потом

уже держалась за ними на коротком расстоянии. Она то принималась трясти сумкой, то поправляла очки, а случалось, теребила бант чепца на шее... она знала, что на нее обращают внимание, смотрят, а может, и оборачиваются ей вслед, знала и почему, но ей было все равно. Она глядела только на зеленый свитерок, который шел со стайкой на коротком расстоянии впереди нее. Однако по пути стайка уменьшалась, редела: кто-то сворачивал влево, кто-то – вправо, и госпожа Моосгабр понимала, что в каком-то месте мальчик в зеленом свитерке окажется совершенно один. Он ведь шел на станцию «Центральное кладбище», а значит, из этого района Линде пойдет туда через перекресток у торгового дома «Подсолнечник». И действительно, вблизи перекрестка у торгового дома «Подсолнечник» мальчик в зеленом свитерке шел уже совершенно один. Госпожа Моосгабр, ускорив шаг, позволила мальчику подойти к самому перекрестку. Там мальчик на минутку остановился – горел красный свет. И в эту минутку, когда горел красный свет и по перекрестку мчались машины, госпожа Моосгабр затрясла черной сумкой и приблизилась к мальчику.

– Милый мальчик, – сказала она, тряся черной сумкой, – переведи меня через улицу. Старая, плохо вижу, а переведешь – угощу тебя вкусеньким.

Мальчик поднял голову и на мгновение замер. Он увидел старуху в чепце с бантом на шее, в больших круглых очках, в бусах и подвесках, лицо красно-белое, губы красные, брови черные, увидел он и ее белые перчатки, и небольшую черную сумку в руке... и на мгновение замер. Госпожа Моосгабр чуть улыбнулась, а потом, как ни странно, улыбнулся и он.

– Переведу, – кивнул мальчик.

Загорелся зеленый свет – можно было идти. Госпожа Моосгабр взяла мальчика за зеленое хлопчатобумажное плечо, и они прошли перекресток по белым полосам на асфальте.

– Я проехала здесь под землей, – сказала госпожа Моосгабр, проходя по белым полосам перекрестка, – и вышла у кладбища. Не торгуешь ли ты на перроне «Кладбище» с тележки?

– На станции «Центральное кладбище», – поправил ее мальчик, – на подземной дороге, то бишь в метро.

– Так ты действительно Линпек, – сказала госпожа Моосгабр, и мальчик, странно улыбнувшись, утвердительно кивнул. – И теперь ты туда идешь, правда? – сказала госпожа Моосгабр, и мальчик, странно улыбнувшись, слегка пожал плечами.

– Само собой, – сказал он, – туда и иду. Торгую с шести вечера.

Они перешли перекресток и оказались на тротуаре, как раз у торгового дома «Подсолнечник». В больших витринах со множеством разных товаров уже горели разноцветные неоны, было около половины шестого, середина сентября. Госпожа Моосгабр посмотрела на эти большие витрины и сказала:

– Ты был добр ко мне, перевел через улицу. За это я тебя угощу, только пока у меня нет ничего. По дороге в приют хотела купить, да боялась опоздать. Сейчас куплю.

– А что вы хотите купить? – сказал мальчик. – Шоколадную трубочку?

– Трубочку, – кивнула госпожа Моосгабр и рукой в белой перчатке затрясла небольшой черной сумкой, – трубочку. Но если ты мне расскажешь, как озорничаешь в школе, я куплю тебе что-нибудь и получше. Медовик.

– Медовик, – улыбнулся блондинчик в зеленом свитерке, – отчего ж не рассказать мне, как я озорничаю в школе, если я совсем не озорничаю. Это проще простого. Я уже сам зарабатываю гроши. А как это, – спросил он, странно улыбнувшись, – как это вы хотели купить медовик уже по дороге к приюту, да боялись опоздать...

– Тогда он был бы у меня уже в сумке, – госпожа Моосгабр затрясла черной сумкой, – но я боялась опоздать, и потому его нет в сумке. Куплю медовик сейчас по дороге. Но ты должен рассказать, как озорничаешь в школе, как дерешься.

Они свернули в улицу за торговым домом «Подсолнечник», по которой можно было пройти прямо к кладбищу, и мальчик сказал:

– Дерусь? Ах да, я уже понимаю. Вы, наверное, имеете в виду ту записку, которую учительница написала маме. Будто я избил Козла. Но он первый начал. Он смеялся надо мной.

– А как он над тобой смеялся? – спросила госпожа Моосгабр и поправила очки.

– Он вытащил медовик, – сказал блондинчик, – и размахивал у меня перед носом. Хочешь такой, хочешь такой, но такого медовика нет у тебя на тележке. На тележке у тебя – сено.

– Сено? – удивилась госпожа Моосгабр и схватилась за бант на шее. – Почему сено?

– Ну сено, – мотнул головой мальчик, – ну будто я продаю сено для лошадей. Сено и овес.

Будто и торгую лошадиным товаром. И потому я врезал ему как следует.

– Врезал? – дернула головой госпожа Моосгабр. – Врезал? Ножом?

– Что вы, ножом, – засмеялся блондинчик, – плечом.

Госпожа Моосгабр снова схватилась за бант на шее, покивала головой и сказала:

– Но это не все. Ты сам с собой никогда не разговариваешь?

– Сам с собой, – засмеялся мальчик, – это со многими бывает. Что в этом особенного?

Учительница тоже с собой разговаривает. Она, например, говорит себе: «Хорошо, я посмотрю». Или: «Мне пора начинать». Мама, когда играла в «Тетраблосе», тоже сама с собой разговаривала. Когда разучивала роль. А разве эти газетчики, к примеру, – улыбнулся мальчик, – не разговаривают сами с собой, когда выкрикивают на улице «газета, газета...».

Госпожа Моосгабр дернула головой и снова поправила очки, они шли той же улицей за торговым домом, по которой можно было пройти к кладбищу, все магазины были уже освещены. И госпожа Моосгабр сказала:

– А что сны? Не снятся тебе сны? Не снится, например, что ты летаешь?

– Бывает, – кивнул блондинчик в зеленом свитерке, – что и снится. Хорошо, когда снится.

– И ты любишь кататься на лифте, правда? – спросила она.

– Люблю, – засмеялся мальчик. – Откуда вы знаете? Или вы узнали, что я разбил в нем стекло?

– Нет, что ты, – покачала головой госпожа Моосгабр, – я просто так рассудила. Каждый, кто любит летать, любит кататься на лифте. Пойдем, – сказала она, – перейдем на другую сторону, чтобы нам поскорей дойти до кладбищенских ворот. – И когда они, переходя на другую сторону, оказались посреди улицы, госпожа Моосгабр спросила: – А как обстоит дело с огнем?

– С огнем, – удивился мальчик, – в каком смысле «дело с огнем»?

– Ну, в смысле огня, – затрясла сумкой госпожа Моосгабр, когда они перешли улицу, – любишь ли ты, когда горит? Не поджигаешь ли что-нибудь иногда?

– Не поджигаю, – покачал головой мальчик, – устраиваю только костерки на лугу. В каникулы, когда я в деревне. Ну а иногда в поле на стерне, если вы знаете, что это такое. Вы идете со мной на станцию «Центральное кладбище»? – спросил он, глядя вдаль. – Я думал, мы идем в какое-то другое место...

– Идем в другое, – кивнула госпожа Моосгабр и поправила большие круглые очки, – идем в кондитерскую купить медовик.

– В кондитерскую купить медовик, – кивнул мальчик, странно улыбнувшись, – это можно. Обычно на перроне я с шести, но могу и задержаться. Хоть до девяти... Но как понять? – спросил он снова. – Вы шли к приюту и боялись опоздать. Разве вы меня знаете?

– Не знаю, – тряхнула головой госпожа Моосгабр, – знаю только, что ты торгуешь на перроне «Кладбище» с тележки. Как я могу тебя знать, если ни разу в жизни не видела? – А потом госпожа Моосгабр сказала: – Но ты еще не сказал мне, как озорничаешь в школе. Ты не учишь уроки, так ведь?

– Учу, – мотнул головой мальчик.

– А что ты учишь? – тряхнула головой госпожа Моосгабр и поправила очки. – Стихи какие-нибудь?

– Учу о председателе Альбине Раппельшлунде, – сказал мальчик, – у него были именины. На рынке украсили его статую.

– А что ты учишь? – сказала госпожа Моосгабр и схватилась за бант на шее. – Скажи.

И мальчик, странно улыбнувшись, сказал:

– Альбин Раппельшлунд раскрыл и наказал предателей, он стал править вместе с вдовствующей княгиней правительницей Августой и будет править с ней до скончания века.

– Но этого мало, – сказала госпожа Моосгабр, – наверное, вы еще что-нибудь о нем учите?

– Он дал людям работу, – сказал мальчик, – он навел порядок, основал звездодром, пять раз летал на Луну, и его кровь при посадке не становилась тяжелой. И еще он достраивает возле кратера Эйнштейн современную тюрьму для пятисот убийц, об этом писали на прошлой неделе в газетах...

И госпожа Моосгабр опять слегка дернула головой и быстро сказала:

– А что еще?

– А еще он основал музей, – сказал блондинчик в зеленом свитерке, – один раз мы там были со школой. Он называется Музей мира Альбина Раппельшлунда.

– А что в этом музее, если вы там были? – спросила госпожа Моосгабр. – Птичьи чучелы?

– Птичьи чучелы, – засмеялся мальчик, – какие там птичьи чучелы! Они в другом месте. А это Музей мира Альбина Раппельшлунда, там нет птиц. Там ружья, пулеметы, автоматы, пушки, огнеметы и танки. И еще кривые мечи, пистолеты и револьверы. И еще всякие сабли. И много-много цветных надписей. Учительница нам сказала, что Альбин Раппельшлунд миротворец, добротворец, которого все любят, и прочла нам стих: «Лети, сизый голубь, в дальние края, Альбин Раппельшлунд охраняет тебя». Но это она прочла по надписям, что там были, а еще о том, как он выиграл короткую войну, которая однажды была, если вы еще помните... но про себя она наверняка думает другое, она же умная, раз учительница. Только боится говорить.

– А что она про себя думает, – потрясла головой госпожа Моосгабр, ей показалось, что чепец сдвинулся, и она схватилась за бант на шее, – что она думает...

– Ну то, что люди говорят, – странно улыбнулся мальчик, – вы же знаете, что говорят о вдовствующей княгине правительнице Августе. Ну что спит в гробу давно княгиня, как ребенок невинный, и уже не правит. Или что она жива, но заключена в княжеском дворце. Или скрывается где-то в городе. Раппельшлунд тайно убрал ее, чтобы стать самовластным правителем. А теперь боится, что все раскроется и люди поднимутся на бунт. Поэтому он, может, и ищет ее, кто знает? Но народ, – сказал мальчик, странно улыбнувшись, – народ хочет видеть княгиню, разве вы не знаете? А стоит кому-нибудь об этом сказать, его вмиг расстреляют. Поэтому все боятся, – улыбнулся блондинчик в зеленом свитерке, – боятся, потому что им страшно. Но в газетах понемногу уже пишут об этом. Даже вот на прошлой неделе в дневном выпуске «Расцвета»...

Госпожа Моосгабр опять дернула головой, уже в третий раз, быстро схватилась за очки и бросила взгляд на мальчика. А мальчик смотрел на нее и исподтишка улыбался. Уж не видел ли ее этот блондинчик в зеленом свитерке сегодня на углу перекрестка со злополучными газетами и не узнал ли ее? – подумала госпожа Моосгабр.

– Вон там большая кондитерская, – тут же сказала она, – зайду туда и куплю медовик. А ты... – затрясла она сумкой, скользнув по ней взглядом, – а ты пока подожди у магазина.

Они подошли к большой кондитерской – снаружи она была облицована розовым мрамором и называлась «У молнии, или У расщепленного неба». Лучи неоновомого света над кондитерской

раздваивались и освещали эту надпись. В разделенной на две части витрине, в желтом свете, было много разных сладостей. Госпожа Моосгабр быстро оглядела их, и ей вдруг показалось, что среди них она видит и лимонад. Ей вдруг страшно захотелось пить.

– «У расщепленного неба», – засмеялся блондинчик, – странное название, правда?

– Подожди здесь, – кивнула госпожа Моосгабр мальчику, – я мигом. Только куплю медовик.

И госпожа Моосгабр вошла в кондитерскую.

Кондитерская внутри была красивой, оно и понятно, помещалась она на очень большой улице, которая вела к главным кладбищенским воротам на площади Анны-Марии Блаженной. Там были зеркала, на потолке – две хрустальные люстры. Люстры и витрины сверкали огнями, было около шести вечера. За прилавком стояла продавщица в черном кружевном чепце и белой наколке. Завидев госпожу Моосгабр, она чуть вытаращила глаза.

– Я хотела бы кое-что, – сказала госпожа Моосгабр, ее голос звучал довольно сухо. Потом она поправила очки, схватилась за бант на шее и открыла сумку.

– Что бы вы хотели? – спросила продавщица услужливо, все еще тараща глаза на чепец с бантом, на большие круглые очки и на раскрашенное лицо, – чем могу служить, мадам? Может... – продавщица повернулась к полке и нерешительно указала туда, где стояли красивые бутылки лимонада... но потом скользнула рукой мимо и указала куда-то... – может быть, какую-нибудь редкостную коробку конфет, может, вот эту с золотой каймой или ту, с хризантемой... или с видом княжеского двора и золотой каретой, в ней килограмм самых что ни на есть вкуснейших...

– Пирог, – сказала госпожа Моосгабр, – медовик.

– Ах, пожалуйста, – улыбнулась быстро продавщица, – они у нас восхитительные. Скажите, пожалуйста, сколько вам, полное разделенное на куски блюдо?

В эту минуту в кондитерскую вошли другие покупатели, и за прилавком выросли еще две продавщицы в черных кружевных чепцах и белых наколках. И тут же перед госпожой Моосгабр оказался на прилавке сверток. Медовик в тонкой голубой бумаге с изображением молнии.

– Сколько с меня? – госпожа Моосгабр затрясла открытой сумкой и снова посмотрела на полку с красивыми бутылками лимонада. – Четвертак?

– Три, – улыбнулась продавщица.

И госпожа Моосгабр быстро сунула руку в карман длинной черной юбки и вынула горсть четвертаков... три подала продавщице. Потом взяла сверток – медовик в тонкой бумаге – и отвернулась от прилавка.

– Орвуар, мадам, – сказала продавщица, и госпожа Моосгабр, кивнув, с открытой сумкой и свертком – медовиком в тонкой бумаге – пошла к двери. Ей казалось, что вслед ей смотрят все продавщицы и только что вошедшие покупатели, но ей было все равно. Она хорошо знала, почему они смотрят. Хотя сегодня смотрят не так, как на артистку или жену камердинера, а скорее как на богатую вдову из общества «Спасение» или из баптистской общины – на ней все же был чепец, а не шляпа. Она медленно пошла к двери с открытой сумкой и свертком – медовиком в тонкой бумаге, – по пути эту бумагу чуть отвернула и заглянула в открытую сумку... Когда она отворяла дверь кондитерской, сумка была уже закрыта. Она вышла на тротуар и подняла взгляд. Блондинчик в зеленом свитерке стоял там, рассматривая витрину и надпись над ней.

– Купила, – сказала госпожа Моосгабр и дала мальчику сверток – медовик в тонкой бумаге с изображением молнии.

– «У расщепленного неба», – сказал мальчик, – и эта бумага будто расщеплена молнией. – Он развернул бумагу и посмотрел на медовик. – Какой-то особенный, – посмотрел он на

медовик, – такого я еще не видал.

– Не видал, – госпожа Моосгабр затрясла сумкой, – отчего же?

– Потому что тут сверху он белый, посыпанный.

– Посахаренный. – Госпожа Моосгабр поправила очки.

– Но медовик не посыпают сахаром, – засмеялся блондинчик в зеленом свитерке, – достаточно уже одного меда. Все равно что посыпать сахаром шоколад или солить соленые огурцы.

– Но этот из особой кондитерской, вот из этой, – госпожа Моосгабр указала перчаткой за спину, потому что они все еще стояли перед кондитерской, – смотри, сколько мрамора, внутри – зеркала и люстры. В таких кондитерских медовики еще и сахаром посыпают. Ну пошли, пойдем уж.

Мальчик, странно улыбнувшись, откусил от пирога. И они пошли.

– Драться нельзя, – сказала госпожа Моосгабр по пути, – он тебя, наверное, и не дразнил вовсе. Ты у него, наверное, медовик взял. И разговаривать самому с собой тоже не дело. Человек может думать про себя тихо, а не говорить сам с собой вслух. И в лифте бегать нельзя, лифт развалится и больше не будет ходить. А главное, ничего нельзя поджигать. Так и дом может сгореть. Нельзя озорничать, – сказала госпожа Моосгабр, глядя, как мальчик медленно идет рядом с ней и ест пирог, – а то мать совсем изведешь. Мать изведешь, и вырастет из тебя чернорабочий, поденщик. Изведешь мать, она и под поезд может кинуться. Знаешь ведь, мимо перрона поезда ходят.

– Не кинется, – засмеялся мальчик и продолжал есть пирог, – к чему ей кидаться? Она скоро снова будет играть. Вернется в «Тетрабиблос» и будет играть в театре.

– А отец что? – сказала госпожа Моосгабр. – Отца у вас нет, правда?

– Нет его, – сказал мальчик. – Ушел. И гроши на меня не платит. Говорит, что у нас денег больше, чем у него. Что у нас киоск, а он всего-навсего бедный водолаз.

– Водолаз? – изумилась госпожа Моосгабр и схватилась за бант на шее. – Водолаз? А куда он лазает? В лужи?

– В реки, – засмеялся блондинчик в зеленом свитерке и проглотил кусок, – он вытаскивает затопленные лодки, песок, ищет, если у кого что упадет в воду. У него скафандр.

– Это как на Луне, – сказала госпожа Моосгабр.

– Только на Луне, – сказал мальчик, – они все время в скафандрах, а он только под водой в скафандре. В этом вся разница.

– А скажи, пожалуйста, – кивнула госпожа Моосгабр и затрясла сумкой, – как обстоят дела с этими посылками на почте. Говорят, у тебя рыльце в пуху.

– Вранье, что воронье, – сказал мальчик, медленно доедая пирог, – так думают те, кто в этом ничего не смыслит. Это была шайка, которую возглавляла старая глухая тетеря-уголовница, она уже много раз была в отсидке. Звали ее Гиена.

– Клаудингер, – сказала госпожа Моосгабр, и мальчик кивнул.

– Гиена Клаудингер, – кивнул он, – она самая. Они прибрали к рукам почту и тот лифт, в конце перрона. А я только езжу по перрону с тележкой и продаю.

Они медленно шли по улице, по которой можно было дойти до кладбища на площади Анны-Марии Блаженной. В магазинах горели огни, был уже вечер. Часов шесть, а может, и больше. Они медленно шли по улице, по которой можно было дойти до кладбища, и госпожа Моосгабр смотрела, как мальчик медленно ест пирог.

– Вкусно? – спросила она.

– Вкусно, – кивнул мальчик, – вкусно, но вкус какой-то непривычный. И довольно непривычный запах, – мальчик понюхал пирог, – вроде немного похож на горький миндаль. В

нем есть горький миндаль, да?

– Может, и есть, – кивнула госпожа Моосгабр и схватилась за бант на шее.

– Но миндаль в медовик тоже не кладут, – засмеялся мальчик.

– В лучших кондитерских, может, и кладут, – сказала госпожа Моосгабр, – я сама не знаю. Впервые слышу. Это была очень хорошая кондитерская, ты же сам видел, снаружи – мрамор, а внутри – зеркала и люстры. «У разделенного неба» было почти как в Ри...

– «У расщепленного неба», – поправил ее блондинчик в зеленом свитерке и потом вдруг поднял глаза и сказал: – Послушайте, госпожа, что это у вас за очки? Ведь в ваших очках нет стекол. Они же без стеклышек. Как вы сквозь них видите?

– Как, как, – затрясла головой госпожа Моосгабр и, похоже, только сейчас осознала, что очки покойного мужа, которые она хранила в комнате, в самом деле без стекол... – Да, нет стекол. Они без стекол. Но именно поэтому я и вижу сквозь них. Иначе сквозь них я бы не видела.

Блондинчик в зеленом свитерке проглотил кусок, засмеялся и сказал:

– Но они какие-то особенные. Такие большие и круглые, таких теперь и не носят. Совсем допотопные, точно.

– Немножко допотопные, правда, – кивнула госпожа Моосгабр и схватилась за бант на шее, – ты же ходишь на Закон Божий, раз ходишь в приют. Знаешь небось, когда был потоп?

– Давно, – сказал мальчик, медленно доедая пирог, – памятников уже не осталось. Их не было даже четыре тысячи лет назад.

– Еще бы, – кивнула госпожа Моосгабр, – тогда и белого света не было.

Они продолжали медленно идти по улице к станции «Центральное кладбище», и госпожа Моосгабр смотрела, как он ест пирог. Потом мальчик опять поднял глаза и сказал:

– А что у вас за чепец? И что за бант такой? Такого тоже никто не носит. Тоже допотопный.

– Тоже, – кивнула госпожа Моосгабр, – старый. Но когда-нибудь опять будут носить.

– А что это у вас за бусы? – спросил мальчик вдруг и проглотил кусок. – Такие большие, цветные, не из дерева ли они?

– Не из дерева, – покачала головой госпожа Моосгабр и поправила очки, – из бамбука. Из бамбука. Знаешь, что такое бамбук?

– Знаю, – засмеялся блондинчик в зеленом свитерке, – как же не знать. Бамбук. Из него делают лыжные палки.

Они шли, и мальчик потихоньку доедал пирог. Госпожа Моосгабр удивлялась, как медленно он ест.

– В самом деле, необычный пирог, такой я правда еще не ел, – сказал мальчик. – Посахаренный и с миндалем. А скажите, госпожа... – сказал вдруг мальчик, странно улыбнувшись, – этот пирог, случайно, не из замка?

– Из замка? – изумилась госпожа Моосгабр. – Как это из замка?

– То есть из дворца, – странно улыбнулся он.

– Из кондитерской, – затрясла сумкой госпожа Моосгабр, – из той самой кондитерской «У неба», из той мраморной, ты же сам видел, что я его там покупала.

Мальчик помолчал, слегка улыбаясь, скорее про себя, а потом сказал:

– Но, госпожа, скажите... в замке тоже возят тележки?

– Как это, возят тележки? – сказала госпожа Моосгабр и дернула бант на шее.

– Ну, когда туда приходят гости, к ним подъезжают с тележкой? С едой и питьем, как на перроне «Кладбище».

– Пожалуй, нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – там, наверное, едят сидя. – И госпожа Моосгабр увидела наконец, что блондинчик в зеленом свитерке проглатывает

последний кусок. Он проглотил последний кусок пирога и вытер руку о свитерок. Госпожа Моосгабр кивнула и сказала: – Тебе нужны были на зиму пальто и шапка, правда. Тебе и лыжи были нужны...

– Лыжи... – улыбнулся блондинчик в зеленом свитерке, – лыжи. Но не были нужны, а нужны сейчас. Я получу их.

– Получишь, – улыбнулась госпожа Моосгабр, – получишь. – И вдруг остановилась. И мальчик тоже остановился и сказал:

– Получу, мама мне купит. Но я скажу вам о ней одну вещь. Она умеет хорошо говорить и однажды будет говорить речь с балкона. С балкона театра «Тетрабиблос», и вы услышите такое... Но почему мы здесь стоим?

– Почему стоим? – сказала госпожа Моосгабр удивленно. – Потому что ты доел, и я теперь пойду.

И когда мальчик удивленно покачал головой, она сказала:

– Ты же должен идти на перрон «Кладбище» продавать с тележки, сейчас, уж верно, полседьмого. А я сейчас пойду в церковь на вечернюю службу, хотя в Бога я не верю. Если и верю во что-то, так только в судьбу, но этого тебе еще не понять. Мне надо в церковь.

– А почему вы туда идете, если не верите? – засмеялся блондинчик в зеленом свитерке и посмотрел на улицу, поскольку там как раз рядом с тротуаром, чтобы не мешать машинам, медленно ехала телега. – Почему? Вы идете в кафедральный собор святого Квидо Фонтголландского или в какую-нибудь часовню? Идете туда молиться, хотя и не верите? Или может, там... – мальчик загадочно улыбнулся, – вы продаете свечки?

– Нет, не продаю и иду не в собор и не в часовню, – покачала головой госпожа Моосгабр и тоже поглядела на дорогу, по которой медленно рядом с тротуаром ехала телега. – Я всегда хотела продавать, но никогда не продавала. Только однажды продавала, и это было ужасно. – А потом госпожа Моосгабр снова посмотрела на телегу у тротуара, на запряженную в нее лошадь и увидела, что на облучке сидит какой-то дюжий мужик в высоких резиновых сапогах и зеленой блузе, держит в руке кнут с узелками и что-то говорит сам себе. – А теперь ступай, – сказала она мальчику, схватилась за очки, дернула бант на шее и затрясла сумкой, – ступай уж. Ты был добр ко мне, перевел через улицу.

И она снова посмотрела на телегу у тротуара, на лошадь, шла она медленно – на шее хомут, голова опущена, и мужик на облучке говорил ей:

– Ступай, мышь, беги, у меня в кармане белый сахар...

И госпожа Моосгабр еще раз повернулась к блондинчику в зеленом свитерке и сказала:

– Ступай, полседьмого, пускай мать не изводится. Ступай, ты был добр ко мне, перевел через улицу. Ступай на станцию «Кладбище» под землю. – И она, повернувшись в ту сторону, откуда они пришли, зашагала быстро и вскоре нашла улицу, по которой можно было пройти в те печальные места, где она жила.

Госпожа Моосгабр пришла домой.

Прежде всего она зажгла в кухне свет, развязала на шее бант и сняла чепец. Потом сняла перчатки, бусы, подвески и все отнесла куда-то в угол. Потом посмотрела в печь. «Сегодня нога не болела, как в прошлый раз, – подумала она, – сегодня не болела, хотя мне пришлось так ужасно бежать». Она напустила воды в рукомойник, вымыла рот, щеки, брови, потом расчесала старые седые волосы. Но бечевочки, чтобы подвязать концы прядей, из буфета пока не вынула и не переделалась в ночное, потому что сегодня решила повнимательнее проверить мышеловки и заменить в них пересохшее сало. Она сходила в кладовку за тарелкой, на которой лежали нарезанные куски сала, поставила тарелку на стол, потом взяла из буфета пакет с белым порошком – мышинным ядом «Марокан» – и тоже выставила его на стол к тарелке. И уж хотела было собрать все мышеловки в кухне, комнате и коридоре, когда постучали в наружную дверь. «Привратница, – подумала госпожа Моосгабр, – хорошо, что идет. Вот она глаза вытаращит, когда узнает, как я продавала газеты, вот удивится, когда узнает, что со мной приключилось». И она с расчесанными волосами вышла в коридор и открыла дверь. Но это была не привратница, а двое незнакомых мужчин.

– Госпожа Наталия Моосгабр, – сказал один из них.

– Полиция, – сказал другой и показал документ.

Госпожа Моосгабр округлила глаза и попятилась.

Когда они входили в кухню, она разглядела, что эти двое – не те, что были здесь раньше. Этих двоих здесь еще не было.

– Садитесь, – сказала она им в кухне и пододвинула стулья к столу.

– Итак, госпожа Моосгабр, – сказали они, когда сели и оглядели стол, тарелку с кусками сала и белый пакет, – итак, госпожа Моосгабр, мы здесь. Знаете ли вы, почему мы здесь? – спросили они, осматривая кухню, и на их лицах появилась улыбка.

– Верно, из-за этих дневных газет, – выдохнула госпожа Моосгабр и посмотрела на пол: у дивана все еще лежали несколько экземпляров «Расцвета» и веревка, – я должна отдать в редакцию четвертаки и карточку, что они мне дали, завтра я это сделаю. Сегодня не успела. Но завтра я все им верну.

– Мы пришли не из-за газет, – улыбнулись они, глядя на тарелку с салом и на пакет, – мы не журналисты и не пишем в газету. Мы пришли по другой причине.

– Вы пришли из-за этих вещей, что спрятал здесь Везр, – вздохнула госпожа Моосгабр и покачала головой, – я так и подумала. Он положил все сюда под диван, я сейчас вам все вытащу. Там и хрестоматия и башмаки, ума не приложу, что мне со всем этим делать. Они положили это сюда против моей воли.

– Везр – ваш сын, не так ли? – спросил один полицейский. – У вас еще дочь Набуле. – И когда госпожа Моосгабр вздохнула, полицейский улыбнулся, оглядел кухню и сказал: – Но мы пришли и не ради этого. Ничего из-под дивана, мадам, не вытаскивайте. Это нас не интересует, мы не покупатели.

– Господи Боже, – выдохнула госпожа Моосгабр и схватилась за расчесанные волосы, – вы пришли из-за мальчика Линпека. – И после минутного молчания она сказала: – Из-за этого блондинчика в зеленом свитерке, который продает на станции «Кладбище» с тележки.

– Госпожа, – сказал полицейский и посмотрел на часы у печи, – мы пришли не из-за Линпека. Никакого Линпека со станции «Кладбище» мы не знаем. Мы знаем Ульриха Линпека из «Рая», это правда, – он посмотрел на своего товарища, – Ульриха Линпека, криминолога,

который написал книгу о потере памяти. Но он умер сто двадцать лет назад. Мы пришли по совершенно другой причине. Мы пришли посмотреть, как вы живете.

В кухне на мгновение воцарилась тишина.

– Как я живу? – сказала госпожа Моосгабр и схватилась за расчесанные волосы. – Как я живу?

И полицейские кивнули и сказали:

– Да, как живете.

И снова воцарилась тишина, и полицейские оглядели кухню, матовое окно, буфет, печь, диван, а потом снова стол, тарелку с салом и белый пакет.

– Ну как я живу, – сказала наконец госпожа Моосгабр, тоже усевшись на стул, – живу все время здесь. Но недавно здесь уже были два господина от вас, приходили посмотреть, как я живу, – сказала она. – Дочка с зятем копят на квартиру в Алжбетове, они будут жить там.

– Мы знаем, – кивнул один полицейский, – но скажите, как долго вы тут живете?

– Да уж лет пятьдесят, – сказала госпожа Моосгабр, сидя на стуле, – уж и не припомню точно. Любой в нашем доме знает, как давно я здесь живу, и привратница Кральц, и Штайнхёгеры, и Фаберы, у которых мальчик разбился, они тоже здесь давно живут, или, по крайней мере, жили их родители. Пятьдесят лет они знают меня, а я знаю их.

– А где вы, госпожа Моосгабр, жили до этого? – спросили полицейские и на минуту перестали осматриваться.

– До этого где-то в другом месте, – сказала госпожа Моосгабр, – уж и не знаю где. Везде.

– Так расскажите нам все по порядку, – сказали полицейские, посмотрев на госпожу Моосгабр, – все по порядку и четко. Вы родились где-то в провинции, правда?

– Да, в провинции, в Феттгольдинге, – сказала госпожа Моосгабр, – это деревня.

– Феттгольдинг, Феттгольдинг, – сказал как бы про себя один полицейский, – это где-то в предгорье Черного леса? Где-то там, где Кошачий замок? Там, где потомственные тальские поместья?

– Там, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на тарелку с салом, – именно там. Феттгольдинг – это деревня, от нее до Кошачьего замка один день пути.

– Вы были когда-нибудь в этом замке? – спросил один.

– Однажды была там со школой, я ходила еще в начальную. Из Феттгольдинга везли нас туда на телеге. А потом я была там еще один раз, уже после школы. Из Феттгольдинга шла туда пешком. Мне было пятнадцать.

– Пешком? – изумились полицейские. – Из Феттгольдинга пешком? Из Феттгольдинга в Кошачий замок? За один день этот путь в оба конца вы определенно не могли бы осилить.

– А я и не осилила, – кивнула госпожа Моосгабр, – я взяла хлеба с кукурузой. Я шла туда целый день, ночевала где-то в поле, наверное, в стогу или в амбаре, а может, в каком-нибудь крестьянском подворье, дело было летом, как раз после жатвы. На другой день я снова вернулась в Феттгольдинг.

– Вы осмотрели замок, – спросили они, – вы помните, что вы там видели и понравился ли он вам?

– В замок меня, кажется, не пустили, – сказала госпожа Моосгабр и посмотрела на сало на столе, – кто-то там тогда был, а когда там кто-то бывал, простых людей туда не пускали. Но когда мы ездили со школой, там как раз никого не было, и потому нас пустили в какой-то коридор. Видела я там рога, говорили, что там есть и олени. Когда я там была одна, то ходила только по парку и смотрела на окна. Заглянуть внутрь не пришлось, но я вспоминаю, что в одном окне появился какой-то человек и увидел меня. На нем была зеленая куртка, может, это был лесничий или слуга.

– А кем был ваш отец? – спросили полицейские. – Расскажите нам что-нибудь о родителях.

– У отца в Феттгольдинге была изба, – сказала госпожа Моосгабр, – у него были кролики и куры, а за избой делянка, примерно с эту квартиру. Там росла картошка и капуста, может, свекла и немного кукурузы.

– Но это же не могло вас прокормить, – сказал полицейский, – отец должен был еще что-то делать. Может, работал на железной дороге или на фабрике...

– Когда получалось, работал в поместье, – сказала госпожа Моосгабр.

– В тальских поместьях того края? – уточнили они, и, когда госпожа Моосгабр кивнула, спросили: – А что он делал? Ездил по поместьям и присматривал...

– Не ездил и не присматривал, – сказала госпожа Моосгабр, глядя на сало, – косил хлеба, ставил скирды и чинил колеса.

– Вручную?

– Вручную.

– А вы, значит, в Феттгольдинге ходили в школу?

– Там ходила в школу, – кивнула госпожа Моосгабр, – помню еще стишок, кому-то я его уже говорила, о старушке слепой. Была у меня там одна подружка Мария, маленькая, слабая, согнутая, но была умная, и дети любили ее. Она была из богатой семьи, кажется, жили они возле школы, отец ее был приказчик, имел золотые часы и часто ездил в Кошачий замок. Она потом вышла замуж, но муж ее вскоре умер, она оставила по мужу фамилию, была экономкой. Все время работала в одном месте где-то здесь, в городе, я не видела ее уже лет пятьдесят. В имении был еще один приказчик или слуга, точно не помню, так тот мне сказал, что Бога нет и чтобы я не молилась. Чтобы лучше копала свеклу, по крайней мере, сказал он, сыта буду.

– А что ваша мать, госпожа Моосгабр, сестры и братья? – спросили полицейские.

– А мама ходила собирать хворост на опушку Черного леса, и я с ней ходила. Но далеко в лес мы никогда не заходили, далеко никто не заходил. Люди очень боялись ходить далеко в лес. Мама надорвалась на работе, заболела и умерла. Но там в Феттгольдинге на кладбище ее нет, могила разрушилась, и теперь там кто-то другой.

– А что братья и сестры? – спросили полицейские.'

– Никого не было, – сказала госпожа Моосгабр, – не было у меня ни брата, ни сестры. Был только один родственник, брат отца, дядя, но тот давно умер, сейчас ему было бы за сто. Потом еще был какой-то двоюродный брат и племянник, но тех я даже не видела, а теперь уже никого нет в живых. Могилы их разрушились, да я и не знаю, где они.

– А что вы делали, когда кончили школу? – спросили полицейские.

– Я хотела быть экономкой, как та моя подружка Мария, и в общем-то... – госпожа Моосгабр вдруг умолкла, кинула взгляд на потолок и потом тряхнула головой, – в общем-то я и была экономкой. Я была экономкой, – тряхнула она головой, – теперь вспоминаю, – только вот не припомню, говорила ли я об этом привратнице, пожалуй, что путем и не говорила, – я была экономкой. Правда, недолго. В той семье была тяжелая работа, я кормила коз, косила траву, носила ушаты, надорвалась и вынуждена была уйти.

– А что это была за семья, где вы работали экономкой, как их звали и где они жили? – спросили полицейские.

– Как их звали – уже не помню, но это было здесь, в городе.

– А где в городе? – спросили полицейские. – Скорее, это было за городом, если у них были козы и вы ходили косить траву. Не помните дом или хотя бы место?

– Дома уже нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – это было за городом в районе «Стадиона», а когда там строили аэродром, дом снесли, и кирпичика от него не осталось. Вся семья, видать, вымерла, я вроде об этом даже слыхала.

Полицейские с минуту молчали, а потом сказали:

– На «Стадионе» сносили дома в тот год, когда Раппельшлунд начал строить там звездодром. Это было двадцать лет назад. До этого там тоже сносили дома, но тому уж лет пятьдесят, самое малое.

– Это и было лет пятьдесят назад, – кивнула госпожа Моосгабр.

После минутного молчания полицейские, продолжая глядеть на тарелку и пакет на столе, спросили:

– А что вы делали потом, когда ушли из той семьи?

– Когда ушла из той семьи, я ненадолго вернулась в Феттгольдинг. Мне было лет двадцать пять, отец был еще жив, а мама умерла. Я помогала ему по хозяйству, ходила в лес сажать деревца и еще варила обед детям земледельцев, что целыми днями работали в поле.

– А в Кошачий замок вы в то время уже не навещали? – спросили они.

– В то время уже нет, – покачала головой госпожа Моосгабр и посмотрела на сало на столе, – была я там раньше два раза, а потом на такую прогулку у меня времени не было. Приходилось ходить за курами, за кроликами, высаживать деревца и обед готовить для крестьянских детей. Там даже выходных дней не было.

– Ну а потом?

– Ну а потом я вышла замуж. Мой муж был возчиком на пивоварне. Ездил на лошадях и развозил бочки.

– Где же вы, мадам, замуж выходили, в Феттгольдинге или где в другом месте, и в какой церкви венчались, помните?

– Не в Феттгольдинге, а здесь, в городе, и не в церкви, я в Бога не верю. Поженили нас в ратуше, что за станцией «Кладбище». Но тогда станции там еще не было, была там только такая маленькая часовня. Ехали мы туда подземкой и назад тоже, в вагоне сидели. А свадьбу справляли в трактире «У золотой кареты» на площади, того трактира там тоже нет, давным-давно его снесли. Вместо него там теперь нынешние многоэтажки.

– Фамилию вы взяли, госпожа Моосгабр, по мужу? – спросили полицейские.

– Фамилию я оставила свою, – покачала головой госпожа Моосгабр, – муж взял мою фамилию. Звали его Моосгабр, Медард Моосгабр. И был он возчиком. В девичестве меня так же звали.

– А муж умер? – спросили полицейские.

– Умер, давно умер, сразу после того, как родилась дочка Набуле. Погиб на войне, на той короткой войне, что была однажды...

– Вы, госпожа Моосгабр, – сказал один полицейский, – на Центральном кладбище ухаживаете за могилами, поливаете, подметааете, стрижете траву. А могилу своего мужа не навещаете?

– Навещаю, – кивнула госпожа Моосгабр спокойно, – но теперь меньше. Муж похоронен не на Центральном кладбище и вообще не в нашем городе. Он родом из Дроздова, там и похоронен. Дроздов под Этлихом, отсюда далеко.

– В Этлих ходит автобус и электричка, – сказали полицейские, – туда меньше часа езды.

– Да, – сказала госпожа Моосгабр, – но я хожу туда пешком. Полдня туда и полдня обратно. Когда я была моложе, ходила туда каждую неделю. Теперь хожу два раза в год. Весной и осенью на Душички*. Скоро вот снова туда пойду.

* Душички – день поминовения усопших (католический праздник – 2 ноября).

В кухне опять воцарилась тишина. Полицейские озирались, обводили взглядом окно, буфет,

печь, диван, а потом вдруг спросили:

– А вы знаете точно, что ваш муж похоронен в Дроздове под Этлихом? – И после минутного молчания сказали: – А вам никогда не приходила в голову мысль, что он похоронен где-то в другом месте?

Госпожа Моосгабр в удивлении уставилась на полицейских. И долго молчала. Потом тряхнула головой и сказала:

– Он точно похоронен в Дроздове под Этлихом. Ведь у него там могила. Как может мне прийти в голову мысль, что он похоронен в другом месте?

– Хорошо, – кивнули полицейские чуть помедлив, а потом спросили: – Вы жили здесь, когда ваш муж умер?

– Это уж точно, – кивнула госпожа Моосгабр, – привратница тогда черный флаг на дом вывесила. Но другой, не из тех, что у меня в коридоре в шкафу. Эти у меня новые. Тот, что она вывесила тогда на дом, давно расползся, да и она была тогда совсем молодой.

– А дети родились у вас довольно поздно? – спросили полицейские. – У вас с ними были трудности?

– Были, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на пол, в сторону дивана, где лежали несколько экземпляров «Расцвета» и веревка. – Они попали в спецшколу, потом в исправительный дом, потом Набуле была продавщицей, в последнее время в магазине, где продают радио и магнитофоны.

– А теперь что она делает?

– Замуж вышла, не знаю. Приходит сюда редко. Копит с Лайбахом на квартиру, хотят купить ее в Алжбетове.'

– А Везр? – спросили полицейские и посмотрели на госпожу Моосгабр.

– Этот из тюрьмы вернулся, был там три месяца.

Полицейские примолкли и больше о Везре не спрашивали.

– Еще вопрос, – сказали они и посмотрели на стол, – кроме вашего желания стать экономкой, еще какое-нибудь у вас было? Вам хотелось торговать?

– Хотелось, – кивнула госпожа Моосгабр и снова посмотрела на пол, в сторону дивана, – хотелось иметь киоск и торговать. Ветчиной, салатом и еще лимонадом. Но не вышло...

– А кошки нет у вас, и мыши здесь, наверное, не переводятся. – Полицейские улыбнулись и осмотрелись в кухне.

– И правда, не переводятся, вот я и ставлю мышеловки. Они здесь под диваном, под буфетом, под плитой. И в комнате, и в коридоре.

– И попадаются иной раз?

– Когда да, когда нет, все зависит от того, как приходят и как ловятся. Хотите поглядеть на мышеловку?

– Нет нужды, госпожа Моосгабр. – Полицейские опять улыбнулись и потом снова обвели глазами кухню, посмотрели на стол, на тарелку с салом, на белый пакет, и один сказал:

– Вы собирались ужинать, а мы вас побеспокоили. Вы же, наверное, не посыпаете сахаром сало, – он указал на пакет, – или это соль?

– Это не сахар и не соль, – сказала госпожа Моосгабр, – вам не угадать, что это.

Полицейский открыл пакет и понюхал.

– Пахнет миндалем, – сказал он, – это действительно не сахар и не соль. Ну, госпожа Моосгабр, извините за беспокойство и садитесь ужинать. Нам пора.

– Но я не собиралась ужинать, – засмеялась госпожа Моосгабр, – это сало не для меня, а для мышей. А этот порошок, – она кивнула на белый пакет, – яд «Марокан». Я посыпаю им сало.

Полицейские засмеялись, встали и сказали, что уходят.

– Перед нашим приходом вы мылись, не правда ли? – сказали они в дверях, глядя на печь. – Вы были на прогулке?

– На прогулке, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на часы, – чтобы лучше спать. А комнату не хотите посмотреть? – спросила она вдруг. – Она тут рядом...

– Нет, не хотим, – сказали они в дверях, – ведь наши коллеги ее уже видели. У вас там кровать, столик, большое зеркало и еще кое-что. Еще кое-что, – вспомнили они вдруг, – у вас скоро праздник, госпожа Моосгабр...

– Праздник, праздник... – Госпожа Моосгабр снова засмеялась. – Вроде бы у меня день рождения. Но я его не праздную, никогда не праздновала, по-моему, даже привратница об этом не знает.

Полицейские в дверях в последний раз окинули взглядом кухню, буфет, матовое окно, печь, диван и вышли. Вышли из кухни в коридор, а из коридора в проезд. Посмотрели на кучу кирпичей, на тачку, на бочку с известкой и со вздохом улыбнулись госпоже Моосгабр; а госпожа Моосгабр тоже улыбнулась и со вздохом махнула рукой. Потом вернулась в кухню.

Когда через несколько дней госпожа Моосгабр в длинной черной будничной юбке и туфлях без каблуков вошла в канцелярию госпожи Кнорринг, там было полно народу. За письменным столом под портретами Альбина Раппельшлунда и вдовствующей княгини правительницы Августы сидела госпожа Кнорринг с тонким надменным лицом, с высоко поднятой головой и держала руку на телефонной трубке. Справа от нее за столиком с пишущей машинкой сидел господин Смирш. Слева у зарешеченного окна стоял господин Ландл. В передней двери позади стола госпожи Кнорринг стояли двое, по всей вероятности господин Ротт и господин Кефр. А на стуле у стены сидела женщина. Она была так убита горем, что являла образ самых страшных руин человеческих. Бледная, как смерть, одетая в черное траурное платье, черную шляпу, черные чулки и туфли, она тряслась в какой-то странной лихорадке. Когда госпожа Моосгабр вошла в канцелярию через заднюю дверь из зала ожидания, в канцелярии воцарилась глубокая тишина. Госпожа Моосгабр прошла сквозь эту глубокую тишину к скамье перед письменным столом госпожи Кнорринг и села, как садятся пожилые женщины в длинных черных юбках в крематории или часовне. И лишь когда она уселась, эта убита горем и смертельно бледная женщина в трауре на стуле у стены разразилась рыданиями.

– Мадам, – сказала ей госпожа Кнорринг в глубокой тишине, держа руку на телефонной трубке, а голову высоко поднятой, – не отчаивайтесь. Перестаньте охать и стенать. Этим ничего не исправишь. Необходимо утешиться и смириться, такова человеческая жизнь. Беда и смерть не по лесу ходят – по людям.

Госпожа Моосгабр со скамьи смотрела на стенавшую, убитую горем женщину в трауре и сохраняла спокойствие. Она пришла, очевидно, раньше, чем должно было рассматриваться дело Линпек, и не знала ни этой стенавшей женщины на стуле у стены, ни того, что с ней случилось. «Наверное, это чья-то мать, – подумала она, – а иначе зачем бы ей приходиться в Охрану. И наверное, у нее кто-то умер, раз она в трауре, может, ребенок». Госпожа Моосгабр собралась было повернуться к госпоже Кнорринг, когда стенавшая женщина на стуле у стены внезапно выкрикнула.

– О, Господи! – выкрикнула она голосом, полным отчаяния, и воздела руки над головой. – О, Господи! – выкрикнула она во второй раз с еще большим отчаянием в голосе и привстала со стула.

– Только спокойно, мадам, – сказал господин Смирш за машинкой.

– Только спокойно, – сказал господин Ландл у оконных решеток.

– Послушайте, – снова взяла слово госпожа Кнорринг и оторвала руку от телефонной трубки, – вам лучше немного отдохнуть. Вам надо пойти к доктору, он пропишет вам какое-нибудь успокоительное, что-то вроде реланиума. Так убиваться нельзя. Никак нельзя, – женщина на стуле снова захлебнулась рыданиями, – нельзя.

– О небо, нельзя! – вдруг вскричала женщина, и ее голос, полный отчаяния и ужаса, сорвался, голова опустилась в ладони, и она снова запричитала: – Значит, я уже не куплю зимнего пальто, чтобы не ходить ему в этом свитерке, – запричитала она, опустив голову в ладони, – не куплю шапки, чтобы не мерзнуть ему зимой. Не куплю лыжи, которые он так ждал, не куплю ему вообще ничего. Все кончено. Завтра пойду в похоронное бюро и куплю гроб с венком. Куплю гроб, а через два дня меня похоронят.

И госпожа Моосгабр на скамье замерла.

– Госпожа Линпек, – сказала госпожа Кнорринг за письменным столом, – может, вас утешит то, что я вам скажу: таких несчастных матерей за время нашего существования у нас

наберется сотни. И мы хорошо знаем, что такое человеческая жизнь и что такое смерть.

– Но такая ужасная смерть, – вскричала госпожа Линпек и подняла голову с ладоней, – такая ужасная, вот в чем дело, такая ужасная смерть, – вскричала она и выпучила глаза на госпожу Моосгабр, которая едва переводила дыхание, – с такой ужасной смертью не сталкивался даже Беккет.

– Госпожа Линпек, – отозвался теперь господин Смирш за машинкой и кинул взгляд на госпожу Моосгабр, – что случилось – то случилось, что уже там – того уже нет здесь. Свойство яда заключается в том, что от него умирают, так было и будет до скончания времен, поэтому он и называется ядом. Одним словом, с этим вы должны смириться.

– О небо, смириться, – выкрикнула снова госпожа Линпек на стуле у стены и затряслась так, будто ее коснулась сама смерть, – смириться. Смириться с такой ужасной смертью. Когда все это представляю себе, теряю сознание... – И вдруг госпожа Линпек в черном траурном платье соскользнула со стула у стены на пол и осталась неподвижно лежать.

Господа Ротт и Кефр, по-прежнему стоявшие в передней двери позади стола госпожи Кнорринг, бросились за водой, а господин Смирш встал из-за машинки и вместе с господином Ландлом поднял госпожу Линпек с полу. Когда они снова усадили госпожу Линпек на стул, пришли господин Ротт и господин Кефр с кувшином воды и с помощью мокрого платка стали приводить ее в чувство. Госпожа Моосгабр со скамьи смотрела на госпожу Линпек и едва переводила дыхание.

– Послушайте, госпожа Линпек, – заговорил теперь господин Ротт, приведя госпожу Линпек в чувство и поставив кувшин на зарешеченное окно, – вам надо немного прийти в себя. В других семьях, как сказала вам госпожа Кнорринг, тоже бывают трагедии, в нашей стране вы не первая и не последняя. И вообще, оглянитесь немного вокруг, посмотрите, в какое время мы живем. Сколько повсюду всяких мучений, опрометчивых приговоров, несправедливых судилищ... – господин Ротт посмотрел на господина Кефра, – сколько злобы и лжи, коварства и подлости. Есть люди, которые с удовольствием держат в руках палку и рады были бы видеть многих в кандалах. Есть люди, которые жаждут превратить мир в одну-единственную тюрьму, и не только здесь, на земле, вспомните, какая стройка завершается у кратера Эйнштейн. И самое интересное, что это исходит не столько от полиции, сколько от армии. Я знаю, господин Смирш, – господин Ротт посмотрел на господина Смирша за пишущей машинкой, – я знаю, вы не любите таких разговоров, особенно в учреждении, но что здесь такого? Все это существует, и никуда от этого не деться. Есть люди, госпожа Линпек, у которых Бог взял гораздо больше, чем у вас, и все-таки они живут...

– Но я не смогу, – госпожа Линпек в черном траурном платье на стуле у стены снова опустила голову в ладони, и ее черная шляпа немного съехала набок, – я не смогу, у меня слабые нервы, да-да. Раз я потеряла все, – захлебывалась она рыданиями, держа голову в ладонях, – куплю себе гроб с венком, а потом брошусь, как я говорила, под поезд. Когда я представляю себе, что это за смерть, – зарыдала она снова, – как этот поезд скрипит... я снова теряю сознание...

– Что ж, госпожа Линпек, – довольно решительно сказала госпожа Кнорринг за столом и высоко подняла голову, – здесь госпожа Моосгабр. Она была у вас, выяснила и теперь скажет, что она по этому поводу думает. – И госпожа Кнорринг, посмотрев на госпожу Моосгабр, кивнула.

– Я была, – кивнула госпожа Моосгабр, она все еще едва переводила дыхание, но говорила довольно спокойно, – я была, все выяснила и теперь скажу. Под поезд вы в самом деле не бросайтесь, – сказала она госпоже Линпек, – как вы помните, один раз на перроне я вас уже отговаривала от этого, и госпожа Кральц тоже. Вы же знаете, как скрежещет поезд, сами это

говорите.

– Госпожа Линпек, – сказал господин Ротт в передней двери, – под поезд вы не броситесь, похоже, вам уже лучше. Ваш обморок от одной мысли, что вы броситесь под поезд, купите себе гроб и через два дня будут ваши похороны, уже прошел. Здесь на окне мы оставляем кувшин, если вам снова станет плохо, господин Ландл мокрым платком вытрет вам лоб. Мадам, – сказал он госпоже Кнорринг за письменным столом, – позвольте мне и нашему милому глупому Кефру удалиться и подготовить для вас сведения об Обероне Фелсахе.

– Бон, – кивнула госпожа Кнорринг, – подготовьте сведения об Обероне Фелсахе и принесите. – И господа Ротт и Кефр поклонились, прошли в переднюю дверь и закрыли ее за собой.

– И я бы тоже уточнил кое-что, – отозвался господин Смирш за машинкой, – коль вы, мадам, просите госпожу Моосгабр рассказать нам обо всем, не стоит ли позвать...

– Апропо, – кивнула госпожа Кнорринг и протянула руку к ящичку стола, – позовите.

Господин Ландл подошел к двери в зал ожидания и, открыв ее, позвал... и сию же минуту в канцелярию вошел блондинчик в зеленом свитерке.

– Добрый день, – сказал он и остановился у двери.

– Что ж, начнем, – сказала после минутного молчания госпожа Кнорринг, протянула руку к ящичку стола, и на нем появились ноты, – начнем. Госпожа Линпек жалуется, – госпожа Кнорринг посмотрела в ноты, – что не может купить мальчику зимнее пальто, шапку и лыжи, что муж не платит ей алиментов, что этот человек исходит злобой и терзает ее и мальчика. Госпожа Моосгабр, – госпожа Кнорринг оторвала глаза от нот, – вынесите свой приговор. Вынесите его здесь перед госпожой Линпек и перед мальчиком, пусть все знают, что секретов у нас нет.

– Госпожа Моосгабр – большая специалистка, – вмешалась вдруг в разговор госпожа Линпек и ухоженными ногтями коснулась своей черной шляпы, сильно съехавшей набок. Ее голос уже не звучал столь отчаянно, и она сама не была так бледна, как поначалу, а возможно, такое впечатление создавало ее черное траурное платье, – госпожа Моосгабр посвящена во все. И в то, что я не могу купить мальчику зимнего пальто, шапки и лыж, и в то, что мой муж не платит алиментов, исходит злобой и терзает меня и мальчика, который возит по перрону тележку и продает с нее. И что к расхищению посылок он не имеет никакого отношения, что это все проделки самой Клаудингер и ее шайки и что они хотели бы втянуть в это дело мальчика. Оговорить его с расчетом на то, что он озорничает в школе. Они думают, раз он озорничает в школе, то, значит, может и воровать посылки. И госпожа Моосгабр знает, как я несчастна и как хочу броситься под поезд и купить себе гроб с венком.

– Это правда, – кивнула госпожа Моосгабр на скамье, – госпожа Линпек несчастна. Мальчик ее мучит, она хочет броситься под поезд, но я отговаривала ее от этого, так же как и наша привратница, как и господин Ротт сейчас. Я только не знала, что она хочет купить гроб с венком и что муж так терзает ее. Этого госпожа Линпек мне вроде не говорила. Но что мальчик участвовал в расхищении посылок – я не установила.

– Вот видите, – воскликнула госпожа Линпек голосом высоким, как у дрозда, и прошлась ладонью по щеке, – видите. Госпожа Моосгабр, благодарю вас за ваше решение, – воскликнула она, и глаза ее засветились, – я с первой минуты знала, что вы специалистка, и та мадам, что была с вами, мадам привратница тоже, только вы главная, тогда как она просто сопровождала вас, а это разные задачи.

– Хорошо, – кивнула госпожа Кнорринг и посмотрела в ноты, – но госпожа Моосгабр скажет нам, что она установила еще.

– Еще, – кивнула госпожа Моосгабр, – еще я установила, что у госпожи Линпек прекрасный

киоск в подземке на перроне «Центральное кладбище» и что работы у нее сверх головы, люди покупают, главным образом, пиво, лимонад, часто – открытки, на которых потом пишут в подземном ресторане, где любят бывать больше, чем в подобных местах на поверхности. Мальчик... – госпожа Моосгабр на скамье повернулась к задней двери, потому что блондинчик в зеленом свитерке все еще стоял там, – он торгует на перроне с тележки после шести вечера и любит больше всего медовик. Муж не платит мадам Линпек али... он водолаз, вытаскивает из-под воды лодки, песок и другие потопленные вещи. А мадам, – госпожа Моосгабр посмотрела на госпожу Линпек, сидевшую на стуле у стены и слушающую ее с вниманием и восторгом, – она артистка. Играла в театре, в театре... как он называется...

– «Тетрабиблос», – улыбнулась госпожа Линпек любезно, – «Тетрабиблос».

– Хорошо, – вмешалась госпожа Кнорринг и снова посмотрела в ноты. – «Тетрабиблос» близ Академии музыки, и играют там старые и новые пьесы.

– Недавно я смотрел там «Порчу» Татрмана Лупла, – сказал господин Смирш за машинкой, – там и танцы есть.

– Танцы, – кивнула госпожа Кнорринг, – но пусть госпожа Моосгабр нам еще скажет, как мальчик проявляет себя.

– Как он проявляет себя, – кивнула госпожа Моосгабр на скамье и снова обернулась к задней двери, где по-прежнему стоял блондинчик в зеленом свитерке, – да, он проявляет себя. Он часто говорит сам с собой, как будто говорит с кем-то другим, но таких людей, пожалуй, много. Ему снится, что он летает, и ему это нравится, поэтому он обожает кататься на лифте. Ну и еще он любит огонь.

– Любит огонь? – Господин Смирш поднял взор.

– Огонь, – кивнула госпожа Моосгабр, – но разжигает его только летом в поле.

– Вот видите, – воскликнула госпожа Линпек и холеными пальцами поправила шляпу на голове, – видите. Госпожа Моосгабр говорит чистую правду. Но почему я не могу жить спокойно, – она снова поправила шляпу, – почему все время его у меня отбирают? Один раз муж, который загубил мою жизнь, потому что исходит злобой, в другой раз тоже муж, потому что не платит алиментов, в третий – мальчика подозревают в расхищении посылок, и я уж не знаю, в чем еще. Эта шляпа, – покачала головой госпожа Линпек, – у меня все время съезжает.

– Хорошо, – кивнула госпожа Кнорринг за столом и посмотрела на господина Смирша за пишущей машинкой и на Ландла у оконных решеток, – хорошо. Перейдем теперь ко второму вопросу. Об этом втором вопросе госпожа Моосгабр еще не слышала, он здесь обсуждался перед ее приходом. Апропо, госпожа Линпек, вы говорите, что ваш мальчик перевел через улицу даму и что за этот добрый поступок был вознагражден.

– Он перевел даму и был вознагражден медовиком из кондитерской, – госпожа Линпек теперь вдруг совсем сняла с головы черную шляпу и поправила завивку, – расскажи. Расскажи, – повернулась она к мальчику у двери, и ее голос звучал несколько странно, – расскажи, как все было.

– Одна старая дама остановила меня на перекрестке у «Подсолнечника», – сказал блондинчик у двери и таинственно улыбнулся, – и попросила, чтобы я перевел ее через улицу, потому что она плохо видит. И что, если я переведу ее, она угостит меня чем-нибудь вкусненьким. Поэтому я перевел ее и спросил, что она мне даст. Она сказала, что сперва должна купить то, что даст. Я спросил, не шоколадные ли это будут трубочки, а она ответила, что, если я расскажу ей, как озорничаю в школе, она купит мне что-нибудь и получше. Медовик.

– И она купила его, – улыбнулась госпожа Линпек и ладонью погладила черную шляпу, которую теперь держала на коленях, – видите, как еще добры люди бывают. Медовик за то, что ее перевели через улицу. И купила его в самой лучшей кондитерской. Где-то, видимо, на

проспекте генерала Дарлингера, судя по тому, как мальчик описывает эту кондитерскую: каким-то образом она разделена надвое или что-то вроде того и снаружи вся из мрамора. И скажи, – госпожа Линпек снова повернулась к двери, – скажи, как тебе было вкусно и какой это был особый пирог.

– Это был медовик, – улыбнулся мальчик у двери странной улыбкой, – но еще и посахаренный.

– Хотя медовики не бывают посахаренными, – быстро вмешалась госпожа Линпек и засмеялась.

– И очень хорошо пахнул, – продолжал мальчик, – вроде бы миндалем.

– Хотя медовики тоже такими не бывают, – опять вмешалась госпожа Линпек, – миндаль в них не кладут.

– Хорошо, – кивнула госпожа Кнорринг, глядя на мальчика у двери, – а теперь еще вопрос: кто была та дама, которую ты перевел?

– Думаю, мадам, – высказался вдруг господин Смирш и положил палец на клавишу пишущей машинки, – думаю, об этом нам не следует говорить.

– Не следует, – сказала госпожа Кнорринг неожиданно сухо, – не следует, вы правы, но мы будем говорить. Я знаю, господин Смирш, что вы не терпите определенных разговоров, особенно в учреждении, но я не вижу причины, по которой мы здесь, в Охране, не можем затронуть все, касающееся наших случаев. Мы, как государственное учреждение, имеем на это право. Если бы здесь был господин Ротт... – госпожа Кнорринг чуть обернулась к передней закрытой двери, но при этом и чуть подняла голову, как бы показывая, что стремится – при всей невозможности – узреть и портреты над собой, – господин Ротт сказал бы, что говорить об этом просто наша обязанность. Иными словами, если мы не будем говорить об этом здесь и сейчас, об этом может говорить кто-то другой в другом месте, а этого, господин Смирш... – госпожа Кнорринг подняла голову, – я не допущу. Ты знал эту даму?

– Нет, не знал, – таинственно улыбнулся мальчик у двери.

– Он не знал и не знает, кто она, – быстро сказала госпожа Линпек, и ее голос опять был особенный, глубокий, как из колодца, – он видел эту даму в первый и последний раз. Это была какая-то совсем незнакомая дама.

– Конечно, – улыбнулась госпожа Кнорринг и бросила взгляд на госпожу Моосгабр, которая довольно напряженно вслушивалась, – конечно, ты видел ее в первый раз. И о чем она с тобой говорила, что рассказывала?

– Она спрашивала меня, как я озорничаю, – улыбнулся блондинчик в зеленом свитерке у двери, – только под этим условием она обещала купить мне медовик. И еще она спрашивала меня про мать и про отца, а также про эти похищенные в метро посылки, и еще спрашивала, что мы в школе учим... словом, про все...

– А какой-нибудь стих, – госпожа Кнорринг подняла голову и улыбнулась, – какой-нибудь стих она тебе не говорила? Допустим, о старушке слепой?

– Такой стих она мне не говорила, – покачал головой мальчик, – сказала только, что идет в церковь.

– В церковь? – Госпожа Кнорринг внезапно застыла, а мальчик кивнул.

– В церковь, – кивнул он, – но сказала, что в Бога не верит. Что верит в какую-то... какую-то...

– Судьбу, – улыбнулась госпожа Кнорринг, – именно так. Вот видите, господин Смирш, – госпожа Кнорринг кинула взгляд в сторону пишущей машинки, – именно так. По крайней мере, все сразу выясняется. А иначе знаете, что из этого может получиться? Та дама, которую ты перевел, – сказала госпожа Кнорринг мальчику у двери, – была госпожа Моосгабр.

Блондинчик в зеленом свитерке у двери загадочно улыбался и молчал. Молчали и госпожа Линпек, и оба господина, молчала и госпожа Моосгабр. Когда молчание слишком уж затянулось, а мальчик слишком долго продолжал загадочно улыбаться, госпожа Кнорринг сказала:

– Ну что ж, подойди ближе, посмотри на госпожу Моосгабр. Она сидит здесь на скамье.

Мальчик медленно отлепился от двери, подошел к скамье и посмотрел на госпожу Моосгабр. Потом перевел взгляд на госпожу Кнорринг за столом и удивленно улыбнулся.

– Что вы, мадам, вы ошибаетесь, – сказал он, – та дама была совсем другая, не госпожа Моосгабр.

– Та дама была совсем другая, не госпожа Моосгабр, – тихо возразила и госпожа Линпек, и ее голос теперь стал особенным, но страха и тоски в нем не было и следа.

– Ну и ну, – совершенно спокойно покачала головой госпожа Кнорринг, – ты уверен, что та дама была не госпожа Моосгабр? Это была именно она.

– Не была, – улыбнулся мальчик, продолжая смотреть на госпожу Моосгабр, – та госпожа, которую я перевел и которая потом мне купила медовик, была в чепце с бантом, в бусах и серьгах, была покрашена и в таких странных очках.

– В бусах и серьгах? – застыла в изумлении госпожа Кнорринг. – В очках? У госпожи Моосгабр нет очков. – Но потом госпожа Кнорринг вдруг засмеялась и сказала: – Может, кто-то другой носит очки? Насколько мне известно, господин Смирш, – она засмеялась в сторону пишущей машинки уже опять совершенно спокойно, – очки не носит никто...

– Но в этих очках не было стекол, – улыбнулся мальчик. – Это была только одна допотопная пустая оправа.

– Очки без стекол, – изумилась снова госпожа Кнорринг, – скажи, пожалуйста, ну кто станет носить очки без стекол? Это ты выдумал.

– Не выдумал, – покачал головой мальчик, – я видел. Я видел и даже спросил ее об этом. Почему она носит очки без стекол, какой в этом толк. А она сказала, что именно так и нужно. Что, если бы в очках были стекла, она не смогла бы их носить. Потому что в них она бы не видела.

– Странно, – сказал господин Смирш, – в самом деле, мадам, если мы будем об этом молчать...

– Странно, – вмешался теперь и господин Ландл, – это значит, что кто-то замаскировался. Но без всякой причины. Причины, насколько нам известно, – вставил он быстро, – никакой не было. Мадам права, госпожа Моосгабр очки не носит. Но мадам права и в другом. Насколько нам известно, – сказал он быстро, – очки не носит никто...

– Это была я, – сказала госпожа Моосгабр на скамье и кивнула на мальчика, который продолжал смотреть на нее, – это была я. Эти очки у меня после покойного мужа, возчика на пивоварне, и взяла я их потому, что они без стекол. А разве иначе я перешла бы улицу? У меня хорошее зрение, и госпожа привратница это знает...

– Значит, так, – решительно сказала госпожа Кнорринг и посмотрела на господина Смирша, – все ясно. Это была госпожа Моосгабр, и на этом поставим точку. Ничего не произошло, мальчик совершил добрый поступок, и все. Я сочла своей обязанностью говорить об этом тоже, и хорошо сделала. Чтобы когда-нибудь, – она посмотрела на господина Смирша, – не говорили об этом где-то в другом месте. И чтобы мы, как я уже сказала, ничего ни от кого не утаивали и говорили обо всем откровенно. – И госпожа Кнорринг улыбнулась госпоже Линпек, которая тоже улыбнулась и совершенно спокойно сказала:

– Госпожа Кнорринг, вы – большая специалистка, хотя таких вещей я особенно не боюсь, нет во мне страха, но вы, госпожа Кнорринг, большая специалистка.

– Aproпо, госпожа Моосгабр, – с улыбкой кивнула госпожа Кнорринг за письменным столом, – а теперь скажите, что вы думаете о деле Линпеков. Что вы думаете об этом в целом?

– В целом я думаю, – покивала головой госпожа Моосгабр, – раз ничего определенного о посылках сказать нельзя, пусть пока все остается по-прежнему. Но госпожа Линпек обязательно должна получать али...

– Бон, – кивнула госпожа Кнорринг, – бон. Если, конечно, госпожа Моосгабр еще похлопочет, бон.

– О небо, – воскликнула госпожа Линпек на стуле у стены, и щеки и глаза у нее разгорелись, и голос повысился; в своем черном платье со шляпой на коленях, она теперь выглядела, как веселая вдова, – о небо! Госпожа Кнорринг, у меня нет слов, как вас и госпожу Моосгабр благодарить. Пожалуй, словами поэта Виргилия Цикла, чей памятник стоит в парке: «Уже неземная моя благодарность, коли на небо сейчас вознесусь я». Стань на колени, – госпожа Линпек повернулась к мальчику, – стань на колени сию же минуту, вот тут, перед столом мадам, и поблагодари ее за доброту и заботу. Стань на колени и благодари.

Блондинчик в зеленом свитерке кивнул и подошел к столу госпожи Кнорринг. При этом он еще раз посмотрел на скамью, где сидела госпожа Моосгабр, и улыбнулся. Потом опустился на колени перед столом госпожи Кнорринг и сказал:

– Благодарю вас, госпожа, за вашу доброту и заботу.

– Теперь встань, – сказала госпожа Кнорринг, – поблагодари также госпожу Моосгабр на скамье за то, что она все так хорошо проверила и установила.

Блондинчик в зеленом свитерке встал, подошел к скамье госпожи Моосгабр и снова опустился на колени:

– Благодарю вас, госпожа за то, что вы все так хорошо проверили и установили.

– Теперь поднимись, – кивнула госпожа Моосгабр, – и подойди к матери.

– Вы, госпожа Линпек, угрожали, что купите гроб с венком и броситесь под поезд, – сказала госпожа Кнорринг госпоже Линпек, которая все еще продолжала сиять, – если бы вот так каждый бросался под поезд и покупал гроб, кто бы вообще жил на свете? Господин Куглер отстаивает мнение, – госпожа Кнорринг поглядела на господина Смирша, – что Плутон – бывшая луна Нептуна. Но Плутон подобен планетам земного типа, сверх того, он во много раз меньше, чем Уран и Нептун, и господин Куглер, скорее всего, ошибается. Об этом уже все говорят во всеуслышание. Я, – госпожа Кнорринг посмотрела на господина Смирша, – я это выяснила. Однако вы, госпожа Линпек, – госпожа Кнорринг повернулась к стулу у стены, – вы имеете киоск и торгуете в метро под вокзалом на станции «Кладбище». А пока у вас есть киоск и вы торгуете, пока у вас есть сын и муж, с которым вы развелись, пока вы должны зарабатывать себе на хлеб, покоя вам не будет. Господин Ротт был прав, вы поймите, наконец, какое нынче время. Чем дальше... – госпожа Кнорринг снова поглядела на господина Смирша, – чем дальше, тем все становится хуже, кто знает, что нас ждет впереди. У меня всякие странные предчувствия. Да, они у меня постоянно. Такое расследование не должно портить настроение людям, они и так обо всем давно знают. Мы здесь, в Охране матери и ребенка... – госпожа Кнорринг посмотрела в ноты, которые лежали перед ней, – мы здесь прилагаем все силы, чтобы спасти молодежь и воздать матерям по заслугам. Но смотри... – госпожа Кнорринг повернулась теперь к блондинчику в зеленом свитерке, стоявшему у стула матери, – если мы узнаем, что ты замешан в этой истории с посылками, то держись. И если будешь озорничать в школе, тоже пощады не жди. Так и знай, оставляем тебя у матери только на пробу. Госпожа Моосгабр, скажите свое слово по этому поводу.

– Если будешь озорничать, – кивнула госпожа Моосгабр, – то теперь знаешь, что тебя ждет. Спецшкола и исправительный дом. И вырастет из тебя чернорабочий, поденщик. И мать

замучишь вконец. Подумай, она уже сейчас хотела купить гроб с венком и броситься под поезд. А у нее такой прекрасный киоск, другой на твоём месте был бы счастлив. А ты можешь быть вдвойне счастлив еще и оттого, что сам уже продаешь с тележки, такое счастье перепадает не каждому в твоём возрасте. Так помни это и не озорничай, не то мать действительно загонишь под поезд. Правда, мадам, – госпожа Моосгабр повернулась к госпоже Линпек, которая продолжала кивать и любезно улыбаться, – правда, ведь если он будет озорничать, то вас вконец изведет. И вы под поезд броситесь.

– Брошусь, – любезно улыбнулась госпожа Линпек, и её лицо и глаза засветились, – брошусь, и кончен бал. И не будет у него ни зимнего пальто, ни лыж, не будет даже алиментов. Вот ты и запомни, что тебе здесь мадам и госпожа Моосгабр говорят.

– Выучить это исключительно трудно, – сказала госпожа Кнорринг, глядя на стол, где лежали ноты, – все надо выучить наизусть. Впрочем, это естественно. Партия сопрано здесь еще сложнее, чем партия теноров, а из инструментов – сложнее всего валторны. Вы уже репетировали, – госпожа Кнорринг посмотрела на господина Смирша за машинкой и на господина Ландла у оконных решеток, – вы уже репетировали «Dies irae, dies illa»?

– Вчера, – кивнул господин Смирш, – мсье Скароне возражал против фортиссимо. Оно не показалось ему достаточно сильным.

– Хотя горло у нас аж лопалось от натуги, – сказал господин Ландл.

– Одним словом, это «Реквием», – сказал господин Смирш госпоже Линпек, которая слушала на стуле у стены с большим интересом, – репетирует его пятьсот певцов и тысяча музыкантов. Самый большой «Реквием», который когда-либо у нас исполнялся.

– Но когда будет премьера, пока неизвестно, – добавил господин Ландл.

– Об этом писали в газете, – сказала госпожа Кнорринг, высоко подняв голову, – в дневном выпуске «Расцвета», более недели назад... и пока это все. Так, госпожа Линпек, – кивнула госпожа Кнорринг, – вы можете идти. Алименты придут к вам по почте. А ты веди себя хорошо... – Госпожа Кнорринг подняла палец.

Рассыпаясь в благодарностях, сияя лицом и глазами, госпожа Линпек попрощалась и направилась с мальчиком-блондинчиком в зеленом свитерке к двери. Держа черную шляпу на холеном пальце, она выходила из канцелярии с непокрытой головой, в пышной завивке с темной заколкой. В дверях она еще раз остановилась и сердечно пригласила госпожу Кнорринг, госпожу Моосгабр и обоих мужчин посетить её киоск в метро на станции «Центральное кладбище».

– В самом деле, если бы это даже не выяснилось здесь сразу, – сказала она в дверях, и её голос и лицо были удивительно спокойными, и госпожа Кнорринг и мужчины знали, что она имеет в виду, – я все равно не боялась бы.

– Госпожа Линпек была артисткой в «Тетрабиблосе», – пояснила госпожа Кнорринг, когда дверь за госпожой Линпек закрылась. – Теперь у неё киоск в метро, но, кажется, она вернется в театр. Однако говорить об этом больше не будем, дело решенное. Есть еще один важный вопрос, который касается госпожи Моосгабр. Позовите, господин Ландл, господина Ротта.

Господин Ландл вызвал господина Ротта из соседней канцелярии, и господин Ротт явился с какой-то бумагой.

– Сведения об Обероне Фелсахе, вот, мадам, – сказал он и положил на ноты перед госпожой Кнорринг бумагу.

– Госпожа Моосгабр, – вскинула голову госпожа Кнорринг, – в прошлый раз я вам сказала, что у меня для вас будет, наверное, кое-какое предложение. Присмотр за мальчиком в одной семье три раза в неделю по полдня. Я вам также сказала, что вы за это будете получать жалованье. Как, вы согласны? – И когда госпожа Моосгабр на скамье кивнула, госпожа

Кнорринг взяла у господина Ротта бумагу и сказала: – Речь идет об Обероне Фелсахе, вдове, оптовике, проживающем неподалеку от вашего дома в районе вилл Блауэнталя, на улице У колодца, шесть. Господин оптовик Оберон Фелсах весьма занят торговлей.

– Господин Фелсах торгует радио, магнитофонами, телевизорами, обогревателями и лампами, – сказал господин Смирш за пишущей машинкой.

– Но что главное, с вашего, мадам, разрешения, – заговорил господин Ландл у зарешеченного окна, – господин Фелсах прежде всего занят так потому, что он торгует не столько здесь или за границей, сколько на Луне. Иной раз он задерживается на Луне по целому месяцу.

– Именно так, – кивнула госпожа Кнорринг, – и это главная причина, по которой он редко бывает дома и уделяет внимания мальчику меньше, чем хотел бы. У него, правда, есть экономка, но она, как я вам, госпожа Моосгабр, уже говорила, не справляется с мальчиком, у нее слишком много забот по хозяйству. Мальчику нужен присмотр три раза в неделю по полдня, чтобы он зря не шлялся и привык к дисциплине.

– А как его зовут? – спросила госпожа Моосгабр.

– Как отца, – сказала госпожа Кнорринг и посмотрела на бумагу господина Ротта, – Оберон Фелсах.

– В отчете, мадам, – вмешался тут господин Ротт, который все время стоял близ стола госпожи Кнорринг, – в отчете, что я вам дал, о мальчике есть еще кое-какие сведения. Было бы неплохо, если бы госпожа Моосгабр ознакомилась с ними.

– Бон, – кивнула госпожа Кнорринг, – я уже вижу. Здесь... Итак, зовут его по отцу, ему четырнадцать лет, он лучший ученик во всей школе, успеваемость отличная, говорит как взрослый, почти как писатель, он гений. Не хватает лишь дисциплины и присмотра. Много читает и любит музыку. Любит хорошую пищу, здесь это тоже указано, сладости, не пьет, не курит, это замечательно, но вот что...

– Это, пожалуй, не так важно, – сказал господин Ротт.

– Это, пожалуй, не так важно, – заколебалась госпожа Кнорринг, – здесь указано, что он предпочитает длинные волосы и именно черные, он черноволос, во-вторых, любит надевать длинное черное пальто, и, наконец, у него яркие черные глаза.

– Это весьма знаменательно, – сказал господин Смирш, но никто не обратил на его слова особого внимания. Господин Ротт улыбнулся и сказал:

– Есть еще и продолжение, мадам, оно, пожалуй, интереснее, но знаменательного в нем тоже ничего нет. На следующей странице, будьте любезны.

Госпожа Кнорринг перевернула страницу и сказала:

– Да, здесь. Он отращивает длинные ногти, имеет склонность к так называемым тайным наукам. И еще здесь подчеркнуто: он не должен шляться, он должен сидеть дома. Итак, госпожа Моосгабр, – госпожа Кнорринг обратила взгляд к скамье, – через неделю вы наведаетесь туда, ибо его отец, Оберон Фелсах, будет дома. Он прилетит с Луны.

– И он с вами обо всем договорится, – сказал господин Смирш за машинкой, – он хочет платить вам целых четыре гроша.

– И скажет вам, что вы должны делать, – добавил господин Ландл у зарешеченного окна, – собственно, почти ничего не должны, лишь три раза в неделю по полдня сидеть в этой вилле. Чтобы мальчик видел, что вы в доме и следите за ним.

– Через неделю вы пойдете туда, – опять взял слово господин Ротт, – господин отец тут же снова полетит на Луну. Пусть он представит вас мальчику и экономке.

– Я согласна, я пойду, – кивнула госпожа Моосгабр, у нее ужасно кружилась голова и было ощущение, что она плохо слышит.

– И еще кое-что, – сказала госпожа Кнорринг и посмотрела в ноты, – потом придете к нам и доложите о результатах. Однако, госпожа Моосгабр, – добавила госпожа Кнорринг, глядя в ноты, – должна вам сообщить, что вам придется прийти уже не сюда. Охрана переселяется.

Госпожа Моосгабр, слегка выпучив глаза, подумала было, что недослышала, но госпожа Кнорринг кивнула и уточнила:

– Жаль, ей-богу, но Охрана переселяется. Переселяемся после двадцати лет. Здесь, на этом листке, наш печальный адрес. – И госпожа Кнорринг протянула госпоже Моосгабр листок.

– Но почему, – очнулась наконец госпожа Моосгабр с листком в руке, – ведь это же хороший дом.

– Хороший, – кивнула госпожа Кнорринг, – но здесь решетки на окнах. Здесь на окнах решетки, – она указала в сторону господина Ландла, – и не только здесь, но и на первом этаже и наверху, это то, что нужно. Власти решили, что для Охраны матери и ребенка достаточно одноэтажного дома в Керке, тогда как в этом здании будет тюрьма. Апропо, – сказала госпожа Кнорринг минуту спустя и положила руку на телефонную трубку, – так, господин Ротт, благодарю вас за отчет, а кувшин с водой, что остался здесь на окне, отнесите. Теперь мы с господами просмотрим это ламентозо, иными словами, псалом отчаяния и смерти.

И госпожа Кнорринг, держа руку на телефонной трубке, углубилась в ноты.

Не стало больше прекрасных сентябрьских дней.

Листва на деревьях высыхала, жухла и опадала, и не только в тихой боковой улочке у приюта святого Иосифа, она высыхала, жухла и опадала в парке и даже на кладбище. Цветы в парках и во всех положенных им местах тоже не цвели, а доцветали или совсем отцвели. И наконец, само солнце даже отдаленно не светило и не грело так, как раньше, и люди возле уличных киосков из стекла и пластика меньше ели мороженого, пили, возможно, только лимонад и уже не ходили раздетыми или хотя бы в плащах – надели теплые пальто. Наступил октябрь.

И вот однажды в октябре месяце привратница Кральц пришла к госпоже Моосгабр в половине третьего пополудни. Пришла в короткой шерстяной юбке, из которой торчали какие-то булавки, пришла будто на бал – возбужденная, с пылающими щеками и полной охапкой какой-то большой толстой полосатой материи. Материи такой толстой и тяжелой, что казалось, в руках у нее была целая текстильная лавка. Госпожа Моосгабр в длинной блестящей черной юбке и туфлях без каблуков уже поджидала ее и сразу открыла дверь. Привратница влетела в коридор, и госпожа Моосгабр кивнула.

– Вы уже здесь, – кивнула она. И привратница, влетев в кухню, с какой-то особой тщательностью расположила на диване толстую полосатую материю... и возбужденно воскликнула:

– Я уже здесь!

– Сперва угощу вас чашечкой кофе, – сказала госпожа Моосгабр и посмотрела на толстую полосатую материю на диване, – я купила его вчера, когда была в кооперации. Взяла и немного кукурузы. У нас почти два часа времени, – указала она на часы у печи.

– Два часа времени, – кивнула привратница, усевшись на стул, – если пойдете напрямиком, вы в момент там. Один миг, и вы там.

– А вот и кофе, – госпожа Моосгабр поставила на стол чашку и посмотрела на полосатую материю на диване, – вы же знаете, что мне хотелось иметь хорошую кухню, но ничего из этого не получилось.

– Ну что вы, – засмеялась привратница и взяла чашку, – тогда бы вы мыли сегодня кухню, только этого не хватало. Только этого сегодня не хватало! Ну хорошо, глотну малость. – И привратница подняла чашку и быстро отпила кофе.

А госпожа Моосгабр в третий раз глянула на полосатую материю на диване и сказала:

– Послушайте, госпожа привратница, что, собственно, вы принесли? Что это?

– Госпожа Моосгабр, – засмеялась привратница и покачала головой, – так сразу показать вам не могу. Покажу под конец. Это сюрприз! – И привратница со стула склонилась над диваном, смеясь еще туже свернула толстую полосатую материю, чтобы ее меньше было видно, и сказала: – Итак, приступим.

Госпожа Моосгабр пошла в комнату и принесла коробку с бусами и серьгами-подвесками, румяна, пудру, помаду, карандаш для бровей и пакетик с белыми перчатками. Потом вынула из шкафа свою праздничную кофту. А когда она бережно достала черную шляпу с лиловой лентой и длинными разноцветными перьями, привратница сказала:

– Я знаю, госпожа Моосгабр, вы и сами могли бы все сделать, но сегодня вам надо быть – само диво дивное. Пока положите шляпу и кофту на стол и садитесь вот сюда на стул.

Госпожа Моосгабр положила шляпу и кофту на стол, села на стул, а привратница, еще раз глотнув кофе, взялась за гребень.

– Ну что ж, начну наконец, – сказала она и, склонившись над госпожой Моосгабр, коснулась гребнем ее волос, – так вот, ходила я вчера туда поглядеть. На улицу У колодца, шесть. Это в нашем районе, пройдете задами – и вы сразу там, незачем вам идти на перекресток к торговому дому. Представьте себе, – сказала привратница, причесывая госпоже Моосгабр волосы, – это самая высокая вилла из всех, что там есть, хоть и двухэтажная, там, наверное, высоченные потолки и большие комнаты. Вилла просторная и большое парадное с двумя колоннами, как в министерстве, – сказала она, причесывая госпоже Моосгабр волосы, – от парадного идет мощеная дорожка вдоль сада к калитке на улицу. На окнах тяжелые шторы, а внутри, наверно, ковры и хрустальные люстры, там, наверно, как в том подземном ресторане на станции «Кладбище». Да что я говорю, – поправила привратница, причесывая волосы, – там, наверно, как в самом «Рице». Так, – отложила привратница гребень, – серьги повешу, когда намарафетим лицо. Теперь румяна. – Она взяла румяна и стала раскрашивать госпоже Моосгабр лицо. – Знаете, госпожа Моосгабр, – продолжала она, раскрашивая госпоже Моосгабр лицо, – не удивляйтесь, что у него такая вилла. Раз он оптовик и летает на Луну, значит, богатый. Вы вроде говорили, – спросила она, раскрашивая госпоже Моосгабр лицо, – что он торгует радио?

– Радио, обогревателями, лампами и магнифонами, – кивнула госпожа Моосгабр, – вы думаете, на Луне у него идет торговля?

– А неужто нет, – засмеялась привратница, отложила румяна и взяла карандаш для бровей, – на Луне люди слушают Землю и потому должны иметь радио. И свет гореть должен, потому что там бывают ночи, это уже доказано. Ну а ночью там холодно, – привратница уже чернила госпоже Моосгабр брови, – холодно, как в леднике. Перед восходом солнца по утрам такая холодина, что без обогревателя человек враз замерзнет. Ну а магнитофоны там тоже нужны, он возит туда кассеты и ставит их. Продает и телевизоры. Людям там все же хочется поглядеть на Землю, на наши леса, луга, реки, тамошний край нагоняет страх. У этого вдовца-оптовика такой громадный бизнес, госпожа Моосгабр, что в вилле у него – голову дам на отсечение – все из золота. – Привратница отложила карандаш, глотнула кофе и взялась за помаду.

– Одним словом, экономке со всем этим не управиться, – сказала госпожа Моосгабр.

– Еще бы, – засмеялась привратница, – а сейчас минутку-другую помолчите, я накрашу вам губы. Губы, каких у самой госпожи Линпек не было, когда она играла в театре. Один Бог знает, сколько лет экономке, и если она хлопочет целый день по хозяйству, куда ей еще за мальчиком... как его зовут... – привратница на минуту умолкла, а услышав, как госпожа Моосгабр произнесла «Оберон», засмеялась и сказала: – Куда ей еще за Обероном приглядывать. Для этого ведь и особый талант нужен. Вы говорите, мальчик – гений?

– Да, – кивнула госпожа Моосгабр, и привратница снова на минутку перестала рисовать, – лучший ученик в школе. И занимается какими-то оккультными науками.

– Святой Боже, – засмеялась привратница и опять принялась быстро красить госпоже Моосгабр губы, – кто знает, чего только вы от него не наслышитесь, еще и ворожить от него научитесь. Я бы с вами пошла, только вот сейчас не получится. Поймите, госпожа Моосгабр, – привратница быстро докрасила губы, – это не то что с госпожой Линпек. В тот раз вы ходили выяснять, а сегодня идете представляться. – Привратница немного отступила от стула, посмотрела на лицо госпожи Моосгабр и засмеялась. – Верх совершенства, – засмеялась она восторженно, – теперь еще припудрю щеки, а потом очередь за украшениями... – И она взялась за пудру.

– Вы будете вроде воспитательницы, а знаете, госпожа Моосгабр, что значит воспитательница в такой семье, у вдовца-оптовика на Луне? – говорила она и восторженно пудрила лицо госпоже Моосгабр. – Наверняка в его вилле, присматривая за мальчиком, вы

будете и питаться, и, конечно же, как нельзя лучше.

– Думаете, салат и ветчина будут? – спросила госпожа Моосгабр. – И лимонад тоже?

– Еще бы, – кивнула привратница, продолжая пудрить щеки, – ясно, будут. И вино... Ну, дело сделано! – воскликнула она.

– Интересно, что это за экономка, – сказала госпожа Моосгабр и глянула в зеркальце, – во мне какое-то беспокойство. Может, ей будет неприятно, что я определяюсь к мальчику, может, ей будет обидно.

– Оставьте, пожалуйста, – махнула привратница рукой, – почему ей будет обидно? С мальчиком она не справляется, мальчик нуждается в присмотре, так что все в порядке. – И потом привратница произнесла фразу, которой сама испугалась. – Госпожа Моосгабр, – сказала она, – вы как воспитательница будете выше ее. Она занимается хозяйством в вилле, а вы займетесь человеком.

На минуту в кухне воцарилась тишина, и госпожа Моосгабр повернулась к толстой полосатой материи на диване. Выпив кофе, привратница еще там-сям подправила госпоже Моосгабр щеки, брови и губы. Потом отступила на шаг и кивнула. Щеки у нее ярко пылали. А госпожа Моосгабр поднялась со стула и сказала:

– Еще неизвестно, как все получится с мальчиком, он, говорят, неслух. И у него длинные черные волосы, черные глаза, длинные ногти, и больше всего он любит носить черный плащ. Когда слышишь такое, – сказала она и посмотрела на часы у печи, – невольно испытываешь страх.

– Страх? – засмеялась привратница. – Но вы, пожалуй, мальчика не испугаетесь, госпожа Моосгабр. Вы с ним справитесь. При вашем опыте вы и с самим чертом справились бы. Оказывается, он еще и сладкоежка?

– Сладкоежка, – кивнула госпожа Моосгабр и, посмотрев на материю на диване, стала надевать праздничную кофту, – наверное, вроде этого Линпека.

– А послушайте, госпожа Моосгабр, – засмеялась привратница и еще отпила немного кофе, – что вы сегодня будете делать, когда придете туда? Это ведь не совсем так, как у киоска госпожи Линпек, правда? Вы так же представитесь и предъявите документ?

– Представлюсь, предъявлю, сразу же в дверях, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на часы у печи, – для того, чтобы видели, что я та, кого они ждут, а не другая. Ну а как представлюсь, должно быть, сядем с отцом куда-нибудь, и я скажу, что принимаю предложение. На три раза в неделю по полдню.

– Госпожа Моосгабр, – привратница подошла к госпоже Моосгабр и начала вдевать ей в уши сережки-подвески, – а как насчет грошей? Гроши он вам предложит?

– Предложит, – кивнула госпожа Моосгабр, – но я бы сама не стала просить, вы же знаете. Господин Смирш сказал, что речь пойдет о четырех грошах, но это исключено. Четыре гроша не получает даже писарь.

– Целое состояние, – воскликнула привратница, – вы и вправду разбогатеете. Знали бы про это Везр и Набуле.

– Наверное, узнают, – вздохнула госпожа Моосгабр и посмотрела на часы у печи, – чтобы еще раз меня обокрасть.

– Вам вообще не надо сюда их пускать, – решительно сказала привратница, продолжая вдевать госпоже Моосгабр сережки, – вещи, что у них тут под диваном, надо бы взять, вышвырнуть в урну у лестницы, а их самих не пускать. Но у них ключ, они и сами могут открыть дверь, вот беда, не пришлось бы вам сменить замок. А вы знаете, что один из этих каменщиков, что тут работают, слесарь? Если вы ему скажете, он вам сменит замок.

– Долго ли они тут еще будут? – вздохнула госпожа Моосгабр. – Не убирают ни кирпичей,

ни тачки, ни бочки с известкой перед моими дверями, не ровен час, я и вправду упаду в эту бочку.

– Отчего ж, убирают, – сказала привратница, теперь она взяла бамбуковые бусы, – они вот-вот кончат. Подправили галерею у Фаберов и примерно через неделю уберут леса со двора. Их уже начали разбирать, но начали сверху. Так что снизу вы пока этого не видите. Ну-ка, госпожа Моосгабр, покажитесь... – И привратница, повесив на шею госпожи Моосгабр разноцветные бамбуковые бусы-шары, восторженно сказала: – Превосходно. Госпожа Моосгабр, превосходно. А теперь шляпу. Когда туда придете, снимать ее не обязательно, шляп не снимают даже в «Рице», разве что мужские. Разрешите. – И привратница взяла шляпу с длинными разноцветными перьями и осторожно надела ее госпоже Моосгабр на голову. – Так, – сказала она, – а теперь я ее еще приколю, вдруг на улице подымет ветер и, не приведи Господи, сорвет ее с головы. Сентябрь прошел, настала осень. – И привратница вытащила булавки, вколотые в ее шерстяную юбку, и прикрепила шляпу к волосам госпожи Моосгабр. – Так, – сказала она, – порядок. Теперь шляпу ветер у вас не сорвет, если даже захочет. Ну а перчатки наденьте под конец. А теперь займемся этими полосами.

– Ну слава Богу, – затрясла головой госпожа Моосгабр и посмотрела на полосатую материю на диване. – Слава Богу. Таких красивых пестрых полос я на вас еще ни разу не видала.

– Не видали, – засмеялась привратница, – и впрямь вы на мне этого еще ни разу не видали. Я ее тридцать лет не вытаскивала, она от родни мне досталась. От сестры моего благоверного, что сбежал от меня. Я не носила ее, – привратница засмеялась, – лишь два раза надевала на маскарад, когда была львом. На диване вы как следует не разглядите ее. То-то и оно, – засмеялась привратница, – я специально ее так несла, чтобы вы видели лишь яркие полосы и ничего больше. А главное – спрятано. И оно вот в чем. – И привратница быстро допила кофе, подскочила к дивану и схватила толстую полосатую материю. – Госпожа Моосгабр, – выпалила она, и щеки ее ярко пылали, – сейчас на минутку закройте глаза, я надену ее на вас, а вы чтоб не подсматривали. Потом я отведу вас в комнату, где большое зеркало, там вы все и увидите.

И госпожа Моосгабр засмеялась, закрыла глаза, и привратница надела на нее большую полосатую материю. Потом обошла ее и застегнула пуговицы.

– Мне кажется, – сказала госпожа Моосгабр с закрытыми глазами, – мне кажется, будто что-то щекочет мне уши. Что это? – Но привратница знай смеялась, отводя госпожу Моосгабр в комнату. А когда в комнате у зеркала госпожа Моосгабр открыла глаза, она едва не вскрикнула от удивления.

На госпоже Моосгабр была черно-коричневая полосатая шуба, но это было не главное. Главным было то, что окружало шею госпожи Моосгабр. Вокруг шеи госпожи Моосгабр была невероятно огромная грива.

– Я сказала вам, – смеялась привратница, и ее щеки ярко пылали, – я сказала, что два раза надевала ее на маскарад, когда была львом, и досталась она мне от сестры моего благоверного.

Воротник шубы был из огромного буйного меха с длиннющим коричневатым щетинистым волосом, в котором совсем исчезли бамбуковые бусы-шары, исчезла в нем и шея, исчезли и уши с подвесками, исчезла в нем вся нижняя часть лица. Это была огромная косматая грива.

– Ну вот, теперь вы похожи на диво дивное, – объявила привратница, и щеки ее ярко пылали, – куда там купчихе с Канарских островов, жене камердинера или министра, даже знаменитая артистка Мелиса Недо не идет ни в какое сравнение. Как только войдете туда, – смеялась привратница, и щеки ее ярко пылали, – этот мальчик... как его зовут... Оберон, – привратница засмеялась и схватилась за юбку, – он онемееет, как вас завидит. Голову даю на отсечение, пусть он какой угодно озорник, но как вас завидит, враз онемееет.

Часы у печи пробили четыре, и госпожа Моосгабр надела белые перчатки с кружевом, взяла

черную сумку – ту, что поменьше, – посмотрела, есть ли там документ и ключи, и кивнула. А потом вместе с привратницей вышла из квартиры.

– Эти перчатки, госпожа Моосгабр, – с пылающими щеками сказала привратница, когда госпожа Моосгабр в проезде запирала дверь квартиры, – эти перчатки там тоже не снимайте. В «Лице» и в некоторых кофейнях дамы сидят в перчатках. Я обожду вас, пока вы не придете и не расскажете мне, как все было. Как там вдовец-оптовик, как экономка и этот Оберон...

И госпожа Моосгабр кивнула и, осторожно обойдя кирпичи, тачку, бочку с известкой, пошла. Привратница проводила ее до самых ворот на улицу и там остановилась.

– Оберон, – остановилась она и засмеялась, – Оберон, такого имени отродясь не слыхала. А вдовца зовут как сына, что ли? Госпожа Моосгабр, – засмеялась привратница уже на улице, – этот район вилл близ наших улиц, и вправду вам не надо идти к перекрестку, идите прямо задами, и в два счета вы там.

И госпожа Моосгабр кивнула и пошла.

Вся черно-коричнево-полосатая, с огромной косматой гривой вокруг шеи, в шляпе с разноцветными перьями, которые дрожали и колыхались, она вскоре завернула за угол, а привратница глазела и глазела ей вслед.

* * *

В шляпе с длинными разноцветными перьями, с красно-белыми щеками, с накрашенными бровями и губами, в черно-коричневой полосатой шубе с огромной косматой гривой, госпожа Моосгабр еще засветло дошла задами до указанного адреса – улица У колодца, шесть. Но в вилле на первом этаже уже горел свет. Это и вправду была высокая двухэтажная вилла с парадным – парадное с двумя колоннами и вправду было большое, как в министерстве, и от него вдоль сада к уличной калитке вела мощеная дорожка. Госпожа Моосгабр толкнула эту калитку, и калитка открылась.

Она шла по мощеной дорожке к парадному с двумя колоннами и по пути не забывала оглядывать сад. Деревья стояли уже довольно сухие, голые, но опавшей листвы на земле не было. «Должно быть, ее сразу убирает служитель, – подумала госпожа Моосгабр, – должно быть, у них есть садовник». В саду уже не было и цветов. Остались лишь круглые клумбы, которые еще месяц назад наверняка цвели, а сейчас опустели, почернели и отсырели. Госпожа Моосгабр дошла до парадного с колоннами и позвонила. Через минуту парадное открылось – в нем стоял мужчина.

Мужчина лет пятидесяти был среднего роста, в синем костюме, белой рубашке и желтом галстуке. Он казался довольно загорелым, словно только что приехал с моря, глаза темные, но волосы скорее светлые, с небольшой проседью. Когда он появился на пороге, на его лице была улыбка. Но улыбка длилась одно мгновение. Она тут же погасла, глаза его расширились, и рот полуоткрылся.

– Я Наталия Моосгабр из Охраны, – сказала госпожа Моосгабр, вынула из маленькой черной сумки документ и подала его мужчине. Мужчина, так и не взглянув на документ, непроизвольно попятился. Его рот был по-прежнему полуоткрыт, глаза расширены, и, только пропустив госпожу Моосгабр в зал и заперев за ней дверь, он немного пришел в себя.

– Оберон Фелсах, – придя в себя, он поклонился и подошел к госпоже Моосгабр, – прошу, мадам, разденьтесь. – И пока госпожа Моосгабр, не выпуская из руки маленькую черную сумку, расстегивала пуговицы, он осторожно взял шубу сзади под гривой и постепенно стянул ее. Потом повесил шубу на одну из вешалок у входа в зал. Госпожа Моосгабр осталась только в шляпе с перьями, в праздничной кофте и белых перчатках, с маленькой черной сумкой. Теперь стали видны и разноцветные бусы и подвески. Господин Фелсах, снова вытаращив глаза, сказал:

– Проходите, пожалуйста... – и подвел госпожу Моосгабр к одному из мягких гарнитуров –

дивану, трем креслам и столику. Он указал на кресло и сказал: – Прошу садиться. Что я могу вам предложить? Кофе, коньяк или ликер «кюрасо»?

Госпожа Моосгабр в шляпе и с сумкой, зажатой в белой перчатке, уселась в кресло и едва в нем не утонула. Перья у нее затряслись, бусы зашелестели, подвески закачались – ей показалось, что она сидит на перине или в пене. Чуть оглядевшись в кресле, она узрела господина Фелсаха, стоявшего поодаль в ожидании ее заказа, и ей стало неловко. Она попросила последнее, что он назвал, «кюра», и чуть улыбнулась. Улыбнулся и господин Фелсах и, поклонившись, вышел из зала. Госпожа Моосгабр осталась в одиночестве и смогла оглядеться более внимательно.

Здесь и вправду было, наверное, как в самом «Рице», в «Рице» вряд ли могло быть великолепнее. Пол был застлан множеством огромных разноцветных ковров, пушистых и несказанно мягких, на потолке сияло несколько хрустальных люстр, на стенах висели огромные картины в золотых рамах. На окнах – розовый тюль в алых портьерах, и повсюду столики, кресла, диваны. Кресла, диван и столик, где сидела госпожа Моосгабр, отличались особенной красотой: диван и кресла обтянуты золотой парчой, а столик покрыт блестящим стеклом. Лестница в конце зала вела на второй этаж, и госпожа Моосгабр заметила, что она мраморная. Под лестницей стояли две женские скульптуры, державшие в руках необыкновенные красные светильники. Рядом с лестницей – несколько дверей темного полированного дерева. А вдали от нее, в другом конце зала, виднелись огромные стеклянные задвижные двери – в них и вошел господин Фелсах. Госпожа Моосгабр из глубины своего кресла сумела разглядеть за этими огромными стеклянными дверями какой-то зал с большим сервантом, столом и креслами, по-видимому столовую. Потом госпожа Моосгабр задержала взгляд на середине зала. Там находился мраморный бассейн, откуда поднимался расширенный на конце стебель из металла или камня, а из стебля била вода. Этот фонтан госпожа Моосгабр, конечно, заметила, как только вошла. И она с удовольствием продолжала бы и дальше разглядывать это чудо посередине зала, но в стеклянных дверях появился господин Фелсах с серебряным подносом, на котором стояли рюмки и две бутылки. Госпожа Моосгабр предположила, что в одной бутылке – вода, а в другой – «кюрасо».

Господин Фелсах подошел к столу, поставил поднос и налил госпоже Моосгабр в рюмку ликеру.

– Милости прошу, – сказал он и сел.

Госпожа Моосгабр поблагодарила, слегка улыбнулась и пригубила. Это был очень хороший ликер – госпожа Моосгабр на минуту потеряла дар речи. Перед ней в кресле сидел господин Фелсах, загорелый, со светлыми волосами и темными глазами, в синем костюме, белой рубашке и желтом галстуке, и его лицо уже не было таким удивленным, он даже улыбался и готов был вести разговор.

– Госпожа Кнорринг сказала, чтобы я сегодня зашла к вам, – проговорила госпожа Моосгабр, – что сегодня вы дома. Что дело касается вашего сыночка.

– Да, – кивнул господин Фелсах, и на этот раз действительно улыбнулся, глядя на бусы госпожи Моосгабр, на подвески в ушах и на перья на шляпе, – это так. Примерно месяц назад я обратился в Охрану по поводу сына Оберона. Мне нужен человек, который хотел бы приходить к нам три раза в неделю после обеда и следить за тем, чтобы Оберон был дома и слушался. Одним словом, ему нужна дисциплина, причем для ее усвоения – по мнению наших мудрых педагогов – необходим присмотр. Я знаком с господином Виттингом, генеральным директором государственных исправительных учреждений нашей столицы, впрочем, он сам читает иногда лекции о воспитании. Он меня и утвердил в мнении педагогов. Сперва предложил мне подыскать для Оберона какого-нибудь старого опытного полицейского из государственной

тюрьмы. Но мадам Кнорринг из Охраны высказалась против, и это можно понять. Она порекомендовала мне вас и, думаю, не ошиблась.

Госпожа Моосгабр слушала, едва дыша, и с каждой минутой чувствовала себя лучше. После последней фразы господина Фелсах у нее просто замерло сердце.

– Господин купец, – сказала она и белой перчаткой потрясла небольшую черную сумку. – Я действительно сотрудничаю в Охране двадцать лет и имею некоторый опыт. Но в семье я еще никогда не служила. Работа в вашем доме три раза в неделю по полдня меня привлекает, но прежде всего нужно выяснить, что за мальчик и каким образом можно воздействовать на него. Кое-что мне известно от госпожи Кнорринг из Охраны. – И госпожа Моосгабр снова краем глаза оглядела зал и лестницу.

– Госпожа, я охотно сообщу вам все, что я знаю, – кивнул господин Фелсах и налил в рюмку каплю воды, – все, что я знаю, хотя моя информация не может быть точной. Я вижу Оберона крайне редко, потому что почти все время отсутствую. Наверное, мадам вам сказала, что я веду торговлю на Луне и бываю дома этак раз в месяц. – Госпожа Моосгабр кивнула и снова отпила хорошего ликера, а господин Фелсах продолжал: – По свидетельству школы, мальчик необыкновенно одарен. Ему четырнадцать, но он уже так начитан, что по речи нельзя определить его возраст, он говорит, как взрослый, как писатель. Школьную программу он давно освоил, так что уроки учить ему не приходится. Он занимается другими вещами, главным образом так называемыми тайными науками, хотя я не уверен, правильно ли это обозначение, если эти науки уже частично изучают в наших институтах и в некоторых министерствах. Он читает книги и сам пишет примечания к ним. Он беседует об этом с нашей экономкой, если у нее остается время, она ведь содержит в порядке весь дом и готовит, так что работы у нее хватает, а после работы она имеет право на отдых или на свои собственные прогулки. Но здесь наверху у нас живут два студента, сыновья моих деревенских друзей, они учатся в университете и дают Оберону конспекты лекций, он читает их и беседует со студентами об этих тайных науках. Это всё его достоинства. То, что он чревоугодник и любит сладости, тоже не большая беда, если он, конечно, не слишком пренебрегает овощами, особенно фукусами и другими водорослями, которые наша экономка часто покупает и готовит по-разному. Пожалуй, не такая большая беда и его длинные черные волосы и черные глаза, это его естество, хотя длина волос во власти человека и парикмахеров. Говорят, однако, что длинные волосы ему к лицу, впрочем, длинные волосы носят многие наши художники и ученые, даже господин министр Скарцола. Гораздо хуже, что он слишком бережно стрижет ногти. Он отращивает их, особенно на мизинцах, там они чуть ли не загивают. Однако самый серьезный его порок начинается там, где дело касается дисциплины. Здесь и вправду с ним трудно найти общий язык. Он, говорят, непослушный, упрямый, строптивый. Весьма склонен, если он не за книгами, выбегать из дому в своем черном плаще и бродить целый день по городу. Захаживает даже в Боровицин или Алжбетов, где как раз строят прекрасные дома, отправляется даже на «Стадион» к звездодрому или в Линде. Когда же вечером приходит домой и экономка делает ему замечание, он мстит тем, что не дотрагивается до тарелки с водорослями, которую подаст ему экономка, а то делает и худшие вещи... – господин Фелсах повздыхал, помолчал с минуту и выпил воды, – иногда хватает тарелку с фукусами и грохает ею об стол. Экономка сокрушается, переживает. Пожалуй, Оберон издевается над экономкой и более неблагоприятным образом, скажем, запирает ее в погребе, когда она спускается туда за вином, или устраивает ей какую-нибудь каверзу, чтобы напугать ее, к примеру, в бассейн, – господин Фелсах указал на мраморный бассейн с расширенным стеблем в центре зала, – к трем красным рыбкам, которые там плавают, бросает какую-нибудь черную искусственную жуткую рыбу, и экономка дрожит от страха. Экономка боится мальчика и потому старается не попрекать его, когда он убегает из дому и неведомо где

шляется. Я целыми месяцами не бываю дома, и здесь никого нет, кто мог бы приглядывать за Обероном и справиться с ним.

– А что же студенты? – спросила госпожа Моосгабр. – Я тоже знаю одних студентов, которые живут где-то в красивой вилле, и они очень умные. Студенты могут оказывать на мальчика влияние.

– Я рад, – кивнул господин Фелсах, – что они живут здесь, хотя мне часто кажется, что влияние оказывает скорее он на них. Да ведь и они редко бывают дома. Утром уходят на лекции, возвращаются вечером, а когда дома – занимаются, наверху у них своя комната с передней и удобствами, они могут вообще не спускаться вниз. Экономка, так же как и я, рада, что они в доме, по крайней мере, ей не так одиноко, но какой от этого прок, когда за Обероном все равно некому присматривать. Студенты могут с ним беседовать, давать ему читать лекции, но следить за тем, чтобы он не шлялся, они не в силах.

– Значит, господин купец, – сказала госпожа Моосгабр и допила хороший ликер, – у вас, значит, сложности с мальчиком.

– Сложности с мальчиком, – кивнул господин Фелсах, и на его загорелое лицо легла тень, – боюсь, что, когда вместе с ним вырастут и его недостатки, он станет трудным субъектом. Вы, наверное, знаете, что его, возможно, ждет...

– Знаю, – кивнула госпожа Моосгабр и обратила взор на фонтан посреди зала, – хорошо знаю. Спецшкола, исправительный дом, чернорабочий, поденщик...

– Да, именно так, – кивнул господин Фелсах, и его загорелое лицо снова подернулось тенью, – я говорил об этом с господином Виттингом, с генеральным директором исправительных учреждений. Он подтвердил, что таких случаев много.

– Много, – кивнула госпожа Моосгабр и бросила взгляд на фонтан, из стебля которого била вода, – знаю это по собственному опыту. Сын Везр в третий раз вернулся из тюрьмы, а дочь Набуле, которая недавно вышла замуж за Лайбаха и собирается купить квартиру на Алжбетове, того и гляди, тоже туда угодит. Дети с малолетства озорничали... – госпожа Моосгабр не спускала глаз с бассейна, – шлялись, били своих одноклассников и воровали. Попали в спецшколу, потом – в исправительный дом. А ведь я, когда они были маленькие, пела им колыбельную, наша привратница знает это, да и госпожа Кнорринг тоже. Сейчас Везру двадцать пять, – госпожа Моосгабр смотрела на фонтан, – Набуле двадцать, дети у меня поздние...

– Извели вы, значит, достаточно, – сказал господин Фелсах, и его загорелое лицо все еще было чуть осенено тенью, – у вас опыт, мадам Кнорринг дала мне это понять.

– Дала это понять, – кивнула госпожа Моосгабр, и перья на ее шляпе затрепетали, – но вам, господин купец, думаю, она сказала не все. Когда дочка Набуле недавно выходила замуж, она мне даже попить не дала, а у них было вино, лимонад... и ветчина, и салат, а пирожки, что я напекла им на свадьбу – я люблю печь, – выкинула во двор лошади, а потом и меня прогнала со свадьбы. А ведь я на эту свадьбу надела свое лучшее праздничное платье.

– Ужасно, – кивнул господин Фелсах с горечью и сказал: – Госпожа, милости прошу еще... – и налил госпоже Моосгабр еще рюмку «кюрасо».

– И ваша жена умерла, – обронила госпожа Моосгабр и посмотрела на господина Фелсаха, – мальчик мать потерял.

– Жена умерла, – кивнул господин Фелсах, – умерла семь лет назад. Оберону было семь. Но еще задолго до этого она тяжело заболела, так что Оберон рос, собственно, под опекой нашей экономки. От матери он унаследовал хорошие качества, любовь к музыке. У него проигрыватели, радио, магнитофоны, словом, везде – музыка. В столовой за ужином, – господин Фелсах слегка кивнул за спину – на широкие стеклянные двери, – он тоже включает радио, и экономка только приветствует это. Она говорит, что Оберон, слушая музыку, становится

спокойнее и послушнее. Я, конечно, обеспечил его самыми лучшими аппаратами, – господин Фелсах улыбнулся, – которые скрыты в стенах. Этим я и торгую.

Госпожа Моосгабр кивнула, рукой в белой перчатке снова взяла рюмку и обвела глазами зал.

– К сожалению, – сказал господин Фелсах, глядя на ее накрашенные щеки, губы и брови, – к сожалению, мадам, Оберона сейчас нет дома. Он поехал с экономкой к четырем часам на представление фокусников в Керке, хотел непременно их видеть. Но это не имеет значения. Вы узнаете его, когда начнете работать. Однако нам надо обговорить одну весьма важную деталь, – господин Фелсах улыбнулся, сунул руку в карман своего синего пиджака и вынул блестящий блокнот, – вы бы согласились, мадам, находиться у нас три раза в неделю примерно от трех до семи? – И когда госпожа Моосгабр кивнула, господин Фелсах сказал: – Ваша основная обязанность, пожалуй, следить за тем, чтобы Оберон был дома. Он может находиться где угодно: здесь в зале, в столовой или в своей комнате... а если дома будут студенты, то и у них. Но в сад выходить он не должен – может убежать. Впрочем, уже осень, дни становятся короче, наступает ненастье. Сад опустел, листва опадает, цветы отцвели.

– А что, если, – сказала госпожа Моосгабр вдруг и рукой в белой перчатке затрясла сумкой, – что, если он убежит из дому? Возможно, он убежит из дому, а я об этом и не узнаю?

– Возможно, – кивнул господин Фелсах и посмотрел в блокнот, который держал в руке, – теоретически это возможно. Вы будете в какой-нибудь комнате, а он меж тем возьмет да и убежит от вас. Допустим, однажды это случится. Но во второй раз, думаю, этого не случится, во второй раз он уже не осмелится. Вы добьетесь его уважения, воздействуете на него, и он испугается. Я, впрочем, не знаю его хорошо, почти совсем не знаю его, вижу от силы раз в месяц. Но полагаю, вы можете побеседовать с ним об этих его оккультных науках, послушать, что он вам скажет, а потом, пожалуй, он уже не убежит. Вы можете сидеть с ним в комнате или в соседней и в открытую дверь следить за ним – он тоже не убежит. Вы можете сидеть здесь в зале и стеречь выход – здесь ему тоже от вас не ускользнуть. Вы можете как угодно припугнуть его, у вас ведь по этой части большой опыт. Мадам Кнорринг уверяет, что вам это несомненно удастся.

– Я постараюсь, – кивнула госпожа Моосгабр, и перья на ее шляпе заколыхались. Глядя теперь на широкие стеклянные двери столовой, она вдруг заметила, что стекло в этих дверях довольно матовое, почти такое же, как и в ее кухонном окне, и, значит, когда двери закрыты, сквозь них плохо видно. Она снова перевела взгляд на фонтан посреди зала, а господин Фелсах, полистав блокнот, сказал:

– Но я хотел обговорить самое главное. Я имею в виду гонорар. Я буду вам платить... пять грошей в месяц.

У госпожи Моосгабр в кресле перехватило дыхание и закружилась голова. Она не поверила своим ушам. Она тряхнула головой, перья на шляпе заколыхались, а ее рука в белой перчатке невольно потянулась к стакану с водой.

– Господин купец, – сказала она, омочив губы, – это большие деньги. Я всегда работала для Охраны бесплатно. У меня маленькая пенсия за мужа, возчика на пивоварне, а добавление к этой пенсии я всегда получала от кладбища. Пять грошей в месяц – это большие деньги, и я буду делать все, что в моих силах... чтобы присмотр был наилучшим. Чтобы мальчик приучился к дисциплине... – госпожа Моосгабр снова посмотрела на фонтан, – чтобы не убежал из дому, чтобы избавить вас от забот. Чтобы предотвратить... – госпожа Моосгабр смотрела на фонтан, на его стебель, из которого била вода, – чтобы предотвратить то, что могло бы на вас обрушиться, если бы мальчик рос без присмотра. Когда мне приступить к работе? – спросила она, продолжая смотреть на стебель фонтана. И только сейчас разглядела, что вода бьет из него

двумя струями. Видимо, заключила она, наверху стебель как-то раздваивается, и оттого поток воды тоже.

– Да, – кивнул господин Фелсах и сам посмотрел на бассейн, – я как раз об этом думаю. Я задержусь здесь, – он заглянул в блокнот, – на неделю. Мне нужно улететь на Луну еще до государственного праздника, а государственный праздник за два дня до Душичек, в последний день октября. Мадам, – господин Фелсах заглянул в блокнот, – не могли бы вы приступить к работе именно в этот день? В день государственного праздника? Думаю, это необходимо.

– Я приду именно в день государственного праздника, приду в три часа пополудни.

– В день государственного праздника, но только в пять пополудни, – сказал господин Фелсах и уставился на разноцветные бусы госпожи Моосгабр, а также на ее сережки, щеки, губы и брови, – в пять пополудни в день государственного праздника, тридцать первого октября, и я вам скажу почему... Именно в день государственного праздника я был бы рад, если бы мальчик вообще не выходил из дому. В стране определенное волнение, – сказал господин Фелсах и огляделся в зале, – у людей всякие странные предчувствия. Когда на днях я говорил с госпожой Кнорринг, она сообщила мне, что и у нее какие-то странные предчувствия, и именно в день государственного праздника может произойти самое неожиданное.

– Я знаю, – кивнула госпожа Моосгабр, – я сама это слышала от госпожи Кнорринг. В первый раз, когда я была у нее по поводу госпожи Айхен, во второй раз – по поводу госпожи Линпек. У нее какие-то странные предчувствия. Значит, вы полагаете, что мальчик в этот день должен быть дома.

– В этот день – решительно дома, – кивнул господин Фелсах и кинул взгляд на фонтан, – впрочем, это будет не так трудно. Это будет не так трудно, если он заинтересуется окнами. У нас здесь достаточно окон, и многие будут торжественно убраны. Цветы, свечи, пироги и бокалы вина, как обычно бывает на именины нашей княгини тальской, мы и комнаты окуриваем ладаном. Оберон это любит и, пожалуй, увлечется этим. Экономка приготовит ужин, возможно, придут студенты, и вы вместе одновременно отметите здесь два события. Ваш приход на службу и государственный праздник. Экономка и Оберон будут ждать вас в пять часов пополудни тридцать первого октября, в день государственного праздника – тезоименитства вдовствующей княгини правительницы Августы. При этом экономка вручит вам месячное жалованье.

Господин Фелсах помог госпоже Моосгабр надеть черно-коричневую полосатую шубу с огромной косматой гривой, помог надеть ее возле мраморного бассейна, и госпожа Моосгабр теперь уже отчетливо увидела, что стебель, из которого бьет двойной поток воды, наверху расширен и раздвоен, и, по всей вероятности, из металла, и еще она заметила, что в бассейне под плещущейся водой плавают три красные рыбки. Она еще раз осмотрелась в зале, поглядела на широкие двери столовой из матового стекла, на картины в золотых рамах, на ряд темных полированных дверей у лестницы, на мягкие гарнитуры, а также на хрустальные люстры и на две женские скульптуры под лестницей, державшие два необыкновенных красных светильника... и наконец поглядела на пушистый мягкий ковер под своими туфлями без каблуков. Она потрянула головой и небольшой черной сумкой, зажатой в белой перчатке, и простилась с господином Фелсахом. Он проводил ее к выходу, открыл дверь и отвесил поклон. Его темные глаза снова были несколько расширены, а смуглое лицо – несколько удивлено. Госпожа Моосгабр вышла из парадного с двумя колоннами на широкую мощеную дорожку и отправилась вдоль сада к уличной калитке. Господин Фелсах с минуту глядел ей вслед, на ее полосатую шубу, большую косматую гриву и на дрожащие зеленые и красные перья. А когда она вышла за калитку на улицу, он закрыл дверь и подошел к бассейну посреди зала. Он смотрел на расщепленный стебель, из которого била вода, на три красные рыбки под плещущейся поверхностью, и его лицо снова было очень спокойным. Потом он с довольным

видом подошел к столику, за которым они сидели, чтобы убрать рюмки, бутылки и серебряный поднос.

Госпожа Моосгабр дошла до своего старого обветшалого дома, точно в тумане. Но хотя госпожа Моосгабр и дошла до своего дома, точно в тумане, этот туман был скорее вокруг нее и в ее возбужденном мозгу, чем в ощущениях, по-прежнему острых. Так, например, перед глазами стоял свет хрустальных люстр и тот красный свет, что источали лампы скульптур под лестницей в зале... этот сверкающий красный свет все еще стоял перед глазами и когда она в проезде обходила кирпичи, тачку и бочку с известкой. Она вошла в кухню и зажгла свет – часы у печи как раз пробили половину седьмого. Госпожа Моосгабр отколола шляпу, сняла перчатки, шубу, бусы, вытасила из ушей подвески и переделалась – праздничные юбку и кофту сменила на свое старое платье... а перед глазами у нее все еще стоял красный свет, сверкавший в вилле. Она напустила воды в умывальник, смыла черную и красную краску, пудру, положила шляпу и свою праздничную одежду в шкаф, а украшения и перчатки – в столик в комнате. Лишь полосатую шубу с гривой кинула на кровать, чтобы вернуть ее привратнице, когда та зайвится вечером.

«Вот уж глаза вытаращит, как придет, – сказала она себе в комнате, – пять грошей, если я не ослышалась. А как расскажу ей, что там внутри, как горят люстры и красные светильники...» Вернувшись в кухню, она подошла к печи – поглядеть, топится ли еще, и тут же нагнулась к ящику, чтобы подложить дров. А как только подложила, услышала, что кто-то в проезде открывает дверь... она и глазом не успела моргнуть, а в дверях кухни уже стояли Везр, Набуле и чужой человек – черный пес...

– Целую руку, – сказал Везр и сразу же подошел к столу и сел. Набуле, прыснув, тоже подошла к столу и уселась, подошел и чужой человек – черный пес. Он слегка улыбался и то и дело стрелял глазами в сторону госпожи Моосгабр.

Их неожиданным быстрым приходом госпожа Моосгабр была так поражена, что не могла и шагу ступить от печи. Она стояла у печи как вкопанная и смотрела на них, как на призраки, выросшие перед ее взором, в котором до сих пор мелькали отблески ослепительного света люстр и красных светильников в вилле оптовика. Ей показалось, что Везр стал еще сильнее и мощнее, возможно, причиной тому был красный шарф вокруг шеи, а главное, новое пальто, не то серое и тоже новое, что было на нем в прошлый раз, а красно-коричневое кожаное с пряжками и поясом, какой, пожалуй, носят солдаты особого назначения или пожарные. Она видела, что и у Набуле новое пальто, не то, светлое с красными застежками, а черное с красным воротником и желтыми пуговицами. Человек – черный пес, который тихо улыбался, сегодня был тоже в пальто – светло-коричневом с белым барашковым воротником.

– Она совсем не в себе, – прыснула Набуле у стола и расстегнула одну желтую пуговицу, – совсем не в себе оттого, что мы вдруг хлоп ей на голову – и вот уже сидим. Должно быть, думает, что пожаловали послы с Марса. Но пусть знает – мы хотели прийти еще раньше.

– Прийти за вещами под диваном, – сказал Везр, и его голос звучал сегодня сухо, остро, как бритва.

– Да еще на обед, который она для нас приготовила, – придурковато засмеялась мордастая Набуле и посмотрела на плиту, – небось помнит, что в прошлый раз нам его обещала.

Госпожа Моосгабр все еще стояла у печи как вкопанная и не произносила ни слова. А Набуле расстегнула вторую желтую пуговицу и сказала:

– Стоит, не шелохнется и молчит, у тебя от этого есть какое средство?

– Есть, – кивнул Везр и, вынув из кармана кожанки сигарету, чиркнул спичкой, – есть, но сегодня его не назову, даже не намекну на него. Еще брякнется в обморок и ни звука не выдаст. Сгорит дотла и даже тарелки со жратвой на стол не поставит.

– Вот именно, со жратвой, – крикнула Набуле, закружилась и затряслась, – мы разве так договаривались?

Госпожа Моосгабр у печи наконец немного пришла в себя и сделала шаг к буфету. Она видела, как кружится, трясется и вскидывает глаза к потолку Набуле, видела, как на нее, госпожу Моосгабр, смотрит холодными светлыми глазами Везр, и видела, как человек – черный пес с короткими черными растрепанными волосами и низким лбом стреляет в ее сторону глазами и тихо улыбается. Госпожа Моосгабр уж было хотела заговорить, как Везр вдруг встал со стула, взялся за пояс кожанки и стряхнул пепел.

– Нет времени, – сказал он сухо, остро, как бритва, и стряхнул пепел, – нас ждет компания. Подавай обед и, главное, вещи. Вещи... – он двинул пальцем своей большой лапы, – вещи из-под дивана. Надеюсь, – подошел он к дивану, – они не отсырели и мыши их не сожрали. – И он, сунув сигарету в рот, нагнулся и стал вытаскивать посылки.

– Здесь они, – взвизгнула Набуле со стула, – здесь, как ты их и положил. Но не обгрызены ли они, это еще посмотреть надо.

Везр с сигаретой во рту положил посылки на стол и стоя стал их просматривать. И Набуле, не поднимаясь со стула, стала их просматривать. И чужой человек – черный пес, сидя на стуле, тоже стал их просматривать. Он ощупывал рукой бумагу, а главное – углы. Потом поглядел на буфет и заговорил.

– Мадам, – сказал он нежно, мягко, как бархат, и поднял вислые уголки губ, – вы говорили, что эти посылки под диваном обложите мышеловками и мыши не подберутся к ним. Но кажется, – он тихо улыбнулся, – мышь все-таки грызла их. Вот тут, – он указал на одну посылку и тихо улыбнулся, – следы зубок, мадам.

– Мышь добралась до посылок, – выкрикнула Набуле, – они попорчены. Кто знает, – выкрикнула она, – не пролезла ли мышь в какую-нибудь целиком? Тебе бы надо, – крикнула она Везру, – распаковать и заглянуть.

– Не ори, нет времени, – сказал Везр сухо, остро, он уже снова сидел на стуле, – дома погляжу. Сейчас нас ждет компания. Но если в этих посылках найдем живую мышь... – Его холодные светлые глаза вдруг блеснули, и у госпожи Моосгабр сжалось сердце.

– Ни одной в них нет, – выкрикнула она от буфета, – они нетронутые.

– Мадам, – улыбнулся черный пес тихо и мягко, как бархат, – откуда вы знаете, что в них нет ни одной? Разве вы сквозь бумагу видите? А ну как мы распакуем, и какая-нибудь выскочит, вы представляете, что будет? Ведь от этого и кондрашка может хватить.

– В них нет ни одной, – снова выкрикнула госпожа Моосгабр, глядя на стол, – ни одной мыши в них нет. Если только вы сами ее туда не запустили.

– Сами, – прыснула Набуле и придурковато рассмеялась, – сами.

– Мадам, – опять отозвался черный пес и мягко поглядел на госпожу Моосгабр у буфета, – зачем нам запускать в посылки мышей, какой в этом толк? Ведь мы хотим эти посылки продать, мы перекупщики, как вы в прошлый раз изволили высказаться, что бы это была за продажа, предложите покупателям в товаре мышей? Вы не думаете, что это был бы конец?

– Ну хватит, – сказал Везр, и его голос звучал по-прежнему сухо, остро, как бритва, – хватит. Нет у нас времени, впереди много дел. Посылки она хорошо спрятала, – он стряхнул пепел, – мышей в них, пожалуй, не будет. И мы отблагодарим ее за это. И чтоб она не болтала зря, поднесем ей что-нибудь получше, чем даже те газеты.

Госпожа Моосгабр у буфета вдруг окончательно пришла в себя. У нее было ощущение, будто на нее вдруг брызнули холодной водой. Она сделала шаг к столу и сказала:

– Надули вы меня. И с газетами надули. Дали мне «Расцвет» недельной давности.

Они посмотрели на нее удивленно, изумленно, вопросительно, Везр – своими холодными

светлыми глазами, человек – черный пес пронзил ее взглядом, а Набуле разразилась смехом.

– Да, обманули, – воскликнула госпожа Моосгабр, – если бы я не бросилась наутек, меня наверное бы убили. Подсунули вы мне негодные газеты.

– Госпожа, – тихо сказал чужой человек – черный пес, и вислые уголки его губ приподнялись, – как это подсунули? Как это негодные газеты? Мы вам никаких газет не подсовывали, мы положили их сюда на стол, а Везр приложил к ним официальную карточку. С ней вы должны были идти в редакцию «Расцвета» и получить сорок геллеров на руки. А разве вы прочли на газете дату, если осмеливаетесь утверждать, что она была недельной давности?

– Я не прочла, но знаю, – воскликнула госпожа Моосгабр, – люди на том углу мне сказали. Хотели меня камнями закидать, вот ведь что. У меня осталось несколько номеров, сами и взгляните на дату.

– Подумайте, – сказал Везр и выпустил струю дыма, – подумайте, до чего люди злые. Уже и газетчицу дурят, хотя, конечно, не всякую. Ту, которая попадает им на удочку. Не со всякой продавщицей такое случилось бы. А все потому, что люди хотят задарма газеты иметь, и это, верно, им удалось. Ты оставила пачку на углу, смылась, а люди только того и ждали.

– Люди только того и ждали, – придурковатым смехом засмеялась мордастая Набуле, – она глупая, на все клюет. Не надо было оставлять газеты. Голову даю на отсечение, – засмеялась она придурковато, – что она бросила там и ту хорошую толстую веревку. Да и Бог вещь, как она эти номера продавала. Ты же знаешь, – засмеялась она, глядя на Везра, – что продавать она не умеет. А плита у нее пустая, погасшая, – она посмотрела в сторону печи, – ни огонька в ней, ни крошки на ней. Ну как с обедом?

Везр с минуту молчал, Набуле кружилась, тряслась и хватала себя за красный воротник, чужой человек – черный пес лишь тихо улыбался и стрелял глазами. Госпожа Моосгабр стояла близ стола и слегка дрожала.

– Не знаю, – сказал Везр наконец и посмотрел на сестру, – не знаю, можно ли в таком разе, когда она угробила такой гешефт, можно ли подробно рассказать ей про колодец.

– Я тоже не знаю, – завизжала Набуле, – думаю, нельзя. Опять все перепутает, – завизжала она, – разболтает все и напортит. С колодца, – завизжала она, – не будет никакого навару.

– Ни о каком колодце я и слышать не хочу, – госпожа Моосгабр опять немного пришла в себя, – все это жульничество и вранье. Одно жульничество и вранье, – восклицала она, – ни о каком колодце я и слышать не хочу, меня в это дело не впутывайте. Никакого такого колодца, – сказала она, – и нет вовсе.

– Вот видишь, – сказал Везр сестре и вздохнул.

– Вот видишь, – взвигнула Набуле.

– Мадам, – опять нежно отозвался человек – черный пес и уставился на госпожу Моосгабр, – вы и вправду ясновидица. Уж не хочу поминать старое: якобы эти посылки, что на столе, украдены на почте в метро, а Везр якобы вернулся из каталажки. Не буду вас попрекать, что вы все время прохаживаетесь насчет Везра, хотя и знать не знаете, кто такой Везр и чем занимается. Вы что, действительно ясновидица, – он тихо улыбнулся, глядя на госпожу Моосгабр, – откуда вы знаете, что здесь нет никакого колодца, что это вранье? Через минуту вы станете еще утверждать, мадам, – он тихо улыбнулся, глядя на госпожу Моосгабр, – что в этом колодце нет никакого клада, тогда как там золото, серебро и мешочек грошей. Мадам, – он тихо улыбнулся, глядя на госпожу Моосгабр, – ведь вы без конца ошибаетесь.

– Я не ошибаюсь, – госпожа Моосгабр, как ни странно, теперь почти крикнула, – я не ошибаюсь и не хочу о колодце слышать!

– Вот смотри, – отщелкнул Везр сигарету на пол и посмотрел на госпожу Моосгабр холодным светлым взглядом, – вот смотри. Нам некогда с тобой здесь препираться. Если тебе

неведомо, что здесь колодец и в нем клад, – это твое личное дело. Мы знаем то, что знаем, и хотели тебе помочь. Только, когда мы этот колодец вычистим, не вздумай попрекать нас, что мы с тобой ничем не поделились и все от тебя скрыли.

– Вот и скрой, – крикнула следом Набуле и схватилась за пуговицу, – скрой. Скрой, и больше ни слова. За каким чертом, – крикнула Набуле, – она все талдычит свое, ей хоть кол на голове теши.

– Однако же я знаю, как ее убедить, – Везр вдруг улыбнулся и схватился за пояс кожанки, – я знаю, потом она уже не будет рыпаться. К сожалению, – он покивал головой, – я знаю.

– Ну и пускай убедится, – Набуле улыбнулась, – у нее есть возможность. Пускай их спросит, – она затряслась, закружилась, – небось знает, где они живут, мы этого не станем ей говорить.

– Мы этого не станем ей говорить, – кивнул Везр и с пояса кожанки перенес свою большую руку на стол, – небось знает, где они живут, пускай их и спрашивает. Они ей подтвердят, она поверит. Вот именно. Чужим поверит, а нам – черта с два.

– Я не знаю, о ком вы говорите, – резко покачала головой госпожа Моосгабр, – но я никого ни о чем спрашивать не буду. Я сказала – меня это не интересует.

– Мадам, – улыбнулся человек – черный пес, нежно, мягко, – вы говорите, что никого ни о чем не будете спрашивать, а ведь вы даже не знаете, о ком речь. Вы же помните тех двух студентов, что были на свадьбе у Набуле... – он улыбнулся нежно, мягко, – вы же их помните. Они сидели рядом с вами, и вы с ними разговаривали до той минуты, пока вдруг не поднялись и не убежали из зала. Ведь тем студентам, – он тихо улыбнулся, – вы же, наверное, верите. Или нет?

– Тем верю, – сказала госпожа Моосгабр холодно, – те студенты были приличные люди. Но ни из какого зала я не поднялась и не убежала, меня выгнали, точно лошадь.

– Вот видишь, – сказал Везр, – вот видишь. Выгнали, мол, точно лошадь, а те студенты были приличные люди. Тогда ступай и спроси их, – вскричал он резко, – спроси, знают ли они о колодце в этой округе. О колодце, в котором клад. Золото, серебро, гроши.

– Ступайте к ним, мадам, и спросите, – кивнул человек – черный пес, – я вам дело говорю, спросите, тогда поверите. Только вся беда в том, что мы не можем слишком долго ждать. Нам-то какой от этого прок? Мы можем попросить помощь у других, у тех, кто нам сразу поверит, не спрашивая никаких студентов. У тех, кто рад будет пойти с нами. Везр просто хотел подстраховаться, чтобы потом вы не говорили, что он пошел к чужим, а вам не сказал об этом.

Госпожа Моосгабр отступила на шаг к буфету, посмотрела на его угол, потом перевела взгляд на матовое окно и промолчала. Молчала она как-то упрямо и упорно. Набуле прикрывала мордастые губы ладонями и хохотала. Черный пес обиженно смотрел куда-то в угол потолка, госпоже Моосгабр казалось, что таким она его еще никогда не видела. А Везр тупо уставился в стол, его она тоже таким не видела.

Часы у печи пробили восемь. И Везр вдруг отвалился на спинку стула, положил руку на стол, как делают подчас чиновники, и посмотрел холодным светлым взглядом на мать.

– Нам пора взять посылки и топать, – сказал он сухо, резко и стукнул рукой об стол, – где твой обед?

– Уже вечер, – сказала госпожа Моосгабр, – как раз пробило восемь, никакого обеда у меня нет, на ужин варю кофе.

Набуле, разразившись смехом, застегнула две расстегнутые желтые пуговицы. Везр все еще сидел, отвалившись на спинку стула, и стучал рукою об стол. Потом сказал:

– Ладно, обед оставь себе – напрашиваться не станем. Но я скоро опять сюда наведаюсь, а ты подумай, – он стучал рукой об стол и смотрел на посылки, – а не надумаешь по-быстрому,

пеняй на себя. Тогда купи и лопай овес, как та старая бессмертная курва. – И он встал со стула, схватился за пряжку своей черно-коричневой кожанки и взял несколько посылок. Человек – черный пес тоже встал со стула, тихо, без звука, и взял несколько посылок. Встала со стула и Набуле и закружилась.

– А что мне надо делать? – спросила госпожа Моосгабр, но особого интереса в ее голосе не было.

– Что тебе надо делать? – пожал плечами Везр. – А ничего. Сесть в корзину и дать себя опустить в ней на дно колодца. Там положить золото, серебро и гроши в корзину и снова дать себя вытащить. Вот и все.

– Влезть в этот колодец? – изумилась госпожа Моосгабр, а Везр пожал плечами.

– Да, дать себя опустить в колодец, – сказал он.

– Так вы, мадам, все же подумайте, – улыбнулся черный пес ласково и свободной рукой погладил у шеи барашковый мех на своем светлом пальто, – такой возможности у вас больше не будет. Как вы все умеете испортить! В «Риц» мы хотели вас взять, – он улыбнулся, глядя на госпожу Моосгабр, – вы спрятались у привратницы и предпочли пойти в парк. Мы дали вам газеты, чтобы вы заработали, – он улыбнулся, глядя на госпожу Моосгабр, – вы бросили их на углу и убежали. А теперь мы предлагаем вам спуститься в колодец, где клад, а вы говорите, что это жульничество и вранье. Словно вы в самом деле вещунья и не хотите даже студентов спросить. Стоит ли мне повторять все ваши старые ошибки? – А потом добавил: – И с этими мышами вы мне до сих пор не помогли, хотя я давал вам приличную сумму. У меня было лишь одно условие: мышеловки вы принесете свои. Я известил вас об этом уже два раза, однажды даже письменно, но вы и бровью не повели. Хотя и прекрасно знаете, что я каменотес, в прошлый раз вы, кажется, сказали, что достаточно пойти к каменотесам у кладбищенских ворот, там, мол, я нахожусь, там, мол, еще и какой-то Бекенмошт. А где же, мадам, – он быстро посмотрел на буфет, – где же сегодня ваш «Марокан»? Сегодня этого белого порошка нет здесь. Вы его, должно быть, спрятали в кладовку, не так ли?

– Она спрятала порошок в кладовку, а мышей у нее здесь все больше и больше, – придурковато засмеялась мордастая Набуле, – уж не хочет ли она тоже отсюда перебраться?

Госпожа Моосгабр замечала лишь придурковатый смех мордастой Набуле. Она кивнула и резко сказала:

– Ты лучше сама постарайся перебраться в Алжбетов, а лишний грош отдай Лайбаху. У тебя их хватает, а ты и двадцати геллеров не даешь ему на квартиру.

– С какой стати мне ему давать, – выкрикнула вдруг Набуле резко, но следом разразилась диким смехом, – она, должно быть, совсем спятила.

– Заткнись, – сказал Везр грубо, – заткнись и не ори. – И, повернувшись к госпоже Моосгабр, сказал: – Как писали в газетах, эта старая бессмертная курва заявила однажды, что кое над чем размышляет. Так ты тоже кое над чем поразмысли, а мы уже идем.

– Мадам, – еще раз тихо улыбнулся черный пес, и уголки его губ блаженно приподнялись, – мы уже идем, но я хотел бы еще кое-что сказать. У вас все-таки странные идеи. С какой стати Набуле давать Лайбаху грош на квартиру в Алжбетове? Почему? Почему, если позавчера она с ним развелась?

И Везр с посылками первый, следом Набуле и, наконец, человек – черный пес, тоже с посылками и тихо улыбаясь, вышли из кухонной двери в коридор, потом в проезд мимо кирпичей, тачки и бочки с известкой, и их шаги вскоре совсем затихли. Госпожа Моосгабр стояла у буфета как вкопанная.

А на третий день после обеда пошла госпожа Моосгабр на кладбище. Уже была настоящая осень, вторая половина октября, листва на деревьях жухла, желтела и опадала еще больше, чем три дня назад, и стало еще более сыро и слякотно. Теперь уже не требовалось поливать могилы и подстригать траву, разве что отирать от пыли могильные плиты и надписи, и потому в большой черной сумке госпожи Моосгабр уже не было садовых ножниц и лейки, а были только тряпочки и метла. Госпожа Моосгабр хотела сегодня убрать свои могилы к Душичкам, чтобы на будущей неделе, когда пойдет за украшениями, было поменьше работы. За несколько дней до Душичек она ходила в кладбищенскую контору получать для украшения своих могил хвою и по одному-двум искусственным букетикам – все это страховалось и оплачивалось заранее. Люди страховали и оплачивали свои могилы до тех пор, пока они не разрушались окончательно. Некоторые могилы были застрахованы и оплачены на тридцать лет, иные – на пятьдесят, а какие на сто и даже до скончания века, то есть до Страшного суда и Воскресения. До Страшного суда и Воскресения у госпожи Моосгабр была оплачена только одна могила: фамильный склеп школьного советника барона де Шубауэра. Счастливая мать Винченца Канцер и ее сын-строитель оплатили свою могилу на сто лет, а несчастная мать Терезия Бекенмошт – всего лишь на тридцать. Так вот, в старой длинной черной юбке, старой кофте и туфлях без каблуков, в зимнем пальто, которое носила уже пятьдесят лет, в старом черном платке и с большой черной полупустой сумкой пошла госпожа Моосгабр в этот осенний день после обеда на кладбище. Но поскольку она задумала сегодня предпринять еще кое-что, а именно – зайти после кладбища к госпоже Айхенкранц, чья лавка была между кладбищем и парком, на кладбище она шла не от Филипова и не от Блауэнталя, а от площади Анны-Марии Блаженной.

На площади стояла статуя Анны-Марии Блаженной, матери княгини, почившей в возрасте ста лет, а возле нее – высокое стеклянное здание вокзала, под которым где-то в глубине была станция метро «Центральное кладбище» с киоском госпожи Линпек. И госпожа Моосгабр на площади постаралась представить, что госпожа Линпек в эту минуту делает. Сидит, наверное, в киоске, продает пиво, лимонад, ведь сейчас послеобеденное время, и множества покупателей у нее, по-видимому, нет. «Она уже наверняка получает али... – подумала госпожа Моосгабр на площади, – она уже наверняка не хочет бросаться под поезд, но если мальчик не исправится, то изведет ее раньше, чем она успеет вернуться в театр. И купила ли она ему зимнее пальто и шапку, уже холодно, может, он уже и не ходит в зеленом свитерке, а к Рождеству получит еще и лыжи?» Потом ей пришло на ум, что коли сейчас день, послеобеденное время, то мальчик, скорее всего, в приюте и за тележку на перроне возьмется только в шесть. Госпожа Моосгабр оторвала взор от огромного здания вокзала и посмотрела в даль, простиравшуюся за ним, на киоски из стекла и пластика – даже там сейчас никого не было, – посмотрела она и на частокот отдаленных многоэтажек и вспомнила трактир. «Там стоял трактир „У золотой кареты“, стоял, стоял, а теперь и кирпичика от него не осталось». Она еще раз оглядела площадь – вокзальное здание, стацию в его тени – и, повернувшись, пошла к кладбищенским воротам. Перед воротами взор ее соскользнул на одно приземистое строение, на которое она никогда не обращала особого внимания, а теперь обратила. Это была гранильная мастерская, где тесали надгробные камни и гравировали надписи на памятниках и плитах. «Здесь, верно, работает второй сын несчастной госпожи Бекенмошт, – сказала она себе, – это, верно, тот каменотес, что ходит с Набуле и Везром, мол, приходите ко мне, мадам, травить мышей, вы же знаете, где я...» Госпожа Моосгабр тряхнула большой черной полупустой сумкой и быстро отвернулась. Вошла на кладбище и там в аллее, под деревом, остановилась.

Сейчас она могла повернуть налево и пройти к склепу школьного советника де Шубауэра, оттуда к Винцензе Канцер и ее сыну-строителю, а уж потом – к Терезии Бекенмошт. Или же она могла пройти прямо к Винцензе Канцер и ее сыну-строителю, оттуда к Терезии Бекенмошт и уж потом к школьному советнику. Но в любом случае она должна была сперва подойти к склепу Лохов, где был водопровод, из которого летом она пила иногда, а рядом под каштаном стояла огромная корзина для мусора. Госпожа Моосгабр решила, что от склепа Лохов пойдет к могиле Канцеров, потом к Терезии Бекенмошт и, наконец, к школьному советнику. А если останется время, заглянет и на могилу маленького Фабера. Она все равно хотела навестить могилу мальчика на Душички, но может сделать это уже сегодня. Ну, а там уже и к госпоже Айхенкранц, засветло или в сумерки, покуда у нее еще открыто. Госпожа Моосгабр медленной походкой двинулась по аллее прямо.

Листва желтела и уже обильно падала. На главных кладбищенских дорогах, где деревья были самые большие, скопились груды листвы, отсыревшей во влажном воздухе и тумане, и кладбищенские служители длинными метлами, граблями и вилами накладывали их на деревянные двухколесные тележки. У могил и склепов было пока пусто, безлюдно, во второй половине октября у могил всегда особенно безлюдно, потому что лето кончилось, трава уже не зеленеет, цветы не цветут, а до Душичек – до всех этих букетов, венков и свечек – есть еще время. Но у многих могил уже стояли люди – готовя могилы к Душичкам, они чистили и всячески разравнивали их. То же самое собиралась делать сегодня и госпожа Моосгабр.

Госпожа Моосгабр дошла до перекрестка с островерхим надгробьем над чьей-то могилой и вспомнила, что в этих местах когда-то они с госпожой Айхен искали мальчика в бело-голубой полосатой майке. «Госпожа Айхен, – сказала она себе, – заглянула за эту могилу, там ли он, но там его не было». Потом госпожа Моосгабр увидела лавочку, на которой в тот раз сидела старушка с очечками на носу и с кружевами на шее, и госпожа Айхенкранц еще спросила ее, не видала ли она мальчика. «Нет, не видала, – вспомнила госпожа Моосгабр, – щурясь пялилась в молитвенник». Лавочка, где в тот раз сидела старушка, теперь была пуста, как и другие лавочки, стояла осень, вторая половина октября, было сыро и слякотно. Наконец госпожа Моосгабр подошла к склепу Лохов, где был водопровод – обычная труба с краном над огромной бочкой, возле которой под каштаном была корзина для мусора. Госпожа Моосгабр затрясла большой черной сумкой и свернула на дорогу поуже, которая вела к могиле Винцензы и Винценза Канцеров.

Подойдя к этой могиле, госпожа Моосгабр остановилась и окинула ее взглядом. Могила в общем была в порядке. На круглом надгробье лежало несколько сухих желтых листьев, которые занес сюда ветерок с ближнего дерева. Лишь золотая надпись на памятнике обросла мхом. Госпожа Моосгабр открыла сумку, вынула метелку и тряпку. Сперва смела сверху листья, потом обтерла надгробье и, наконец, тряпочкой почистила надпись «Винценза Канцер», а под ней и другую – «Строитель Винценз Канцер». Когда она управилась, обе надписи опять блестели как новые. «Сто лет простоит, а то и дольше, – подумала госпожа Моосгабр и положила назад в сумку метелку и тряпочку, – счастливая мать. Дожила до восьмидесяти, имела удачного сына. А что будет, – вспомнила она, – с сыном этого оптовика, у которого я начну служить в государственный праздник? Что будет с ним и как он кончит?» Госпожа Моосгабр тряхнула головой, огляделась и с сумкой в руке продолжила путь. Она свернула на тропку поуже, чтобы подойти к пятой часовне, к могиле Терезии Бекенмошт, но ни с того ни с сего остановилась.

«А что, если до Терезии Бекенмошт, – остановилась она вдруг, – сходить к советнику, что, если сходить прежде туда? Хоть и сделаю крюк, – сказала она себе, – но что из этого. К госпоже Айхен приду засветло или в сумерки – какая разница, да и к Фаберам успею заглянуть». И

госпожа Моосгабр вдруг изменила направление. Госпожа Моосгабр вдруг повернулась и вместо того, чтобы идти к пятой часовне, к Терезии Бекенмошт, пошла сначала к склепу школьного советника де Шубауэра. Через минуту она уже оказалась на участке больших красивых мраморных склепов, где была и могила советника. Она долго смотрела на нее и трясла головой. Трава в оградке была желтая, увядшая и поникшая, тронутая сыростью, туманом – теперь с ней ничего не поделаешь. «По весне возьму заступ, – сказала себе госпожа Моосгабр, – и потом посею. А через неделю, – сказала она себе, – как получу в кладбищенской конторе хвою, покрою оградку, сверху положу искусственные цветы и зажгу лампаду». Госпожа Моосгабр открыла сумку, вынула метелку и тряпку и стала вытирать надгробье. Обтерла фонарь для негасимой лампы, местечко в нем, куда помещается масло или свеча, потом посмотрела на ангела. Его крыло, довольно давно надбитое, все еще держалось, но госпоже Моосгабр казалось, что с течением времени оно держится все хуже и хуже и скоро, наверное, совсем упадет. «Что мне тогда делать? – подумала она, глядя на крыло, – придется тогда идти в кладбищенскую контору. Пришлют сюда мастера или каменотеса... – госпожа Моосгабр кивнула и вздохнула, – могила оплачена, но до скончания века ангел наверняка не простоит, ни до Страшного суда не простоит, ни до Воскресения. Если, конечно, – пришла ей в голову мысль, когда она бережно чистила ангельское крыло, – если, конечно, какой-нибудь Страшный суд и Воскресение вообще существуют. Страшный суд, может, и есть, – подумала она, – он, пожалуй, должен быть, а вот Воскресение...» Госпожа Моосгабр дочистила ангела, взяла другую тряпочку и начала оттирать надписи на надгробье. Они были золотые и довольно поблекшие, но госпожа Моосгабр знала, что, когда вычистит их, они будут блестеть так же, как и на могиле счастливой матери Канцер. И она стала оттирать надпись «Семья школьного советника барона де Шубауэра», оттирать надпись «Школьный советник Иоахим барон де Шубауэр, род 1854, ум. 1914» и оттирать под ней длинный ряд имен и дат: «Матурин, Анна, Леопольд, Розалия». Когда она управилась, надписи прояснились и теперь блестели и сверкали почти как новые. «Что же будет с этим непослушным, упрямым сыном господина оптовика, у которого я начну служить в государственный праздник? – вспомнила госпожа Моосгабр снова. – И что сказал бы ему этот школьный советник, будь он жив? Наверное, опасался бы, как и оптовик, отец мальчика, а то еще больше». Госпожа Моосгабр потрясла головой и спрятала метелку и тряпочку в сумку. Еще раз взглянула на могилу, на крыло ангела и двинулась дальше. Теперь уж определенно – к Терезии Бекенмошт.

Покинув участок больших красивых мраморных склепов, госпожа Моосгабр направилась к пятой часовне, прошла немного той дорогой, по которой пришла сюда, а потом на перекрестке близ шестнадцатого участка свернула в сторону менее пышных могил. Она уж было дошла туда по дороге – полупустой, полубезлюдной, – как вдруг услышала колокольный звон. Где-то били колокола по покойному, и госпожа Моосгабр поняла, что это звонят в пятой часовне, которая была неподалеку. «Должно быть, кого-то хоронят, – подумала она на дороге полупустой, полубезлюдной, – должно быть, выходят из часовни и идут к могиле». Госпожа Моосгабр свернула с пустынной дороги к могилам и, проходя меж ними по желтой намокшей траве, вдруг услышала и музыку. Услыхала и музыку и поняла, что где-то вдали звучат трубы и корнеты. «Кого-то хоронят, – кивнула она и затрясла большой черной сумкой, – и туда движется похоронная процессия, сейчас четыре пополудни». И госпожа Моосгабр прошла между могил почти до самой березки, под которой стоял островерхий памятник Терезии Бекенмошт, и ненадолго остановилась. Далеко окрест не было ни одной живой души, но повсюду царил какое-то странное спокойствие. Сюда доносились только колокольный звон из пятой часовни и далекая музыка, трубы и корнеты, повсюду царил мертвая тишина. Эта мертвая тишина была такой странной, что госпожа Моосгабр, остановившись близ березки и островерхого памятника,

не могла ступить ни шагу.

Вдруг госпоже Моосгабр показалось, что где-то что-то шелохнулось. Она посмотрела за памятник и за березку, где были густые кусты, закрывавшие несколько соседних могил. Эти густые кусты теперь были голые, сухие, так что сквозь них можно было что-то увидеть, и госпоже Моосгабр вдруг показалось, будто за теми голыми, сухими кустами кто-то стоит и подсматривает.

«Померещилось, – сказала себе госпожа Моосгабр, – кто может там стоять и подсматривать? Здесь у этой могилы. Я хожу сюда годы и годы, если не целый век». И госпожа Моосгабр прошла дальше. Прошла дальше и оказалась под березкой у могилы несчастной Терезии Бекенмошт. И как раз в тот момент, когда она хотела оглядеть могилу и открыть сумку, раздался выстрел.

Госпожа Моосгабр еще никогда в жизни не слышала ни одного выстрела. Она не была ни на войне, ни на одном военном смотре, который время от времени устраивал в городе председатель Альбин Раппельшлунд, не ходила ни на стрельбище, ни на храмовые праздники, ни даже в кино. Разве что однажды в жизни слышала пушечный залп в честь кого-то, но это было очень смутное воспоминание, так что нынешний выстрел был, по сути, первым, достигшим ее ушей. Госпожа Моосгабр подняла голову к небу, к ветвям березки над могилой и прислушалась. И вдруг сквозь эти ветви она увидела летящую стаю больших черных птиц и услышала их карканье – без сомнения, это были вороны. Но прежде чем она опомнилась, раздался второй выстрел, и госпожа Моосгабр увидела, как ворона, летевшая последней, замахала в виду неба крыльями и куда-то упала. У госпожи Моосгабр на миг остановилось сердце. Она вспомнила маленького Айхенкранца.

«Это он, – сказала она себе и затрясла сумкой, – ему вернули отобранное ружье, и он где-то поблизости стреляет. Эти птицы вредные, дескать, но не стреляет он в них потому, что не может попасть. А вот стрельнул и попал». И госпожа Моосгабр решила, что, как только уберет могилу несчастной матери Терезии Бекенмошт, пойдет к госпоже Айхенкранц, что живет между кладбищем и парком, и спросит ее. «Несчастливая госпожа Айхен, – подумала она, – что она на это скажет? Мальчик в конце концов ее изведет. Если доложу об этом госпоже Кнорринг, – подумала она, – мальчика заберут у госпожи Айхен, ведь его оставили ей только на пробу. Но кто потом поможет госпоже Айхен в лавке? Ведь бедняжка будет в отчаянии». Вдруг госпоже Моосгабр пришло в голову, что стрелял все-таки не маленький Айхенкранц. «Может, – подумала она, – в ворон стрелял какой-нибудь здешний служитель. Может, так приказали ему в кладбищенской конторе. Вот бы госпожа Айхен вздохнула с облегчением, от души желаю ей этого». И госпожа Моосгабр быстро открыла сумку, вынула метелку и тряпочку и взялась за работу.

Когда она вытирала островерхий памятник, на котором были опавшие листья и там-сям какие-то веточки, ей вдруг снова стало казаться, что где-то близ могилы кто-то стоит и подсматривает. Здесь по-прежнему была полнейшая тишина, очень странная мертвая тишина, а после тех выстрелов, пожалуй, еще более мертвая, еще более странная, и издали по-прежнему доносилась музыка, трубы и корнеты, но теперь она уже явно слабела, похоронная процессия, очевидно, удалялась, двигаясь к могиле... слабел и колокольный звон из пятой часовни, хотя он-то никуда не удалялся, а оставался на месте, но звонарь, очевидно, тянул за веревку все слабей и слабей... И все-таки ощущение, что кто-то стоит поблизости и подсматривает, не покидало госпожу Моосгабр. Не выпуская тряпку из руки, она прекратила чистить памятник и снова взглядела в кусты за могилой, которые теперь были голыми, сухими, и сквозь них можно было что-то увидеть, однако никого, кто бы за ними стоял, она так и не увидела.

Она быстро очистила памятник и вынула из сумки другую тряпку, чтобы оттереть и

надпись – имя несчастной матери. Но только протянула к этой надписи руку... как снова грянул выстрел.

Госпожа Моосгабр вскрикнула, земля задрожала вместе с ней, а небо над ней завертелось. Тряпка выпала из рук... и она почувствовала, что падает.

Но в последнюю минуту, видимо, уцепилась за что-то и снова выпрямилась.

И уставилась на памятник Терезии Бекенмошт. Она смотрела, смотрела, земля дрожала вместе с ней, а небо над ней вертелось, и она не понимала, что с ней творится.

Ибо госпожа Моосгабр смотрела не на могилу несчастной матери Терезии Бекенмошт, а на могилу совсем другую.

На памятнике стояла надпись не «Терезия Бекенмошт», а «Наталья Моосгабр». «Наталья Моосгабр, – было выгравировано большими золотыми буквами, – владелица мышеловок», а в самом низу, там, где обычно ставится крестик, была огромная мышь.

Госпожа Наталья Моосгабр стояла перед своей собственной могилой.

Никто не знает, сколько времени стояла там госпожа Моосгабр. Могила была в стороне от дороги, так что никто не видел ее, – а значит, никто не видел ни как она таращит глаза и трясется, ни как дрожат у нее голова, подбородок, руки, ноги, у которых лежит тряпка и большая черная сумка, никто не видел, как она бледна и как из-под старого платка градом катится с нее пот. И она не слышала ничего – ни похоронной музыки, должно быть уже смолкнувшей у самой могилы, ни колоколов из пятой часовни, должно быть уже отзвонивших, не слышала даже, что некое живое существо стоит поблизости за густыми сухими кустами, закрывавшими соседние могилы. Она смотрела на могилу, на свое имя, на это звание и на эту мышь и думала, что она умерла.

Спустя неопределенно долгое время она сдвинулась с места.

И потом вдруг бросилась от этой страшной могилы на дорогу.

Дорога была по-прежнему пуста, безлюдна, пуста, безлюдна, лишь вдали показался пожилой человек... И госпожа Моосгабр поспешила к нему.

– В чем дело, – вскричал пожилой человек, завидя ее, – что такое, в чем дело, что происходит... – Он был перепуган до ужаса.

А потом, перепуганный до ужаса, он быстро пошел вперед, почти побежал. Госпожа Моосгабр бежала, может, чуть впереди него, может, рядом с ним, и так они оба, смертельно бледные, перепуганные до ужаса и разгоряченные, добежали.

Добежали до могилы, и госпожа Моосгабр с криком указала на надгробную надпись.

А потом госпожа Моосгабр крикнула в третий раз, и голова у нее закружилась, но старик в последнюю минуту все же успел ее подхватить. Госпожа Моосгабр впиалась взглядом в надпись на камне и прочла:

ТЕРЕЗИЯ БЕКЕНМОШТ

– Однако, мадам, – сказал пожилой человек, – в чем дело, мадам? Вы разве Терезия Бекенмошт? Удивительно, – проскулил он и покачал головой, – вы же говорили, что вы другая. Как же это вяжется?

Госпожа Моосгабр стояла и смотрела, как пожилой человек трясет головой, на которой был котелок, и что под его расстегнутым зимним пальто – расстегнутый сюртучок, а под ним – жилетка с часами на золотой цепочке... она стояла и смотрела, как он трясет головой, говорит, скулит, шепчет: «Однако это что-то невероятное, что-то невероятное, я странный Клевенгюттер и, пожалуй, не потерял гроша из фалды...» – и медленно удаляется.

Госпожа Моосгабр подняла с травы тряпку, большую черную сумку, голова у нее горела,

сердце стучало так, как и в тот раз, когда она мчалась с перекрестка у торгового дома «Подсолнечник», по лбу катился пот. «Иисусе Христе, – осенило ее вдруг, – Иисусе Христе, не пойти ли мне к водопроводу у склепа Лохов... умыться... уж не спятила ли я?» Но в ту минуту, когда поднимала тряпку и сумку с травы, она услышала где-то за густым сухим кустарником какой-то шум и, поглядев в ту сторону, услышала дикий трехголосый смех: один был довольно резкий, грубый, второй смех – визгливый, придурковатый, мордастый, а третий – тихий и мягкий, как бархат. И еще она увидела сквозь этот густой сухой кустарник три фигуры, одна из них несла под мышкой большую каменную плиту...

Что госпожа Моосгабр делала в тот день вечером – никто не знает, потому что в тот день после ее возвращения с кладбища никого у нее не было. Не было у нее даже привратницы Кральц. А уж что творилось в душе госпожи Моосгабр, и вовсе никто не знает и никто никогда не узнает. Возможно, госпожа Моосгабр весь вечер неподвижно сидела в кухне на диване, смотрела перед собой, и эта внешняя неподвижность была выражением ее души. Возможно, она не растопила печи, не сварила себе чаю, не слышала даже боя часов. Возможно, она весь вечер неподвижно сидела на диване и смотрела перед собой как старое, увядшее, незрячее дерево. Возможно, в конце концов она пошла спать, но спала ли она или бодрствовала, тоже никто не знает, как не знает и того, снился ли госпоже Моосгабр какой-нибудь сон.

И что госпожа Моосгабр делала на другой день – тоже никто не знает, за весь день она ни разу не вышла из квартиры. Поэтому ее не встретили ни привратница, ни каменщики, которые мало-помалу кончили работу в этом старом обветшалом доме и теперь снимали леса, не встретился с ней никто из соседей. Госпожа Моосгабр не вышла из квартиры, и никто, по-видимому, к ней не стучался. Лишь на третий день после обеда госпожа Наталия Моосгабр в своем старом платье, длинной черной юбке, черном платке и старом пальто, в туфлях без каблуков вышла на улицу с небольшой черной сумкой.

Медленно, странно опустив голову, прошла она по трем убогим улицам и оказалась на перекрестке у торгового дома «Подсолнечник». Но она не перешла его по белым полосам на асфальте, даже не посмотрела на отдаленные киоски из стекла и пластика, а свернула куда-то в другую сторону. Медленно, странно опустив голову, она шла по улице, по которой обычно ходила в кооперацию за покупками. Но шла она не в кооперацию. Она вскоре свернула в другую улицу. И остановилась там у аптеки.

Аптека была облицована черным мрамором и походила скорее на похоронное бюро, чем на заведение, торгующее лекарствами. В витрине были коробочки, а над входом висел крест. Черно-желтый крест, ибо аптека называлась как-то вроде... Но уже один этот черно-желтый крест над входом таил в себе угрозу и вселял ужас. В нем таилась такая ужасающая угроза, что у многих проходивших мимо, должно быть, стыла в жилах кровь и замирало сердце. Госпожа Моосгабр в длинной черной юбке, в черном платке и старом зимнем пальто, с небольшой черной сумкой вошла внутрь.

За прилавком стоял маленький хилый человечек в белом халате. С рыжеватой бородкой и в золотых очечках.

Когда госпожа Моосгабр вошла, он поглядел на нее сквозь очечки, и лицо его обрело более строгое выражение.

– Что вам угодно? – спросил он пискляво и строго.

– Я Наталия Моосгабр из Охраны, вот документ, – госпожа Моосгабр вынула документ из сумки и подала его аптекарю.

Аптекарь мельком глянул в него и вернул госпоже Моосгабр.

– Вы хотите детскую присыпку или мыло? – пискнул он уже не так строго. – Или вам нужны пеленки? В аптеке их нет, вам придется обратиться в текстильную лавку.

– Мне не нужны ни пеленки, ни мыло, – сказала госпожа Моосгабр, – мне нужен яд.

– Яд? – замигал аптекарь сквозь очечки и оперся грудью о прилавок. – Яд? Но скажите на милость, мадам, для чего?

– Для мышей, – сказала госпожа Моосгабр.

– Яд для мышей, – аптекарь подергал бородку, глядя на госпожу Моосгабр, – яд для мышей.

Яд для мышей, пожалуйста, можете купить «Марокан». – И аптекарь, оттолкнувшись от прилавка, хотел было куда-то отойти, но госпожа Моосгабр покачала головой.

– Только не «Марокан», – сказала она строго, – его у меня предостаточно. Что-нибудь посильнее.

– Что-нибудь посильнее, – аптекарь снова оперся грудью о прилавок, – что-нибудь посильнее? Для мышей?

– Что-нибудь более сильное для мышей, – кивнула госпожа Моосгабр, – «Марокан» слаб.

– Но скажите, госпожа, – аптекарь поднял на нее глаза за очечками, – что у вас за мыши такие, если «Марокан» на них не действует? Это, наверное, какие-нибудь крысы?

– Именно, – кивнула госпожа Моосгабр строго и осмотрела аптеку, – крысы.

Аптекарь схватился за бородку и с минуту глядел на госпожу Моосгабр. На ее старый платок, на ее лицо, на ее зимнее пальто, насколько его было видно из-за прилавка, глядел на нее и моргал сквозь очечки.

– Ничего другого, кроме «Марокана», дать вам не могу и не имею права. Не могу и не имею права, потому что я аптекарь. Все другое может быть опасно для жизни.

– Но об этом и речь, – сказала госпожа Моосгабр сухо и снова оглядела аптеку, – «Марокан» их не уничтожит. Они съедят его вместе с салом, и им хоть бы хны.

– Так насыпьте «Метразин», – пропищал аптекарь, – им отравится и козел.

– Я сыпала его двадцать лет назад, – упрямо покачала головой госпожа Моосгабр, – он еще слабее, мышь и та им не отравится. Я хочу чего-нибудь такого, что действовало бы безотказно. И чтобы конец был не особенно мучительным.

– Это трудно, госпожа, – сказал аптекарь опять строго и подергал рыжеватую бородку, – один «Раттенал» – такое сильное средство. Это такой же белый порошок, как и «Марокан», и он очень опасен. Его ведь тоже путают с сахаром, но при этом он в три раза сильнее. Это легко проверить, если положить его на весы, – аптекарь указал на прилавок, где чуть в стороне стояли аптечные весы. – Я вам не могу его дать, я аптекарь. Где гарантия, что вы не перепутаете его с сахаром?

– Как я могу перепутать, – сказала теперь очень холодно госпожа Моосгабр и посмотрела на весы, – я из Охраны, вы же видели документ. На нем печать и даже подпись госпожи Кнорринг.

Аптекарь опять с минуту разглядывал сквозь очечки госпожу Моосгабр, ее черный платок, ее лицо и ее старое зимнее пальто, насколько его было видно из-за прилавка, за которым он стоял, но при этом одной рукой он открыл какой-то ящик и вынул какую-то папку. Положив эту папку на прилавок перед собой, он сказал:

– Госпожа, вы знаете, сколько будет семью семь?

– Примерно пятьдесят, – сказала госпожа Моосгабр холодно, и аптекарь кивнул.

– Отлично, – кивнул он, – а вы знаете, как выглядит Земля?

– Ну как ей выглядеть? – спросила госпожа Моосгабр и затрясла сумкой.

– Ну что это – куб, или шар, или плоскость, – заморгал сквозь очечки аптекарь, – или, может, это цилиндр?

– Шар это, – сказала госпожа Моосгабр, – говорится же – земной шар.

– Отлично, – пискнул аптекарь, наблюдая за госпожой Моосгабр. А потом глянул из-под очечков на папку на прилавке и пропищал: – А на чем стоит земной шар?

– На чем стоит? – переспросила госпожа Моосгабр.

– На чем стоит, – пропищал аптекарь, – стоит ли он на еще какой-нибудь земле, или его держит какой-нибудь великан, или носит на спине белый слон или черепаха...

– Он не стоит, и никто его не носит, – сказала госпожа Моосгабр и затрясла сумкой, – он

плавает.

– В море? – заморгал аптекарь и подергал бородку.

– В воздухе, – сказала госпожа Моосгабр.

Аптекарь снова заморгал сквозь очки и покивал головой. Он оперся грудью о прилавок, на котором лежала папка, и сказал:

– Земной шар, госпожа, не плавает, а вертится. Вертится, и знаете, вокруг чего? Вокруг Солнца. А Луна, куда мы летаем, в свою очередь, вертится вокруг земного шара. И Солнце вместе с нами относится к нашей Галактике, где есть миллиарды звезд, а таких галактик, как наша, даже несравнимо больших, во Вселенной бесконечное множество – миллиарды миллиардов. Поэтому Вселенная бесконечна как время, которое вечно. А вы здесь просите у меня мышинового яду.

Аптекарь оттолкнулся грудью от прилавка и отошел куда-то в сторону. Через минуту он принес коробочку с черно-желтой полосой и красной надписью «Раттенал». Под этим словом был отпечатан череп со скрещенными костями.

– Вот то, что вы хотите, – заморгал он сквозь очки, – видите здесь этот череп, это очень ядовитое. Здесь двести пятьдесят граммов, взвешивать, пожалуй, не требуется. Этим можно отравить целый полк.

– А как это давать? – спросила госпожа Моосгабр холодно.

– Здесь на обратной стороне написано, – пропищал аптекарь и перевернул коробочку, – здесь инструкция на трех языках. Даже на португальском, если вы его знаете, – заморгал он. – Этим порошком посыпают куски, как и «Мароканом».

– А через какое время он действует? – спросила госпожа Моосгабр.

– Через какое время? – заморгал сквозь очки аптекарь. – В зависимости от величины мышши. На маленьких полевках – почти моментально. Но на крыс величиной с кролика – лишь через несколько минут. Чем больше существо, тем больше мяса, крови, отсюда и эта задержка. Вы же знаете, мадам, раз служите в Охране, – сказал аптекарь, все еще держа в руке «Раттенал» и поглядывая на папку на прилавке, – раз вы служите в Охране, значит, вы знаете, мадам, кто был Клапаред?

– Клапа...? – переспросила госпожа Моосгабр удивленно.

– Клапаред, – кивнул аптекарь, – или Песталоцци. Или Руссо, или Коменский?

– Должно быть, какие-нибудь поэты, – сказала госпожа Моосгабр, и аптекарь заморгал и кивнул.

– Да, поэты, – кивнул он, – поэты. Потому что верили, что человека можно перевоспитать. Но это, мадам, невозможно, это была их роковая ошибка. Вы верите в Бога?

– Не верю, – покачала головой госпожа Моосгабр, – я верю в судьбу.

– В судьбу? – заморгал сквозь очки аптекарь и подергал бородку. – Это очень странно. Что это значит, верить в судьбу, а не в Бога?

Поскольку госпожа Моосгабр молчала, аптекарь, все еще держа в руке «Раттенал», сказал:

– Я спрашиваю, в чем вы видите различие, что такое судьба?

– Судьба, – сказала госпожа Моосгабр и затрясла сумкой, – это то, что должно было случиться и случилось, а что случилось, то должно было случиться. Моя судьба, допустим, была в том, что у меня родилось двое неудачных детей.

– Но что из этого получается? – пискнул аптекарь и посмотрел на стоявшие чуть в стороне весы. – Верить в то, что случилось, или в то, что случится, какая же это вера? То, что уже случилось, знает любой, для этого никакой веры не нужно. А верить в то, что однажды случится, – бессмыслица, раз вы не знаете, что именно случится. Странная вера, мадам. Это все равно что верить в дом или в птиц. Или, – сказал он и посмотрел на весы, – в ходьбу, или в

завтрашний день. – Аптекарь с минуту помолчал, положил «Раттенал» на прилавок и посмотрел на папку. – Вы говорите, – подергал он бородку, глядя на папку, – что на вашем документе есть подпись мадам Кнорринг. – И когда госпожа Моосгабр кивнула, аптекарь раскрыл папку на прилавке. Появились ноты. – О, – пропищал аптекарь и оперся грудью о прилавок, – мадам – великая певица. Она будет петь партию сопрано в «Реквиеме» в огромном хоре. Я там тоже пою, – пропищал он, – у меня бас. – И аптекарь, глядя в ноты, стал мурлыкать какую-то мелодию. Госпожа Моосгабр стояла перед прилавком, смотрела на ноты, на аптекаря и, главное, на полосатый «Раттенал». Наконец аптекарь домурлыкал и поднял глаза за очечками. – Вы знаете, госпожа, что такое «Реквием»?

В этот момент открылась дверь и в аптеку вошел клиент. Незнакомый молодой человек с усами.

– «Реквием», – пропищал за прилавком аптекарь и взглянул на молодого человека, – это зауспокойная месса. Самое трудное для исполнения «Dies irae, dies illa», это, мадам, фортиссимо. «Тот день, день гнева/В золе развеет земное,/Свидетелями Давид с Сивиллой»*... так, мадам, мы поем. Басы, как всегда, очень важны в фортиссимо. Вам что угодно? – повернулся он к молодому человеку.

* Здесь и далее перевод цитируется по «Словарю латинских крылатых слов». М., «Русский язык», 1986.

– Я подожду, – сказал юноша и искоса посмотрел на госпожу Моосгабр.
– Ах да, – заморгал аптекарь и кивнул. И, снова повернувшись к госпоже Моосгабр, сказал: – Вы где-нибудь когда-нибудь тоже пели? У вас есть голос, госпожа?
– Я пела колыбельную, – сухо сказала госпожа Моосгабр, не сводя глаз с «Раттенала».
– А вы знаете, мадам, что такое золотая карета? – спросил аптекарь.
– Это трактир, – сказала госпожа Моосгабр, – у меня там была свадьба.
– Трактир! – пискнул аптекарь и подмигнул молодому человеку. – Трактир! Но карета – это воз, а Воз – созвездие, мадам. Или же фургон о четырех колесах, который тянут лошади. Это, мадам, и называется полисемией слов. Вы, мадам, не верите в Бога, так что, наверное, не верите и в Страшный суд и в Воскресение. «Реквием» касается как раз этого. – И аптекарь, посмотрев в ноты, стал декламировать:

Какой будет трепет,
Когда придет судья,
Который все строго рассудит.

Труба, сея дивный клич
Среди гробниц всех стран,
Всех соберет к трону.

.....

Будет явлена написанная книга,
В которой все содержится:
По ней будет судим мир.

И еще скажу вам, мадам, один стих, – аптекарь подмигнул сквозь очечки молодому

человеку с усами, который стоял и ждал, – последний стих:

Итак, когда воссядет судия,
Все, что скрыто, обнаружится,
Ничто не останется без возмездия.

Вот это «Реквием», мадам, «Реквием», – аптекарь глянул на стоявшие чуть в стороне весы, – а вот вам «Раттенал». Сорок геллеров и пятак.

Госпожа Моосгабр запустила руку в сумку и вынула деньги. Аптекарь взял деньги, завернул коробочку в голубую бумагу и подал госпоже Моосгабр.

– Это будет, мадам, – пропищал он, – самый великий «Реквием», какой только исполнялся у нас. Тысяча певцов и полторы тысячи музыкантов под управлением мсье Скароне из Боснии. Об этом в газетах пишут, однажды и в „Расцвете“ об этом писали... Но когда будет премьера, – аптекарь закатил глаза и подергал рыжеватую бородку, – пока неизвестно.

Госпожа Моосгабр спрятала сверток в сумку, поблагодарила и вышла.

– Но непременно прочтите инструкцию, – еще раз крикнул ей вслед аптекарь, – там и по-эфиопски, если вы знаете этот язык, на нем говорят на Канарских островах... – Он остановил взгляд на молодом человеке, а госпожа Моосгабр вышла на улицу.

В этот вечер госпожа Моосгабр пошла в комнату, коридор и кладовку и все заряженные мышеловки принесла в кухню, на диван. В нескольких мышеловках были мертвые мыши с засаленными усиками и крупинками белого порошка на носиках. Госпожа Моосгабр хотела было выбросить их в печную золу, потом снова зайти в кладовку, принести тарелку с салом, снова зарядить мышеловки и наконец еще раз осмотреть коробочку с черно-желтой полосой, красной надписью и черепом со скрещенными костями. Госпожа Моосгабр хотела все это сделать сегодня вечером, но вдруг кто-то постучал в наружную дверь. Госпожа Моосгабр оставила мышеловки на диване, но тарелку с салом принести из кладовки уже не успела. Вздохнув, пошла открывать.

– Госпожа Наталия Моосгабр, – сказал мужчина в кожанке и вынул что-то из кармана.

Госпожа Моосгабр раскрыла от изумления рот.

– Да, – сказал мужчина в кожанке и положил документ в карман, – полиция. – И госпожа Моосгабр увидела за ним еще одного.

– Мы у вас еще не были, – сказали полицейские, когда вошли в кухню и сняли шляпы. Госпожа Моосгабр кивнула им на стулья и сказала:

– Вы здесь были уже два раза.

– Два раза, – сказали полицейские, сели и положили шляпы на стол, – были наши сотрудники. Госпожа Моосгабр, вы знаете, почему мы пришли? – Они оглядели кухню, диван с мышеловками, а госпожа Моосгабр отошла к буфету и кивнула:

– Должно быть, из-за Везра, Набуле и каменотеса, – сказала она сухо, – из-за моих детей и каменотеса, что работает у кладбищенских ворот.

Полицейские молчали, продолжая оглаживать кухню. Мышеловки на диване, окно из матового стекла, печь, часы – их лица были совершенно непроницаемы. В отличие от первых и вторых, которые здесь были, эти даже не улыбались.

– Вы говорите, Везр вернулся из тюрьмы, – сказал один из полицейских и вопрошающе посмотрел на госпожу Моосгабр.

– Из тюрьмы, – кивнула госпожа Моосгабр, – вы меня все время об этом спрашиваете. Будто в это не верите. Будто я вру.

– Никто вас в этом не обвиняет, – сказал полицейский, и в кухне воцарилась тишина.

– Везр, стало быть, на свободе, – сказал минуту спустя второй полицейский, – ваш сын Везр. – И когда госпожа Моосгабр кивнула, он спросил: – И он был недавно у вас. Что он хотел?

– Он пришел с Набуле и с каменотесом за теми вещами, что они положили сюда под диван.

– Это не важно, – махнул рукой второй полицейский, – что он хотел? Что говорил вам? Будьте любезны, сообщите нам об этом.

– Он хотел, чтобы я залезла в колодец, – сказала госпожа Моосгабр.

– Госпожа Моосгабр, – сказал теперь первый полицейский, сунул руку в карман и вытащил какой-то блокнот, – разрешите нам сегодня делать некоторые пометки. Мы полагаем, что это теперь необходимо. – И он открыл блокнот, вытащил карандаш и сказал: – Чтобы вы залезли в колодец?

– Чтобы я залезла в колодец, – кивнула госпожа Моосгабр холодно. – Якобы в корзине он опустит меня вниз, чтобы я взяла там клад. А потом они меня снова вытащат.

– О каком колодце идет речь? – спросил второй полицейский.

– О каком-то здешнем, – сказала госпожа Моосгабр у буфета, – ни о каком таком я не знаю. Они сказали, если я не верю, пусть спрошу у студентов.

– У каких студентов? – спросил полицейский.

– У одних студентов, что были на свадьбе у дочери Набуле, а когда дочь меня выгнала, они тоже поднялись и ушли. Но я от них спряталась за дверь соседнего дома, стыдно было. Приличные люди, только не знаю, где они живут – говорят, снимают комнату в какой-то вилле. Но они наверняка ни о каком колодце тоже не знают. Все это проделки Везра, и ничего больше.

– Госпожа Моосгабр, – сказал первый полицейский, который делал пометки в блокноте, – разрешите один вопрос. Не угрожал ли Везр... когда-нибудь прямо... вашей жизни?

– Послушайте, – сказал другой, когда госпожа Моосгабр вытаращила глаза, – не было ли у вас впечатления... скажем это прямо, без околичностей... что он хочет убить вас?

В кухне снова воцарилась тишина. Полицейские вопрошающе смотрели на госпожу Моосгабр, и на их лицах не дрогнул ни один мускул. Госпожа Моосгабр стояла у буфета и, как ни странно, на ее лице тоже не дрогнул ни один мускул. После минутного молчания госпожа Моосгабр сказала:

– Позавчера я ходила на кладбище убирать могилы к Душичкам.

Один полицейский делал пометки в блокноте, второй спрашивал и испытующе смотрел на госпожу Моосгабр. Потом часы у печи пробили полдевятого, и полицейские смолкли.

– Госпожа Моосгабр, – чуть погодя проговорил снова тот, который писал, – мы пришли, собственно, не ради Везра. И не ради колодца, куда они хотят спустить вас, и вовсе не ради могилы Терезии Бекенмошт, на которой поменяли имя, чтобы напугать вас. Не интересует нас даже, что ваша дочка развелась. Главное, из-за чего мы пришли, совершенно другое.

– Значит, тогда... – обронила госпожа Моосгабр и тоже под села к столу, – что тогда...

– Что тогда... – сказали полицейские. – Что тогда? Мы пришли к вам, чтобы установить... как вы живете.

В кухне снова наступила тишина. Наконец госпожа Моосгабр на стуле опомнилась.

– Боже, – сказала она холодно, – ради этого вы все время сюда ходите, ради этого вы уже в третий раз здесь. Живу здесь пятьдесят лет, и меня здесь любой знает. Привратница Кральц, Штайнхёгеры, Фаберы, у которых сын разбился, их родители, а вы все твердите одно и то же. Теперь вы еще спросите меня, где я жила раньше, а я скажу, что недолгое время была экономкой и хотела иметь киоск и торговать.

– Все это мы знаем, – тут впервые один полицейский слегка улыбнулся, – это уже выяснили наши сотрудники. Об этом мы вас не станем спрашивать. Так же, как и о том, где вы родились, в какой школе учились, кем были отец и мать, как вы дважды ходили из Феттгольдинга в Кошачий замок и во второй раз, гуляя по парку, увидели за окном замка не то лесничего, не то слугу...

Госпожа Моосгабр сидела неподвижно на стуле, таращила глаза и молчала. Молчала и смотрела на полицейских. И полицейский, который писал, кивнул и сказал:

– Да, да, это так, полиция должна знать все, госпожа Моосгабр, это ее главная задача. Дурная, возможно, скажете вы, потому что она вмешивается в промысел Божий. Потому что угрожает частной жизни. Но честная полиция ей не угрожает.

– В данном случае, – сказал другой, который не писал, – вам повезло, что мы многое знаем. Чем больше мы узнаем, тем для вас лучше. Поэтому мы и пришли. Итак, значит, родились вы в Феттгольдинге в предгорье Черного леса, дважды были в Кошачьем замке. Вы ходили собирать хворост в Черный лес, но только на опушку, заходить в глубь леса боялись. Отец работал в наследственных княжеских поместьях тальских. Покидали вы Феттгольдинг два раза, один раз – когда определились в экономки здесь в городе, на «Стадионе», а второй – когда вышли замуж за возчика на пивоварне...

– Меж тем вы помогали отцу ухаживать за курами и кроликами, – сказал второй

полицейский, – в лесу вы высаживали деревца, в общественной кухне варили обед для детей земледельцев. Вам было примерно лет двадцать пять. Госпожа Моосгабр, – сказал полицейский и быстро встал со стула, – сколько вам было, когда вы впервые побывали в Черном лесу?

– В Черном лесу? – спросила госпожа Моосгабр изумленно. – Откуда мне это знать? Я была, верно, совсем маленькая, – сказала она и чуть подвинулась на стуле, – я ходила туда с матерью за хворостом, туда ходила вся деревня, по ягоды тоже, Черный лес начинается сразу за Феттгольдингом.

– И его опушка тянется на двадцать километров, – холодно сказал полицейский, который все время стоял, – вы были совсем маленькая, ходили с матерью за хворостом или по ягоды, насколько глубоко вы в этот лес тогда заходили...

– Насколько глубоко заходила, – изумилась госпожа Моосгабр, – откуда мне знать, ведь тому без малого век. Я сказала вам, что бывала на опушке, далеко в лес никто не ходил. Там можно было заблудиться.

– Да, заблудиться, – кивнул полицейский, – это бесконечные леса. К тому же еще темные, черные, буквально... – и полицейский слегка улыбнулся во второй раз, – буквально наводят ужас. Госпожа Моосгабр, – сказал он решительно, – что вам тогда в том лесу повстречалось?

– Повстречалось? – выдохнула госпожа Моосгабр. – Тогда? Когда я там была в первый раз? Когда я была совсем маленькая?

Госпожа Моосгабр сидела на стуле, смотрела куда-то в пол, словно что-то обдумывала, и трясла головой.

– Что мне повстречалось? – трясла она головой. – Тому без малого вечность. Могу ли я это помнить? Может, какой-нибудь карлик или дух, откуда мне теперь знать?

– Не могла ли это быть, – сказал сейчас второй полицейский, который сидел и писал, – мышшь?

– Мышь? – изумилась госпожа Моосгабр. – Мышь? Мышь в Черном лесу? Откуда мне теперь знать? Может, и есть лесные мыши, – тряхнула она головой, – но откуда мне теперь это знать?

– Госпожа Моосгабр, – сказал полицейский, который стоял, – именно мышшь. И возможно, какая-то огромная мышшь.

– Вы имеете в виду какую-нибудь крысу? – спросила госпожа Моосгабр.

– Даже больше, чем крысу, – быстро сказал полицейский, – мышшь величиной с крупного зверя.

– Не знаю, – сказала госпожа Моосгабр сухо. – Этого я уж не знаю, – повторила она, – может, я когда-то читала какую-то сказку, где было что-то подобное, не знаю. Может, еще в школе в Феттгольдинге. Но я помню только один стишок, который мы там учили, о старушке слепой. Как она из церкви бредет и дорожку клюкою никак не найдет...

– Да, – кивнули полицейские, и потом тот, который стоял, сказал:

– Все это ваше раннее детство. А что было потом? Недолгое время вы были в городе экономкой, потом вернулись к родному очагу, сажали деревца, помогали дома, варили обед. В Кошачий замок в это время вы уже не ходили... а знаете ли вы, – спросил он вдруг холодно, – почему этот замок называется Кошачий?.. – А когда госпожа Моосгабр покачала головой, сказал: – Есть такое старинное предание. Предание, что там якобы было видимо-невидимо мышшей. Видимо-невидимо, наверное, сколько у вас тут. Только тогда в том замке их не ловили на приманку, а туда ходил крысолов. Поэт Вергилий Цикл написал об этом стихотворение, но это так, к слову... Короче, в Кошачьем замке в третий раз вы не были, а были ли вы тогда в Черном лесу, это уже не важно. Видели ли вы когда-нибудь позже какого-нибудь огромного зверя, похожего на мышшь?

– Какого-нибудь огромного зверя, похожего на мышь? – спросила изумленно госпожа Моосгабр и чуть подвинулась на стуле. – Этого уж не знаю. Где мне было его видеть? В зверинце я никогда не была, ни с детьми, ни с мужем, когда еще жив был, когда был возчиком на пивоварне.

– Ну хорошо, оставим это, – кивнул полицейский, который стоял, а тут наконец сел, – оставим это, достаточно. Вы теперь убираете могилы к Душичкам, правда?

– Убираю, – сказала госпожа Моосгабр, – я должна получить хвою и цветы, навесить могилу Фаберов и еще сходить в Дроздов под Этлихом, может, нынче, первый раз в жизни поеду туда автобусом, наверное, грош-другой у меня найдется для этого.

– Вот именно, – кивнул полицейский и посмотрел на мышеловки на диване, – в Дроздов под Этлихом, где похоронен ваш муж, возчик на пивоварне. Он погиб на той короткой войне, что однажды была... А вы уверены, что он похоронен в той могиле под Этлихом? Вы уверены, что это ваш муж?

– Святый Боже, – сказала госпожа Моосгабр и встала со стула, – наверное, я ослышалась, это уже свыше всяких сил. Святый Боже, – сказала она стоя, но голос ее был спокойный, холодный, – по-вашему, значит, мой муж похоронен не в Дроздове под Этлихом. И я туда... двадцать или сколько-то лет езжу на могилу суслика.

– Госпожа Моосгабр, – сказал полицейский, который писал, – в прошлый раз вы сказали, что, выйдя замуж, оставили свою девичью фамилию. Что ваш муж взял вашу.

– Муж взял мою, – кивнула сухо госпожа Моосгабр и снова села на стул, – Медард Моосгабр.

– А в девичестве вас как звали? – спросил второй полицейский.

– Святый Боже, конечно, Моосгабр, а как же еще, – изумилась снова госпожа Моосгабр, – Наталия Моосгабр, я же говорю вам, что оставила свою фамилию.

– Хорошо, – кивнул полицейский, который писал, – однако как вообще звали вашего мужа? Как его звали до свадьбы?

– Медард Кладрубский, возчик на пивоварне, – сказала госпожа Моосгабр очень холодно, сухо, и в кухне снова наступила тишина.

Потом полицейские сказали:

– Кладрубский, очень странная фамилия. Это какая-то не наша фамилия...

И снова наступила тишина.

– Что ж, хорошо, – сказали затем полицейские, – вы хотели быть не только экономкой, но и продавщицей. Иметь киоск, торговать, не правда ли?

– Иметь киоск, – сказала госпожа Моосгабр. – Торговать. Ветчиной, салатом, лимонадом, об этом я уже говорила, любой это знает.

– Хорошо, – кивнул полицейский, – и вы на этот киоск копили гроши?

– Копила гроши, – сказала госпожа Моосгабр, – у меня было немного грошей.

– У вас было немного грошей, – кивнул полицейский, – эти гроши вы накопили, когда во второй раз были в Феттгольдинге – ходили высаживать деревца и варили детям земледельцев обед, и еще когда служили экономкой в той семье на «Стадионе». Но почему вы потом перестали копить и так и не купили киоск?

В кухне снова воцарилась тишина. Госпожа Моосгабр снова встала со стула и подошла к буфету. Там она остановилась и молча уставилась на мышеловки на диване.

– Почему же вы перестали копить? – минутой позже снова спросил полицейский. – Почему вы не купили киоск, о котором так мечтали, вам расхотелось, или что?..

– Не расхотелось, нет, – наконец покачала головой госпожа Моосгабр, – просто не получилось. Эти несколько грошей, что я отложила на киоск, забрал Везр... Ему тогда было

семь...

Полицейские вздохнули, и снова воцарилась тишина. Потом тот, который писал, сказал:

– Значит, вы копили и после свадьбы. А когда Везр забрал у вас деньги... вы уже перестали копить? Вы отступились от этого?

– Не отступилась, – покачала головой госпожа Моосгабр, – копила я еще раз, но всего год-другой. Когда ему было десять, он опять забрал мои деньги. А потом я поняла, что все впустую. Что на киоск мне никогда не скопить. Да если бы и скопила, все равно толку бы не было. Этот киоск, даже будь он у меня, Везр бы разбил или обокрал. Уж лучше служить в Охране.

– Значит, с киоском не получилось, – покивали полицейские головами и сделались теперь довольно серьезными, – с киоском не получилось, как не получилось и стать экономкой, с той только разницей, что с киоском дело не выгорело потому, что Везр забирал у вас деньги, а с экономкой – потому, что в семье на «Стадионе» вы слишком надсаживались. Косили траву, кормили коз, носили ушаты. Значит, вы только работали в Охране, там вам никто не угрожал, там все удавалось. И еще на кладбище, где вы обихаживаете могилы...

Полицейские устали в стол и молчали, молчала и госпожа Моосгабр у буфета. Молчала и смотрела на мышеловки на диване.

Наконец один полицейский снова заговорил. Тот, который писал.

– Госпожа Моосгабр, – сказал он, – вы утверждаете, что вам в том лесу, когда вы были совсем маленькая, ничего никогда не повстречалось. Вы утверждаете, что прошла целая вечность и уже невозможно что-либо знать или помнить. Вы утверждаете, что никакой огромной мыши величиной с крупного зверя вы там не видали. Представьте себе, – сказал он, – что вам повстречалась бы огромная мышь, которая не пищит, а ревет?

– Святой Боже, ума не приложу, что было бы, – сказала госпожа Моосгабр у буфета опять очень строго и к тому же очень нетерпеливо, – ума не приложу, такого зверя я никогда не видала. Ни в Черном лесу, ни даже в клетке, сто раз вам говорила, что в зоо никогда не была.

– Хорошо, – кивнули полицейские быстро, – так кого же в Черном лесу вы встретили... В тот раз, – сказал один из них, встал со стула и прищурился, – в тот раз, когда вы были совсем маленькая и пошли за хворостом... скажите, кого вы там встретили? Кого, госпожа Моосгабр, – повторял он громко и настойчиво, стоя у стула, – кого вы в тот раз там встретили?

И госпожа Моосгабр у буфета вдруг вздохнула и сухо сказала:

– Может быть, девушку...

Часы у печи начали бить, пробили девять, но никто не обращал на них внимания. Ни полицейские, ни госпожа Моосгабр. Полицейские снова сидели за столом, тот, у которого был блокнот, писал, второй спокойно смотрел на шляпы на столе... госпожа Моосгабр стояла у буфета... все молчали. Спустя время тот, который писал, сказал:

– Скоро у вас праздник. День рождения.

– Да, – кивнула госпожа Моосгабр, – но я его не праздную. Никогда о нем и не думаю. Я и об этом в прошлый раз сказала.

– Когда был жив ваш муж и дети были маленькие, вы, наверное, отмечали свой праздник, наверное, родные вам напоминали о нем, наверное, что-то дарили к нему?..

– Разве что муж, – тряхнула головой госпожа Моосгабр, – может, какой цветок, он был беден, был возчиком на пивоварне. А дети – никогда. Они и дома не бывали, все шатались. У нас мой день рождения никогда не отмечался.

– А где вы будете на государственный праздник? Он тоже не за горами.

– На государственный праздник буду у господина оптовика Фелсаха, – сказала госпожа Моосгабр, – мадам Кнорринг нашла для меня место, буду у него присматривать три раза в неделю по полдня.

– Еще два-три вопроса, госпожа Моосгабр, – сказал полицейский, – у вас дома ваш праздник, как вы говорите, не отмечали. Но хотя бы государственный праздник отмечали? Вы хотя бы дома выставляли за окно разные разности на именины вдовствующей княгини правительницы, я имею в виду цветы, свечи, бокал с вином, пироги... окуривали квартиру... это же везде делается.

– Везде, – кивнула госпожа Моосгабр у буфета, глядя на мышеловки, – это делают и госпожа Айхен, Линпек, Кнорринг, да и весь этот дом, Фаберы, Штайнхёгеры, привратница, но у нас и это не делалось. Везр и Набуле в окне все поразбивали бы, выбросили, уничтожили, окуривать тоже было невозможно.

– И даже нынче вы ничего за окно не поставите и не будете окуривать? – спросил полицейский.

– У себя нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – я ведь тут не буду. Я же сказала вам, что на государственный праздник буду у господина оптовика, там и за окно всякие вещи выставят, там и окуривать будут, сын господина оптовика и экономка сделают все, что надо. А я нет...

– В нынешнем году все особенно интересуются ладаном, – сказал первый полицейский, и госпоже Моосгабр показалось, что он сказал это скорее тому второму, нежели ей, – его очень мало, и люди боятся, что им не достанется.

– По москательным лавкам развозят мешки, – покачал головой второй полицейский, – пожалуй, достанется всем. Но и то правда, что растёт какое-то беспокойство. Какая-то паника. Значит, на именины вдовствующей княгини правительницы вы будете у Фелсахов? – обратился он к госпоже Моосгабр, но госпожа Моосгабр у буфета молчала.

– Ну что ж, мы потихоньку пойдём, – сказал первый полицейский, – кажется, это все. Итак, – сказал он и встал со стула, – ни о каком приключении в Черном лесу во времена вашего детства вы не припоминаете, как не помните и о том, что позднее вам повстречалось нечто особенное.

– Ничего особенного мне не повстречалось, – сказала госпожа Моосгабр сухо и от буфета теперь подошла к плите, – все, что знаю, я вам сказала точно.

– Ну нет, пожалуй... – кивнул полицейский, который стоял, – не так уж и точно и далеко не все... далеко не все, – повторил он, – и не так уж и точно. Вы, пожалуй, это знаете.

– Ну, значит, я вру! – вскричала госпожа Моосгабр.

– Я не говорю, что вы врете, – сказал полицейский, – во лжи вас никто не упрекает. Говорю только, что вы сказали далеко не все и не точно. Послушайте, госпожа Моосгабр, – полицейский кинул взгляд к печи, – вот такая мелочь. В прошлый раз, когда здесь были наши сотрудники, в прошлый раз вы вспомнили, что вы тоже были когда-то экономкой. Прежде вы об этом никогда не говорили. Вы здесь в доме живёте пятьдесят лет и за эти пятьдесят лет ни разу не сказали об этом даже привратнице, можно ли в это поверить? Вы вспомнили об этом, лишь когда в прошлый раз здесь были наши сотрудники. Это, конечно, мелочь. Но я вам сейчас скажу и нечто более важное. Госпожа Моосгабр, – сказал полицейский и сейчас снова – после долгой паузы – слегка улыбнулся, – вы не встретили девушку в Черном лесу, когда были совсем маленькая. Вы ее встретили, когда были постарше. Я бы даже сказал – уже довольно большая.

– Не знаю, – холодно сказала госпожа Моосгабр у печи, – насколько я помню, я не говорила, что была совсем маленькая, когда ее встретила. Но определенно я тогда собирала хворост. – Оба полицейских кивнули и замолчали.

– И еще кое-что, – сказал вдруг полицейский, который все еще сидел на стуле и писал, – еще кое-что. Нам обязательно надо срочно написать несколько строк. Несколько строк, что мы были здесь, в кармане у меня бумага и конверт.

– Ах да, – кивнул второй полицейский и опять сел за стол, – госпожа Моосгабр, мы должны написать несколько строк и опустить конверт в почтовый ящик, но прежде надо заклеить его и запечатать. У вас нет под рукой воска или хотя бы кусочка свечи?

– Кусочек свечи, – кивнула госпожа Моосгабр у плиты, – кусочек свечи найдется, а воска нет, я никому не пишу.

– Тогда кусочек свечи, – кивнул полицейский, положил на стол бумагу и конверт, на котором уже была наклеена марка с портретом Альбина Раппельшлунда, и что-то написал. Госпожа Моосгабр открыла буфет и положила на стол кусочек желтой свечи.

– Достаточно, – кивнул второй полицейский, – главное, как следует заклеить конверт, здесь короткий служебный рапорт, таков указ. Нет ли у вас, госпожа, какого-нибудь ножа или гирьки, чтобы нам сделать печать?

– У меня есть печатка, – сказала госпожа Моосгабр, – она в столике в комнате, я никогда ею не пользовалась.

– Отлично, – сказали полицейские, – дайте ее нам на секунду.

Госпожа Моосгабр пошла в комнату, вынула из столика несколько тряпок, страшный чепец с бантом, очки и печатку. И принесла ее полицейским в кухню.

– Отлично, – снова сказали полицейские, и тот, который писал рапорт, наконец дописал его, положил в конверт, заклеил и потом зажигалкой растопил кусочек свечи и накапал на конверт немного воска. Потом погасил свечу, взял печатку и вдавил ее в желтый воск.

– Порядок, – сказал он и посмотрел на печать, – вы нам, госпожа Моосгабр, чрезвычайно помогли. Вы сэкономили нам время, мы все сделали здесь, и нам не придется заниматься этим дома.

– Вы сэкономили нам время, – кивнул второй полицейский, – благодарствуем, вот ваша свеча и печатка.

И оба полицейских тут уж действительно встали со стульев, надели шляпы, лежавшие все это время на столе, и сказали:

– Мадам, не сердитесь, что мы побеспокоили вас. Мы лишь выполняли свои обязанности. А этот хлам из проезда можно было бы убрать наконец, и прежде всего бочку с известкой, не правда ли?

Тридцатого октября после обеда привратница постучала в дверь госпожи Моосгабр, и госпожа Моосгабр у печи по голосу сразу узнала ее. На дворе было холодно, сыро, но привратница опять была в короткой ситцевой юбке и с оголенной шеей, – естественно, она находилась в доме, под крышей. Привратница вошла в кухню госпожи Моосгабр, вдохнула воздух и села на диван.

– Как тут у вас пахнет, – вдохнула она и села, – и до чего здесь приятно, тепло. – И она окинула взглядом плиту, буфет, стол и, даже не засмеявшись по обыкновению, сказала: – И чего у вас тут только нет, госпожа Моосгабр. Миндаль, изюм, творог. Ваниль, масло, яйца. Мука, молоко, мешалка. Совсем как в пекарне, когда собираются печь булки.

– Булки, – улыбнулась госпожа Моосгабр и вытерла руки о фартук, – с булками сегодня ничего не получится. Я кладу ваниль, миндаль, изюм. И еще творог и много сахара. Сахар у меня здесь, – госпожа Моосгабр как-то задумчиво указала на стол, на белый кулек, – жаль, что не смогу сегодня вас угостить, кончу лишь поздно вечером. – И она подошла к плите и сказала: – Однажды... вы же знаете... такие пирожки я пекла целый день.

После минутной тишины привратница, сидя на диване, сказала:

– Госпожа Моосгабр, возможно, придут и Штайнхёгеры, и госпожа Фабер. Они без конца меня спрашивают, что вы делаете, они вас почему-то почти не видят.

– Не видят, – кивнула госпожа Моосгабр у плиты и стала размешивать в миске творог с молоком, – не видят. Когда выхожу из дому, я их не встречаю. Не встретила я их ни разу, даже когда выходила в ваших нарядах.

– В них они бы вас все равно не узнали, – тут привратница впервые засмеялась и схватилась за шею, – они бы подумали, что у вас была гостя. Что это какая-то артистка или жена министра. Знаете, госпожа Моосгабр, – привратница схватилась за шею, – я все время думаю об этой вилле и о том, как вы будете караулить мальчика. Хрустальные люстры, ковры, фонтан, все совершенно так, как я вам говорила.

– Совершенно так, – кивнула госпожа Моосгабр как-то задумчиво, размешивая у плиты творог с молоком, – картины в золотых рамах, как в галерее, мраморная лестница, как в костеле, статуи с лампами, как в присутствии, только с красным светом. Сидела я в парчовом кресле... – госпожа Моосгабр обтерла руки о фартук, нагнулась и подложила дров, – в парчовом кресле, но сквозь матовые двери я плохо разглядела столовую.

– Завтра разглядите ее как следует, – кивнула привратница, – ужин будет там подаваться. Не станет же экономка устраивать ужин в кухне, когда вы приходите к ним на виллу служить, да еще в государственный праздник. А знаете, что не укладывается у меня в голове? – И когда госпожа Моосгабр покачала головой, привратница сказала: – Фонтан. Стоит он, значит, посреди залы, брызжет водой, а ковер не забрызгивает?

– Не забрызгивает, – кивнула госпожа Моосгабр у плиты, размешивая творог с молоком, затем вбила туда и яйцо, – вода льется обратно в бассейн. Как в парке у скульптуры, но не из клюва птицы, а из такого расщепленного стебля. Так же, как в парке у скульптуры, только все гораздо меньше.

– А этот... Оберон... – засмеялась привратница, – он кидает туда черных рыб, чтобы напугать экономку, и запирает ее в погребе, когда она за чем-нибудь идет туда, вот ужас-то.

– Ужас, – кивнула госпожа Моосгабр и, подойдя к столу с миской творога, взяла кулек с сахаром и кинула горсть в миску, – вода уже кипит, угощу вас чаем. Вы говорите, что ужин будет в столовой. Я умею накрывать стол... и завтра там сама накрою. Скажу экономке и

мальчику, что стол накрою сама. Когда я была экономкой в семье на «Стадионе», я ходила косить траву, кормила коз, носила ушаты, стол я там не накрывала. А сейчас у господина оптовика буду приглядывать за мальчиком и накрою там праздничный стол.

– Накроете, – кивнула привратница, – вознаградите себя. Когда вы были экономкой, вы не делали этого, не делали и когда выходила замуж Набуле, там все это шло в счет свадьбы. А вот завтра у оптовика в государственный праздник вы накроете стол. Но, госпожа Моосгабр, – сказала привратница, – когда пойдете, непременно наденьте шубу с гривой. Вы должны снова ее надеть потому, что приступаете к работе на вилле, причем в день государственного праздника. И еще потому, что ее на вас не видела ни экономка, ни этот... как его зовут, – привратница засмеялась, – Оберон? Что, если, к примеру, вдовец рассказал экономке про вашу шубу, а экономка на вас ее не увидит? Она еще может подумать, что вы Бог знает куда ее дели. А она у вас в комнате... правда же...

В эту минуту кто-то постучал в наружную дверь, и госпожа Моосгабр подняла голову. Но она была удивительно спокойна.

– Это не кто иной, как Штайнхёгеры, – сказала привратница, – продолжайте печь, я открою сама. – И привратница в короткой ситцевой юбке и с оголенной шеей встала и пошла открывать. Вскоре в кухне появились госпожа Фабер и Штайнхёгеры.

– Не помешаем? – очень беспокойно и удрученно спросил господин Штайнхёгер и посмотрел на стол. – Госпожа Моосгабр печет.

– Не мешаете, – сказала госпожа Моосгабр, – садитесь. Жаль, что пирожки будут лишь поздно вечером, не смогу вас угостить. Но выпейте хотя бы чаю.

Штайнхёгеры, очень беспокойные и удрученные, сели на диван, к ним под села привратница, а госпожа Фабер села на стул к столу. Она была прямая и холодная, смотрела перед собой и молчала.

– Что-нибудь происходит? – спросила привратница.

– Нет, не происходит, – беспокойно и удрученно, сказал господин Штайнхёгер – но на улице тревожно. Пожалуй, все же что-то происходит. На площади Анны-Марии Блаженной у кладбища и на площади Раппельшлунда целые толпы, мы как раз оттуда идем.

– Пожалуй, все же что-то происходит, – сказала и госпожа Штайнхёгер испуганно, – и на перекрестке у торгового дома «Подсолнечник» тоже толпы, но они уже расходятся. Чего только нет тут у вас, госпожа Моосгабр, – госпожа Штайнхёгер беспокойно посмотрела на стол и буфет, – у вас тут ваниль, масло, миндаль, изюм, яйца...

– А в этом пакете сахар, – сказала привратница. – Но почему демонстрации?

– Это не демонстрации, – покачал головой господин Штайнхёгер, – это просто такое людское скопище, и полиция его не разгоняет.

– Полиции на улицах вовсе нет, – сказала госпожа Штайнхёгер испуганно, – ни одной униформы нигде не видать. Если, госпожа Моосгабр, вы печете пирожки, значит, в этом году вы поставите за окно разные вещи и, наверное, окуривать будете.

– Она будет окуривать, – сказала привратница быстро, – но не здесь. Госпожа Моосгабр, видите ли, идет завтра на виллу вдовца и эти пирожки возьмет с собой. Там она будет и разные вещи за окно выставлять, и окуривать.

– Это сделают экономка и мальчик, – сказала госпожа Моосгабр задумчиво и подошла к буфету за чашками, – по крайней мере, мальчик до ужина не убежит из дому.

– Госпожа Моосгабр завтра на вилле вдовца начинает присматривать за мальчиком, – сказала привратница на диване, – будет сторожить его три раза в неделю по полдня. Завтра как раз государственный праздник вдовствующей княгини правительницы, так что там устроят торжественный ужин... Вдовец уже улетел? – спросила она.

– Конечно, – кивнула госпожа Моосгабр, разливая у плиты по чашкам чай, – он сказал мне еще в прошлый раз, что на празднике его не будет.

– Ведь вдовец, то бишь оптовик, – быстро сказала привратница на диване, – сейчас на Луне. Он больше там, чем здесь. Продает радио, магнитофоны, лампы, обогреватели и, конечно же, телевизоры, уверяю вас, он богачей. Людям на Луне нужны обогреватели, иначе они замерзнут, им нужны и кассеты, и радио, и телевизоры, без них там не проживешь.

Госпожа Моосгабр освободила на столе немного места, отодвинула масло, ваниль, миндаль, изюм и принесла на стол четыре чашки чаю.

– Пейте, – сказала она, – он сладкий. Но если хотите еще подсластить, возьмите сахар из кулька. Я вон там, – она указала на буфет, – потихоньку замешу тесто.

Отпили чаю Штайхёгеры, отпила привратница и наконец отпила госпожа Фабер. Она сидела на стуле все время прямая и холодная, с неподвижным лицом и лишь упорно смотрела перед собой, куда-то на дверь комнаты.

– И живут они в вилле? – беспокойно и удрученно спросила госпожа Штайнхёгер, и госпожа Моосгабр кивнула.

– Они живут в вилле У колодца, шесть, – сказала привратница на диване и подсластила чай сахаром из кулька, – это в квартале вилл Блауэнталя, неподалеку отсюда. Когда идете задами, вы в два счета там. В вилле хрустальные люстры, ковры и картины в золотых рамах, точно в галерее. Там еще мраморная лестница, как в костеле, под ней статуи с лампами, как в присутствии, только с красным светом. Да это что, – махнула привратница рукой и схватилась за шею, – представьте себе, что посреди этого зала фонтан, а в нем плавают красные рыбы.

– Бассейн, – сказала госпожа Моосгабр у буфета, собирая там миску, муку, молоко... – маленький такой бассейн. Из расщепленного стебля вода льется обратно в водоем так же, как в парке у скульптуры, только все гораздо меньше.

– И госпожа Моосгабр, – сказала привратница и отпила немного чаю, – сидела в зале в парчовом кресле и видела уголок столовой сквозь матовые двери. Завтра в этой столовой она будет ужинать и увидит ее всю, я говорила правду, там совершенно так же, как в «Рице». А стол в той столовой вы сами накроете?

– Сама, – кивнула госпожа Моосгабр у буфета, насыпая в миску муки, – когда я села в парчовое кресло...

– Когда она села в парчовое кресло, – быстро сказала привратница на диване и отпила немного чаю, – вдовец спросил ее: «Что вы хотите пить?» – и принес ей ликер на серебряном подносе. Но как-то очень странно, – вдруг сказала привратница и повернулась к Штайнхёгерам, – как-то очень странно, что повсюду на улицах, как вы говорите, столько народу, а полиции нигде никакой. Это все же не демонстрации, оттого полиция и не вмешивается.

– Боюсь, что-то затевается, – беспокойно и удрученно сказала госпожа Штайнхёгер, – это, выходит, не демонстрации, а просто людское скопище, полиции ни на улицах, ни на перекрестках и следа нет.

– Мне кажется, – покачал головой господин Штайнхёгер, – что-то тут кроется.

Штайнхёгеры отпили чаю, но по-прежнему были весьма беспокойны и удручены. Госпожа Фабер тоже отпила и сидела все такая же прямая и холодная, с неподвижным лицом и смотрела перед собой на дверь комнаты. А госпожа Моосгабр у буфета всыпала в миску муку, влила молоко и вбила яйцо. Потом часы у печи пробили половину четвертого, и госпожа Моосгабр сказала:

– Господин оптовик-вдовец сам открыл мне дверь.

– У вдовца, – быстро сказала привратница и схватилась за шею, – светлые волосы, чуть с

просесть, он довольно загорелый, должно быть, загорел на Луне, там он почти постоянно, он и сейчас там, ему пятьдесят. Завтрашний приход госпожи Моосгабр и праздничный ужин будут без него. Там будет экономка с этим... Обероном, – засмеялась она, – и еще студенты, сыновья друзей вдовца, они живут в вилле, но приходят только вечером. А этот Оберон, – засмеялась она, – просто ужас. Представляете, у него длинные черные волосы, черные глаза, длинные ногти, что на мизинцах аж загибаются, и он жуткий сладкоежка. В школе не учится, потому что все знает, но что хуже всего – озорничает. Убегает из дому. Но убегать ему запрещено, в сад и то нельзя, хотя все равно уже осень и там все опустело, правда же, госпожа Моосгабр, что ему там делать? Вот и надевает он свой черный плащ и где-то по полдня шляется...

– Надевает свой черный плащ и шляется, – кивнула госпожа Моосгабр задумчиво и начала у буфета замешивать тесто, – да, шляется. В Боровицине, Алжбетове... – госпожа Моосгабр подлила в тесто молока и добавила еще кое-что из глубины буфета, куда и заглянуть было трудно, – на «Стадионе», в Керке...

– Аж в Керке, подумать только, – засмеялась привратница, – расскажите лучше, что он делает с экономкой. Вот ужас-то!

– Ну что он делает с экономкой, – покачала головой госпожа Моосгабр у буфета, продолжая замешивать тесто, – все делает ей назло. Пугает ее. Бросает к красным рыбам в бассейн черную страшную рыбу, чтобы экономка до смерти испугалась, и еще запирает ее в погребу.

– Какой ужас, – проговорила испуганно госпожа Штайнхёгер, а господин Штайнхёгер тряхнул головой и сказал:

– Какой ужас. И за таким мальчиком, госпожа Моосгабр, вы должны присматривать?

– За таким мальчиком госпожа Моосгабр должна присматривать, – кивнула привратница и схватилась за шею, – и вдовец посоветовал госпоже Моосгабр, как присматривать. Она должна с ним беседовать о его тайных науках или же просто сидеть в соседней комнате при открытых дверях.

– Или в зале, – кивнула госпожа Моосгабр у буфета и добавила в тесто щепоть соли, – если я буду в зале, он тоже не ускользнет.

– А можно и припугнуть его, – засмеялась привратница и отпила чаю, – но госпожа Моосгабр с ним наверняка справится. Госпожа Моосгабр с самим чертом бы справилась. Но госпожа Моосгабр, собственно, еще не знает его.

– Собственно, не знаю, – кивнула госпожа Моосгабр задумчиво и добавила еще кое-что из глубины буфета, куда и заглянуть было трудно, – не знаю, я, собственно, не знаю его.

– Все это госпожа Моосгабр слышала лишь от госпожи Кнорринг и от вдовца, – кивнула привратница на диване, – в тот раз, когда она пришла к ним, он был в цирке, госпожа Моосгабр даже экономку еще не видала. Экономка не справляется с мальчиком, и госпожа Моосгабр будет за ним присматривать. Госпожа Моосгабр будет там воспитательницей. Но вы почти не пьете, – сказала привратница Штайнхёгерам и госпоже Фабер, – пейте чай.

– Пейте, – кивнула госпожа Моосгабр задумчиво, обтерла руки о фартук и подошла к печи подложить еще поленце, – на дворе нынче сыро и холодно.

– Зато здесь тепло и приятно, – засмеялась привратница, – ваша кухня, госпожа Моосгабр, всегда была такой уютной, и сидеть здесь на этом диване – одно удовольствие. А сегодня ко всему прочему здесь еще такой замечательный аромат, – сказала она и снова оглядела стол, ваниль, масло, изюм, миндаль, белый кулек с сахаром... и перевела взор на буфет, где было тесто и, как она сейчас заметила, еще кое-что из глубины буфета, куда и заглянуть было трудно, посмотрела она и на плиту, где стояла миска творога, и схватилась за шею. – Госпожа Моосгабр любит печь, – сказала она и опять схватилась за шею, – но это, верно, стоило вам немалых

денег, пирожки будут как из лучшей кондитерской. Взгляните, чего только нет у госпожи Моосгабр на буфете за этим тестом... – привратница повернулась к Штайнхёгерам и к госпоже Фабер, и Штайнхёгеры беспокойно и удрученно кивнули. Однако госпожа Фабер по-прежнему сидела прямая и холодная, смотрела перед собой на дверь комнаты, и на ее лице не дрожал ни один мускул.

– Эта бочка с известкой все еще стоит тут, – сказала госпожа Моосгабр у буфета, теперь она уже месила тесто, – не знаю, что будет, если в нее и вправду кто упадет.

– Но всему приходит конец, – сказала привратница, – леса почти разобраны, разве что стойки перед окном вашей комнаты еще остались. Но после праздника и их уберут, а потом и кирпичи, и тачку, и бочку с известкой, что у ваших дверей. Если кто упадет в бочку, – сказала привратница, – даже не знаю, что будет. Может, человек станет просто белым, а может, растворится совсем.

– Не растворится, – сказал господин Штайнхёгер, – но изрядно промокнет, а может, и утонет. Встретил я недавно в проезде двоих, – беспокойно сказал господин Штайнхёгер, – не была ли это случайно полиция?

– В третий раз ко мне приходили, – кивнула госпожа Моосгабр у буфета, она месила на доске тесто, – в третий раз были здесь.

– Но скажите, пожалуйста, – выпалила привратница и схватилась за шею, – скажите, пожалуйста, что они хотели? Опять пришли спрашивать, где вы родились, кто родители, про школу да про Кошачий замок?

– Но главное теперь другое, – покачала головой госпожа Моосгабр, – как я ходила в Черный лес. И не случилось ли там со мной чего-нибудь, когда я была маленькая. Не приключилась ли там какая-нибудь загадочная история. Не видала ли я там огромную мышь, или льва, или еще что-то...

– Да вы что, льва в лесу! – засмеялась привратница так, что даже качнулась на диване, а вместе с ней и Штайнхёгеры, потому что сидели рядом, – вот уж, право, вопросыки, разве львы бывают в лесу? Львы живут только в пустыне.

– Львы живут в пустыне и в джунглях, – кивнул господин Штайнхёгер, – у нас их нет, разве только в зоо.

– Пришли посмотреть, как я живу, – сказала госпожа Моосгабр у буфета, продолжая месить на доске тесто, – в третий раз пришли посмотреть, как я живу. Как долго я, мол, здесь. Я сказала, что без малого век, по меньшей мере пятьдесят лет каждый здесь меня знает. И еще они рассказали какое-то предание о Кошачьем замке, и почему он так называется, и что там мышей было видимо-невидимо, и что когда-то ходил туда крысолов, и еще спрашивали, хожу ли я на могилу мужа под Этлихом. Не раз заговаривали и о Везре, точно не верили мне, что он вернулся из тюрьмы, на этот раз спросили меня, почему я никогда не имела киоска, если так мечтала о нем, пришлось им сказать, что Везр всегда обирал меня. А под конец, – сказала госпожа Моосгабр, не переставая месить тесто, – под конец написали рапорт и попросили у меня воску. Я дала им свечу.

– Им надо было его запечатать? – спросил господин Штайнхёгер, и госпожа Моосгабр кивнула.

– Наверное, надо было, – засмеялась привратница, – полиция же.

– Я дала им печатку из столика, что в комнате, – сказала госпожа Моосгабр у буфета и потом подошла к столу за ванилью и миндалем.

– Вы говорите, что полиция всегда такая вежливая, когда приходит к вам, – сказала привратница и отпила чаю, – но знаете, госпожа Моосгабр, она всегда вежливая. Она еще и очень извиняется, что вас беспокоит.

– Извиняется, – кивнула госпожа Моосгабр задумчиво и прикрыла тесто на буфете салфеткой, видимо, чтобы взошло, потом вытерла руки о фартук и тоже села на стул.

И в кухне на минуту воцарилась тишина. Потом часы у печи пробили четыре, и в проезде раздался стук.

Госпожа Моосгабр встала, но была спокойна.

– Кто-то, верно, идет, – сказала она сухо.

– Оставайтесь здесь, – сказала привратница, – я сама отворю. – И она во второй раз встала с дивана и вышла в коридор открыть дверь.

Вдруг из коридора донеслись какие-то голоса, голоса, каких здесь, пожалуй, никогда еще не раздавалось, – никто и глазом не успел моргнуть, как в кухню вошли трое. Высокая стройная женщина с тонким надменным лицом и с черной папкой, а за нею – два господина.

– Мы, наверное, не вовремя, – сказала высокая стройная женщина с черной папкой, оглядев кухню, – у вас гости.

– Соседи по дому, – сказала госпожа Моосгабр, почти не веря своим глазам, – это Штайнхёгеры и госпожа Фабер, наверное, вы ее помните, помните с похорон... А это госпожа Кнорринг из Охраны и господин Смирш с господином Ландлом. Схожу в комнату, – сказала госпожа Моосгабр, не веря своим глазам, – за стульями.

Штайнхёгеры встали с дивана и поклонились, а госпожа Фабер на стуле, прямая и холодная, оторвала взгляд от двери комнаты и кивнула. Штайнхёгеры хотели проститься и уйти, возможно, госпожа Фабер – тоже, но госпожа Кнорринг покачала головой.

– Не беспокойтесь, – сказала она, – мы всего на минутку. Идем с репетиции хора, перешли перекресток у торгового дома «Подсолнечник» и вот зашли сюда.

Тем временем госпожа Моосгабр принесла из комнаты стулья, госпожа Кнорринг расстегнула пальто и, не выпуская из руки ноты, села. Потом сели господин Смирш и господин Ландл. Госпожа Кнорринг снова кивком попросила Штайнхёгеров сесть, и Штайнхёгеры, беспокойные, удрученные, снова сели на диван рядом с привратницей.

– Мы зашли к вам, госпожа Моосгабр, – сказала госпожа Кнорринг и обвела взглядом стол, буфет и плиту, – чтобы сказать вам, что Охрана действительно уже переехала. Мы уже в Керке в одноэтажном доме, адрес я вам дала в прошлый раз. В нашей бывшей Охране сейчас тюрьма. И в моей канцелярии, и рядом у господ Ротта и Кефра, и в залах ожидания, и в коридорах, и на верхнем этаже – всюду тюрьма, а где тюрьма, там и люди. Перестраивать ничего не пришлось, на окнах уже были решетки, потому они и выбрали этот дом. Возможно, – госпожа Кнорринг огляделась, – заберут под тюрьму еще кое-что. Например, один приют, принадлежащий епископскому совету. Он в тихой боковой улочке, и на первом этаже там тоже решетки. Но кажется, – госпожа Кнорринг посмотрела на стол и на буфет, – госпожа Моосгабр печет. Пирог на завтра. Ах, какой аромат!

– Пирог на завтра, – кивнула госпожа Моосгабр у буфета и открыла тесто, – жаль, не могу вас угостить. Пока испеку, будет вечер, целый день пеку. Кладу туда ваниль, изюм, миндаль...

– Она цельный день печет, – тут же кивнула привратница, сидя на диване, и схватилась за шею. – Однажды она уже пекла цельный день такие пирожки. Госпожа Моосгабр угостит вас хотя бы чаем. – И когда госпожа Моосгабр кивнула и отошла от открытого теста на буфете к плите, привратница сказала: – Госпожа Моосгабр берет эти пирожки на завтрашний ужин к вдовцу. Взгляните, чего только нет у нее, и масло тоже. Вон там на буфет она только что положила ваниль и миндаль, а сколько у нее еще за этой миской с тестом всяких пакетиков и коробочек! Вот здесь, в этом кульке на столе, – привратница указала, – сахар.

– Пирожки будут несомненно хорошие, – кивнула госпожа Кнорринг, оглядывая стол и буфет, и переложила ноты из одной руки в другую, – жаль, что господина Фелсаха не будет

дома, он уже на Луне. Дома останутся только мальчик и экономка, а может, еще придут студенты. Очень интересно, – госпожа Кнорринг поглядела на госпожу Фабер, которая сидела прямая и холодная, с неподвижным лицом и уже снова смотрела перед собой, поглядела и на Штайнхёгеров, сидевших на диване рядом с привратницей, по-прежнему беспокойных и удрученных, – очень интересно, как пройдет завтрашний праздник. Люди волнуются... – Она посмотрела на господина Смирша – как и господин Ландл, он все время молчал и только озирался кругом.

– На площади Анны-Марии Блаженной и на площади Раппельшлунда скопища людей, – беспокойно сказал господин Штайнхёгер.

– Их полным-полно и на перекрестке у торгового дома «Подсолнечник», – беспокойно и удрученно сказала госпожа Штайнхёгер, – но когда мы шли, люди уже расходились.

– Они снова там, – сказала госпожа Кнорринг и задумчиво поглядела перед собой, – они у Государственной оперы, и на проспекте Дарлингера, и у театра «Тетрабиблос». Они и перед Академией музыки, и перед протестантской часовней на улице Джузеппе Верди, и перед кафедральным собором святого Кvido Фонтголландского. Они и у редакции «Расцвета». А что вы на это скажете? – Госпожа Кнорринг повернулась к господину Смиршу. – Минуту назад мы с вами видели, что творится у редакции «Расцвета»...

– Не знаю, мадам, что и сказать, – пожал плечами господин Смирш, – там всегда люди. Обмениваются марками, говорят о спорте, о трансплантациях, о небе... и на площадях и на улицах в канун именин княгини людей всегда предостаточно, десятилетиями уж так повелось.

– Но сегодня все иначе, – сказала госпожа Кнорринг сухо и, переложив ноты из одной руки в другую, посмотрела на часы у печи, – сегодня люди у «Расцвета» не обмениваются марками. Сегодня там не говорят о фукусах и прочих водорослях. Нынче людей повсюду больше, чем в прошлые годы, а в городе особое напряжение. И ладана нынче как-то меньше, чем прежде.

– Его действительно мало, – беспокойно сказал господин Штайнхёгер, – но говорят, что сегодня развезут по москательным лавкам дополнительные мешки.

– Муж купил ладан вчера, – удрученно сказала госпожа Штайнхёгер, – но москательщик дал ему только четверть кило. Велел сегодня снова прийти. Зато вина вдосталь.

– Вина вдосталь, – кивнула госпожа Кнорринг и прижала ноты к груди, – а ладана мало. Значит, госпожа Моосгабр, завтра вы приступаете к работе у господина Фелсаха. Видно, ждете не дождетесь...

– Завтра приступаю, – кивнула госпожа Моосгабр задумчиво у плиты и налила чаю в три чашки.

– Она завтра приступает, – сказала привратница на диване, – в столовой будет ужин. Отметят приход госпожи Моосгабр, а также именины княгини. Госпожа Моосгабр сама накроет стол, а экономка и этот Оберон будут окуривать и украшать окна, по крайней мере, Оберон не удерет из дому. Вдовец, – сказала привратница и схватилась за шею, – сказал, что в государственный праздник мальчику нельзя выходить из дому. Ведь правда, госпожа Моосгабр, вдовец так сказал? – И госпожа Моосгабр кивнула и поставила на стол еще три чашки чаю.

– Ему нельзя выходить из дому, в сад и то нельзя, и главное – до ужина, – сказала госпожа Моосгабр задумчиво и перенесла изюм на буфет, чтобы на столе было больше места. А потом сказала: – Угощайтесь, госпожа Кнорринг, угощайтесь, господа. Если не очень сладко, в этом кульке – сахар.

– А как вы поживаете, госпожа Фабер? – спросила госпожа Кнорринг госпожу Фабер и вскинула голову.

Госпожа Фабер лишь пожала плечами, кивнула, но продолжала сидеть прямая и холодная, и на ее лице не дрогнул ни один мускул. Наконец она взяла чашку и немного отпила,

Штайнхёгеры на диване покивали головой и тоже чуть отпили.

– Леса уже снимают, – сказала привратница, – работам уже конец. После праздника уберут кирпичи, тачку и бочку с известкой, что у двери госпожи Моосгабр. Если бы кто в бочку упал, так промок бы насквозь, а то и совсем утонул бы.

– И ослепнуть бы мог, – сказал господин Штайнхёгер и отпил чаю.

– Теперь у вас, госпожа Моосгабр, будет больше работы, – сказала госпожа Кнорринг и рукой, в которой не было нот, поднесла чашку ко рту и отпила немного чаю, – больше будет работы, если начнете ходить к Фелсахам, а справиться – с этим вы определенно справитесь.

– Госпожа Моосгабр определенно с этим справится, – сказала привратница на диване, – сейчас зимой ей не надо так часто ходить на кладбище, разве что на Душички, ведь вы, госпожа Моосгабр, получите цветы и хвою...

– Я уже получила, – кивнула госпожа Моосгабр, наводя порядок на буфете, где стояла миска с тестом, – я уже получила и убрала свои могилы. Положила цветы и хвою. Ведь день-другой – и будут Душички. К сожалению, не знаю пока, – сказала она, продолжая наводить порядок на буфете, где стояла миска с тестом, – попаду ли я в этом году на кладбище под Этлихом. На кладбище в Дроздов, на могилу мужа. На могилу мужа, возчика на пивоварне.

И госпожа Моосгабр у буфета положила на доску немного муки, отрезала кусок теста и начала делать пирожки.

– Теперь верю, что эта работа продлится до вечера, – сказал господин Смирш, глядя на буфет, – такие пирожки – не шуточное дело.

– Я тоже верю, – кивнул и господин Ландл, – такие пирожки – не шуточное дело, особенно если только сейчас начинаете их нарезать.

– И кладете в них всякую всячину, – кивнула госпожа Кнорринг, – на буфете у вас целая кондитерская фабрика, чего только нет там у вас, хотя я и не могу всего разглядеть, там довольно темно. Послушайте, госпожа Моосгабр, – сказала вдруг госпожа Кнорринг и посмотрела на Штайнхёгеров, на госпожу Фабер и на привратницу, – госпожа Моосгабр, я хочу спросить вас кое о чем. Не знаете ли вы случайно, – госпожа Кнорринг открыла ноты, которые все время держала в руке, – не знаете ли случайно некую Мари Каприкорну?

Привратница на диване подпрыгнула, ойкнула, а госпожа Моосгабр у буфета перестала делать пирожки.

– Мари Капри, – сказала она удивленно, – Мари Капри?

– Мари Каприкорну, – кивнула госпожа Кнорринг, а господин Смирш тоже сказал: «Мари Каприкорну», и господин Ландл повторил; «Мари Каприкорну».

– Верно, в сотый раз, – засмеялась привратница, – все спрашивают об этом госпожу Моосгабр. Я тоже госпожу Моосгабр об этом однажды спросила, правда, уже давно, еще когда Набуле замуж выходила. А потом об этом вас спрашивала госпожа Айхенкранц на кладбище и еще госпожа Линпек, когда мы с вами были в метро на станции «Кладбище». Все спрашивают о Мари Каприкорне.

– Госпожа привратница Кральц права, – кивнула госпожа Моосгабр, продолжая весьма изумленно смотреть на госпожу Кнорринг, на господина Смирша и господина Ландла, – все спрашивают о Мари Капри. Но я ничего не знаю о ней, я вообще ее не знаю. Знаю только, что вроде есть на свете какая-то Мари Капри и что она экономка, это, кажется, сказала нам госпожа Линпек, а больше я ничего не знаю. А вы, госпожа Кнорринг, знаете что-нибудь поподробнее?

– Я знаю так же мало, как и вы, – сказала госпожа Кнорринг и посмотрела в ноты, – и так же мало, как и господин Смирш и господин Ландл. Я слышу, что иной раз говорят о ней, и более ничего. Никто ничего не знает, – потрясла головой госпожа Кнорринг, устремив взгляд в пустоту, – это как раз и странно. Если бы кто-то что-то знал поподробнее, все было бы в

порядке, но с кем ни говоришь – никто ничего не знает. Если ни вы ничего не знаете, ни вы, – госпожа Кнорринг посмотрела теперь и на привратницу, – если ничего не знает ни госпожа Айхенкранц, ни даже госпожа Линпек, то это еще более странно. Вы кладете в пироги довольно много сахара, – посмотрела она в сторону буфета, где госпожа Моосгабр опять взялась за работу.

– Я кладу довольно много сахара, – кивнула госпожа Моосгабр, – и еще творог. Люблю печь. Но знаете, только время от времени. А вообще все больше ем картошку и кукурузную кашу.

– А теперь будете есть ветчину и салаты, – засмеялась привратница, – пить вино и лимонад, теперь, когда станете приглядывать у вдовца, у вас начнется распрекрасная жизнь.

– Вино, лимонад, ветчину и салаты, – кивнула госпожа Моосгабр и снова передвинула вещи на буфете, где стояла миска с тестом, а из того, что находилось где-то в глубине и не было видно, чуточку добавила, – и такое возможно. Но все равно у меня из головы не выходит Мари Капри. Кто это может быть? Экономка, а дальше что? Я ведь действительно совсем не знаю ее.

– Ну и не думайте об этом, госпожа Моосгабр, – засмеялась привратница, – вы же помните, что я вам однажды сказала. Если человек начнет думать обо всех людях на свете, у него просто расколется голова, куда ж это годится. А этот Оберон, сынок вдовца, – привратница засмеялась, – наверное, ужасный, госпожа Моосгабр, вы даже не досказали, что о нем знаете. У него длинные черные волосы, черные глаза, длинные ногти, носит он черный плащ, убегает из дому, жуткий сладкоежка... – привратница посмотрела на буфет, где вдруг появилась какая-то цветная коробочка, – неслух, строптивый, упрямый, все делает назло экономке... он... – привратница обратилась к госпоже Кнорринг, к господам Смиршу и Ландлу: – Он запускает в бассейн большую черную страшную рыбу, чтобы напугать экономку, или запирает ее в погребе. Но, госпожа Моосгабр, – привратница посмотрела на госпожу Моосгабр, которая продолжала у буфета делать пирожки, – вы в прошлый раз сказали, что он творит еще и другие вещи. Что когда разозлится, отшвыривает блюдо, которое подает ему экономка, и ничего в рот не берет.

– Отшвыривает блюдо и ничего в рот не берет, – кивнула госпожа Моосгабр и подошла к плите посмотреть на творог, – не берет в рот даже фукусов и других водорослей, которые вечером подает ему экономка, и еще брыкается.

– А случается, – засмеялась привратница и опять поглядела на цветную коробочку, которую сейчас было неплохо видно, – а случается, он хватает в столовой это блюдо и бац им об стол. А экономка ходит потом сама не своя.

– Ходит сама не своя, – кивнула госпожа Моосгабр задумчиво, – потому что до этого бранила его, чтобы не шлялся. Поэтому ей даже лучше его не бранить. Озорничает он, видать, много, всех мучит, терзает, ему грозит спецшкола и исправительный дом. Господин вдовец, – сказала она, продолжая делать у буфета пирожки, – опасается этого. Сын ведь может стать чернорабочим, поденщиком. Но впрочем, я не знаю его, я его еще не видала.

– Справитесь с ним, – кивнула госпожа Кнорринг и посмотрела в ноты, – добьетесь его уважения. Главное, разговаривайте с ним о науках. Бон, – она снова посмотрела в ноты, – эта партия сопрано действительно самая трудная. Разучить ее, – госпожа Кнорринг окинула всех взглядом, – крайне трудно.

– А вы что предпочитаете разучивать? – отозвался господин Штайнхёгер, он по-прежнему был беспокоен и удручен, как и его жена. – Какую-нибудь песнь?

– «Реквием», – сказала госпожа Кнорринг, – самый грандиозный «Реквием», который когда-либо звучал здесь. Две тысячи певцов будут петь, и три тысячи музыкантов играть, причем число их постоянно растет. Эти господа, – она указала на господ Смирша и Ландла, –

играют на валторнах.

– На валторне или на лесном роге, – кивнул господин Смирш и отпил немного чаю, – играть очень трудно. Единственное наше преимущество, что мы, оркестранты, не должны учить это наизусть. Голоса должны, а мы нет. Мадам, которая поет партию сопрано, должна все знать наизусть, на премьере запрещается заглядывать в ноты, наизусть учат и тенора, и басы. Басы, мадам, – господин Смирш повернулся к госпоже Кнорринг, – в лучшем положении. Их партия – из самых легких.

– Пожалуй, – кивнула госпожа Кнорринг и отпила чаю, – апропо, то, что происходит, действительно странно. Как я уже сказала, в городе напряжение, люди взволнованны. Везде и всюду – на площадях, у «Расцвета», на здешнем перекрестке. Перед оперой, перед театром «Тетрабиблос», перед протестантской часовней на улице Джузеппе Верди. Перед Академией музыки и перед кафедральным собором святого Квидо Фонтголландского. И у меня разные предчувствия. У меня разные странные предчувствия, – госпожа Кнорринг вскинула голову и поглядела на госпожу Фабер, которая сидела прямая и холодная, смотрела перед собой, и на ее лице не дрожал ни один мускул, – у меня были предчувствия еще раньше, даже когда госпожа Моосгабр была у нас по поводу Айхенкранц и Линпек. Уже тогда у меня были разные предчувствия, – госпожа Кнорринг поглядела в сторону буфета, где госпожа Моосгабр делала пирожки, – но сегодня, в канун именин княгини правительницы, эти мои предчувствия еще больше усилились. То, что мы видели, господин Смирш, перед «Расцветом», как я уже сказала, непривычно, как непривычно и то, что творится на площадях и улицах, перед Оперой или Академией музыки или перед собором святого Квидо Фонтголландского. Господин Ротт прав: надо смотреть фактам в лицо и без конца не утаивать что-то. Господин Ротт не пришел сегодня на работу, извинился и сказал, что идет покупать ружье. И господин Кефр, как мне кажется, уже обучен господином Роттом. Он в нашем деле собаку съел, знает, что делать.

– Мадам, я лишь говорю, – сказал господин Смирш, глядя, как госпожа Моосгабр у буфета делает пирожки, – я лишь говорю, что не выношу некоторых разговоров. Господин Ротт заходит в них очень далеко, а я не выношу этого ни дома, ни тем более в учреждении. Я уже сказал однажды, что это вызывает только раздражение.

– Но я тоже сказала, – затрясла головой госпожа Кнорринг и посмотрела на Штайнхёгеров и привратницу, – у кого именно это вызывает раздражение. Люди собрались в городе по собственному желанию, они знают, что положение ухудшается, и у меня разные странные предчувствия. Конечно, господин Фелсах прав, он хочет, чтобы его сын завтра не выходил из дому, – сказала госпожа Кнорринг госпоже Моосгабр у буфета, – на Луне он хочет быть уверен, что здесь, на Земле, мальчик в полном порядке. Он хочет быть уверен, что мальчик будет дома и ни во что не ввяжется. Он еще мал, чтобы ходить по улицам, для него куда лучше сидеть дома, окуривать комнаты и выставлять в окна разные вещи, госпожа Моосгабр за ним приглядит. У вас, господин Смирш, – сказала госпожа Кнорринг сухо, – у вас в семье, наверное, тоже выставляют на именины княгини в окна цветы, свечи, бокалы с вином и пироги, как и во всех прочих домах, не так ли? Или вы все это делаете на именины Раппельшлунда?

– Нет, – покачал головой господин Смирш, – нет, конечно.

– Вот видите, – сказала госпожа Кнорринг и посмотрела на Штайнхёгеров, одобрительно кивнувших, – хотя бы это. Полиции, – сказала госпожа Кнорринг и посмотрела на госпожу Моосгабр, – полиции на улицах вообще нет.

– Да, полиции на улицах нет, – кивнула госпожа Штайнхёгер удрученно, – нигде ни одной униформы. Мы как раз говорили об этом.

– Да, мы говорили об этом, – кивнул господин Штайнхёгер, – это пока не демонстрации, и потому полиция не разгоняет народ. Однако я думаю, – господин Штайнхёгер покачал

головой, – здесь кроется что-то другое.

– Завтра полиция выйдет, – махнул рукой господин Смирш, – она в полной боевой готовности. В сегодняшней газете сообщают, что председатель Раппельшлунд принял министра полиции Скарцолу.

– Да, принял, – улыбнулась госпожа Кнорринг господину Смиршу, – а как он мог его не принять? Однако и то правда, что полиции на улицах нет и что между министром Скарцолой и господином Раппельшлундом существуют какие-то трения. – Госпожа Кнорринг снова улыбнулась, и Штайнхёгеры на диване кивнули и чуть улыбнулись.

– По-моему, – сказал господин Штайнхёгер, – полиция очень сдержанна и не собирается особенно вмешиваться. По-моему, если завтра дойдет до дела, господин председатель на нее не.....

– Это все разговоры, – тут же сказал господин Смирш довольно резко, – это именно то, чего я не выношу и не желаю слушать. Господин Ротт вчера сказал, что люди хотят видеть княгиню и говорить с ней и что полиция не будет препятствовать этому. Как же так, – спросил господин Смирш довольно резко, – разве государство не оплачивает полицию? Разве она не должна быть на службе у государства? Она должна быть на службе у государства так же, как и армия, ее оплачивает государство. Я в этих требованиях и маневрах вижу опасность для государства.

– Но, господин Смирш, – улыбнулась госпожа Кнорринг и устремила взгляд к буфету, где госпожа Моосгабр продолжала делать пирожки, что-то передвигая и задвигая, – почему же опасность для государства? Разве люди не имеют права наконец знать, что с княгиней? Разве можно без конца это утаивать? Ведь официально она правит вместе с председателем, так пусть он и покажет ее народу. Мы хотим знать, во дворце ли она или где-то скрывается, и Раппельшлунд разыскивает ее для того, чтобы... – госпожа Кнорринг на минуту замолчала, потом вскинула голову и сказала: – Для того, чтобы умертвить. Или он уже давно умертвил ее, и она, как говорят, отошла в лучший мир. Люди спустя десятилетия хотят наконец знать правду. Нормально ли, что с тех пор, как к власти пришел Раппельшлунд, запрещено говорить о княгине, а тому, кто о ней узнает и не сообщит, куда следует, угрожают расстрелом, и не только ему, а всей его семье. В чем опасность для государства, если это наша правительница? В чем опасность для государства, если официально на всех портретах она вместе с Раппельшлундом, если о ней пишут статьи и дети изучают ее родословную, если народ на ее именины выставляет в окнах цветы, свечи, вино, пироги и окуривает квартиры, тогда как на именины Раппельшлунда вывешивают флаги лишь на государственных зданиях да на площади его имени украшают его статую, а в остальном по всей стране, по всему городу... простите мне это выражение... – госпожа Кнорринг огляделась и улыбнулась, – никто и плюнуть не захочет в его сторону.

В кухне ненадолго воцарилась тишина. Госпожа Моосгабр дорезала на буфете тесто для пирожков и подошла к плите за творогом, госпожа Фабер сидела на стуле прямая и холодная и с неподвижным лицом смотрела перед собой, а Штайнхёгеры и привратница на диване одобрительно кивнули. Господин Смирш молчал, господин Ландл тоже. Господин Ландл потягивал чай.

– Мадам права, – сказал наконец господин Ландл, – это так. Люди взволнованны, город возбужден. Завтра может что-то произойти.

– Апропо, этот Оберон, – сказала госпожа Кнорринг и устремила взгляд на госпожу Моосгабр и на вещи, которые стояли на буфете, сейчас уже и она заметила там цветную коробочку, – как я сказала, вы его немало развлечете, если иной раз побеседуете и о его интересах. Об этих оккультных науках.

– Я в них не разбираюсь, – задумчиво сказала госпожа Моосгабр и стала накладывать на тесто творог, – я выслушаю его, кое о чем расспрошу...

– Он и другие ученые книги читает, – засмеялась привратница, – и пометки к ним делает. Он и лекции студентов читает, и разговаривает как взрослый. Как писатель, правда же, госпожа Моосгабр, хотя ему только четырнадцать.

– Как взрослый, как писатель, – кивнула госпожа Моосгабр, продолжая накладывать на тесто творог, а потом изюм и миндаль. – И занимается оккультными науками, если это правильное слово...

– Наверное, он ужасно умный, – кивнула привратница на диване в сторону госпожи Кнорринг, – я это сразу поняла, когда госпожа Моосгабр мне сказала, что он гений.

В этот момент часы у печи пробили полпятого, и господин Смирш неожиданно тряхнул головой.

– Послушайте, – сказал он каким-то странным голосом и огляделся в кухне, – все равно это странно...

Госпожа Кнорринг вскинула голову и посмотрела на него, посмотрели на него и привратница и Штайнхёгеры, только госпожа Фабер по-прежнему сидела прямая и холодная и с неподвижным лицом смотрела перед собой, а госпожа Моосгабр продолжала накладывать на тесто творог, изюм и миндаль.

– Что странно? – спросила госпожа Кнорринг. – Что в городе волнения?

– Странно, – пожал плечами господин Смирш и отпил чаю, – странно. Все как-то странно. У этого Оберона Фелсаха, стало быть, длинные черные волосы, черные глаза и такие длинные ногти, что аж загибаются, он любит носить черный плащ и занимается оккультными науками.

Голос господина Смирша по-прежнему звучал очень странно, и все смотрели на него, и господин Ландл тоже, только госпожа Моосгабр у буфета накладывала на тесто творог, изюм и миндаль, а госпожа Фабер сидела прямая и холодная и смотрела перед собой.

– Хорошо, – продолжал господин Смирш и положил палец на край стола, – а сейчас поговорим об Айхенкранце с кладбища и о Линпекке с подземной станции «Кладбище». Айхенкранц, если вспомним, что рассказывала о нем госпожа Моосгабр, стрелял на кладбище в ворон, разговаривал с белкой, подражал полету птицы и в одном месте в парке вдруг как сквозь землю провалился. Линпек же, если вспомним, разговаривает сам с собой, точно с кем-то другим, видит сны, будто он летает, и, кроме того, обожает огонь. А у этого Фелсаха, – господин Смирш постучал пальцем по столу, – длинные черные волосы, черные глаза, длинные ногти, он носит черный плащ, он гениальный, как вы говорите, и занимается оккультными науками. Все это как-то странно, – сказал он все таким же странным голосом и вдруг, оглядев кухню, встал и сказал: – Один разговаривает со зверями, летает и умудряется проваливаться сквозь землю. Второй разговаривает сам с собой, будто с кем-то другим, летает во сне и больше всего на свете любит огонь. А у третьего длинные волосы, черные глаза, загнутые ногти, черный плащ, и он занимается оккультными науками. Всем им по двенадцать, тринадцать, четырнадцать лет. Да, – сказал господин Смирш, продолжая все время стоять и смотреть в сторону плиты, – мне все это казалось странным еще раньше. Мне это казалось странным давно. Станным очень и очень давно. Еще когда госпожа Моосгабр приходила в Охрану по поводу Айхенкранца, еще когда госпожа Моосгабр приходила туда по поводу Линпека, но я молчал. Но теперь мне все это кажется чрезвычайным. Мне кажется, – сказал господин Смирш и огляделся в кухне, – что эти три случая вообще не имеют никакого отношения к Охране матери и ребенка, это нечто совсем другое. Это уже из сферы Государственного трибунала. – И господин Смирш, опустив глаза долу, сказал: – Они, очевидно, должны быть в списке тех, кто связан с дьяволом.

В кухне воцарилась тишина. Глубокая, глубочайшая тишина, какой здесь, пожалуй, никогда еще не было. Какой здесь, пожалуй, не было ни тогда, когда приходил Везр, ни тогда, когда приходила полиция. Привратница, побледнев, сидела на диване, будто громом

пораженная. Штайнхёгеры остолбенело таращили глаза на господина Смирша, господин Ландл смотрел на него взволнованно, растерянно и изумленно. Госпожа Моосгабр у буфета перестала делать пирожки и стояла как столб. И даже госпожа Фабер на стуле, до этой минуты прямая и холодная, оторвала вдруг взгляд от двери комнаты, посмотрела на господина Смирша, и на ее лице вдруг дрогнул мускул.

Госпожа Кнорринг вскинула голову, посмотрела на господина Смирша, и ее тонкое, надменное лицо вдруг сделалось каменным.

– Господин Смирш, – проговорила она не своим голосом, и ноты в руке задрожали от охватившего ее возбуждения, – прежде всего сядьте. – И когда господин Смирш снова сел, госпожа Кнорринг сказала: – То, что вы говорите, так неожиданно, так непонятно, что в первую минуту я не могла даже определить, всерьез ли вы это думаете. В жизни иногда случается нечто, перед чем человек просто цепенеет и не сознает, во сне это или наяву, среди людей он или в каком-то невысказанном астрале. С этого обычно начинается агония, и человек приходит в себя уже в больнице. Но вы высказались вслух, это отнюдь не сон и не видение, и поэтому я должна откликнуться. И не только. Я должна откликнуться тотчас, поскольку все слышала своими ушами, и не хочу, чтобы когда-нибудь обо мне говорили, что я нечто такое слышала и молчала. Так вот, господин Смирш, – госпожа Кнорринг смотрела на господина Смирша, и на лице ее не дрогнул ни один мускул, – то, что вы сказали, глубочайшее заблуждение. Но это и самое серьезное обвинение, которое может быть высказано. За всю мою практику в Охране, за все эти двадцать лет, что я там, кроме одного случая, мы еще никогда не сталкивались с чем-то подобным, и никто из наших сотрудников ни в чем подобном никого не обвинял. Понимаете ли вы, господин Смирш, что вы вообще говорите?

– В самом деле, невозможно, – очнулся теперь и господин Ландл, – всякое возможно, но не это, только не это, господин Смирш. Этого вы в самом деле не должны говорить.

– Ради Бога, не надо, – сказала госпожа Штайнхёгер на диване, она дрожала всем телом, голос у нее был удрученный, измученный, и господин Штайнхёгер возле нее быстро завертел головой и возбужденно сказал:

– Хоть я и не знаю этих мальчиков, но это, господин, невозможно. Решительно, это не так. Всерьез вы так не думаете.

И привратница, бледная и будто громом пораженная, теперь тоже очнулась, схватилась за оголенную шею и выпалила:

– Нет, только не это. Только не это. Я вас, господин, хоть и не знаю, но мне кажется, что вы перегнули палку. Я знаю госпожу Айхенкранц и госпожу Линпек, знаю этих мальчиков по рассказам госпожи Моосгабр, и это решительно не так.

И госпожа Кнорринг снова холодно посмотрела на господина Смирша и сказала:

– Да. Если дело дойдет до подобного предложения, я выступлю против и призову на помощь весь авторитет своей организации. Я его не приму. За все двадцать лет моей практики в Охране был лишь один случай, который произошел пятнадцать лет назад с восьмилетним мальчиком, круглым сиротой Наполеоном Сталлруком. И знаете, что из этого вышло?! До сих пор вся страна говорит об этом. Я тогда воспротивилась. Вся моя Охрана воспротивилась.

– И все без толку, – сказал господин Смирш, опустив глаза долу.

– Да, – воскликнула госпожа Кнорринг, и лицо ее было ужасно бледным, надменным и холодным, и ноты дрожали в ее руках, – да. Потому что он был отдан под Трибунал. Потому что в этом был замешан ничтожный доносчик, которого следовало самого поставить перед Трибуналом и публично осудить. Тогда, – госпожа Кнорринг обратилась к привратнице, к Штайнхёгерам, к госпоже Фабер и к госпоже Моосгабр у буфета, – тогда этого мальчика по доносу ничтожного преступника схватили возле моста в Линде, повезли в Государственный

трибунал и занесли в список. Допрашивали этого восьмилетнего мальчика десять дней и ночей и доказали ему, что он летает по воздуху и может двигать камни, хотя к нам в Охрану он попал лишь потому, что некая подлая учительница донесла на него, будто он перепрыгнул какую-то высокую ограду и вышиб камнем окошко. В Трибунале доказали ему, как губителен огонь для его жизни, да, губителен. Там сунули его руку в бочку с кипящей смолой и доказали ему, что у него видения. А как могло быть иначе, – воскликнула госпожа Кнорринг, ужасно бледная, холодная, и ноты дрожали в ее руках, – как могло быть иначе, если десять дней и ночей его, восьмилетнего мальчика, допрашивали и держали в кандалах. Когда днем и ночью ноги его сжимали колодки, а руки – железные кольца. Когда ему давали пить воду с уксусом и есть – миску овсяной каши за день. Когда ему лили на голову ледяную воду и пугали, что его четвертуют.

– Так бывает, – сказал господин Смирш, опустив глаза долу. – Так всегда бывает, когда подозревают кого-то в колдовстве. В средневековье такого человека сжигали, а это еще хуже. У этого мальчика был хотя бы адвокат.

– Да, – воскликнула госпожа Кнорринг, – был. Он тоже опротестовал приговор и просил о помиловании. Но Раппельшлунд отклонил прошение. Как и во всех других делах Государственного трибунала, так и в деле этого маленького мальчика он отклонил прошение о помиловании, и еще удивительно, что не покарал адвоката. Детский возраст и сиротство, сказал он, не причина для прощения того, кто общается с дьяволом. Он приказал беднягу четвертовать, запретил дать ему наркотик и на неделю улетел на Луну. Господин Смирш, – воскликнула госпожа Кнорринг, – сказанное вами я никогда не возьму на свою совесть.

– Исключено, господин, – сказала у буфета и госпожа Моосгабр, – с этими мальчиками все выяснено. Айхен вовсе не провалился сквозь землю, а спрятался в дупле дерева, он даже указал мне это место. И с белкой не разговаривал, а звал ее, как зовут кур. И Линпек устраивает костерки в поле на каникулах, дети всегда это делают, а то, что он летает, ему просто снится. На самом деле он не летает, разве что катается в лифте. А сын вдовца, господина оптовика, – госпожа Моосгабр покачала головой и посмотрела на пирожки и на всякие другие вещи на буфете, – не слушается, озорничает, мучает всех, наверное, его ждет спецшкола, исправительный дом, он может стать чернорабочим, поденщиком и отца огорчить, но чтобы общаться с дьяволом – это нет. Ведь эти тайные науки уже изучают в школах, а длинные волосы бывают даже у министров.

– Ну хорошо, – сказал вдруг господин Смирш, – я мог ошибиться. Может, я так не думал. Вы, госпожа Моосгабр, идете туда завтра, – сказал он и посмотрел на буфет, где были пирожки и всякие другие вещи...

Долгое время в кухне стояла тишина. Госпожа Фабер опять сидела прямая и холодная, на ее лице не дрожал ни один мускул, и смотрела куда-то перед собой на дверь комнаты. Штайнхёгеры были уже поспокойнее, но то беспокойство, с которым они сюда пришли, в них все-таки оставалось, а привратница уже не была такой бледной. Как и господин Ландл.

– Невыносимо, – сказала после долгого молчания госпожа Кнорринг, – в самом деле чудовищно. У меня всякие странные предчувствия, и я боюсь встретить завтрашний день. Это как-то уж чересчур. Тогда, когда маленького Наполеона Сталлрука четвертовали на площади у Трибунала, отлетели три звездолета на Луну, помню, как их красные и зеленые огни над городом вспороли небо. В кафедральном соборе святого Квидо Фонтголландского сам архиепископ-кардинал отслужил заупокойную мессу. Тогдашний министр полиции Гох, если вы еще помните, в знак протеста подал в отставку. Что это у вас, госпожа Моосгабр, за цветная коробочка на буфете? – Госпожа Кнорринг вдруг перевела взгляд на госпожу Моосгабр у буфета, которая там снова накладывала на тесто творог, изюм и миндаль, а потом посыпала

сахаром. – Что это?

– Что, – сказала вдруг резко госпожа Моосгабр, – что?!

– Вон та цветная коробочка, – указала госпожа Кнорринг на буфет, – та с черно-желтой полосой и с красной надписью. Случайно, не череп ли там со скрещенными костями под надписью, или... я что-то плохо вижу.

– Пустое, – сказала госпожа Моосгабр сухо, – коробочка просто так стоит, у меня тут мало места. Тут ваниль, изюм, миндаль, а тут молоко, масло, сахар, не знаю, куда даже поставить ее, порошок для мойки окон... Ну что ж, – сказала госпожа Моосгабр, – подложу полешек в плиту и начну печь.

– А мы пойдем, – сказала госпожа Кнорринг и прижала ноты к груди, – пойдем. – И она встала со стула.

Встали со стула и господин Смирш и господин Ландл, встали Штайнхёгеры и, наконец, госпожа Фабер.

– «Dies irae», пожалуй, самое трудное из всего «Реквиема», – стоя с гордо вскинутой головой, сказала госпожа Кнорринг и на мгновение открыла ноты. – А что, теперь дирижеру мсье Скароне кажется, что валторны звучат мощно? Мсье Скароне теперь правильно чувствует фортиссимо? – обратилась она к господину Ландлу, и господин Ландл кивнул.

– Ему так кажется, – сказал господин Смирш, – мы делаем, что можем. Чтобы все было правильно, красиво, приятно. Чтобы звучало возвышенно, достойно и чисто.

– Они звучат так, – сказал господин Ландл, – что все грохочет. Грохочет так, что в глазах стоят сплошные всполохи.

– Это о конце света и о Судном дне? – спросила госпожа Моосгабр задумчиво и обтерла руки о фартук. – Этот ужас в конце?

– Да, этот ужас в конце, Судный день, – кивнула госпожа Кнорринг и закрыла ноты.

– А когда будет, мадам, премьеры? – беспокойно и удрученно спросил господин Штайнхёгер, и госпожа Штайнхёгер прошептала:

– Когда будет премьеры?

– Это пока неизвестно, – сказала госпожа Кнорринг, – пока это в звездах. Но возможно, это будет раньше, чем мы думаем. Пойдемте через перекресток, – сказала она господину Ландлу, – я хочу посмотреть, что делается на улицах.

Когда госпожа Кнорринг ушла вместе с господами Смиршем и Ландлом, ушли Штайнхёгеры и госпожа Фабер, и в кухне с госпожой Моосгабр осталась одна привратница, часы у печи пробили пять. Привратница посмотрела на печь, на стол, на буфет и сказала:

– Ну, я тоже пойду, госпожа Моосгабр, вам еще печь. Это правда было ужасно. Трудно поверить. А на вид этот человек выглядел совершенно нормальным. – И потом добавила: – Значит, завтра, госпожа Моосгабр, обязательно наденьте шубу. И возьмите все, что к ней полагается. Завтра вы приступаете к работе и к тому же завтра – государственный праздник. Вы действительно все сделаете сами?

– Сама, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на буфет, – право, сама. Но я хотела бы вам кое о чем напомнить. – И когда привратница Кральц кивнула, госпожа Моосгабр сказала: – Напомнить о тех двух флагах, что у меня в шкафу в коридоре. Они ваши, и шест ваш, они просто у меня на хранении. И знаете ли вы, что второй флаг – запасной, на тот случай, если с первым что случится?

– Что вы, госпожа Моосгабр, – засмеялась привратница и схватилась за шею, – что вы, конечно, я знаю. И знаю, что они в полном порядке.

– Да-да, – госпожа Моосгабр слегка улыбнулась, – но вы не знаете, что я еще хочу сказать. Я хотела бы один черный флаг взять завтра с собой...

Привратница вышла из квартиры госпожи Моосгабр, когда часы у печи снова начали бить, но это вовсе не значило, что прошло много времени, – часы у печи отбивали каждую четверть часа. Привратница вышла из квартиры госпожи Моосгабр в том же виде, что и пришла: в короткой ситцевой юбке, с оголенной шеей, но все-таки немного другая – она очень смеялась.

– Сгораю от любопытства, – засмеялась она в проезде у бочки с известкой и схватилась за шею, – когда придете завтра вечером или послезавтра утром, вы должны будете, госпожа Моосгабр, рассказать мне, как вам было на вилле вдовца, что за птица эта экономка, и каков этот Оберон, и как вы накрывали стол. А что до флага – не ломайте себе голову!

И прошел вечер, прошла ночь, и настало утро. Утро последнего дня октября месяца, день государственного праздника – тезоименитства вдовствующей княгини правительницы Августы. Через два дня – Душички.

Что делала госпожа Моосгабр в это утро – неизвестно. Должно быть, варила что-то к обеду, может, немного кукурузной каши. Может, опять проверяла мышеловки в кухне за диваном, буфетом и печью, а также мышеловки в коридоре, кладовой и комнате, хотя всего этого каждое утро не делала. Может, вынесла мышей в урну, стоявшую под лестницей неподалеку от ее кухонного матового окна, если, конечно, кой-какие мышки за ночь попались, а потом положила в мышеловки новые куски сала, хотя и этого каждое утро регулярно не делала. Может, она вообще ничего такого сегодня не делала. Несомненно, пожалуй, одно: госпожа Наталия Моосгабр после обеда хорошо убрала квартиру – кухню, комнату, коридор – и стала готовиться к работе у Оберона Фелсаха, сына оптовика, готовиться к работе и ужину в Фелсаховой вилле.

Поскольку вилла Фелсаха была в районе Блауэнталя, не очень далеко от трех убогих улиц, где стоял старый обветшалый дом, госпоже Моосгабр не пришлось идти на перекресток к торговому дому «Подсолнечник» и переходить по белым полосам на асфальте, не пришлось сворачивать в большие многолюдные улицы города, и, разумеется, она не сворачивала и не заходила, не заходила и не сворачивала, а шла к оптовику тем же путем, что и в первый раз. И потому даже не знала, что происходит сейчас после обеда на этих больших многолюдных улицах города. Здесь по дороге от трех убогих улиц к вилле оптовика она проходила мимо небольших группок людей, празднично одетых, поспешавших к центру города, людей молчаливых и тихих или шумных и оживленно толкующих... и госпожа Моосгабр отлично знала, что все эти проходившие мимо люди, молчаливые и тихие или шумные и оживленно толкующие, таращат на нее глаза, пялятся, оборачиваются, поворачиваются, она чувствовала взгляды этих людей спереди, сбоку, сзади и знала, почему они смотрят. Из большой темно-коричневой гривы черно-коричневой шубы выглядывала шляпа со старой лиловой лентой, широкими полями и разноцветными – зелеными и красными – перьями, которые колыхались и дрожали, а щеки, утопавшие в гриве, были красно-белые, а рот и брови накрашенные. Но сейчас у госпожи Моосгабр были еще и заняты руки. В белых перчатках она несла какие-то странные вещи. Несла большую черную сумку, в которой обычно носила на кладбище тряпки, метелку, лейку, а по весне и тятку, и в ней была уйма вещей. И еще она несла какой-то большой белый сверток, перевязанный уже знакомой веревкой... Когда наконец она очутилась в районе вилл, у калитки оптовика Фелсаха на улице У колодца, шесть и ступила на широкую мощеную дорожку, что вела вдоль опустелого осеннего сада к парадному с двумя колоннами, било пять часов пополудни. Бой часов доносился до нее с недалекой костельной башни. Дверь открыла ей какая-то старая женщина. И уже в дверях очень испугалась.

На пороге зала, где горел свет, старая женщина назвала свое имя.

Госпожа Моосгабр положила большую черную набитую сумку и сверток на ковер и стала расстегивать шубу, не расслышав даже, что сказала ей старая женщина. Она лишь поняла, что это, видимо, экономка, потому что на ней был белый кружевной фартук и белый кружевной чепец. Госпожа Моосгабр не успела до конца расстегнуть шубу – шея все еще утопала в большой темно-коричневой гриве, хотя руки, разведенные в стороны, уже понемногу высвобождались из рукавов, – как вдруг увидела перед собой мальчика.

У мальчика были длинные черные волосы и черные глаза, он был в темном костюме, а не в черном плаще – все-таки сидел дома, в зале виллы. Он смотрел на большую темно-коричневую

гриву, на зеленые и красные перья на шляпе, которые колыхались и дрожали в этой гриве, смотрел на коричнево-черные полосы шубы, на бело-красные щеки, на крашенные губы и брови, а также на большую черную набитую сумку и сверток на ковре, потом смотрел и на... но это уже когда госпожа Моосгабр совсем сняла шубу и передала ее в руки экономки, когда открылись красные подвески на длинных блестящих проволоках, а на кофте, под шеей, цветные бамбуковые бусы. Он смотрел на госпожу Моосгабр и молчал, а госпожа Моосгабр смотрела на него и тоже молчала. Экономка повесила шубу на вешалку и проговорила:

– Госпожа, – проговорила она дрожащим голосом, и госпожа Моосгабр не знала, то ли дрожит он от старости, то ли от страха или забот, – госпожа, куда мне поставить сумку и сверток?

Госпожа Моосгабр закивала головой – и перья на шляпе затрепетали еще сильнее, потому что, как и в прошлый раз, шляпы она не сняла, – и сказала:

– Пока никуда. Пока не трогайте. Пока поставьте все где-нибудь у стены. – И только теперь она слегка улыбнулась и посмотрела на мальчика.

«Так это он, – подумала она, – наконец-то я его вижу. Теперь он не посмеет никуда убежать – ни в город, ни даже в сад, я буду его караулить, а главное, ему нельзя... – подумала она сейчас впервые, – убежать до ужина...»

– Значит, это сын господина оптовика Фелсаха, – сказала она вслух.

– Госпожа, покажу вам сначала, – проговорил мальчик Оберон Фелсах, и его голос был твердый, спокойный, – покажу вам сначала несколько окон здесь, на первом этаже. Вам надо посмотреть украшения. Окуривать будем только перед ужином, когда придут господа.

– Господин Оберон имеет в виду студентов, – сказала старая экономка испуганно, и госпожа Моосгабр кивнула.

– Взгляну на окна, – сказала она.

– Я пойду на кухню, – сказала экономка испуганно, – приготовлю еду. А пока предложу госпоже кофе с пирожными. Сбегаю за ними в погреб...

Экономка поклонилась и пошла к мраморной лестнице. Там повернула к темным полированным дверям и вошла в одну из них. Госпожа Моосгабр заметила теперь, что это действительно старая экономка, маленькая, слабая, хрупкая, и подумала: «Неудивительно, что она не справляется с мальчиком. Неудивительно, что он может убежать от нее. Но от меня он не убежит, во всяком случае, до ужина...» И она, кивнув Оберону, пошла вслед за ним.

Он сперва подвел ее к окну зала, что было рядом с парчовым диваном и такими же креслами. Он откинул длинную розовую занавесь в красных портьерах и показал окно. Он показал окно, и тут госпожа Моосгабр заметила и его ногти. Они были действительно длинные, особенно на мизинцах – на них они аж загибались... За окном госпожа Моосгабр увидела бокал красного вина, тарелку с двумя пирогами, вазу с тремя прекрасными тюльпанами и три свечи.

– Зажжем их, когда совсем стемнеет, – сказал Оберон, – а теперь посмотрим на окно в столовой. – И мальчик опять закрыл окно занавесью и через зал прошел к большим стеклянным задвижным дверям.

Госпожа Моосгабр в шляпе с разноцветными перьями, в подвесках, бусах и белых перчатках пошла вслед за ним, слегка придерживая при этом свою черную блестящую праздничную юбку. Она посмотрела на фонтан посреди зала – из его расщепленного стебля вода была обратно в бассейн, – посмотрела на картины в золотых рамах на стене и на горевшие хрустальные люстры, посмотрела на скульптуры с красными светильниками у лестницы. Но Оберон Фелсах уже раскрыв большие задвижные двери матового стекла и вошел в столовую.

В столовой стоял темный стол с шестью красными креслами. Стол не был покрыт, и по борозде на его столешнице можно было догадаться, что он раскладной. У одной стены стоял

длинный низкий сервант, на нем – несколько ваз с гиацинтами. У другой стены стояли три небольших подсобных столика. На стенах были две большие темные картины в золотых рамах – натюрморты с фазанами, фруктами и вином. За креслом, которое стояло во главе стола против широких стеклянных дверей, было окно, которое задергивалось тяжелым темно-синим бархатом. Оберон Фелсах подошел к этому окну, откинул легкую розовую занавесь и открыл его.

– Здесь, как видите, – он указал рукой, на которой опять мелькнули длинные ногти, – еще одно окно. Взгляните.

Госпожа Моосгабр увидела за окном три свечи, три бокала с красным вином, блюдо пирогов и три вазы. В одной были тюльпаны, в другой гиацинты, в третьей – букет каких-то белых цветов... – Я и здесь зажгу, – сказал Оберон Фелсах и показал на свечи, – когда совсем стемнеет. Нравятся вам наши окна?

– Нравятся, – глядя на белые цветы, кивнула госпожа Моосгабр, и перья на шляпе затрепетали, – что за прекрасные белые цветы, я знаю их, откуда они...

– Из кооперативной лавки, – засмеялся мальчик, – от Элизабет Вердун, взгляните...

В широких дверях столовой появилась старая экономка в белом кружевном фартуке и в кружевном чепце. В руке она держала поднос, на нем – чашку, кофейник, сахарницу и пирожные.

– Куда госпожа изволит, чтобы я подала? – спросила она боязливо. – Госпоже накрыть здесь или в зале?

– В зале, – кивнула госпожа Моосгабр, и все вернулись в зал.

Экономка поставила поднос на столик, налила в чашку кофе, и госпожа Моосгабр, поблагодарив, села в кресло. Она вспомнила, что это тот же столик и те же парчовые кресла, где неделю назад она сидела с оптовиком. Оберон Фелсах сел в кресло напротив нее.

– Вот сахарница, – сказала экономка и указала еще на золотые щипчики, лежавшие рядом, – пусть госпожа угощается. А вот... – экономка вынула из кружевного кармана какую-то блестящую вещь, – вот звонок. Если госпоже что-то понадобится, пусть позвонит, и я тотчас приду. – Экономка поклонилась и опять направилась к лестнице, к темным полированным дверям. Госпожа Моосгабр заметила, что кроме кружевного фартука и белого кружевного чепца на ней длинное, темное, очень красивое платье.

– Госпожа экономка, – сказала госпожа Моосгабр Оберону Фелсаху в кресле напротив, – госпожа экономка пошла в кухню. Она даже там слышит звонок?

– Она слышит повсюду, – улыбнулся Оберон Фелсах, глядя на бусы, на подвески и на шляпу госпожи Моосгабр, – и в погребе слышит... Кто с ней вступает в контакт, может узнать от нее много вещей, она медиум. Но об этом почти никто не знает, возможно, даже она сама, и я с ней мало работаю. У меня есть лучшие источники, – сказал он и странно улыбнулся. Госпожа Моосгабр, глядя на него, только сейчас заметила, что он довольно бледный. Его отец-оптовик был намного смуглее. Возможно, однако, бледность лица мальчика подчеркивали длинные черные волосы и глаза, пожалуй, и его темный костюм.

– Меди...? – спросила госпожа Моосгабр, и мальчик сказал:

– Медиум. – А потом кивнул к стене и со странной улыбкой спросил: – Что, собственно, у вас, госпожа, в этой большой черной сумке и в этом свертке?

– Там разное, – сказала госпожа Моосгабр, спокойно глядя в его бледное лицо, – кое-что к ужину. И пирожки там. Хорошие. Я положила в них ваниль, изюм, миндаль... и творог там. Пекла их целый вчерашний день, я люблю печь. Будут кстати... после ужина, – сказала она спокойно, глядя в его бледное лицо, – вам понравятся.

– Угощайтесь, пожалуйста, – кивнул Оберон Фелсах и указал на поднос. Госпожа Моосгабр

поблагодарила; держа щипчики белой перчаткой, потянулась к сахарнице и положила кусочек сахара в чашку. Потом ложечкой размешала и осторожно отпила. – Когда вы сюда шли, – сказал Оберон Фелсах с некоторым любопытством, хотя, возможно, это просто показалось, – вы встретили людей? Вы видели группки, шествия, толпы...

– Когда я шла к вам, – госпожа Моосгабр слегка обеспокоилась, но не показала виду, – я встретила только одну группку. Люди все больше сидят по домам, не выходят... Слыхала я, – сказала она быстро, стараясь отвлечь внимание мальчика, – что уроки вы не учите, так как все знаете. Но что вы вообще учите в школе?

– Какой предмет вы имеете в виду? – сказал Оберон Фелсах и удобно развалился в кресле. – Географию, математику, историю...

– Так, вообще, – сказала госпожа Моосгабр, – самое главное.

– Ну, например, к государственному празднику мы учим о председателе, – сказал мальчик. – О нем и о вдовствующей княгине правительнице Августе. – И госпожа Моосгабр кивнула, потянулась рукой к бамбуковым бусам на шее и стала слушать. – Альбин Раппельшлунд, – начал Оберон Фелсах и еще удобнее развалился в кресле, – Альбин Раппельшлунд пришел к власти пятьдесят лет назад, когда был произведен в генералы и раскрыл предателей у трона. С тех пор он властвует как единственный и верховный вместе с вдовствующей княгиней правительницей Августой. Из его подвигов самые главные, например, следующие: в одной короткой войне он разгромил соседа... он установил порядок, дал всем людям работу, после войны он основал Музей мира, в котором самая большая и самая редкая коллекция оружия. За городом в районе «Стадиона» он построил большой звездодром, который носит его имя, на Луне у кратера Эйнштейн он достраивает новую современную тюрьму на пятьсот человек, которые недостойны ходить по Земле... он и сам пять раз участвовал в полете на Луну. И ни разу при посадке кровь у него не становилась тяжелой. – Оберон Фелсах на мгновение умолк и лишь странно улыбался. Госпожа Моосгабр смотрела на него и только теперь осознала, что он, наверное, в самом деле очень умный. – Этот отрывок об Альбине Раппельшлунде мы должны выучить в школе обязательно. Кто хочет иметь хорошую отметку, должен уметь прочесть его без запинки и точно, таков приказ. Кто совсем не будет его знать, того могут вызвать на допрос. Нам обязательно надо это учить, – улыбнулся Оберон Фелсах, – а в младших классах учат о том, как он был кожевенником, официантом, солдатом, протестантским священником. А теперь я вам расскажу, что мы учим в нашем классе о княгине.

Оберон Фелсах снова удобно отвалился на спинку кресла, и госпожа Моосгабр осознала теперь, что он действительно говорит как взрослый человек, даже, пожалуй, как писатель, и что он, наверное, в самом деле очень умный. Она осторожно отпила кофе и кивнула.

– Княгиня Августа, – сказал Оберон Фелсах, – родилась единственной наследницей трона от отца Карла Наполеона, принца из Саас-Беер, и от матери Анны-Марии, княгини тальской, названной Блаженной. Детство и юность она провела отчасти здесь, в столице, отчасти в загородных замках, в наследственных имениях тальских. После смерти своей матери Анны-Марии, названной Блаженной и умершей в возрасте ста лет, она взошла на престол. Тогда ей было пятнадцать. С тех пор она правит. Но как только были раскрыты предатели у трона, то есть спустя пять лет, вдовствующая княгиня Августа властвует вместе с Альбином Раппельшлундом как единственная и верховная правительница. А почему она вдовствующая? Да потому, что в двадцать лет она вышла замуж, но муж ее вскоре умер, умер через несколько недель после свадьбы. Он был внучатым племянником Карла Наполеона и погребен в княжеском дворце. Конечно, – сказал Оберон Фелсах минутой позже, стукнув длинным ногтем о подлокотник кресла, – конечно, это все, что я вам рассказал по учебнику, – враки. Княгиня не властвует. Если раз-другой за эти пятьдесят лет Раппельшлунд и показал людям княгиню с балкона, то это был

муляж.

– Муля... – госпожа Моосгабр вскинула подкрашенные глаза и затрясла головой, – муля...? А что такое «муля»?

– Муляж – это мертвая подделка. Муляж – это искусственная вещь, – сказал Оберон Фелсах, глядя в лицо госпожи Моосгабр, – муляж – это просто-напросто обман. Такой муляж может стоять на балконе, может сидеть на троне, может быть снят в кино и изображен на официальных портретах. В магии это называется субститут, заменитель. Уже долгие годы ходят слухи, – Оберон Фелсах поглядел теперь на фонтан посреди зала, – что Раппельшлунд умертвил княгиню или держит ее в заключении в замке. Но правда другая, и об этом тоже говорят: княгиня жива и где-то скрывается. Думаю, – Оберон Фелсах посмотрел на разноцветное оперенье на шляпе госпожи Моосгабр, – думаю, что теперь полиция твердо знает, где княгиня. В прошлые годы полиция наводила справки у разных людей: у тех, кто когда-то знал ее или хотя бы раз в жизни видел, или у тех, кто когда-либо в прошлом перемолвился с ней словом. В прошлые годы полиция разыскивала ее постоянно.

– А теперь, значит, разыскала?.. – вскинула глаза госпожа Моосгабр.

– Разыскала, – улыбнулся Оберон Фелсах, – в самом деле, теперь полиция уже знает, где княгиня. Предположим, что именно сейчас она в Кошачьем замке.

– В Кошачьем замке в предгорье Черного леса, – изумилась госпожа Моосгабр, – в Кошачьем замке? Разве там она когда-нибудь была?

– Несомненно, – кивнул Оберон Фелсах спокойно, – и теперь она, возможно, тоже там. Возможно, именно сейчас в этом замке она жарит шампиньоны и вяжет кружево.

– А ваша экономка готовит ужин? – изумленно спросила госпожа Моосгабр.

– Да, готовит, – кивнул Оберон Фелсах, – в кухне. Готовит фукусы и другие водоросли, шампиньоны, варит черепаховый суп и при этом бегают в погреб и трясется от страха. Жарит рыбу... – Оберон Фелсах поглядел на фонтан посреди зала, – вынимает из нее кости, в рыбе не должно оставаться ни одной косточки. На буфете на подносе у нее и нарезанное сало, – сказал он, – а вы, значит, принесли пироги...

– Пирожки, – уточнила госпожа Моосгабр и кинула взгляд к стене, где стояла ее большая черная сумка и перевязанный веревкой сверток, – я пекла их целый день. Положила ваниль, миндаль, изюм... Но я принесла и другие вещи... – госпожа Моосгабр слегка улыбнулась, – я ведь не только пеку, но умею и стол накрывать. Я хотела бы сегодня в столовой все сделать сама.

– Пожалуйста, – кивнул Оберон Фелсах, – экономка даст вам скатерть, и вы накроете.

– Я и скатерть принесла, – покачала головой госпожа Моосгабр, – и украшения принесла. Поэтому я взяла сумку и сверток. Думаю, госпожа экономка не обидится, если я сама все приготовлю и подам.

– Как вам будет угодно, – кивнул Оберон Фелсах и посмотрел на зеленые и красные перья на шляпе госпожи Моосгабр. – А почему ей обижаться? За столом вместе со студентами нас будет пятеро. Знаете, госпожа, – сказал он вдруг, – что ваши длинные перья на шляпе, зеленые и красные, тех же цветов, что и наши звездолеты? Наши звездолеты тоже светят зелеными и красными огнями.

– Возможно, – кивнула госпожа Моосгабр, и перья на шляпе затрепетали, – иногда эти звездолеты я вижу. Да и эти бусы, – госпожа Моосгабр потянулась рукой к шее, – тоже тех же цветов, что и некоторые поезда в метро, как сказала мне наша привратница. Господин отец-оптовик на Луне, значит. А вы на Луне еще не были?

– Еще нет, – покачал головой Оберон Фелсах и провел обеими руками сверху вниз по своим длинным волосам, у него и вправду были длинные ногти, особенно на мизинцах, и был он

довольно бледным, – но когда-нибудь туда отправлюсь. Хотя все, что там происходит, знаю. Слышу рассказы очевидцев, у меня много книг с иллюстрациями, мы учим про это в школе. Там довольно тоскливо.

– Но где-то у кратеров люди купаются в лаве, – сказала госпожа Моосгабр.

– Только говорится, что в лаве, – улыбнулся Оберон Фелсах, – в действительности это пыль и пепел в искусственной воде, короче говоря – грязь. Грязь, которая тает на солнце, потом чуть охлаждается, и люди купаются в ней. Этим лечат ревматизм, почки, артериосклероз, некоторые психические заболевания. Особенно те, вот ирония, – Оберон Фелсах улыбнулся, – что возникают именно там, на Луне. От ощущения оторванности, одиночества, отвергнутости... А настоящей лавы на Луне нет, – покачал он головой, – Луна – потухшая планета. Строить там курорты довольно дорого, как дорого и все остальное – все ведь должно быть под стеклом, потому что там резкий перепад температуры. Днем там почти сто градусов жары, а утром до восхода солнца – сто пятьдесят семь градусов ниже нуля.

– Там страшный мороз, – кивнула госпожа Моосгабр, – поэтому господин оптовик и продает там обогреватели.

– Обогреватели, так же как и радио, магнитофоны, лампы, телевизоры, – сказал Оберон Фелсах, – там люди по радио и телевизорам ловят земные станции... У меня здесь, – из кресла он указал на зал, хотя, очевидно, имел в виду всю виллу, – множество магнитофонов, телевизоров и радиоприемников, но все они, как правило, спрятаны в стенах. И у экономки в кухне есть скрытые радиоприемники, так что она может слушать и когда готовит.

– О том, что делается на Луне, мне говорила и привратница, – кивнула госпожа Моосгабр, – там тоже есть горы и моря?

– Горы там есть, – кивнул Оберон Фелсах, – цепи гор, целые горные хребты, есть и большие разрушенные скалы, многое – вулканического происхождения. Но вулканы там потухшие. Морей нет, потому что там нет ни дождей, ни воды, вода только искусственная. Это просто названия, когда говорят Море Дождей, Море Покоя или Море Сияния. В действительности это не моря, а огромные необозримые пустыни. Пустыни пыли, пепла и камней.

– А звери, цветы, деревья? – спросила госпожа Моосгабр и отпила немного кофе.

– Мало, – улыбнулся Оберон Фелсах, – все, что там есть, – привозное и искусственно выращенное. Некоторые страны делают там большие оросительные каналы и сажают растения. Растут там главным образом сосны и карликовые ели. Удалось сохранить там и пальмы, особенно в курортных местах у кратеров Эйнштейн, Борман, Песталоцци... есть там и кактусы, встречаются травы, но выращивать, например, гиацинты и тюльпаны там нельзя. И до сих пор не удалось вырастить фруктовые деревья. Так что в этом лунном раю, – Оберон Фелсах улыбнулся, – нет даже ни единой яблони.

– Значит, люди там не едят фруктов, – сказала госпожа Моосгабр, – а как насчет овсяной или кукурузной каши...

– Там все есть, – сказал Оберон Фелсах и пригладил свои длинные черные волосы, – там есть и фрукты, апельсины, лимоны, фиги, есть тюльпаны и гиацинты, кукуруза, овес, ячмень, хмель, там варят даже пиво. Но все это выращивается под огромными колпаками из небьющегося стекла, где поддерживается определенная температура и отсутствуют космические излучения. Иначе нельзя. Днем под открытым небом все сразу бы высохло, а ночью замерзло. Если и растут под открытым небом сосны, ели и пальмы, то днем приходится их искусственно охлаждать, а ночью согревать. Каждое дерево снабжено электрическим устройством. Там живут верблюды, ослы, крупный рогатый скот, содержатся собаки и кошки, есть там и львы... И птицы есть, павлины, куры и гуси, но все они выходят только перед заходом солнца или сразу же после восхода, когда температура еще сносная. Павлины гуляют

под пальмами или на обочине этой пустыни из пыли и пепла, ослицы прохаживаются по траве между елями... Но все это продолжается недолго. Потом все отправляются под колпаки, иначе сгорят на солнце, или замерзнут, или погибнут от радиации. Там и лошади есть.

– Значит, пиво там развозят возчики, – сказала госпожа Моосгабр и осторожно, держа чашку белой перчаткой, отпила кофе. Потом хотела еще что-то добавить, но в зал вошла экономка в кружевном фартуке и чепце. Прежде чем она успела подойти к столу, Оберон Фелсах улыбнулся и сказал:

– Там все развозят на машинах, автобусах, вертолетах или с помощью подъемных механизмов. Дороги там из жароустойчивых металлов, строить их сложно, как и дома. Везде же только пыль, растрескавшийся камень и пепел.

Экономка подошла к столу, и госпожа Моосгабр заметила, что она очень испугана. В первую минуту она не могла даже слово вымолвить.

– Что-нибудь случилось? – подняла глаза госпожа Моосгабр.

– Председатель Раппельшлунд собирается ввести чрезвычайное положение, – сказала экономка, – кажется, он его уже объявил.

– Так, – Оберон Фелсах вдруг встал с кресла, подошел к стене и нажал какую-то кнопку, – так. Свершилось. С утра этого жду, – сказал он со спокойной улыбкой на бледном лице, – с утра этого жду, жду, что сегодня что-то произойдет... и вот свершилось. – В эту минуту в стене, где было, очевидно, радио, зазвучал голос. Экономка чуть отступила, госпожа Моосгабр приподняла голову.

– ...чтобы праздник прошел достойно, – проговорил диктор и на мгновение умолк. Потом продолжал: – Люди должны быть внимательны друг к другу, соблюдать спокойствие и порядок. Необходимо освободить улицы и площади до семи часов вечера, иначе будут задействованы войска. Запрещается скапливаться и провозглашать враждебные государству лозунги. Праздник должен пройти достойно, и потому в случае необходимости войскам приказано пустить в ход оружие. Выпуск новостей окончен.

– Из этого следует, – сказал Оберон Фелсах со спокойной улыбкой и, снова нажав кнопку, выключил радио, – из этого следует, что полиция хранит молчание. Раппельшлунд призвал на помощь войска. Из этого следует, – улыбнувшись, Оберон Фелсах опять сел в кресло напротив госпожи Моосгабр, – что Раппельшлунд на полицию не рассчитывает. В последние дни он вел переговоры с министром полиции Скарцолой, и, видимо, как говорят, они окончились провалом. Мне кажется, – улыбнулся Оберон Фелсах, – в городе, да и во всей стране, действительно, что-то назревает. – И в эту минуту Оберон Фелсах очень странно посмотрел на дверь зала, а госпожа Моосгабр в эту минуту опять вспомнила, что она здесь ради того, чтобы следить за ним: лишь бы не убежал, по крайней мере до ужина! Она слегка обеспокоилась.

– Вы зажжете свечи, – сказала она быстро, – станете окуривать, придут студенты. За столом будет нас пятеро, – сказала она быстро, – и еще я хотела бы спросить вас об этих тайных науках.

Оберон Фелсах с минуту еще смотрел на дверь зала, потом отвел глаза и сказал:

– Сейчас снова включу радио. Интересно, что будут передавать.

– Хоть бы студенты пришли, – робко сказала экономка, она все еще стояла поблизости в своем кружевном фартуке и чепце, – лишь бы с ними в городе ничего не случилось.

– С ними ничего не случится, я знаю, – решительно сказал Оберон Фелсах, едва взглянув на экономку, – они придут. Вы ведь это тоже знаете. – И экономка затрясла головой в белом чепце, поклонилась и быстро ушла. А Оберон Фелсах удобно откинулся на спинку кресла, посмотрел на шляпу госпожи Моосгабр и сказал: – Что вы хотите знать об этих тайных, или же оккультных, науках? Этого всего слишком много.

– Ну, хотя бы, – госпожа Моосгабр вздохнула, – самое главное.

– Все главное, – сказал Оберон Фелсах и снова провел ладонями по своим длинным черным волосам, – мелочей не существует. Все имеет значение, все можно использовать. Существует много видов оккультных наук. Некоторые занимаются человеческим мозгом и душой, и здесь обширное поле для самых невероятных вещей, впрочем, все это применяется уже тридцать, сорок, а то и все пятьдесят лет. С помощью других можно действовать на расстоянии: прослушивать, подслушивать, этими вещами пользуются армия и полиция, но от этого можно найти и защиту. Есть и такие, благодаря которым можно наладить связь с потусторонним миром, и эти науки в полном смысле оккультные, то есть тайные, и с ними нельзя работать обычным путем. Есть еще разные способы пророчества. Пророчествуют по полету и внутренностям птиц, особенно кладбищенских ворон... – Оберон Фелсах улыбнулся, – по хрустальным шарам, но они всего лишь помогают сосредоточиться... по руке, по ладони, но это уже хиромантия. И конечно, пророчествуют по звездам.

– А можно по звездам определить судьбу? – спросила госпожа Моосгабр, и перья на ее шляпе затрепетали.

– Можно определить лишь очертания будущего, – Оберон Фелсах посмотрел на госпожу Моосгабр, и его черные глаза слегка заблестели, – «судьба» в этом случае – неудачное слово.

– Один аптекарь сказал мне, – госпожа Моосгабр снова взяла белой перчаткой чашку и немного отпила, – что верить в судьбу глупо. Будто это все равно что верить в дом или в птиц. Или в торговлю, сказал он еще. Я верю в судьбу. Что должно было случиться, то случилось...

– Именно так, – кивнул Оберон Фелсах, встал с кресла и начал прохаживаться по ковру, – судьба – это все, что уже случилось, и потому ее нельзя изменить, судьба неизменяема. Можно изменить лишь ее последствия в настоящем или будущем. Но то, что лишь должно случиться, – еще не судьба, это еще впереди, и тут возможен выбор. Судьбой становится лишь то, что случается, но не раньше. До последней минуты все можно изменить, хотя бы в допустимых пределах, поэтому я и говорю: по звездам можно определить очертания будущего. Судьба – это прошлое, но не будущее. Прошлое неизменно, будущее изменяемо. Прошлому свойственна неизменность, будущему – нет. Впрочем, это великое счастье.

– А как определить по звездам эти очертания?.. – спросила госпожа Моосгабр.

– Это сложно, – сказал Оберон Фелсах.

В эту минуту снова открылась у лестницы одна из темных дверей, и показалась экономка с большим блюдом в руках. Оберон Фелсах, который все время прохаживался мимо стола и кресел, подошел к стене и нажал кнопку. Экономка с блюдом у лестницы задрожала и тут же исчезла за дверью. А из скрытого в стене радиоприемника донесся голос:

– Председатель Альбин Раппельшлунд созвал в княжеском дворце заседание. Присутствуют и генералы. Несомненно, заявил Альбин Раппельшлунд, в провинции войскам не придется прибегать к оружию, поскольку там народ образованный, начитанный и умный. О ходе заседания мы известим наших слушателей через час. – Затем последовала секундная пауза, и снова заговорил диктор: – Сообщают, что в столице имеют место манифестации, особенно в центре города и в районах Керке, Филипова и «Стадиона». В Алжбетове и Линде манифестаций меньше, а то и совсем не наблюдается. Военный комендант города призывает граждан разойтись и оставшийся праздничный день провести достойно в своих квартирах. Джузеппе Верди, музыка из оперы «Фальстаф».

– Мне кажется, – сказал Оберон Фелсах и приглушил музыку, – это серьезно. Но у меня такое впечатление, что чрезвычайное положение как-то пробуксовывает...

И Оберон Фелсах опять довольно странно посмотрел на дверь зала... и госпожа Моосгабр, сразу это подметив, снова обеспокоилась... и сказала быстро:

– На улице уже темно, вы как, будете окуривать? Будете зажигать свечи?

– Сейчас, пожалуй, уже начну, – Оберон Фелсах оторвал глаза от двери и улыбнулся, – сейчас зажгу.

И он подошел к окну, уставленному всякими вещами, и, отогнув розовую занавесь, открыл его. Госпожа Моосгабр из кресла видела, как он вынул из кармана зажигалку, протянул руку над бокалом вина, тюльпанами и пирогами и зажег свечу.

– Вы будете еще пить? – спросил он госпожу Моосгабр, когда закрыл окно. – Пойдемте в столовую, я и там зажгу.

И госпожа Моосгабр поднялась с кресла и пошла за мальчиком к широким стеклянным дверям. При этом она опять посмотрела на картины в золотых рамах, на скульптуру с красными светильниками у лестницы, на фонтан, в котором из расщепленного стебля тихо струилась вода и двумя дугами падала обратно в бассейн. В столовой Оберон Фелсах открыл окно и, протянув руку над бокалами с вином, над блюдом с пирогами и над вазами с тюльпанами, гиацинтами и белыми цветами, зажег свечи.

– Как видите, они желтые, – сказал он, – если дать им полностью догореть, от них останутся одни комочки... На первом этаже так оно и бывает, – сказал он и, закрыв окно, задернул на нем темно-синий бархат. Потом оглядел кресла и сказал: – Раз уж мы здесь, давайте наметим, кто где сядет за ужином. Я сяду здесь, – сказал он и указал на кресло по правую сторону от почетного места за столом, – здесь сядет экономка, – указал он на левое кресло, – с этим, к сожалению, ничего не поделаешь. Студенты сядут здесь, – указал он, – один рядом со мной, другой рядом с экономкой. Вы будете сидеть здесь во главе стола, спиной к окну. За спиной у вас будет темно-синий бархат, – он указал на шторы на окне, – перед вами будут, – указал он и улыбнулся, – двери. Двери из матового стекла, которое кое-где вставляют в окна... Вы будете сидеть во главе стола как раз напротив дверей, – улыбнулся он, – потому что вы гостья.

– А могу ли я начать накрывать стол? – спросила госпожа Моосгабр.

– Есть еще время, – покачал головой Оберон Фелсах, – подождите, пока придут студенты. Потом вы начнете накрывать стол, а я с ними тем временем буду окуривать.

Госпожа Моосгабр теперь уже опять была спокойна и почти уверена, что все у нее получится, как она и рассчитывала. Оберон Фелсах, по-видимому, уже не собирался облачиться в свой черный плащ и улизнуть из дому куда-то на улицу, в сад, он лишь всякий раз, прослушав по радио новости, как-то странно смотрел на дверь зала. Госпожа Моосгабр теперь была почти уверена, что мальчик останется дома по крайней мере до ужина, и кивнула головой. И все-таки сказала:

– Я выпила бы еще немного кофе, – сказала она, – может, посидим еще в зале? Я хотела бы кое о чем спросить вас.

И Оберон Фелсах кивнул и вышел через стеклянные двери в зал.

– Моя судьба, – сказала госпожа Моосгабр, когда уже снова сидела в парчовом кресле, – моя судьба была в том, что у меня родилось двое неудачных детей.

– Пожалуй, это не так, – улыбнулся Оберон Фелсах, снова расположившись в кресле, – не может этого быть. Расскажите.

– Не может? Ну что ж, расскажу, – госпожа Моосгабр посмотрела на сахарницу, – сын был уже три раза в тюрьме, в последний раз целых три месяца, за что – по сей день не знаю, дочке, видно, тоже туда дорога. Недавно она вышла замуж за каменщика Лайбаха и уже с ним развелась. Озорничали они с малолетства, дрались, шлялись и воровали. Потом попали в спецшколу, а вышли – в исправительный дом. Дети, что попадают в исправительный дом, потом становятся чернорабочими, поденщиками... такие изведут и... отца. Я в Охране уже двадцать лет, теперь туда пришла госпожа Кнорринг...

– Сейчас Охрана переехала, – сказал Оберон Фелсах в кресле совершенно спокойно и посмотрел на госпожу Моосгабр, – бывшее здание превращено в тюрьму.

– Угу, – кивнула госпожа Моосгабр и посмотрела на звонок, – Охрана теперь в Керке. Хотели сделать тюрьму еще из приюта в одной боковой улочке, потому что там тоже решетки на окнах.

– А ваши дети, – улыбнулся Оберон Фелсах, – живут у вас?

– Нет, – покачала головой госпожа Моосгабр, – заходят иногда, а потом чинят зло. Однажды делили меж собой краденое, думаю, ограбили кого-нибудь возле кладбища у Филипова, там по ночам творятся странные вещи. Однажды пригласили меня в ресторан, а сами удрали. В другой раз спрятали у меня посылки, ворованные в метро на станции «Кладбище», а то как-то надули меня с газетами, люди камнями меня едва не закидали, осталась у меня одна веревка. А еще раз хотели спустить меня в какой-то колодец, чтобы я достала оттуда клад для них. А на днях на могилу, за которой я ухаживаю, поставили плиту с моим именем. Дочь Набуле развелась, и я совсем не уверена, что она снова захочет выйти замуж. Госпожа экономка опять идет, – сказала госпожа Моосгабр, глядя на темную дверь у лестницы.

Оберон Фелсах встал, подошел к стене и нажал кнопку.

– Боюсь, – простонала экономка в кружевном фартуке и чепце, простонала издалека, даже не подходя к столу и креслам, – боюсь, что студенты не придут. Большая демонстрация, передавали по радио.

– ...в последний раз призывает граждан разойтись, – как раз говорил голос в стене, – в ином случае будут приняты чрезвычайные меры, будет пущено в ход оружие. Необходимо, – говорил диктор, – чтобы государственный праздник, день рождения вдовствующей княгини правительницы Августы, прошел достойно, как и в прошлые годы. В провинции, где люди начитанны, образованны и умны, царит полное спокойствие. В княжеском дворце проходит заседание, ожидают появления министра полиции Скарцолы...

– Вот видите, – сказал Оберон Фелсах и улыбнулся госпоже Моосгабр, – там его еще нет. Министр полиции на заседание пока не пришел. Возможно, он сейчас в Кошачьем замке, – улыбнулся Оберон Фелсах, – в Кошачьем замке в предгорье, самолетом туда всего час. Но одно очевидно, – сказал Оберон Фелсах ясным, твердым голосом и странно посмотрел на дверь зала, – полиция хранит молчание. Полиция молчит, и между армией и ею может произойти... – он посмотрел на дверь зала, – схватка.

Экономка снова покинула зал, исчезнув за одной из темных дверей, а госпожа Моосгабр быстро кивнула и сказала:

– Вы знаете толк в этих оккультных науках. Наверное, знаете и что предсказывают звезды об этом событии? Наша привратница, – сказала госпожа Моосгабр, – этим очень интересуется.

– Звезды предсказывают странные вещи, – Оберон Фелсах выключил радио и снова сел в кресло, – звезды предсказывают потрясающие перемены. Раппельшлунд определенно знает об этом и потому призвал армию. Призвал армию, чтобы оказывать происходящему сопротивление. Я же вам сказал: все, что впереди, можно одолеть и изменить, – Оберон Фелсах улыбнулся и прошелся ладонью по длинным черным волосам, – изменить нельзя только то, что уже произошло.

– Когда дочка выходила замуж, – сказала госпожа Моосгабр и осторожно отпила еще немного кофе, – на ее свадьбу я напекла пирожков. Я пекла их целый день, положила туда ваниль, изюм и миндаль. И творог. А она схватила их и выбросила на двор лошади. И меня потом выгнала. А я, когда дети были маленькие, пела им колыбельную, и на эту свадьбу надела свое единственное праздничное платье. Длинную черную блестящую юбку, в которой я сейчас, и кофту.

– А эту шляпу, серьги, бусы вы на свадьбу не надевали? – спросил Оберон Фелсах с большим любопытством, хотя, возможно, это просто показалось, и посмотрел на госпожу Моосгабр.

– На свадьбу я их не надевала... – покачала головой госпожа Моосгабр и оглядела зал: красные светильники в руках у скульптур под лестницей, расщепленный стебель фонтана, свою большую черную сумку и завязанный веревкой сверток у стены, – на свадьбу я их не надевала. А эти студенты живут у вас давно?

– Давно, – кивнул Оберон Фелсах, – это сыновья друзей из провинции. Учатся здесь в высшей школе.

– Я тоже знала одних студентов, – сказала госпожа Моосгабр, – что покупали у моей дочери в лавке – до того, как ее оттуда выгнали, – магнифон. Они тоже жили в какой-то прекрасной вилле у одного богатого купца. Были на дочериной свадьбе. Я сидела рядом с ними.

– Наши никогда магнитофона не покупали, – сказал Оберон Фелсах, – это совершенно точно. Он им ни к чему, здесь у них радио, телевизоры и все, что душе угодно. Магнитофон у них наш.

Оберон Фелсах с минуту помолчал, глядя на госпожу Моосгабр. На ее шляпу, на разноцветные бамбуковые шары под шеей, на серьги, на красные подвески на длинных блестящих проволоках, глядел он и на ее красно-белые щеки, на крашенные губы и брови, а госпожа Моосгабр осматривала зал, особо приглядываясь к расщепленному стеблю фонтана. Потом снова потянулась белой перчаткой к чашке и снова немного отпила. За то время, что была здесь, она отпивала из чашки много раз и пока еще не доливала ее. Но она об этом не думала. В те минуты, когда Оберон Фелсах молча смотрел на нее, ей казалось, что он как-то странно улыбается. Он улыбался странно с самого начала, но теперь у госпожи Моосгабр создалось впечатление, что улыбается он еще более странно, хотя объяснить себе это она не могла. «Может, он потому так улыбается, – подумала она, – что понял, как я обеспокоилась, когда он стал смотреть на дверь. Всякий раз после новостей смотрел... может, понял, что я слежу за ним. Он и в самом деле говорит как взрослый, как писатель, но...» И вдруг госпоже Моосгабр пришла в голову совершенно новая мысль. У нее вдруг сложилось впечатление, что все слышанное об этом мальчике от госпожи Кнорринг и от его отца-оптовика никак не соответствует действительности. Никак не соответствует тому, каким он ей представляется на самом деле. Дескать, упрямый, дерзкий, нуждается в дисциплине... Госпожа Моосгабр делала вид, что не замечает его улыбки. Но мальчик наконец сказал:

– Вы, я видел, пришли в прекрасной странной шубе. Она полосатая, как тигриная шкура, а вокруг шеи огромная грива.

– Я ее редко ношу, – сказала госпожа Моосгабр быстро.

– Но сегодня вы надели ее, – сказал Оберон Фелсах, – наверное, потому, что шли к нам и что сегодня государственный праздник. А теперь послушайте... – Оберон Фелсах вдруг улыбнулся и посмотрел на дверь зала, – теперь послушайте. Теперь послушайте, – он посмотрел на дверь зала, и его черный взор над бледным лицом засверкал, – студенты уже здесь.

И только он это проговорил, как дверь зала открылась и на пороге появились два молодых человека.

Оберон Фелсах встал с кресла, его бледное лицо осветилось радостной улыбкой.

– Боже, как вы угадали, – изумилась госпожа Моосгабр.

Меж тем студенты уже вошли в зал – свои красивые плащи они не сняли, а лишь расстегнули. У них были тонкие, довольно возбужденные лица, и все-таки – госпожа Моосгабр это заметила, – все-таки они были совершенно спокойны. Вдруг у госпожи Моосгабр замерло сердце. В свете хрустальных люстр зала стоял перед ней молодой человек в темном клетчатом

пиджаке и шелковой рубашке – Лотар Баар, рядом – его друг Рольсберг. Два студента со злополучной свадьбы Набуле.

– Добрый вечер, мадам, – сказал Лотар Баар, – мы знали, что вы придете. Это мой сокурсник... Мы живем у господина Фелсаха.

И вдруг госпоже Моосгабр показалось, что они не хотят, чтобы она представилась им, ей вдруг показалось, что и они не хотят назвать свои имена, вдруг показалось, что они вообще не узнали ее и принимают за кого-то другого... «Конечно, – вспомнила она, – я выгляжу иначе, чем на той злополучной свадьбе, я выгляжу как артистка, или купчиха с Канарских островов, или как жена камердинера, и все-таки они знают, что это я, оптовик наверняка сказал им, что это я, Наталия Моосгабр из Охраны. И мальчик Оберон Фелсах, и их старая экономка знают это. Или может быть... – госпожа Моосгабр вдруг осеклась, – может быть, это все-таки не господин Баар и не господин Рольсберг...»

– Город на ногах, – сказал студент в темном клетчатом пиджаке, – на улицах и площадях видимо-невидимо народу.

– Не иначе как мятеж, – сказал его друг.

В эту минуту из двери у лестницы вышла экономка. Оберон Фелсах подошел к стене и нажал кнопку.

– Мятеж, – охнула экономка в кружевном фартуке и чепце, и голос у нее дрожал так, что она едва могла говорить.

– Давайте сядем, – сказал Оберон Фелсах и кивнул студентам и госпоже Моосгабр, приглашая их сесть. А потом повернулся к экономке и сказал: – Чему вы удивляетесь? Ведь вы сами знаете, что этого ждали. Вы же знаете и другое... – И экономка кивнула, подошла ближе и робко спросила:

– Что мне принести? Желает ли госпожа еще кофе? А молодые люди?

– Спасибо, – сказал молодой человек в темном клетчатом пиджаке, – мы подождем ужина.

– У меня еще есть кофе, – сказала госпожа Моосгабр, и ее голос теперь звучал на удивление спокойно, – и пирожные есть.

– Если господам будет что-либо угодно, прошу позвонить, – сказала экономка, – ужин будет через час. Я кончаю печь пироги.

– Зачем же, – подняла глаза госпожа Моосгабр, – я принесла свои. Я пекла их целый день, положила туда ваниль, изюм, миндаль... – Госпожа Моосгабр посмотрела на студентов в креслах, но на их темных лицах не дрогнул ни один мускул. А экономка, поклонившись, опять нырнула в темные двери кухни.

– Она еще не знает, госпожа, – сказал Оберон Фелсах, – что вы любите печь и накрывать стол. Она еще не знает, что вы сами приготовите стол. Она знает многое, но не все и редко когда доверяет себе, в этом ее недостаток. Значит, мятеж? – Он приветливо улыбнулся студентам.

– Мятеж, – сказал молодой человек в клетчатом пиджаке.

В стене звучало радио, но теперь это была сплошная музыка. Оберон Фелсах встал, немного приглушил ее и снова сел в кресло.

– Думается, – сказал юноша в клетчатом пиджаке и чуть покосился на госпожу Моосгабр, – что все началось у редакции «Расцвета». Часа два назад там собралось пять тысяч человек. Такое скопище народа было и на площади Анны-Марии Блаженной у Центрального кладбища. У статуи и у вокзала в пять часов люди пели, а Раппельшлунд, по-видимому, усмотрел в этом провокацию. Перед главными кладбищенскими воротами Раппельшлундовы бесы гнались за каким-то мальчиком, у которого было духовое ружье, но он, говорят, спрятался от них на кладбище в какой-то могиле. Со «Стадиона», Алжбетова и Керке потянулись толпы в город и собирались перед Оперой, Академией музыки и театром «Тетрабиблос». Какая-то бывшая

артистка обратилась с балкона к толпе и сказала, что пришло время играть пьесу «В тени пальмы» и свергнуть Раппельшлунда. Потом его бесы снова погнались за каким-то мальчиком-блондинчиком, потому что та женщина на балконе якобы была его мать, но мальчик спрятался в лифте. На проспекте генерала Дарлингера перед кондитерской «У расщепленного неба» толпа опрокинула военные машины, в которых был ладан, так и не поступивший в лавки. Мы идем прямо от кафедрального собора, а там собралось тысяч пять...

– Метро работает? – спросил Оберон Фелсах, и студенты кивнули.

– Метро пока работает, – кивнули они. – Но повсюду на перронах множество народу, в ресторанах тоже. Есть и солдаты.

– Стреляют? – спросил Оберон Фелсах с большим любопытством, хотя, возможно, это просто показалось.

– Стреляли, – сказал юноша в клетчатом пиджаке, – у театра «Тетрабиблос», когда там с балкона говорила та артистка и они гонялись за мальчиком, стреляли и на площади Анны-Марии Блаженной у кладбища, когда гонялись за тем первым мальчиком. В метро люди говорили, что стреляют и на площади Раппельшлунда, у «Расцвета», и перед Государственным трибуналом.

– Похоже на то, – сказал второй студент, – что люди собираются на улицах и площадях, чтобы идти к Трибуналу и княжескому дворцу, где проходит заседание. Выкрикивают лозунги против Раппельшлунда. Народ хочет видеть княгиню.

У госпожи Моосгабр создалось впечатление, что студенты, хотя они несомненно много старше, питают особое уважение к Оберону Фелсаху, сыну оптовика. Они разговаривали с ним, как со своим сверстником, и охотно отвечали на его вопросы. Госпожа Моосгабр смотрела на студентов, на Лотара Баара в темном клетчатом пиджаке и на Рольсберга и по-прежнему была не уверена, они ли это, и если да, то почему они не узнали ее. Неужели они не знают, что это она, пусть она и выглядит теперь по-другому, чем на той злополучной свадьбе, неужели не знали, что придет именно она, Наталия Моосгабр из Охраны, неужели не знали, что именно ее рекомендовала госпожа Кнорринг? Она смотрела на студентов, и ей было странно, что ни один из них не называет ее по имени. Лица у них были мягкие, приветливые, разгоряченные, но они смотрели на госпожу Моосгабр, словно видели ее впервые в жизни, – на их лицах не дрогнул ни один мускул. И Оберон Фелсах по временам опять странно улыбался. Он смотрел на студентов, смотрел на нее, госпожу Моосгабр, и улыбался. Вдруг госпожа Моосгабр опять вспомнила, что должна присматривать за мальчиком, и вдруг опять немного обеспокоилась. А ну как мальчик одумается, возьмет черный плащ и был таков. Она закивала головой и сказала:

– Господа, вы начинайте окуривать, а я пойду накрывать стол.

И теперь кивнул Оберон Фелсах. Он взял со стола звонок, позвонил раз, потом второй. Тут же из темной двери у лестницы вышла экономка в кружевном фартуке и чепце, и мальчик сказал ей:

– Мари, стол к ужину накроет госпожа, это не ваша забота. А как обстоит дело с едой?

– Фукусы и другие водоросли уже готовы, – сказала экономка, и ее голос дрожал от страха, – шампиньоны готовы, черепаховый суп тоже. Рыба дожаривается. Пироги я допекаю.

– Пироги принесла госпожа, – ответил мальчик, – она вам уже сказала.

– Я принесла еще и другие кушанья, – сказала теперь госпожа Моосгабр, – не только пироги. Но мы съедим все это только после рыбы и грибов. Чтобы заранее не насытиться...

Экономка поклонилась и снова спросила, надо ли подать что-нибудь. Студенты и Оберон Фелсах покачали головами. Госпожа Моосгабр тоже покачала головой и окинула взглядом место у стены, где стояли ее большая черная сумка и перевязанный веревкой сверток. А экономка опять поклонилась и убежала в кухню.

– Она старая, дрожит от страха, но все время убегает, – сказал Оберон Фелсах, – в кухне у нее часы, ей нужен и новый буфет. Итак, теперь начнем. Зажжем свечи на втором этаже, где они пока не горят, и начнем окуривать. Госпожа пойдет в столовую и накроет на стол.

Встали с кресел студенты, встала и госпожа Моосгабр. Она тронула белой перчаткой бусы – бамбуковые шары, посмотрела на расщепленный стебель фонтана и подошла к стене, к своей большой черной сумке и свертку.

– Окуривать начнем сверху, – сказал Оберон Фелсах, – потом здесь в зале. А под конец в столовой за ужином. А пока госпожа все приготовит, – повторил он.

И госпожа Моосгабр взяла большую черную сумку и обвязанный веревкой сверток, кивнула головой – аж перья на шляпе затрепетали – и пошла к большим стеклянным дверям. Войдя в столовую, закрыла их за собой.

* * *

Оберон Фелсах и студенты поднялись по мраморной лестнице, поднялись медленно и спокойно, как посланцы неведомого короля. На втором этаже в своей комнате студенты прежде всего сняли уже расстегнутые плащи, а затем с Обероном Фелсахом подошли к окнам и стали зажигать свечи среди бокалов с вином, пирогов и цветов. Разговаривали они мало и тихо, как принято говорить во время священных обрядов. Говорили они главным образом о том, что происходит на улицах и площадях, и, наверное, о том, что это все можно увидеть по телевизору или послушать по радио, скрытому в стенах. Сообщения о заседании в княжеском дворце по-прежнему не приходили, зато сообщили о том, что перед дворцом скопилось тридцать тысяч человек. Они-де славят вдовствующую княгиню Августу и хотят, чтобы княгиня – если жива – вышла на балкон. Радио также известило, что на дворцовый балкон, вышел военный комендант города и от имени председателя Альбина Раппельшлунда призвал всех собравшихся успокоиться. Он объявил, что княгиня жива, но в княжеском дворце ее нет.

– А раз ее здесь нет, – объявил военный комендант города с балкона, – то она не может выйти на балкон и показаться людям. Это противно здравому смыслу. Столь же бессмысленно было бы захотеть увидеть здесь антилопу, – заключил он и добавил, что княгиня отмечает свои именины в Кошачьем замке – потомственной резиденции в предгорье. – Она жарит там шампиньоны и вяжет кружево.

Затем по радио сообщили, что министр полиции Скарцола пока еще не явился на заседание.

– Возможно, он вывихнул ногу, – сказал военный комендант города.

Когда в окнах второго этажа зажгли все свечи и должны были начать окуривать, Оберон Фелсах сказал:

– Телевидение, к сожалению, не работает. Странно. Послушаем тогда спутниковую станцию. Возможно, спутниковая станция сообщит больше.

И он, подойдя к стене, повернул рычажок. И они тут же услышали со спутников сообщения о том, что происходит в их городе.

– Люди не верят генералу, что княгиня жива, не верят и в то, что она в Кошачьем замке, – передавали со спутников, – народ упорно хочет видеть княгиню, даже разговаривать с ней. Перед княжеским дворцом собралось тридцать тысяч человек.

Оберон Фелсах вышел в коридор и исчез там в небольшой двери близ лестницы. К студентам вернулся с белым полотняным мешочком. Между тем студенты подготовили разные мисочки, коробочку с древесным углем и бутылку какой-то жидкости.

В мисочках они разложили по несколько древесных угольков, подожгли их, а из мешочка насыпали ладан. Над мисочками тут же вознесся белый дым и наполнил комнату благовонием. Они вышли в коридор и подожгли угольки в других мисочках. В эту минуту спутниковая

станция объявила, что тридцать тысяч человек перед княжеским дворцом неустанно возглашают славу вдовствующей княгине правительнице Августе, хотят ее видеть и все настойчивее требуют, чтобы председатель Альбин Раппельшлунд вышел на балкон и объяснил, что с княгиней. Коридор меж тем наполнился дымом, сладким небесным ароматом, и в его облаках студенты вместе с Обероном Фелсахом вошли еще в одну комнату. Когда и там вознесся дым, Оберон Фелсах попросил всех ненадолго сесть. Все сели на диван, и в эту минуту по радио в стене сообщили, что армия берет в кольцо тридцать тысяч человек, собравшихся перед дворцом. И тут же следом раздался крик, грохот и вопли о помощи.

И посреди крика, грохота и воплей о помощи прозвучали первые угрозы.

– Началось, – кивнул Оберон Фелсах и обнял студентов за плечи, их лица были странные и необычные, – они обвиняют Раппельшлунда в убийстве. Обвиняют в том, что он давно приказал умертвить и похоронить княгиню, что княгиня мертва. Обвиняют в том, что он живьем заточил ее во дворе. Обвиняют в том, что княгине приходится тайно скрываться в течение пятидесяти лет. А что передает наше радио?.. – сказал Оберон Фелсах с очень серьезным, но спокойным видом. Он встал с дивана и повернул рычажок.

– ...все это гнусные обвинения, – вещало земное радио, – люди в городе не отдают себе отчета в том, что говорят, их обвинения взаимно исключают друг друга и лишний раз доказывают, что все это пустые сплетни. Люди в провинции умнее, начитаннее и образованнее, – вещало земное радио, – в нашей стране сплошная грамотность, в нашей стране производится самое лучшее мороженое, у нас везде киоски из стекла и пластика, и мы летаем на Луну. В нашей стране заботятся о молодых, а преступники беспощадно караются. Вдовствующая княгиня правительница Августа здорова и полна сил, – вещало радио, – и сегодня у нее именины. Она властвует как единственная и верховная правительница, вместе с председателем Альбином Раппельшлундом, с момента своего восшествия на престол пятьдесят лет назад. Сейчас она в Кошачьем замке, ест шампиньоны и вяжет кружево.

– Если, конечно, она вообще когда-нибудь всходила на престол, – сказал теперь студент в клетчатом пиджаке.

– Если она вообще когда-нибудь начинала править, – кивнул второй студент.

– Известно, что начинала, – улыбнулся Оберон Фелсах, – она носила корону, в двадцать лет вышла замуж. А сейчас не торопясь спустимся вниз.

И они с мисочками, мешочком, коробочкой древесного угля и бутылкой не торопясь, спокойно спустились в зал. Под лестницей у скульптур с красными светильниками подожгли угли в первой мисочке и стали медленно ходить по ковру вдоль стен, увешанных картинами в золотых рамах, и окон с розовыми занавесями в красных шторах... они поджигали угли и в других мисочках и при этом говорили мало и тихо... зал постепенно наполнялся дымом, сладким небесным ароматом. Они видели, что двери столовой, широкие двери из матового стекла, закрыты, а за ними горит свет. Они обошли зал и подошли к фонтану. Вода била из расщепленного стебля и дугами падала обратно в водоем, где плавали три красные рыбки. Когда они там поджигали угольки в следующей мисочке, чем-то напоминая королевских посланцев у озера, открылась темная дверь у лестницы и появилась экономка в белом кружевном фартуке и белом чепце. С минуту она стояла в двери, одурманенная ароматом, и смотрела на бассейн посреди зала, откуда возносились облачка дыма. Потом она боязливо приблизилась к бассейну и спросила:

– Я уже могу привезти еду на тележке?

– Привезите, – кивнул Оберон Фелсах, – привезите на ней черепаховый суп, фукусы и другие водоросли, шампиньоны и рыбу. Все положите на украшенные тарелки, а тарелки – на подогреватель.

– Господин Фелсах, – сказала экономка и еще ближе подошла к фонтану, – есть также омары и миноги, салат из медуз и осьминогов и жареные моллюски. Когда мне их привезти?

– Положите и это на тележку, – сказал Оберон Фелсах, – кто захочет, возьмет. Пироги не подавайте. – И Оберон Фелсах вдохнул аромат возносившегося над ним облака дыма и посмотрел на бассейн. В эту минуту туда посмотрела и экономка. И страшно закричала. В бассейне между тремя красными рыбками сновала большая черная отвратительная рыба.

Когда через минуту Оберон Фелсах и оба студента с мешочком ладана, мисочками, коробочкой угля и бутылкой открыли большие стеклянные двери столовой и хотели войти, они вдруг замерли в невообразимом изумлении.

Госпожа Моосгабр в длинной черной блестящей юбке, которую слегка придерживала белой перчаткой, в кофте, бусах, серьгах-подвесках и в шляпе с длинными разноцветными перьями стояла во главе стола у окна, задернутого темно-синим бархатом, подсобные столики были уставлены тарелками с какими-то кушаньями, а на столе...

Стол был покрыт большой черной скатертью, с одного ее края свисал к полу какой-то деревянный шест. Эта большая черная скатерть с деревянным шестом по одному краю похожа была, скорее, на флаг. На черной скатерти стояла ваза, а в ней букет старых засохших цветов. Вокруг вазы лежала старая черно-красная лента с золотой и серебряной, совершенно выцветшей надписью. Рядом стояли три бутылки вина и три – чудесного лимонада. Во главе стола на черной скатерти были два блюда с пирожками, одни – с миндалем посередке, другие – с изюмом, а в центре стола горела большая высокая кладбищенская свеча.

Когда экономка в кружевном фартуке и чепце ввозила тележку в широкие двери столовой, тарелки и приборы, черепаховый суп, фукусы и другие водоросли, шампиньоны, жареная рыба, омары, миноги, моллюски и салаты из медуз и осьминогов на тележке дрожали. Дрожали и руки у старой экономки, дрожала она вся. Госпожа Моосгабр во главе стола на фоне темно-синих бархатных штор смотрела на нее сквозь облачка дыма, которые возносились здесь над тремя мисочками на серванте и наполняли комнату сладким небесным ароматом, смотрела на нее, маленькую, ветхую, старую, сквозь сухие цветы в вазе и большую высокую зажженную свечу посреди стола. Экономка подкатила тележку к ее правой руке, туда, где рядом с ней сидел в кресле сын оптовика, и по его указанию стала подавать на стол. Сперва она поставила все перед госпожой Моосгабр во главе стола: тарелки с черепаховым супом и жареной рыбой с разными водорослями. Потом те же кушанья поставила перед Обероном Фелсахом. Потом – перед студентом в темном клетчатом пиджаке и белой рубашке, сидевшим по другую сторону сына оптовика. Потом – перед вторым студентом, сидевшим за столом напротив него, и, наконец, перед пустым креслом по левую руку госпожи Моосгабр – это место предназначалось ей, старой, ветхой, маленькой экономке. Потом она взяла с тележки тарелки с омарами, миногами, моллюсками и салатами из медуз и осьминогов и вместе с подогревателями разместила на низких подсобных столиках у стены, где уже стояли какие-то кушанья. Потом отвезла тележку в угол и села за стол по левую руку госпожи Моосгабр. Оберон Фелсах пожелал приятного аппетита, и все приступили к супу.

Госпожа Моосгабр во главе стола ела черепаховый суп осторожно, держа ложку белой перчаткой, и ее красно-белое лицо было абсолютно спокойным – на нем не вздрагивал ни один мускул. Лишь разноцветные перья трепетали на шляпе, лишь тряслись в ушах подвески на длинных проволоках, лишь временами позвякивали бусы на шее – цветные бамбуковые шары. Она ела медленно и осторожно в белых перчатках и молчала. Потом отодвинула тарелку и ложку. Тарелку и ложку отодвинул и Оберон Фелсах, и старая экономка, и оба студента. Экономка быстро, испуганно встала и собрала тарелки и ложки на тележку. Потом Оберон Фелсах начал есть рыбу и салат из фукусов и других водорослей, студенты тоже стали есть, и наконец стала есть и госпожа Моосгабр. Посреди еды Оберон Фелсах встал, подошел к стене и повернул рычажок радио. Раздался голос, но это не были новости. Голос объявил музыку.

– Мусоргский «Ночь на Лысой горе», – объявил голос, – исполняет оркестр Государственной оперы... – И в столовой раздалась музыка из «Ночи на Лысой горе». И госпожа Моосгабр во главе стола, медленно держа вилку белой перчаткой, ела рыбу, по временам брала кусочки фукуса и других водорослей и смотрела на черную скатерть, на этот запасной флаг, смотрела на два блюда с пирожками перед собой и на горящую свечу посреди стола, а временами переводила взгляд на сервант – на мисочки с ладаном, над которыми поднимался легкий сладкий дым. И она сказала:

– «Ночь на Лысой горе». Но как живут люди на Луне, когда там лишь пыль и пепел. Привратница говорит, что скверно.

– Там даже воздуха нет, – сказал Оберон Фелсах, медленно поедая рыбу, – там лишь горные кряжи, острые скалы, погасшие вулканы, как мы уже говорили, длинные, темные тени, что ложатся, когда всходит и заходит солнце, там нельзя разводить огонь... Там маленькое притяжение, и там легко летать...

Оберон Фелсах умолк на минуту, продолжая есть рыбу. Молчала и госпожа Моосгабр, молчали остальные. Лишь в стене звучала музыка из «Ночи на Лысой горе», и в мисочках

дробно потрескивал ладан. Потом госпожа Моосгабр сказала:

– Люди там живут в скафах, я слышала. Как водолазы. – И она взяла немножко водорослей.

– Да, – кивнул Оберон Фелсах и тоже взял немножко водорослей, – плохо там. На Луну постоянно падают из космоса метеориты. Миллион падающих звезд и метеоритов падает на Луну каждодневно со скоростью пятьдесят километров в секунду, это каменный дождь, способный убить любое живое существо. Поэтому люди, звери и растения живут там под огромными стеклянными колпаками, а когда появляются перед заходом или после восхода солнца под открытым небом, должны быть в скафандрах. Скафандры позволяют им дышать, защищают от жары, мороза, радиации... в скафандрах они могут выйти и днем, и ночью, так им не страшен каменный дождь. Да, они, – сказал Оберон Фелсах и посмотрел на госпожу Моосгабр, – как водолазы. – А потом, вдохнув сладкий запах ладана, возносящийся над мисочками, сказал: – Белый, черный и серый – вот цвета лунного края, за исключением немногих деревьев, кустарников и трав, что растут под открытым небом в особых условиях, повсюду лишь пыль, пепел, камни и искусственная грязь на курортах у кратеров. Это край смерти.

Госпожа Моосгабр отодвинула тарелку с рыбой и вилку и посмотрела на черную скатерть, на сухие цветы и горящую свечу.

– Это край смерти, – сказала она.

– Раппельшлунд, – сказал теперь студент в темном клетчатом пиджаке, повернувшись к месту во главе стола, и так же отодвинул тарелку и вилку, – Раппельшлунд построил там большую тюрьму.

– Для заключенных, которые недостойны ходить по Земле, – сказал и второй студент, повернувшись к месту во главе стола, – а также для тех, кто общается с дьяволом.

– Эти люди, по его мнению, уже не имеют права вернуться на Землю, – сказал Оберон Фелсах, и в его голосе было что-то злое.

В этот момент музыка в стене затихла и раздался голос диктора:

– Мы ненадолго прерываем трансляцию «Ночи на Лысой горе», – раздался голос диктора. – Подстрекаемый народ минуту назад проник в Музей мира имени Альбина Раппельшлунда и попытался уничтожить редкие коллекции оружия, которые находятся там. Однако войска очистили музей и препроводили ряд лиц в казарму, им не избежать самого строгого суда. Провинция отмечает праздник достойно и мудро, – продолжал диктор, – мы уже давно не косим косою хлеба, не ставим вручную копен, не чиним вручную колес, тележных колес, у нас есть машины. И стога в поле сегодня тоже ушли в прошлое. У нас...

Оберон Фелсах снова встал из-за стола, подошел к стене и повернул рычажок. Раздался другой голос, голос со спутников.

– Люди проникли в Музей мира Альбина Раппельшлунда, – говорил голос со спутников, – они разбили оружие, выбросили ружья, пулеметы, автоматы, ножи, сабли, кинжалы... пушки и танки уничтожили в залах. Потом подожгли музей. Музей мира имени Альбина Раппельшлунда со всеми коллекциями оружия горит. Час назад, – продолжал голос, – к тысячным толпам на площади Альбина Раппельшлунда близ редакции «Расцвета» присоединились люди из Боровицина и Филипова и, как нам только что стало известно, опрокинули памятник председателя. Тысячи голубей взлетели в вечернее небо. На звездодроме Альбина Раппельшлунда в районе «Стадиона» люди смели стелы с именем основателя, и воздушная трасса с Луной прервана. В княжеском дворце продолжается заседание, министр полиции Скарцола до сих пор не явился. И последнее сообщение, – сказал голос. – Люди окружают Государственный трибунал. Тридцать тысяч человек перед дворцом взывают к княгине и требуют, чтобы Раппельшлунд вышел на балкон.

Экономка отнесла тарелки с рыбой, с морскими водорослями и вилки на тележку в углу, и

черный стол опустел. На нем стояли только украшения и близ почетного места два блюда с пирожками. Оберон Фелсах повернул рычажок в стене, и опять раздалось земное радиовещание. Продолжала звучать «Ночь на Лысой горе»...

– Нынешний праздник княгини, – сказал Оберон Фелсах, когда снова сел за стол, – самый важный, какой когда-либо был за все время правления Раппельшлунда. Его музей горит, его статуя и стелы с его именем сметены. Люди окружают и Государственный трибунал, это чудовищное место. Раппельшлунд ввел в город войска, но полиция хранит молчание. О ходе заседания не сказали ни слова, но министр полиции до сих пор на него не явился. Мне, пожалуй, надо пойти на перекресток...

Госпожа Моосгабр во главе стола обеспокоенно посмотрела на Оберона Фелсаха. Но виду не подала. Оберон Фелсах сидел спокойно, его лицо с черными глазами, обрамленное длинными черными волосами, было бледным, но сидел он спокойно, вдыхая аромат ладана. Госпожа Моосгабр посмотрела на студентов, на молодого человека в темном клетчатом пиджаке, который, видимо, был Лотаром Бааром, на другого, который, видимо, был Рольсбергом, а потом снова уставилась на Оберона Фелсаха.

– Пойти на перекресток, – сказала она спокойно, – однако вы говорили об оккультных науках. Меня они очень интересуют, и нашу привратницу тоже, не могли бы вы еще что-нибудь рассказать?

– Как вам будет угодно, – сказал Оберон Фелсах и странно улыбнулся, – я сказал, что есть много видов оккультных наук и среди них та, что занимается мозгом и душой. Я сказал, что все это можно использовать, употребить, но хочу еще добавить – и злоупотребить. Госпожа Кнорринг, – улыбнулся Оберон Фелсах, – нам рассказывала о вашей жизни.

Оберон Фелсах умолк, и в эту минуту госпожа Моосгабр снова посмотрела на студентов. «Так, – подумала она вдруг про себя, – теперь все сказано в их присутствии. Теперь они не могут скрыть, что знают меня. Что знают меня с той злополучной свадьбы Набуле в том трактире „У фей“. Должны же они теперь признать, что это я, Наталия Моосгабр из Охраны». Но студенты смотрели на нее, сидевшую во главе стола, и их тонкие лица были совершенно спокойны. «Неужто в самом деле это не господин Баар и не господин Рольсберг?» – снова подумала госпожа Моосгабр, и вдруг ей в голову пришла одна мысль. Одна умопомрачительная мысль. Она посмотрела на студентов, улыбнулась и сказала:

– Я хотела бы вас спросить кое о чем. Спросить господ студентов. Господа, – она чуть наклонилась над черной скатертью, – не знаете ли вы о колодце здесь, в Блауэнтале, в котором лежит клад? Золото, серебро и мешок грошей? О колодце за какой-то оградой?

Студенты переглянулись через стол, через вазу сухих цветов и высокую горящую свечу и покачали головами.

– Ни о каком колодце в Блауэнтале, в котором лежит клад, мы не знаем, – сказал тот, который по виду был Рольсбергом, – здесь лишь схожее название улицы. Эта улица называется У колодца.

– Ни о каком колодце мы не знаем, – сказал студент в темном клетчатом пиджаке, который по виду был Лотаром Бааром, – в городе же водопровод.

И госпожа Моосгабр улыбнулась и кивнула, а потом, повернувшись к Оберону Фелсаху, сказала:

– Я так и думала. Дети снова надули меня. – И она опять усомнилась, действительно ли здесь сидят Лотар Баар и Рольсберг.

А потом сказала Оберону Фелсаху:

– Значит, госпожа Кнорринг вам обо мне рассказывала?

– Конечно, не все, – сказал Оберон Фелсах и повернулся к серванту – к мисочкам с

ладаном, – но у меня есть и другие сведения. Вы родились в Феттгольдинге, близ Кошачьего замка, в предгорье Черного леса. Нашу Мари, – мальчик кивнул головой в сторону экономки и странно улыбнулся, – нашу Мари это очень интересует. Расскажите нам об этом что-нибудь поподробнее, – он странно улыбнулся, – это доставит ей радость.

– Я родилась в Феттгольдинге близ Кошачьего замка, – кивнула госпожа Моосгабр, глядя на экономку, и перья на ее шляпе затрепетали, – отец работал в имениях, ладил колеса, косил косой хлеба, ставил копны. Мать хозяйничала по дому, у нас были куры, кролики, поле, на нем кукуруза, картошка, свекла, может, и капуста. С малолетства я ходила в Черный лес собирать хворост. Три раза у меня в квартире была полиция – поглядеть, как я живу, а также спросить про Везра, это мой сын, что недавно вернулся из тюрьмы... Спрашивали меня, – госпожа Моосгабр с улыбкой покачала головой, – не случилось ли что со мной в Черном лесу. Была ли я в Кошачьем замке...

– Что же случилось с вами в Черном лесу и в Кошачьем замке? – спросил Оберон Фелсах и, помедлив немного, снова провел рукой по своим длинным черным волосам, потом повернулся к маленькой, ветхой, старой экономке, которая тряслась и дрожала, потом к обоим студентам, а потом снова к госпоже Моосгабр. – Что случилось с вами в Черном лесу и в Кошачьем замке? – спросил он снова, и его голос был удивительный, особенный, а его черные глаза были устремлены куда-то на черные накрашенные брови госпожи Моосгабр. И госпожа Моосгабр посмотрела на горящую свечу на скатерти и на два блюда с пирожками перед собой и сказала:

– В Черном лесу ничего со мной не случилось. Ходили мы только на опушку, это глубокий и очень страшный лес. И в Кошачьем замке я была только два раза, один раз когда была совсем маленькая, со школой, везли нас туда на телеге, в тот раз там никого не было, и потому нас пустили в коридор, где были и оленьи рога, и другие рога, ни с кем мы там не разговаривали. Второй раз я была, когда вернулась в Феттгольдинг из города, тогда я шла в замок пешком, день туда, день обратно, спала в поле в стогу сена, а может, в амбаре с зерном, дело было летом, у меня с собой было немного кукурузы. Но в замке тогда кто-то был, и внутрь меня не пустили. Ходила я по парку и в одном окне увидела не то лесничего, не то слугу. Стоял он за шторой и видел меня, но я ни с кем там не разговаривала. Полиция, которая приходила ко мне, думала, что со мной в Черном лесу что-то приключилось и что якобы в Кошачьем замке я была много раз.

– Может, они были правы, – сказал Оберон Фелсах, все еще глядя черным взором в лицо госпожи Моосгабр, – может, вы и сами об этом не знаете.

– Могу ли я не знать, – улыбнулась госпожа Моосгабр, – память пока мне не отказывает. В Черном лесу, куда я ходила за хворостом, я ни разу не встретила ни одного зверя, львов у нас нет, они живут в пустыне и в джунглях, может, и на Луне, а у нас разве что за решеткой в клетке... Когда снова вернулась в Феттгольдинг, я ходила высаживать лесные деревца, готовила обед для детей земледельцев. Мать болела и вскоре умерла, потом и отец умер. Ни братцев, ни сестер у меня не было, из родных уже никого нет в живых, ни того дяди, ему было бы сейчас больше ста, ни двоюродного брата, ни племянника. Некоторые похоронены на кладбище в Феттгольдинге. Но этих могил... – госпожа Моосгабр посмотрела на экономку по левую руку от себя, которая еще больше тряслась и дрожала, чем минуту назад, – этих могил в Феттгольдинге давно нет. Их выкопали, и следа от них не осталось. Мои могилы на Центральном кладбище простоят еще долго. Могила Терезии Бекенмошт... – лицо госпожи Моосгабр было совсем спокойным, – простоят по меньшей мере лет тридцать. Могила Винцензы Канцер и ее сына-строителя сто лет. А могила школьного советника и его семьи – целую вечность. До скончания века, до Страшного суда. Аж до Воскресения, – сказала госпожа Моосгабр и посмотрела на черную скатерть на столе, на сухие цветы, на ленты вокруг вазы и на горящую свечу. – Я в

Воскресение не верю, даже в Бога не верю... может, только в Страшный суд... – она посмотрела на блюдо с пирожками, – он, может, и придет. Может, он и должен прийти...

– Госпожа в Бога не верит, – сказал Оберон Фелсах, обращаясь к студентам, – госпожа верит в судьбу.

В столовой воцарилась тишина. Смолкла в стене музыка из «Ночи на Лысой горе». И раздался голос.

– С заседания в княжеском дворце сообщают... – сказал голос.

– Наконец, – сказал Оберон Фелсах и встал с кресла. Встали и оба студента. А экономка рядом с госпожой Моосгабр испуганно подняла голову.

– На заседание наконец явился министр полиции Скарцола, – сказал голос. – Подстрекаемые толпы перед княжеским дворцом выкрикивали его имя и имя вдовствующей княгини правительницы Августы, обвиняли председателя Альбина Раппельшлунда как в убийстве правительницы, так и в ее заточении. Альбина Раппельшлунда называли убийцей детей, убийцей Наполеона Скаллрука – ну кому бы это пришлось по душе? Эти гнусные обвинения просто смешны. Альбин Раппельшлунд установил порядок, однажды выиграл войну с соседом, дал всем людям работу. Он основал Музей мира, построил на «Стадионе» звездодром, пять раз летал на Луну, но кровь у него ни разу не становилась тяжелой. Он владеет иностранными языками, в том числе и португальским, а на Алжбетове строит новые прекрасные дома для пятидесяти семейств... И сейчас Альбин Раппельшлунд предложил министру полиции присоединиться к армии и пустить в ход оружие. А кто оставил бы такие оскорбления безнаказанными, крот и тот возмутился бы! Министр полиции вышел на балкон, – продолжал голос, – и обратился с короткой речью к толпе. Он заявил, что полиция неопровержимо установила: вдовствующая княгиня правительница Августа не была умерщвлена и не находится в княжеском дворце в заточении, а здравствует и поныне. Таким образом, сам министр полиции опроверг гнусные обвинения подстрекаемого люда и преступную клевету на председателя. Однако тот же министр с балкона сразу заявил, что не примет предложения председателя Раппельшлунда присоединиться к армии, а, напротив, отдаст распоряжение своим подчиненным не предпринимать никаких действий для охраны убийц. Возможно ли такое? По сути дела, это неповиновение, которое подлежит судебному расследованию. Но никакие происки, – сказал диктор, – им не помогут. Провинция отмечает праздник достойно и мудро. Мы уже давно не косим косою хлеба, не ставим вручную скирды...

Оберон Фелсах повернул рычажок, и в столовой на мгновение воцарилась тишина. Над мисочками на серванте все еще возносился дым, но он явно редел. Студенты по-прежнему стояли, но были спокойны, хотя и напряжены, а старая, ветхая экономка в белом кружевном фартуке и чепце рядом с госпожой Моосгабр тряслась всем телом. Она была и вправду старая, слабая, ветхая. Потом Оберон Фелсах снова повернул рычажок, и опять заговорил диктор. Он объявил, что до следующей передачи новостей снова будет транслироваться музыка.

– У нас великолепные театры, – вещал голос, – например, драматический театр «Тетрабиблос», где ставят «Трапецию». Есть и Государственная опера. Гектор Берлиоз «Фантастическая симфония», – объявил голос.

– Это настоящий мятеж, – сказал Оберон Фелсах, – город охвачен пламенем.

И он посмотрел на студентов и на широкие открытые двери в зал. Госпожа Моосгабр перехватила взгляд Оберона Фелсах, но снова не подала виду. Она быстро кивнула и сказала:

– Да, я верю в судьбу, аптекарь сказал мне об этом. И вы тоже... – Она быстро кивнула Оберону Фелсаху и, когда Оберон Фелсах и студенты снова сели за стол, вздохнула с облегчением. И все же продолжала говорить быстро. – Когда я была маленькая, – сказала она, – не то приказчик, не то слуга, уже не помню, сказал мне, чтобы я в Бога не верила, что все равно

его нет, чтобы верила лучше в судьбу и копала свеклу, по крайней мере, она прокормит меня. Когда я была маленькая, у меня была подруга Мария... ее отец в Феттгольдинге был приказчиком, носил золотые часы и ездил в Кошачий замок. Она была из богатой семьи, жили они рядом со школой, и дети любили ее. Она вышла замуж, взяла имя мужа, но он умер спустя несколько недель после свадьбы. Потом она стала экономкой здесь, в городе, в одной богатой семье и служила там на протяжении двух поколений... Я не видела ее лет пятьдесят. Я тоже всегда хотела быть экономкой, как и она, да, собственно, и была ею. Но в той семье я кормила коз, косила траву, носила ушаты... а я хотела хозяйничать, на стол накрывать. Заболела я и ушла. И еще хотелось мне иметь киоск и торговать. Продавать ветчину, влашский салат, – госпожа Моосгабр посмотрела на подсобные столики, где стояли тарелки с едой, которую она принесла в большой черной сумке, на стол с бутылками вина и чудесного лимонада, – но и это не получилось. Копила я деньги, а Везр у меня всегда забирал их... Скоро поставим на стол вон те тарелки, – госпожа Моосгабр указала на подсобные столики, – откроем вино, лимонад. А потом дойдет черед и до пирожков, – указала она на два блюда.

– Госпожа, – сказал вдруг Оберон Фелсах и посмотрел своим черным взглядом на госпожу Моосгабр во главе стола, – вы ходили в Феттгольдинге в школу, и у вас была подруга из богатой семьи Мария, которая потом вышла замуж, взяла имя мужа и стала экономкой в одной богатой купеческой семье, где служила на протяжении двух поколений. Вы не видели ее уже пятьдесят лет. Так вот: эта экономка сидит здесь за столом по левую руку от вас.

Госпожа Моосгабр тряхнула головой и посмотрела на экономку. На старую, слабую, ветхую экономку в белом кружевном чепце и в белом кружевном фартуке, которая тряслась и дрожала. И хотя госпожа Моосгабр была сегодня очень спокойна, она все же на миг вытаращила глаза, и сердце у нее замерло.

– Мария? – вытаращила она глаза и перевела дыхание...

– Да, это я, – прошептала старая экономка, трясаясь и дрожа и едва выговаривая слова, – это я, Мария из Феттгольдинга. Мой отец был приказчик, носил золотые часы и ездил в Кошачий замок. Мы жили у школы, дети любили меня, я вышла замуж. Мой муж вскоре умер, я ношу его имя и служу экономкой в семье господина оптовика Фелсах уже второе поколение. Это я, Мария из Феттгольдинга. Но я... – экономка вдруг испуганно затряслась, обвела взглядом госпожу Моосгабр и едва выговорила, – но я... я... вас, госпожа, совсем не знаю! Я вас ни разу в жизни не видела. И в школу в Феттгольдинге вы со мной не ходили, и мы никогда не дружили. Вы, госпожа, никогда... – экономка едва выговаривала слова, так она тряслась и дрожала, – не были в Феттгольдинге...

В столовой воцарилась глубокая тишина. Глубокая, глубочайшая тишина... Только в стене звучала «Фантастическая симфония», только еще чуть потрескивал ладан в мисочках и посреди черного стола горела большая высокая свеча. Оберон Фелсах был совершенно спокоен. Спокойным казался и студент в темном клетчатом пиджаке, и второй студент тоже. Только экономка испуганно тряслась, дрожала всем телом и косилась на госпожу Моосгабр, а госпожа Моосгабр сидела на стуле, как каменная.

Наконец заговорил Оберон Фелсах.

– Да, – сказал он, – это она. Мария из Феттгольдинга. Мари, назовите свое имя. Вы уже его называли, когда вошли в зал, но госпожа Моосгабр, вероятно, не расслышала. Назовите свое имя в подтверждение правды.

– Я... – проговорила экономка и приподнялась в кресле... и госпожа Моосгабр, окаменелая, неподвижная, заметила теперь, что у экономки из-под белого кружевного чепца стекают капли пота, – я Мария Земля из Феттгольдинга. Я Мария Земля из Феттгольдинга, выданная замуж за Каприкорну. Я Мари Каприкорна.

– Мари Капри... – выдохнула госпожа Моосгабр, окаменелая, неподвижная, – Мари Капри... – и все видели, что свою окаменелость и безграничное изумление она вовсе не разыгрывает.

– Да, – сказал наконец Оберон Фелсах, – Мари Каприкорна. Мари Каприкорна. Каприкорна, – кивнул он, протянул руку к своим длинным черным волосам... и в столовой опять воцарилась глубокая тишина.

После долгой тишины, в которой лишь звучала в стене «Фантастическая симфония», в мисочках чуть потрескивал ладан и на столе горела свеча, Оберон Фелсах посмотрел на студентов: они были смертельно бледны, очень бледен был и он сам, Оберон Фелсах.

А потом музыка вдруг стихла в стене и раздался голос.

– Да здравствует председатель Альбин Раппельшлунд, – загремел голос, – да здравствует!

А потом раздался стих:

– Лети, сизый голубь, в дальние края, Альбин Раппельшлунд охраняет тебя.

А потом заговорил другой голос.

– Внимание, внимание, важное сообщение, – заговорил голос, и вдруг в стене столовой раздался неистовый крик:

– Только что в княжеском дворце арестован председатель Альбин Раппельшлунд. Он будет судим и казнен!

* * *

В конце концов за столом все пришли в себя.

Студенты были смертельно бледны, но их тонкие лица и глаза сияли каким-то чудесным восторгом. Старая ветхая экономка Мари Каприкорна тоже была смертельно бледна, тряслась и дрожала, но двигалась, как подобало двигаться живому человеку. Оберон Фелсах был бледен, хотя бледным он казался всегда, но был совершенно спокоен и улыбался. И совершенно спокойна была госпожа Наталия Моосгабр во главе стола.

В столовой по радио звучал голос, который повторял новость – один раз, второй, третий и еще и еще, – и эта новость, наверное, расходилась по всей стране и по всему свету, она, наверное, дошла и до Луны, и люди слышали ее даже там. Председатель Альбин Раппельшлунд арестован! Сегодня, тридцать первого октября, в день рождения вдовствующей княгини Августы, правительницы тальской, в двадцать часов тридцать пять минут на лестнице княжеского дворца после незадачливого заседания был арестован Альбин Раппельшлунд, который властвовал пятьдесят лет вместе с вдовствующей княгиней правительницей Августой, но в действительности правил единолично: неведомо как он низверг княгиню еще в молодости и постоянно угрожал ее жизни. Полвека она скрывалась от него, и полвека он не переставал искать ее. Он притворялся и лгал, строил тюрьмы, из которых последняя – на Луне у кратера Эйнштейн... Он не боялся казнить даже детей. По его приказанию заседал Государственный трибунал, устанавливая связь с дьяволом. По его приказанию ежегодно составлялась дьявольская грамота, куда вносились имена обреченных. Так, по его приказанию несколько лет назад был четвертован несчастный маленький Наполеон Сталлрук. По его приказанию запрещалось разыскивать княгиню и расстреливались целые семьи, заподозренные в том, что знают о месте ее пребывания и не сообщают его. В стране с его помощью правил самый худший враг человека – страх. Наконец в семьдесят пятый день рождения вдовствующей княгини правительницы Августы Альбин Раппельшлунд был арестован, когда отдал приказ армии прибегнуть к оружию. Этим он подписал себе приговор. Он был арестован и будет судим и казнен! Народ по всей стране прославляет вдовствующую княгиню Августу тальскую.

И потом в стене столовой снова раздался голос.

– Министр полиции Скарцола, – раздался голос в стене столовой, – с этой минуты

временно берет всю власть в свои руки.

И потом последовало обращение:

– Во имя того, чтобы противостоять всякому злу и в эти радостные, но роковые мгновения сохранить спокойствие, я беру в свои руки всю полицейскую, военную и административную власть в стране до той минуты, пока на престол не взойдет по воле народа законная правительница, вдовствующая княгиня Августа тальская. Я отменяю чрезвычайное положение, введенное низвергнутым деспотом, и объявляю амнистию для всех политических заключенных здесь, в стране, и на нашем мертвом спутнике. Данное распоряжение немедленно вступает в силу.

Генерал граф Лео Скарцола, министр внутренних дел.

– Что ж, поставим на стол эти тарелки, – сказала госпожа Моосгабр во главе стола и так затрясла головой, что разноцветные перья на ее шляпе затрепетали, подвески на длинных проволоках закачались, бамбуковые шары под шеей зазвякали... и прежде чем старая экономка Каприкорна успела встать, госпожа Моосгабр встала сама, подошла к подсобным столикам и в белых перчатках стала подавать на стол тарелки. Поставила тарелку перед Обероном Фелсахом, поставила перед Мари Каприкорной, поставила перед студентами, поставила перед собой. На тарелках были ветчина и влашский салат.

– А теперь выпьем вина, – сказала госпожа Моосгабр во главе стола и коснулась рукой своих разноцветных бус, – сначала вина, потом самого лучшего лимонада под названием «Лимо...». А под конец – пирожки, – сказала госпожа Моосгабр во главе стола и всем улыбнулась, – я положила туда ваниль, изюм, миндаль и пекла их целый день...

Госпожа Моосгабр во главе стола стала медленно есть ветчину и салат и понемногу отпивать из полной рюмки вино. И Оберон Фелсах взял кусок ветчины и ложку салата, то же самое взяли студенты и экономка Мари Каприкорна...

– Я всегда хотела иметь киоск и продавать именно это, – сказала госпожа Моосгабр в длинных белых перчатках, продолжая есть ветчину и влашский салат, – я никогда в жизни не ела такого, разве что однажды на своей свадьбе, тому уже пятьдесят лет. Поженили нас в ратуше на площади Анны-Мари Блаженной, тогда там большого стеклянного вокзала еще не было, стояла только маленькая часовенка. Ехали мы подземкой отсюда, из Блауэнталя, туда и обратно, в поезде сидели, но все равно пришлось держаться за поручни – на поворотах в туннелях так и швыряло из стороны в сторону, – с тех пор подземкой я ни разу больше не ездила. А однажды должна была ехать на такси... Ну а свадьба была у нас за ратушей в трактире «У золотой кареты». Того трактира давно нет, теперь там современные многоэтажки. От трактира «У золотой кареты» и кирпичика не осталось.

– Жизнь течет быстро, – сказал Оберон Фелсах, встал и подошел к мисочкам на серванте, – несколько десятков лет по сравнению с вечностью ничего не значат. В одной жизни, – Оберон Фелсах насыпал из коробочки в мисочку угольков, полил их жидкостью и поджег, – в одной жизни несколько десятков лет – немыслимо долгое время, а для вечности – ничто. Боль и радость в одной жизни, – он насыпал на угольки ладану, – боль и радость в одной жизни расплываются и исчезают в вечности как этот дым, который возносится здесь облачками.

Он договорил это и снова подсел к столу, а госпожа Моосгабр медленно ела ветчину, салат, допивала вино и думала: «Он и вправду говорит как взрослый, как писатель». А потом Оберон Фелсах вдохнул сладкий небесный аромат, странно улыбнулся и сказал:

– Однако, госпожа Моосгабр, в Феттгольдинге никаких Моосгабров никогда не было, и вы никогда не были в Феттгольдинге. Собственно... – Оберон Фелсах странно улыбнулся и снова вдохнул аромат, разносившийся с мисочек по столовой, – в Феттгольдинге были Моосгабры, муж косил на поле рожь, ставил скирды, ладил колеса, жена хлопотала по хозяйству... но у них

никогда не было детей. Сегодня это уже проверено по старым церковным записям. Никогда никто не возил вас в телеге из Феттгольдинга в Кошачий замок, когда вы ходили в Феттгольдинге в школу, потому что вы в школу никогда там не ходили. Правда лишь в том, что однажды, когда вам было лет двадцать пять, но это уже многие годы спустя после всего... вы наведались в Кошачий замок, но внутрь не вошли, даже если бы и могли, вы действительно ходили только по парку, и из окна за шторой за вами наблюдал какой-то камердинер или слуга, и потому вы быстро убежали. И еще другая правда: вы действительно за много лет до этого ходили в Черный лес, только не из Феттгольдинга, а с другой, более далекой стороны, и ходили не за хворостом. Однажды, лет в двадцать, когда вы были уже замужем, вы снова пошли в Черный лес. Вдруг с опушки леса на вас выскочил огромный, большущий зверь с густой гривой вокруг шеи – такая большая гривастая мышь. Вы ужасно испугались и бросились от нее. Поскольку она кинулась на вас с опушки, вам пришлось убежать от нее в глубь леса, все дальше и дальше, пока в одном месте она страшно не закричала на вас. Она закричала так страшно, что небо зазвенело, деревья задрожали, земля затряслась. Она крикнула: «Не верь в Бога, Бога нет, а лучше копай свою свеклу, свекла хотя бы прокормит тебя...» Это был не слуга и не приказчик, это была огромная гривастая мышь, а потом она как сквозь землю провалилась.

Госпожа Моосгабр доела ветчину, салат, допила вино. Она смотрела на черную скатерть и на горящую свечу, смотрела на сухие цветы в вазе и на ленты вокруг с выцветшей золотой и серебряной надписью, смотрела и на два блюда с пирожками, которые стояли перед ней. Смотрела на эти два блюда и молчала. На шее слегка позвякивали бусы – разноцветные бамбуковые шары, в ушах покачивались подвески на длинных проволоках, а на голове трепетали зеленые и красные перья. Но на бело-красном лице госпожи Моосгабр не вздрагивал ни один мускул. Мари Каприкорна по левую руку от нее тряслась и дрожала, и студенты, смертельно бледные и молчаливые, смотрели на место во главе стола...

– Гигантская мышь в каком-то одном месте внезапно как сквозь землю провалилась, – Оберон Фелсах снова вдохнул аромат и положил теперь на стол руки с длинными ногтями, – а было это в глубокой чаще леса, далеко вокруг ни одной живой души. Мышь вмиг исчезла, и в ту же секунду вы встретили там девушку. Вернее, увидели девушку, госпожа, увидели, как эта девушка выглядела... – сказал Фелсах и, держа руку на столе, смотрел на госпожу Моосгабр черным взором.

– Господин Оберон, – улыбнулась госпожа Моосгабр, глядя на блюда с пирожками, – этого я уже не помню. Много лет утекло. Вы сами сказали, что мне было двадцать.

– Двадцать, – кивнул Оберон Фелсах и снова вдохнул сладкий аромат, разносившийся с мисочек по столовой, – двадцать, и вы как раз вышли замуж. Не как выглядела девушка, а как она была одета – это вы помните?

В столовой воцарилась тишина. Лишь едва слышно звучала в стене музыка и в мисочках потрескивал ладан. Потом госпожа Моосгабр посмотрела на горящую свечу, над которой возносилось облачко ладана, и сказала:

– Я в толк не возьму, правда ли то, что вы говорите. Мне кажется все это сказкой, которую я когда-то читала. Это была деревенская девушка, что пришла в лес за хворостом.

Оберон Фелсах улыбнулся смертельно бледным студентам и Мари Каприкорне, у которой из-под чепца градом катился пот, и сказал:

– Деревенская девушка пришла в лес за хворостом, это очень важно. Если бы вы сказали, что это была не деревенская девушка, а девушка в кринолине, все было бы ясно. А так это... – улыбнулся Оберон Фелсах, – тем более ясно.

В этот момент музыка прекратилась и из стены опять донесся голос:

– Министр Скарцола отменил чрезвычайное положение и объявил амнистию для всех

политических заключенных. Министр Скарцола распорядился немедленно упразднить Государственный трибунал. Минуту назад были схвачены бесы арестованного деспота Раппельшлунда, на совести которых невинные жертвы. Это Конрад Мелз, Винценз Сутин, Лена Витес, Мартин Татрман и Везр Моосгабр, бывший главный охранник государственной тюрьмы. Арестована и его сестра Набуле Моосгабр, проститутка, и один каменотес, какой-то чужой человек, по некоторым данным Ауреус Бекенмошт, alias черный пес, однако сразу же после ареста он проткнул себя кинжалом. Везр Моосгабр мучил заключенных особым способом – обычно кулаком наносил удары в переносицу. Сестра и каменотес участвовали вместе с ним в дележе украденных у заключенных вещей и безнаказанно занимались мошенничеством. Полиция знала о них, но не имела возможности арестовать их, так как они числились среди бесов арестованного диктатора, однако теперь их ждет веревка так же, как и его. Они будут повешены, – объявил голос.

В столовой царила глубокая тишина. Студенты и Мари Каприкорна таращили глаза на место во главе стола. Оберон Фелсах смотрел на черную скатерть, на свою руку с длинными ногтями и спокойно вдыхал аромат столовой. А госпожа Моосгабр во главе стола смотрела на блюда с пирожками, и на ее красно-белом лице не вздрагивал ни один мускул.

– Как ужасно, – сказала она минутой позже тихо и сухо, глядя на блюда с пирожками, – как ужасно, когда у родителей дурные дети. Дети, которые попадают в спецшколу, в исправительный дом... становятся чернорабочими, поденщиками... и в конце концов... Как это ужасно и для родителей, и для детей, в конце концов такие дети изведут родителей, а их самих ждет веревка. Теперь отведаем пирожков.

Госпожа Моосгабр рукой в длинной белой перчатке придвинула к себе два блюда с пирожками и покивала головой. И Оберон Фелсах по правую ее руку и Мари Каприкорна по левую теперь ясно увидели, что пирожки двух сортов. На одном блюде пирожки были с изюмом, на другом – с миндалем.

– Возьмите сперва вы, – сказала госпожа Моосгабр Оберону Фелсаху, и на ее лице не дрогнул ни один мускул, – я пекла их целый день, положила ваниль, изюм, миндаль и много-много сахара... возьмите пирожок с миндалем. – Она подала Оберону Фелсаху блюдо пирожков с миндалем, и на лице ее не дрогнул ни один мускул... и Оберон Фелсах, не сводя взгляда с черной скатерти, взял пирожок и стал медленно есть. Госпожа Моосгабр следила, следила, как он жует и глотает, и в столовой в ту минуту опять воцарилась абсолютная тишина. Только какая-то очень тихая музыка доносилась из стены, и в мисочках потрескивал ладан, и облачка дыма возносились над столом, а под ними горела свеча. А потом пирожок взяла и госпожа Моосгабр. Взяла пирожок с изюмом... и студентам, и Мари Каприкорне, смотревшим на нее, казалось, что она улыбается. Она проглотила кусок и тут же запустила руку куда-то в карман своей длинной блестящей юбки. Вынула открывалку и подала бутылку лимонада.

– Хочу закончить, – сказал Оберон Фелсах, прожевывая пирожок с миндалем, и студентам вдруг показалось, будто он стал каким-то другим... – Жизнь длинна, но по сравнению с вечностью это одно мгновение. Вы встретили, скорее увидели, в лесу девушку, которая не была в кринолине. Это была деревенская девушка, и пришла она за хворостом. Если было бы наоборот, – Оберон Фелсах улыбнулся, не отрывая взгляда от скатерти, – все было бы ясно, сказал я. А так это, – Оберон Фелсах улыбнулся, – тем более ясно. Девушка, пришедшая в лес за хворостом, и девушка в кринолине были – вы. Только... – Оберон Фелсах после минутной тишины, в которой лишь слабо звучала музыка, потрескивал ладан и горела свеча... и он медленно ел пирожок, – только это совершенно не имеет значения. То есть ничего не изменится, если бы вы даже сказали, что за хворостом пришли вы, а в кринолине была та, другая девушка. Ибо там, в этой глубокой чаще леса, в тот момент, когда огромная гривастая мышь как

сквозь землю провалилась, вы вдруг стали сразу обеими... Речь шла не о двух девушках, о вас и о ней, а об одной, и ею были вы. Вы никогда в Феттгольдинге не были, но Марию Землю в детстве знали, любили ее, это, пожалуй, была ваша единственная подруга, хотя в жизни ни вы с нею, ни она с вами, не разговаривали... и ваш муж не был Медардом Моосгабром, возчиком на пивоварне. Ваш муж никогда не был похоронен в Дроздове под Этлихом. Возчик Медард Моосгабр не был вашим мужем, это был чужой человек, который жил у вас позднее и взял присвоенное вами имя. Вы никогда не сочетались с ним браком в ратуше, потому что вы уже тогда были вдовой и не хотели выходить замуж второй раз, вы считали это грехом. И не было у вас по мужу никакой пенсии, как не было и пенсии за возчика на пивоварне. Все эти долгие годы вы жили только на свои гроши с кладбища. Моосгабр погиб на войне и похоронен в Дроздове, он любил вас, но мужем вашим не был. А Везр и Набуле не ваши дети, вы никогда детей не имели. Они были приемными, совершенно чужими детьми, и вам это слишком дорого обошлось.

Госпожа Моосгабр с красно-белыми щеками, с накрашенными бровями и губами, с подвесками в ушах, с разноцветными бамбуковыми бусами на шее, в шляпе с длинными дрожащими перьями и в длинных белых перчатках сидела во главе стола, ела пирожок с изюмом, и лицо ее было неподвижно и спокойно. Время от времени она смотрела то на Оберона Фелсаха, доедавшего пирожок с миндалем, то на студентов, бледных и неподвижных, то на Мари Каприкорну, экономку и свою подругу с детства, которая не знала ее и никогда в жизни с ней не разговаривала... смотрела она и на горящую свечу на скатерти, над которой возносилось облачко сладкого дыма, на сухие цветы в вазе с лентами вокруг. По радио в стене теперь зазвучали голоса, славящие вдовствующую княгиню правительницу Августу, и в гул этих стотысячных голосов врывались военные марши. И вдруг к этим стотысячным голосам и военным маршам стал примешиваться колокольный звон. Но госпожа Моосгабр даже этого не слышала. Она смотрела на Оберона Фелсаха, доедавшего пирожок с миндалем, доедала и она свой с изюмом и смотрела на горящую свечу, над которой возносилось облачко ладана. И она сказала:

– Учила я в детстве один стишок.

И под звуки военных маршей и колоколов она начала читать его:

Старушка слепая из церкви бредет,
Клюкою дорожку никак не найдет.
Клюкою дорожку торить нелегко,
Упала старушка – не подымет никто.

Потом она сказала:

– Когда Везр и Набуле были маленькие, я пела им колыбельную. – И она в первый раз отпила из бутылки под названием «Лимо» и медленно под звуки военных маршей и колоколов запела:

Доброй ночи, ты спи сладко,
ангел стережет кроватку...

.....

завтра утром,
как проснешься...

А потом раздался звонок.

Мари Каприкорна вскочила с кресла и выбежала из столовой в зал. Она была старая, маленькая, ветхая и, когда бежала, тряслась, как осиновый лист. Встал и Оберон Фелсах, он медленно доедал пирожок... он был очень бледен, но спокоен, встали и студенты.

Госпожа Моосгабр во главе стола улыбнулась и спросила:

– А как я могла с этой Марией дружить, если я с ней никогда не разговаривала? Как я могла с ней дружить, если я никогда не была в Феттгольдинге? Как...

– Можно иметь друзей, – сказал Оберон Фелсах у кресла, он медленно доедал пирожок и становился все бледнее, – можно иметь друзей и при этом никогда в жизни с ними не разговаривать... Можно иметь друзей и видеть их только издали, в окно. Вы никогда не были в Феттгольдинге, но Мария Земля иногда ездила с отцом в Кошачий замок, с малолетства...

– А кто тогда был мой муж, – спросила госпожа Моосгабр во главе стола и улыбнулась, – кто он был, если Медард Моосгабр, похороненный в Дроздове под Этлихом, им не был, и где мой муж тогда похоронен?..

И Оберон Фелсах, доедая пирожок с миндалем и становясь все бледнее, сказал:

– Ваш муж умер через неделю после свадьбы, он был внучатым племянником Карла Наполеона и похоронен в княжеском дворце.

В эту минуту госпожа Моосгабр увидела в широкие раскрытые двери столовой, как в зал в сопровождении Мари Каприкорны в белом кружевном чепце и фартуке входят какие-то люди, люди в черных костюмах, цилиндрах и униформах, во главе их идет генерал с длинными седыми волосами, а рядом с ним – посланец.

Госпожа Наталия Моосгабр посмотрела на Оберона Фелсаха, который наконец доел пирожок и в своем темном платье с длинными черными волосами был уже чудовищно бледен, и спокойно сказала:

– Однажды толпа на улице хотела закидать меня камнями.

Потом сказала:

– В Кошачьем замке согласно поверьям когда-то было много-много мышей. И меня всю жизнь донимают мыши. Есть ли мыши на Луне?

И чудовищно бледный Оберон Фелсах, стоя возле кресла, улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Хоть там пыль и пепел, – кивнула госпожа Моосгабр во главе стола под звуки военных маршей вперемешку с колокольным звоном, и разноцветные перья на ее шляпе трепетали, подвески в ушах качались и бамбуковые шары на шее позвякивали, – хоть там пустыня, голые, растрескавшиеся камни, хоть это край смерти... но если там нет мышей, эта земля – обетованная. – И она проглотила последний кусок своего пирожка.

И тут все в зале встали перед широкими дверьми в столовую лицом к госпоже Моосгабр во главе стола, а посланец поклонился и сказал:

– Господин министр полиции граф Скарцола.

И генерал с длинными седыми волосами обнажил голову, глубоко поклонился и сказал:

– Ваше величество, у подъезда вас ждет золотая карета.

И по радио народ ликовал и прославлял вдовствующую правительницу княгиню Августу тальскую, и звучали военные марши и звонкие колокола... Студенты – один в темном клетчатом пиджаке, по-видимому Лотар Баар, и второй, тоже красиво одетый, по-видимому Рольсберг, стояли на коленях у обеденного стола и кресел, господ в черных костюмах, в цилиндрах и униформах стояли на коленях в зале перед широкими дверьми в столовую, а мальчик Оберон Фелсах, чудовищно бледный, с длинными черными волосами, черными глазами и длинными ногтями стоял на коленях возле студентов у обеденного стола. И где-то в углу столовой стояла на коленях одна-одинешенька Мари Каприкорна, старая, ветхая экономка в белом кружевном

фартуке и чепце, она дрожала и плакала. И госпожа Моосгабр во главе стола поднялась с кресла, положила руку в белой перчатке на черную скатерть, посмотрела на сухие цветы в вазе, на ленты с выцветшей золотой и серебряной надписью и на горящую свечу, над которой возносилось облачко ладана. Она улыбнулась, протянула руку к бутылке под названием «Лимо» и еще раз отпила. Потом указала на блюдо с пирожками, на котором были те, что с изюмом, и заявила:

– Эти, с изюмом... уничтожьте. Они отравлены.

А потом посмотрела на коленопреклоненных в столовой, на Оберона Фелсаха, чудовищно бледного, на бледных студентов и на Мари Каприкорну, несчастную и плачущую, улыбнулась и сказала:

– Одного-единственного я так и не знаю. Действительно ли это те самые студенты.

И медленно, под звуки военных маршей вперемешку с колокольным звоном, она пошла к дверям столовой – к министру полиции. Шла медленно, в туфлях без каблуков, перья на шляпе трепетали, подвески в ушах качались, бусы на шее звякали, одной рукой в белой перчатке держала черную длинную блестящую юбку... Она шла медленно-медленно и уже знала точно, до какого места дойдет. Не доходя нескольких шагов до министра и до коленопреклоненной толпы, она остановилась, улыбнулась и сказала:

– Постановляю и повелеваю – помиловать Альбина Раппельшлунда. Помиловать Везра и Набуле Моосгабр. – И она опустила руку в карман своей черной длинной блестящей юбки и подала министру какую-то старую печатку.

Потом она упала на ковер как старое, сухое, подрубленное дерево, а те, что стояли на коленях поближе, услышали ее последние тихие слова.

– И все это была моя судьба. Господи, смилуйся над моей несчастной душой.

* * *

Поздним вечером в тридцать первый день октября месяца, за два дня до праздника Душичек было объявлено, что вдовствующая правительница Августа тальская, княгиня из Саас-Беер, скончалась. Она умерла под действием яда в свой семьдесят пятый день рождения, в ту самую минуту, когда спустя полвека снова возшла на престол. Золотая карета, стоявшая перед виллой Оберона Фелсаха, отвезла во дворец лишь старую накрашенную мертвую женщину в длинной черной блестящей юбке, кофте и туфлях без каблуков... в бамбуковых бусах, подвесках в ушах и шляпе с зелеными и красными перьями, трепетавшими и сами по себе и от толчков колес на ухабах, а сверху прикрытую черно-коричневой полосатой шубой с огромной косматой гривой. На следующий день пять тысяч певцов и музыкантов исполнили «Реквием» – самый великий «Реквием», который когда-либо звучал в этой стране. Пели его в кафедральном соборе святого Квидо Фонтголландского, а заупокойную мессу служил кардинал, архиепископ тальский. Дирижировал хором и оркестром мсье Скароне, партию сопрано пела госпожа Магдалена Кнорринг из Охраны матери и ребенка, а среди инструментов звучала валторна господина Иоахима Ландла и, наверное, валторна господина Зефеуса Смирша тоже. Во время исполнения «Dies irae» храм залил поток света.

На старом обветшалом доме в Блауэнтале – как и по всему городу и по всей стране – над входом в подворотню висел на скобе черный флаг. Леса на дворе у галереи были сняты, перед дверью в квартиру госпожи Моосгабр не было ни кирпичей, ни тачки, ни бочки. Когда спустя неделю в одной из больниц Блауэнтале привратница очнулась после пережитого удара, ее первые слова были:

– Какими крепкими нервами, должно быть, обладала эта несчастная женщина, какой великой артисткой пришлось ей стать!

И привратница говорила чистую правду.

Ладислав Фукс (1923-1993) – крупнейший чешский писатель, принадлежащий к тому поколению, которое было обожжено пламенем Второй мировой войны и пережило ужасы фашистской оккупации. С первой же книги «Господин Теодор Муншток» (1963), книги о трагическом одиночестве человека, не способного действительно противостоять разбушевавшемуся злу, Фукс не только прочно вошел в число лучших прозаиков Чехии, но сразу же приобрел широкую международную славу (был издан в США, ФРГ, ГДР, Югославии, Испании, Венгрии, Франции, Польше, Румынии). Судьбы людей, загубленных фашизмом, становятся темой и его последующих книг: сборника рассказов «Мои черноволосые братья» (1964) – о безвозвратно исчезнувших в аду войны одноклассниках-евреях, романа «Вариации на темной струне» (1966) – о грозных событиях в канун Второй мировой войны, сборника рассказов «Смерть морской свинки» (1969).

Однако зло существует не только вне человека, подчас оно вселяется в людей ущербных, становясь предметом их мыслей, действий, причиной их комплексов, как в романах «Крематор» (1967) и «Дело криминального советника» (1971). В книгах этого периода персонажи Фукса окружены таинственными темными силами, вселяющими в них ощущение неизбывной тревоги, страха и безысходности. Фуксу удается нащупать основной нерв, определяющий состояние души его современника, – страх перед доходящей до абсурда жестокостью и тотальным попранием всех норм человеческого бытия.

Конфликт личности с силами зла – вот главная тема романа «Мыши Наталии Моосгабр» (1970). Написанный в жанре, восходящем к мистической европейской новелле, он продолжает чисто чешскую традицию, во многом освященную Францем Кафкой. Форма притчи, или же развернутой метафоры, дает возможность Фуксу создать образ тоталитарного государства с присущими ему деспотизмом, репрессиями, тюрьмами, пытками. Роман вобрал в себя основные приметы прозы Фукса: сочетание обыденности с фантастикой, гротеска с трагедией, реализма с абсурдом. Оставаясь в метафорическом пространстве своих негероических героев с их детским, робким, наивным взглядом на мир, Фукс постоянно соотносится с миром реальным, жестоким и беспощадным. В этом – основные корни образности его прозы.

Роман «Мыши Наталии Моосгабр» – одна из вершин творчества писателя. В последующих книгах – «Покойники на балу» (1972), «Обращение из тьмы» (1974), «Возвращение с ржаного поля» (1974) Ладислав Фукс продолжал творческие поиски, все более тяготея к конкретной общественной реальности (романы «Пастушок из долины», «Хрустальный башмачок», «Герцогиня и кухарка»).

К сожалению, ни одно из поздних произведений замечательного чешского прозаика до сих пор не известно русскому читателю.